

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН ТАТАРСТАНА
Серия “Этнополитическая история татар”

Д.М.ИСХАКОВ

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТАТАР
К ТАТАРАМ
НОВОГО ВРЕМЕНИ

(этнологический взгляд на историю
волго-уральских татар XV—XVII вв.)

Научное издание

Казань — 1998

Монография подготовлена в соответствии с исследовательским проектом АН Татарстана № 07-10/98-г (02) “Очерки этнополитической истории татар” (руководитель Р.С.Хакимов) и напечатана при финансовой поддержке членов Клуба джадидов.

Научный редактор издания: доктор исторических наук, профессор, академик АН Татарстана *Миркасим Усманов*

Рецензенты: кандидат исторических наук *Искандер Измайлов*, кандидат философских наук *Рафик Мухаметшин*

Исхаков Д. М. ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТАТАР К ТАТАРАМ НОВОГО ВРЕМЕНИ (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). — Казань: Издательство “Мастер Лайн”, 1998. — 276 с.

Монография посвящена исследованию проблемы этноистории волго-уральских татар XV—XVII вв., остающейся дискуссионной. В работе, выполненной на стыке этнологии и истории, обсуждаются такие практически не изученные в отечественной историографии вопросы, как: социальная стратификация в татарских обществах Поволжья XV—XVII вв. и ее связь с этническими процессами; административно-политическое устройство поздне-золотоордынских татарских ханств и его отношение к клановым делениям; взаимоотношения Ногайской Орды с Казанским и Касимовским ханствами и роль ногайского компонента в формировании этнического облика волго-уральских татар; значение тюрко-угорского — “иштякского” этнического наследия в сложении приуральской группы татар; отличия татарских этнических общностей XV—XVI вв. от этноса волго-уральских татар XVII в. и ряд других, более частных вопросов. На основе анализа обширного фактологического материала автор, взамен существующих “булгаристской” и “татаристской” концепций этнической эволюции татар Волго-Уральского региона, предлагает синтетическую концепцию их этноистории, лишенную крайностей имеющихся подходов и открывающую путь к серьезному, основанному на теоретической базе, изучению этноистории периода Золотой Орды. Книга рассчитана как на специалистов-этнологов, историков, так и на достаточно широкий круг читателей, интересующихся татароведением — татарской историей в самом широком смысле.

© Д. М. Исхаков, 1998.

© Отдел Свода памятников истории и культуры РТ
Института истории АНТ, 1998.

*Никакой народ не опередит
своего срока и не замедлят они (его)!
Коран, Сура 23, 45 (43)*

Введение

Проблема этнической эволюции волго-уральских татар в XV—XVII вв. остается остро дискуссионной. В литературе о характере этнической общности татар Волго-Уральского региона донационального периода высказывались две точки зрения. Согласно одной из них, волго-уральские татары не позже середины XVI в. в составе Казанского ханства сложились в единый этнос феодального типа — “народ” или “народность”.¹ Сторонники другого подхода полагают, что завершение становления “общетатарской” (иногда — “поволжско-татарской”) или “волго-уральско-татарской” народности, следует относить ко второй половине XVI — рубежу XVII вв., в крайних вариантах — к еще к более позднему времени.²

Весьма непросто разобраться в причинах существования среди исследователей столь различающихся оценок донационального этапа этнического развития волго-уральских татар. Прежде чем обратиться к их анализу, целесообразно провести краткий обзор истории формирования двух обозначенных выше научных направлений. Хочу специально оговориться: в обзоре представлены только те работы, которые носят концептуальный характер³ и ставят так или иначе задачу выделения определенных “ступеней” этнического становления волго-уральских татар в XV—XVII вв. При этом следует иметь в виду, что до середины XX в. в историографии не были представлены сколько-нибудь серьезные исследования, посвященные изучению этнической истории татар Волго-Уральского региона в XV—XVII вв. Усилия ученых ранее этого времени, в основном сосредотачивались на этногенезе татар, понимаемом как выявление их этнических компонентов.⁴

В начале 1950-х годов в научном сообществе начали возникать разногласия относительно так называемой “критической точки” — времени завершения формирования этноса волго-уральских татар. К этому времени сложилась, во многом благодаря целенаправленным усилиям идеологических стратегов из ЦК ВКП (б), а также их последователей из московских и казанских научных учреждений,⁵ следующая “официальная” (= освященная сверху) точка зрения: начало образования этноса волго-уральских татар относится к эпохе Волжской Булгарии, а завершение — к периоду Казанского ханства. Что касается золотоордынского этапа, то он был оценен как некое досадное препятствие между этими двумя историческими отрезками.⁶ Именно против такой позиции и выступил в 1951 г. М.Г.Сафаргалиев. На страницах журнала “Вопросы истории” он заявил, что формирование “татарской народности” (синоним этого понятия у него — “современные татары”, т.е. М.Г.Сафаргалиев имеет в виду именно волго-уральских татар), происходившее “путем слияния различных тюркоязычных народностей (sic!) и племен”, после образования Казанского ханства лишь

началось. Время завершения этого процесса он не уточнил.⁷ Несколько позже выяснилось, что одним из главных пунктов несогласия рассматриваемого автора с традиционной точкой зрения был вопрос о роли “выходцев из Золотой Орды” в этническом становлении татар.⁸

Через десятилетие почти одновременно со своим видением обсуждаемой проблемы выступили Ш.Ф.Мухамедьяров и Н.И.Воробьев. Первый из них, в докладе обобщающего характера, прочитанном на VIII МКАЭН в 1968 г., выделил семь этапов этногенеза и этнической истории “татарской народности”.⁹ Замечу, что под “татарской народностью” он имел в виду в основном волго-уральских татар, но в некоторых случаях это понятие выступает у него синонимом одних “казанских” татар. Последнее было связано с особенностями общей концепции Ш.Ф.Мухамедьярова. В целом, конец — вторая половина XIV в. — середина XVI в. определен им как период формирования “татарской народности” или время сложения “новой этнической общности казанских татар”. То, что исследователь говоря о татарской народности подразумевает в большей мере именно последнюю общность — казанских татар, видно из того, что Казанское ханство, которому придается доминирующее значение, выступает у него как “национальная государственность ... казанских татар”. В результате такого подхода у Ш.Ф.Мухамедьярова возникли трудности с мишарями. Назвав их “другой из основных частей татар” и указав на то, что оформление этой “группы” происходило в “иных условиях” (например, была подчеркнута решающая роль “кипчакского элемента” в ее этногенезе), он, по существу, обошел вопрос о вхождении мишарей в состав “татарской народности”.¹⁰ Далее, в схеме рассматриваемого автора был выделен отрезок с середины XVI в. по XVIII в. По мнению Ш.Ф.Мухамедьярова, на данном этапе происходило “дальнейшее развитие и расселение татар”. Попытавшись определить основное содержание указанного тут “развития”, он сформулировал тезис о том, что в XVI—XVIII вв. в составе казанских татар и мишарей происходило “окончательное сложение ... современных этнических общностей”¹¹ (выделено мной — Д.И.). Однако эта небезынтесная формулировка осталась в виде нераскрытого тезиса — похоже, сам автор идеи не совсем ясно понимал направление ее расшифровки.

Н.И.Воробьев в разделе, посвященном истории формирования “татарского народа”, написанном для монографии “Татары Среднего Поволжья и Приуралья” (1967), исходил из уже известной точки зрения: “казанские татары” постепенно консолидировались в “народ” в результате “смешения” болгар, складывавшихся в “народность” еще до начала XIII в., с “тюркоязычными переселенцами с золотоордынских земель”. Процесс “слияния” двух этнических элементов продолжался еще и в составе Казанского ханства.¹² Из этой общей схемы мишари опять выпали и их Н.И.Воробьев был вынужден рассматривать отдельно. Определив их в качестве особой “этнической группы”, он выделил два этапа становления указанной общности — дозолотоордынский и “более поздний”. Содержание последнего этапа, однако, раскрыто не было. Поэтому, вопрос об отношении “этнической группы” мишарей к “народу” (?) казанских татар остался невыясненным.¹³

В начале 1970-х годов постепенно складывается концепция А.Х.Халикова, имевшая отличия от других концептуальных подходов. Одним из суще-

ственных структурных элементов его построений была идея о том, что со второй половины XIV в. и по первую половину XV в., “были ликвидированы условия для совместного развития казанских татар и мишарей”.¹⁴ Другая идея автора заключалась в том, что в “уфимских татарах” XIV—XV вв. он видел зародыш особой народности. Но затем А.Х.Халиков от последнего мнения отказался (см. вводную часть Главы 1, Раздела II настоящего исследования), сохранив в своей концепции лишь направления, связанные с казанскими татарами и мишарями. В более поздней своей работе он пишет, что в результате начавшегося в эпоху Золотой Орды “разобшения ... некогда единой болгарской народности”, в конце XIV — начале XV вв. “в болгаро-казанской стороне продолжала практически сохраняться болгарская народность”, в условиях Казанского ханства — не позже первой половины XVI в. — сформировавшаяся в “новую народность — казанских татар”.¹⁵ Как он полагает, в XIV—XV вв. идет и процесс формирования мишарской “народности”, продолжавшийся вплоть до XVI в. включительно. Правда, по поводу мишарей он делает следующую оговорку: они “полностью оформиться в особую народность (выделено мной — Д.И.) не смогли, хотя и выработали ряд ее признаков”.¹⁶ В качестве самостоятельной группы он называет и касимовских татар, которые, как полагает А.Х.Халиков, смешались с разными тюркскими общностями, но преимущественно с казанскими татарами. Но от определения типологической принадлежности татар касимовских он воздержался.¹⁷ Из других нововведений исследователя заслуживает внимания его вывод о завершении не позже конца XVII — начала XVIII вв. процесса сложения “общетатарской народности”¹⁸ (синоним понятия “волго-уральские татары”) в результате взаимодействия в ходе миграционных процессов, указанных выше этнических формирований.

В 1970-х годах попытка выделения этапов становления татарского этноса на языковом материале была предпринята Ф.С.Фасеевым, насчитывавшем до десяти “более определенных” периодов этнолингвогенеза татар.¹⁹ Из них для меня представляет интерес позднетатарская эпоха (XVI—XVIII вв.). Согласно Ф.С.Фасееву, именно в эту эпоху сложились “народности” казанских татар, мишарей и сибирских татар, а в конце XVIII в. завершился и процесс становления “поволжско-татарского народа” (так он называет волго-уральских татар).

В 1980—1990-х годах интерес к концептуальным проблемам формирования волго-уральских татар усилился. В нескольких статьях С.Х.Алишева²⁰ время сложения “булгаро-татарской народности” (еще один синоним термина “волго-уральские татары”) в целом определяется весьма широко — с X по XVI вв., с дальнейшим его подразделением на три этапа, последний из которых, датируемый им XV—XVI вв., необходимо кратко рассмотреть. Мнение этого автора сводится к тому, что время окончательного сложения “более развитой”, по сравнению с этносом предшествующего времени, “булгаро-татарской народности” как раз надо датировать XV—XVI вв. По его представлениям, казанские татары и мишари тогда были уже всего лишь этнографическими группами в составе единой “татарской народности” (она же — “булгаро-татарская народность”).²¹

Известный этнолог Р.Г.Кузеев, рассматривая развитие этносов Волго-Уральской историко-этнографической области, недавно предложил семи-

ступенчатое деление этапов их консолидации. Развитие татар при этом, согласно данной схеме, в хронологических рамках XV—XVII вв. выглядит таким образом: XIV — середина XVI вв. — сложение казанско-татарской “феодалной народности”, у мишарей — складывание “раннефеодалной народности”; середина XVI—XVII вв. — формирование единой волжско-татарской “феодалной народности”.²²

О становлении волго-уральских татар несколько противоречивые взгляды в работах последних лет излагал Р.Г. Фахрутдинов. Вначале он писал²³, что в период Золотой Орды татары были “почти сложившейся народностью”; окончательно эта народность не успела сформироваться из-за падения указанного государства в 30—40-х годах XV в. Продолжая свою мысль, исследователь завершение сложения “татарского народа” с его “известными группами” (татары казанские, крымские, сибирские, астраханские, касимовские), отнес к периоду существования самостоятельных татарских ханств. По мнению Р.Г. Фахрутдинова, только что перечисленные подразделения являются этнографическими “группами” единого “татарского народа”. Как видно из новой статьи рассматриваемого автора,²⁴ его взгляды в последнее время претерпели определенные изменения. Заявив, что точку зрения о складывании “татарского народа” к XVI в. следует признать “устаревшей” и “неверной”, он высказался в том духе, что “татарская народность” сформировалась в составе Золотой Орды. Отсюда и его оценка мишарей как этнографической группы данной “народности”. Параллельно Р.Г. Фахрутдинову еще двое исследователей — И.Л. Измайлов и М.И. Ахметзянов, разрабатывали достаточно близкую концепцию этноистории татар. Первый из них в серии статей²⁵ высказал мнение, что “татарский народ” возник в Золотой Орде, но после ее распада разделился. Далее, группы этого, некогда единого “татарского этноса”, развивались в рамках позднезолотоордынских татарских государств, в которых происходило становление своих “этносоциальных организмов”. Последние в ряде случаев дали начало “полноценным народам”. Второй автор в нескольких своих статьях²⁶ высказался в том духе, что с созданием Золотой Орды начался процесс образования “большого тюркского этноса” — татар. В Поволжье булгары, уже до 1360-х годов переживавшие процесс “татаризации”, в результате появления в этом районе в конце XIV в. большого массива “татар” (они же — “кыпчакско-огузские племена”), к первой четверти XV в. были полностью ассимированы ими. В итоге сложился “устойчивый этнос”, известный как татары ~ногайцы (нугай).

Итак, концептуальные различия, существующие среди ученых, сосредотачиваются на двух вопросах — на определении времени завершения этногенеза волго-уральских татар и на оценке уровня их консолидированности. Если одна группа исследователей этногенетический период у волго-уральских татар доводит до середины XVI в., в экзотических вариантах — еще до более позднего времени, то другая их группа период Казанского ханства считает скорее этапом этнической истории сложившегося ранее булгарского этноса. Достаточно очевидно, что в основе этих двух подходов лежит разная оценка роли золотоордынского-тюркского (кыпчакско-ногайского) составляющего в формировании этноса волго-уральских татар: первые его считают едва ли не главным, а вторые — второстепенным. При

оценке уровня консолидированности этого этноса наблюдается более сложная картина. Ряд ученых казанских татар и мишарей до середины XVI в. признают, правда, с некоторыми вариациями, самостоятельными этносами. Однако, у сторонников рассматриваемой позиции такой вывод зиждется на несовпадающих основаниях: у одних это распад ранее единого болгарского этноса, а у других — “татарского” (золотоордынского). Но есть исследователи, которые волго-уральских татар периода Казанского ханства считают сложившимся народом. Их точка зрения базируется на идее непрерывного развития болгарского этноса с эпохи Волжской Булгарии и до времени ханства без заметного влияния золотоордынского этапа (последнее если и признается, то только со знаком минус как тормозивший “плавное” развитие болгарского этноса, фактор). Замечу, что некоторые ученые при такой ситуации вообще предпочитают четко не обозначать свою позицию (это М.Г.Сафаргалиев, Ш.Ф.Мухамедьяров и Н.И.Воробьев).

Естественно, что для тех, кто считает казанских татар и мишарей к середине XVI в. самостоятельными этническими общностями, консолидация их отодвигается на более поздний период. Сторонники противоположной точки зрения видя в волго-уральских татарах середины XVI в. вполне консолидированную “народность”, подчеркивают, что внутренние различия между группами, ее составлявшими, не выходили за рамки этнографических образований. Поэтому, когда последние обходятся понятиями “народность” (или “народ”), обычно с прилагательным “феодалная” и “этнографическая группа”, первые ищут более развернутый понятийный аппарат. Например, стремясь охарактеризовать процесс становления общности волго-уральских татар в XV—XVII вв., А.Х.Халиков кроме термина “народность” (применительно к казанским татарам) использует и понятие “неполностью оформившаяся народность” (имеются в виду мишари). А волго-уральских татар как сложившийся этнос, он называет “общетатарской народностью”. Таким же образом казанских татар периода Казанского ханства Р.Г.Кузеев маркирует как “феодалную народность”, а мишарей этого же времени — как “раннефеодалную народность”, фиксируя различия этих двух групп по уровню развитости. Для “схватывания” сложившейся во второй половине XVI—XVII вв. новой этнической реальности — этноса волго-уральских татар — он предпочитает использовать термин “единая волжско-татарская феодалная народность”. При этом у рассматриваемой общности уровень развитости остается тем же самым, что и у казанских татар, но консолидированность оказывается выше, чем у этносов — предшественников.

Как показывает обзор литературы, качественная характеристика проблемы этнической эволюции волго-уральских татар XV—XVII вв. является весьма непростой задачей. Дискуссионность данной проблемы объясняется несколькими причинами.

Прежде всего, существуют трудности теоретико-методологического плана, связанные с оценкой этапов развития этносов. В частности, сложно предложить критерии разграничения последней стадии этногенеза народа и начала собственно этнической истории уже сложившегося этноса. Из-за многокомпонентности целого ряда этносов — татары тут не являются исключением — нелегкие вопросы возникают не только при проведении границ между “поздними” племенами и “ранними” народностями, но и

при попытке размежевания средневековых “народностей” разной типологической принадлежности, а также поздних “народностей” и собственно “наций”. Я вполне солидарен с теми учеными, которые в качестве основного фактора такого рода затруднений называют существование у этносов “переходных состояний”, не позволяющих провести четкую грань между разными типами этнических общностей.²⁷ Хотя эту ситуацию нельзя считать непреодолимой: в литературе высказывалось достаточно обоснованное мнение о том, что качественным критерием определения завершения этногенеза и начала этнической истории является сложение “готового” этнического самосознания, сигнализирующего о рождении этноса.²⁸ Другое дело, что “уловить” эти изменения на основе источников чрезвычайно трудно. Еще одна методологическая проблема берет начало от продолжительного развития отечественной этнологии на базе марксистских подходов. Не случайно, что в последние годы появились указания на спорность того понятийного аппарата, который был выработан в советский период и использовался для обозначения основных этапов развития этнических общностей.²⁹ В литературе было высказано и мнение о неразработанности “обобщенных терминов”, способных отразить все “социально-политические уровни” развития этносов.³⁰ Понятно, что это κατάσταση того же самого недостатка. Накопленные к настоящему времени исторические знания по татарам показывают, что чисто формационный подход к выделению стадий становления татарского этноса во-многом несостоятелен. Тем более, что он не позволяет фиксировать внутренние изменения этнических общностей в рамках тех или иных больших исторических отрезков.

Однако, этими замечаниями сам по себе вопрос о предложении критериев, позволяющих обозначать этапы изменения этноса, не снимается. По моим наблюдениям, в отечественной этнологии в последнее время наблюдается стремление к упрощению данной, весьма серьезной, теоретико-методологической проблемы. Некоторыми исследователями, в частности, предлагается типологию этнических общностей вести на основе сословно-классовой структуры, а другие критерии (этапы становления этнического самосознания, характер связей между членами этнической общности, плотность и уровень информационных связей и т.д.) объявляются не инструментальными.³¹ Мне представляется, что в данном случае налицо попытка ретрансляции старого мышления, характерного для советской этнологии — преувеличение роли социально-экономических процессов³² в ущерб другим, не менее важным факторам этнического развития (таким как: этнокультурные, демографические, этнопсихологические и др.).³³

Другая фундаментальная проблема возникает при работе с источниками. Во-первых, источников, способных осветить этноисторию волго-уральских татар за период XV—XVII вв. не так много. Во-вторых, содержащиеся в них этнонимы отличаются многозначностью. Это относится не только к более “темному” периоду XV — середины XVI вв., но и к лучше обеспеченному источниками периоду второй половины XVI—XVII вв. К настоящему времени из-за непрофессионального обращения с документами, относящимися к XV—XVII вв., возникли крайне поверхностные трактовки этнонимического материала (неразличение этнонимов и политонимов в них

встречается с регулярностью, способной поразить воображение, не говоря уже о более “тонких материях”). Преувеличение роли болгарского наследия в становлении волго-уральских татар в ущерб другой, не менее важной их составной — золотоордынско-тюркскому компоненту — произошло в значительной мере в результате некомплексного анализа источников.

В целом, исследование становления общности волго-уральских татар в XV—XVII вв. требует пересмотра некоторых уже укоренившихся представлений о содержании тех этнических процессов, которые в конечном счете привели к формированию в Волго-Уральском регионе нескольких типов этнических образований, в том числе и следовавших друг за другом. Мне представляется, что углубленное изучение этой проблемы возможно только на новой методологической и более широкой источниковой базе. В частности, следует преодолеть недооценку роли золотоордынского этнокультурного наследия в развитии волго-уральских татар. Одним из важных аспектов данной проблемы является раскрытие значения клановых систем (структур) позднезолотоордынских татарских государств в этнических процессах XV—XVI вв. Оно и позволяет поставить совершенно по новому вопрос о суперстрате “татарских” народностей позднезолотоордынского периода. При этом становится более ясной не только проблема преемственности между образованиями периода Золотой Орды и татарских ханств, но и удается построить логически более стройную схему этнической эволюции татар с периода средневековья по новое время. Попутно во многом решается и задача “примерения” двух научных школ (“татаристской” и “булгаристской”), существующих на сегодняшний день в Татарстане. В последнем случае я имею в виду создание концептуальной основы для некоторой “синтетической” точки зрения относительно этноистории волго-уральских татар не только XV—XVII вв., но и более раннего времени.

Примечания

- ¹ *Гимади Х.* О некоторых... — С.118—126; *Мухамедьяров Ш.Ф.* Основные этапы... — С.53—56; Татары Среднего Поволжья... — С.8—12 (излагаемая в этой работе позиция Н.И.Воробьева несколько отличается от подходов остальных сторонников данного направления); *Алишев С.Х.* К вопросу... — С.109—117.
- ² *Сафаргалиев М.* Один... — С.75—80; *Халиков А.Х.* Исторические корни... — С.113—116; *Его же.* Происхождение... — С.57—62; *Исхаков Д.М.* Взгляд ... 1990. — С.65—70; *Кузеев Р.Г.* Народы ... — С.89, 112, 166, 238—241.
- ³ Ряд весьма объемных работ (преимущественно написанных академиком М.З.Закиевым) в силу их концептуальной неясности, специфически “этногенетического” характера и слабой фундированности на исторических источниках, в настоящий обзор не были включены.
- ⁴ См., например: *Воробьев Н.И.* Материальная культура... — С.14—34; Происхождение казанских татар...; История ТАССР. — Т.1. 1955. — С.98, 103—104.
- ⁵ Об этом подробнее см.: Ислам в татарском мире... — С.337—378; *Исхаков Д.М.* Проблемы становления... — С.194—218.
- ⁶ См.: Происхождение казанских татар ... — С.115 и др.; История Татарской АССР. — Т.1. 1951. — С.15; История Татарской АССР. — Т.1, 1955. — С.103; *Гимади Х.Г.* О некоторых ... — С.118—120.

- ⁷ Сафаргалиев М. Один из спорных... — С.80.
- ⁸ Сафаргалиев М.Г. К истории... — С.68.
- ⁹ Мухамедьяров Ш.Ф. Основные этапы... — С.53—54.
- ¹⁰ Пытаясь преодолеть эту трудность, он в учебнике, изданном в том же году, писал, что в XV—XVI вв. “установилась определенная языковая и этническая общность поволжских татар, подразделявшихся на две группы — казанских татар и татар-мишарей” (История Татарской АССР. 1968. — С.70).
- ¹¹ Мухамедьяров Ш.Ф. Основные этапы... — С.54.
- ¹² Татары Среднего Поволжья... — С.9,11,13.
- ¹³ Этот вопрос остался открытым и в специальном исследовании, посвященном этнографическому изучению мишарей (Мухамедова Р.Г. Татары-мишари ...).
- ¹⁴ Халиков А.Х. Исторические корни... — С.115—116.
- ¹⁵ Халиков А.Х. Происхождение... — С.106, 125. Отмечу, что татарская версия книги вышла несколько раньше, но в концептуальном плане не отличается от русско-язычного издания (Халиков А.Х. Татар халкының...).
- ¹⁶ Халиков А.Х. Происхождение... — С.106, 135—136, 146.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. — С.152.
- ¹⁹ Фасеев Ф.С. Основные этапы... — С.57—62.
- ²⁰ Алишев С.Х. К вопросу...; *Его же.* Татар халкының оешуы...; *Его же.* “Татар халкы”...; *Его же.* Алтын Урда...
- ²¹ Алишев С.Х. К вопросу... — С.113—115.
- ²² Кузеев Р.Г. Этнические процессы... — С.30; *Его же.* Народы... — С.315—321.
- ²³ Фәхретдинов Р.Г. Татар татармы...; *Его же.* Татар угълы...; *Его же.* Золотая Орда... — С.14; *Его же.* Алтын Урда...
- ²⁴ Фәхрутдинов Р. Проблема формирования... — С.102.
- ²⁵ Измайлов И. Татары средневековья... — С.58; *Его же.* Улус Джучи... — С.44; *Его же.* Некоторые аспекты... — С.27, 29; *Его же.* Мозаика... — С.80.
- ²⁶ Әхмәтҗанов М. Идел — Жәек... — 63 б; *Его же.* Татар халкы оешуының ... — 58, 61 бб.; *Его же.* Татар халкы... — 58, 65 бб.; *Его же.* Нугай Урдасы... — 69 б.; *Его же.* Нугай Урдасы ... — С.157.
- ²⁷ Кузеев Р.Г. Народы... — С.333.
- ²⁸ Бромлей Ю.В. Современные проблемы... — С.259, 279; Алексеев В.П. Этногенез... — С.7—8; Арутюнов С.А. Народы... — с.8—9.
- ²⁹ См. материалы дискуссии, проходившей в 1986 г. на страницах журнала “Советская этнография” при участии С.А.Арутюнова, В.И.Козлова, М.В.Крюкова, Г.Е.Маркова, А.И.Першица, Ю.И.Семенова (№3. — С.58—75; № 4. — С.58—72).
- ³⁰ Кузеев Р.Г. Народы... — С.60.
- ³¹ Там же. — С.304—306, 332—333. Эта идея разрабатывалась Р.Г.Кузеевым в целом ряде препринтов докладов, опубликованных в 1987—1988 гг.
- ³² См., например: Там же. — С.306.
- ³³ О факторах информационных связей и культуры убедительные выкладки см.: Арутюнов С.А. Народы... — С.31—40; Чистов К.В. Народные традиции...; Геллнер Э. Нации...

Раздел I.

**ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
КАЗАНСКИХ ТАТАР В XV—XVII ВВ.**

Благодаря целому ряду публикаций, особенно последних лет, была раскрыта связь административно-политического устройства Крымского ханства с клановой структурой тюркского населения этого государства.¹ Оказалось, что в этом ханстве первоначально существовали четыре княжества (бейлики), возглавляемые представителями кланов Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак. Ведущая роль в этой четырехклановой системе, известной как система карача-беев, принадлежала Ширинам, являвшимися большими карача-беклерибекками (в русских летописях этот термин передавался как “князь князей”). Где-то в конце XV — начале XVI вв. в Крыму усилились Мангыты, известные там и как Мансурь.² Тогда клановая система в этом ханстве стала пятичленной. К этому времени некоторые из ранее существовавших кланов, например, Барыны, во внутренней жизни государства активную роль уже не играли.³

Рассмотренная структура, унаследованная от Золотой Орды,⁴ в XV—XVI вв. существовала и в других татарских ханствах: еще в работах В.В.Вельяминова-Зернова и М.Г.Худякова высказывалось достаточно аргументированное мнение о четырех кланах, возглавляемых теми же Ширинами, в Казанском ханстве.⁵ Правда, эти авторы, как впрочем и другие историки, писавшие позже, указанную четырехклановую систему не соотнесли с административно-политическим устройством ханства. Между тем, материалы по Крымскому ханству показывают, что и применительно к Казанскому ханству такая постановка вопроса возможна. Более того, изучение социально-клановой структуры позднесолотоордынских татарских обществ имеет первостепенное значение и для понимания особенностей формирования средневекового татарского этноса (или этносов). Насколько мне известно, такой подход ни в отечественной, ни в зарубежной историографии еще не предлагался.

Примечания

¹ Fisher A. The Crimean Tatars...; *Inalchik H.* The khan... — p.p. 445—466; *Manz Beatrice F.* The clans... — p.p.282 — 309. Более ранние работы на эту тему см. *Лашков Ф.Ф.* Архивные данные... — с.96—110; *Его же.* Исторический очерк...; *Его же.* Сборник... Публикация С.В.Бахрушина 1936 г. по отношению к статьям Ф.Ф.Лашкова носила вторичный характер (*Бахрушин С.В.* Основные моменты...). Новые материалы имелись в большой статье В.Е.Сыроечковского “Мухаммед-Герай и его вассалы” (1940 г.).

² Мансур был сыном известного Мангытского князя Едигея (см.: Родословная книга — с.130). Об усилении Мангытов в Крыму см.: *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.32.

³ *Manz B.F.* The clans... — p.p.286—288

- ⁴ См.: *Schamiloglu. U. The qarachi beys...* — p.p.283—291; *Его же. The Umdet...* Кроме того, следует назвать его докторскую диссертацию (*Tribal Politics...*) и завершаемую им монографию (*The Golden Horde ...*), с которой мне удалось ознакомиться в рукописи. Интересная информация содержится и в: *Bregel Iuri. Tribal tradition...* У Утемыш-Хаджи в его сочинении “Чингиз-наме” (первая половина XVI в.) прямо говорится, что “Ширин, Барин, Аргун (и) Кыпчак были давними, со времен предков, элями Тохтамыш-оглана” (Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. — с.115).
- ⁵ *Вельяминов-Зернов В.В. Исследования...* — с.412—420; *Худяков М. Очерки...* — с.188—190.

Глава 1.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В XV—XVI вв.

При обращении к вопросу об административно-политическом устройстве Казанского ханства необходимо обратить внимание на так называемые “дороги”, на которые делился Казанский уезд, сформировавшийся после 1552 г. на левобережной (луговой) части ханства. Таких дорог в уезде было пять: Алатская, Галицкая, Арская, Зюрейская и Ногайская. Уже по писцовой книге Ивана Болтина (1602—1603 гг.) отчетливо видно, что рассматриваемые дороги не являлись дорогами в обычном смысле слова, так как состояли из большого числа сельских населенных пунктов: одних только чувашских и татарско-чувашских поселений на территории Алатской дороги насчитывалось 33, Галицкой — 17, Арской — 54, Зюрейской — 64, Ногайской — 41.¹ Да и конфигурация их напоминала скорее треугольник, острый конец которого выходил на г.Казань, а основание уходило в районы расселения финно-угорских (марийцы, удмурты), и некоторых тюркских (чуваши, башкиры) этносов.²

В этой связи отмечу, что некоторые исследователи термин “дорога” выводят от монгольского *daru* — давить, подавлять, производным от которого является *darugasi* — правитель, губернатор.³ Должность дараги (или даругов) — институт, унаследованный от Золотой Орды — там в функцию дараги входила перепись населения, сбор податей (дани) и доставка их хану, устройство почтовых сообщений и набор войска.⁴ По мнению М.А.Усманова, в период татарских ханств даруги — это территориальные администраторы вообще. Им же высказывалась мысль, что термин даруга употреблялся в связке с князьями (даруга-беки).⁵ Но скорее даруга-беки находились в ведении карача-беев, стоявших во главе отдельных княжеств. Об этом, например, говорят данные по Крымскому ханству. В частности, в двух ярлыках хана Хаджи-Гирея (от 1453 г. и от 1459 г.) фигурируют правящие Крымским туменом даруга-беки во главе с Именеком (1453) и даруга-беки Кырк-Ера во главе с Шах-Марданом (1459).⁶ В первом случае речь идет о князе Именеке из клана Ширинов — скорее всего, он был беклерибеком.⁷ Шах-Мардан⁸ являлся, надо думать, главой клана Кыпчак: в 1515 г. даруга-беков Кырк-Ера возглавлял князь Аппак из этого клана, а в 1496 г. наместником Кырк-Ера был его отец Мамыш.⁹ Указанная группа администраторов известна и в других татарских ханствах. Скажем, княжеские казначеи и дараги упоминаются в 1483 г. в Касимовском ханстве.¹⁰ В начальный период образования Казанского ханства двое дараг — князей отмечаются и среди ближайшего окружения хана Улу-Мухаммеда.¹¹

Восхождение деления на “дороги” (точнее — даруги) к периоду Казанского ханства подтверждается многими данными. Так, в ногайских делах за 1550 г. отмечены Арская, Ногайская, Якийская и Окречская дороги.¹² Из них только последняя не упоминается в других источниках (возможно, это Зюрейская дорога, о чем я еще скажу отдельно). Что касается Якийской дороги, то под ней надо понимать известную чуть позже Галицкую дорогу, так как Яки — это крупный населенный пункт, находившийся именно в ее составе.¹³ В 1553—1554 гг. в Патриаршей (Никоновской) летописи упоминаются Арская, Галицкая, Ногайская и Чувашская дороги.¹⁴ Думаю, что Чувашская дорога соответствует тут Зюрейской дороге (аргументы см.далее).

Я уже указывал, что в 1438 г. у хана Улу-Мухаммеда имелись двое дараг-князей — их звали Усеин Сараев и Усень-Хозя.¹⁵ Думаю, что родственником (сын?) первого из них являлся князь Шаптяк Сараевич, фигурирующий в послании митрополита Ионы в Казань (около 1455—56 гг.) как приятель митрополита.¹⁶ Некоторые факты позволяют заподозрить в нем дарага-бека. Дело в том, что в грамоте Ионы речь идет о пошлинах и иных делах, связанных с товаром — рухлядью, т.е. мехами. А такие дела относились к функциям дараги.

Не исключено, что следы даружного деления ханства можно обнаружить и в известном летописном сообщении за 1469 г. о сборе войска казанским ханом Ибрагимом. Там есть такие строки:... дополна собрался ... царь Казанской Обреимъ со всею землею своею, съ Камъскою и съ Сыплинскою и съ Костяцкою и з Беловолжскою и Вотяцкою из Бакшырскою”.¹⁷ По меньшей мере одно из приведенных тут названий составных частей всей земли хана Ибрагима — Вотяцкая, является калькой с понятия “Арская дорога”. Еще одно место из Патриаршей (Никоновской) летописи позволяет говорить о связи с этой административно-территориальной единицей понятия “Арские князья”. В данном случае я имею в виду летописное известие за 1531 г., когда казанские послы, просившие на престол хана Шах-Галия, обещали, что придя из Москы к Василь-городу, они пошлют грамоту “в Казань, да и къ Черемисе к горной и къ луговой и к Арьским княземъ”.¹⁸

Приведенных материалов вполне достаточно для того, чтобы понять — к “дорогам” Казанского уезда необходимо присмотреться поближе. Тем более, что их в центре бывшего Казанского ханства было всего лишь пять, что соответствует числу основных кланов, имевшихся в этом государстве (Ширины, Барыны, Аргыны, Кыпчаки и Мангыты).

Примечания

¹ Подсчитано мной по: Писцовая книга Казанского... По данным Е.И.Чернышева, татарские селения, существовавшие уже в период Казанского ханства, по “дорогам” распределялись так: около 20 относились к Галицкой, до 71 — к Алатской, 109 — к Арской, по 149 — к Зюрейской и Ногайской “дорогам”. (Чернышев Е.И. Селения... — с.272—292. Подсчет частично мой).

² См. “Карту поселений, упоминаемых в писцовой книге 1602—1603 гг.”// Писцовая книга Казанского уезда...

³ *Vasary I. The Golden Horde...; Его же. The origin...*

⁴ *Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... — с.30—31.*

⁵ *Усманов М.А. Жалованные... — с.206—210.*

⁶ Там же. — с.31—32, 206—210.

⁷ *Лашков Ф.Ф. Сборник... — с.124.*

⁸ *Усманов М.А. Жалованные... — с.31—32, 206—210.*

⁹ *Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... — с.27.*

¹⁰ ДДГ, 1950. — с.126.

¹¹ ПСРЛ. — т.11—12. — с.205.

¹² ПДРВ. — ч.VIII. — с.278.

¹³ Писцовая книга Казанского уезда... — с.169, 177, 197, 202; РГАДА, ф.1209, ед.хр.6447; *Чернышев Е.И. Селения... — с.289.*

¹⁴ ПСРЛ. — т.13. — с.215, 239, 516.

¹⁵ ПСРЛ. — т.11—12. — с.205.

¹⁶ АИ — т.1. — с.497.

¹⁷ ПСРЛ. — т.11—12. — с.122.

¹⁸ ПСРЛ. — т.13. — с.56.

§1. Ногайская даруга.

Для понимания того, что из себя представляла Ногайская даруга Казанского ханства, необходимо разобраться с Мангытским местом и Мангытским князем, известными в рамках данного государства. На этого князя обратил внимание еще В.В.Вельяминов-Зернов.¹ Позже к вопросу о нем вернулся Г.И.Перетякович, указавший на связь “мангытского места” с “нагайскими доходами”.² Однако, в дальнейшем этот вопрос удовлетворительной разработки не нашел.

Из письма мурзы Юныса, сына ногайского князя Юсуфа Ивану IV (письмо датировано 1550 г., но там говорится о более ранних событиях), становится известно, что казанский хан Сафа-Гирей, за помощь в овладении тронном, обещал Юнысу сделать его на “Мангытском месте” князем и дать ему “Мангытские доходы”.³ Известие о смерти хана Сафа-Гирея дошло до Москвы 25 марта 1549 г.⁴ Стало быть, события, описываемые Юнысом, происходили до этого. Наиболее вероятной датой совместных действий ногайцев и хана Сафа-Гирея является 1546 г.⁵ Через год (на другое лето)⁶ Юныс мурза получил Мангытское место, так как в другом письме Юныса Ивану IV говорится: “владел есми Казанью”.⁷ Однако после смерти весной 1549 г. Сафа-Гирея, Юныс свое место потерял. Это выясняется из письма князя Юсуфа Ивану IV от 1549 г.⁸ Еще раз Юныс попытался занять “Мангытское место” во время правления в Казани хана Шах-Галия в 1551—1552 гг. Как пишет князь Юсуф Ивану IV в 1552 г., у ногайцев с Москвой была договоренность: “чтобы от тебя (от Ивана IV — *Д.И.*) был царь, а от нас (т.е. ногайцев — *Д.И.*) бы князь был”.⁹ Но Иван IV ему сообщал: “А что еси писал к нам о Казанском княженье, и мы в том своего слова непогрешили ... и к сыну твоему Юнус мирзе ... писали, чтобы поехал к нам. А мы от себя хотели ево на княженье устроить ... И казанцы нам изменили ..., и сыну твоему то

княженъе ... не стаслось”.¹⁰ Примерно такого же содержания письмо получил из Москвы и Юныс мурза: “... писали (тебе) ..., что бы еси вборзе к нам поехал. А хотели есмя тебя юртом устроити, потому же как было прежде сего в Казани Мангитцкие князи”.¹¹ Из этого сообщения выясняется, что речь идет о какой-то институционально закрепленной в Казанском ханстве форме пребывания там “Мангытских князей” — “юрте”.¹²

Приведенные выше формулы о наделении князей из Мангытов “юртом”, точно соответствуют употреблявшимся в Крымском ханстве по такому же случаю формулам. Так, при описании определения там в 1516 г. Мангытского князя Азики на “Мангытский юрт”, этот князь сообщает в Москву, что хан его “великим князем учинил ..., а изначала поминки хаживали царю два жребья, а нам третий жеребей. А нам здесь мера и место (выделено мной — *Д.И.*) на Айдар князем месте”.¹³ В другом случае — в 1517 г., речь идет о “кыпчак Махмутове месте” в Крымском ханстве.¹⁴

Чтобы понять характер “Мангытского юрта” (“места”), следует обратиться к сведениям о “Мангитских доходах”. По моему мнению, под последними имелся в виду “выход” (дань — ясак), шедший в Ногайскую Орду. В 1553 г. ногайский мурза Касай, сын князя Юсуфа, писал Ивану IV: “... в то землю в Казань послал был есми по мед”.¹⁵ Что это был за “мед”, выясняется из других писем ногайской знати в Москву. Так, князь Исмагиль в 1555 г. думному дьяку И.М.Висковатому сообщает: “... ис Казани нам годовое шло 10 кадей меду, да 60 рублей денег ... И ныне бы еси то наше годовое дал нам ...”¹⁶ Он же в 1556 г. обращается к Ивану IV: “чтобы с Казани городовое (годовое?) наше 20 сот рублей наше дал. То у тебя наше прошение”.¹⁷ В другом послании Исмагиля Ивану IV, относящемся также к 1556 г., говорится “... А что нам из Казани шло годовое 100 батманов меду, да 9 шуб и ты бы то нам велел давати ... боярину, который в Казани живет”.¹⁸

“Годовое” из Казани действительно “шло” еще при ханах. Так, князь Исмагиль в 1558 г. отмечает: “А коли в Казани царь был и яз имал по 100 рублей денег, да по 100 батман меду”.¹⁹ Сын его Урус мурза в письме Ивану IV в 1565 г. указывает, что его отцу шло “... от Казанского царя за шубы, за сукна, за мед 40 тыс. алтын”.²⁰ В другом письме Урус мурзы также говорится: “... А отец мой Исмаиль князь у Казаньского ... Сафагирия царя для братства и любви и дружбы имывал у него жалованье 40 тыс. алтын”.²¹ В источниках содержатся намеки на существование аналогичных выплат Казанского ханства Ногайской Орде и в 30-х гг. XVI в. Например, в послании ногайского князя Шейдяка за 1535 г., сказано: “... А сего году Иван (точнее Ивак²² — *Д.И.*) мурзу в головах, да пошлинника своего Салтанака в головах осенеси в Казань посылал, а с ними 300 человек, ино их побили и 300 тысяч кун моих имали”.²³ Присутствие среди посланных в Казань “пошлинника” (фактически “дараги”), время отправления — осенью, когда хозяйственный цикл завершается (в том числе выкачивается мед), наконец, наличие на руках у ногайцев большой суммы денег, позволяет видеть в этом сообщении рассказ

об отправке из Ногайской Орды группы для получения причитающегося правителю Орды, выхода (“ годового ”). Не исключено, что он собирался с территории Мангытского юрта Казанского ханства.

Некоторые данные указывают на присутствие ногайских князей (“ мангытов ”) в Казанском ханстве уже в конце XV — начале XVI вв. Скажем, в 1503 г. Казанский хан Мухаммед-Амин извещает Ивана III о том, что он послал в Ногайскую Орду к Емгурчею мурзе “ своего князя Мустофара Мангита ”.²⁴ Далее, в рати хана Мухаммед-Амина, посланной в 1490 г. против Большой Орды, упоминается князь Канымет, Итяков брат.²⁵ А в 1496 г. среди “ казанских князей ” известен Калимет.²⁶ Скорее всего, Канымет ~ Калимет — это одно и то же лицо. Данная личность может быть идентифицирована с одним из сыновей ногайского князя Мусы-Кулахметом (отсюда — Канымет, Калимет).²⁷

В Казанском ханстве в конце XV в. имелись и другие представители ногайской знати. Так, в 1490 г. в войсках хана Мухаммед-Амина наряду с князем Каныметом находился и Усеин князь “ Кенегесь ”.²⁸ Очевидно, тут имеется в виду племенная принадлежность князя Усеина — он был из племени кенегес, входившего в Ногайскую Орду.²⁹ Далее, в 1487 г. в результате увода русскими из Казани хана Ильгама, к ногайцам ушла целая группа “ Алегамовых царевых людей ”, в числе которых был и князь Алгазый.³⁰ Последний известен и по русским летописям: “ Един князь татарский именем Алгазы со царем (с ханом Ильгамом во время осады Казани в 1487 г. русскими войсками — *Д.И.*) в город не полезл ..., силе великого князя много дурна учинил ... И после того князя сила великого князя прогна за Каму в поле ”.³¹ Эти люди после закрепления на Казанском престоле хана Мухаммед-Амина, “ лихо чинили, воевали, грабили землю Магмет-Аминову ”.³² Поэтому, московский великий князь еще в 1490 г. хотел их “ принять к себе ”, чтобы обезопасить хана Мухаммед-Амина.³³ Однако правящие верхи Ногайской Орды не желали их выдавать Москве. В 1491 г. Емгурчей мурза писал Ивану III: “ Алгазыя прошишь: Алгазыя яз не видал, с Ибраимом царем к Тюмени поехал, ... у Ибраима царя в Тюмени живет ”.³⁴ Чем же объясняется уход этих людей именно в Ногайскую Орду и упорное нежелание правителей Орды выдать их Москве? Только ли политической целесообразностью использования их в борьбе за влияние на Казань? Конечно, политический расчет был, что отчетливо видно из послания правителя Тюменского ханства хана Ибрагима (Ибака) Ивану III и из ответа последнего на это послание.³⁵ Но была, надо полагать, еще одна причина: скорее всего, часть этих знатных лиц, в первую очередь, князь Алгазый, были мангытами. Дело в том, что имя Альгази фигурирует в шеджере, имеющем отношение к с.Большой Менгер (Арский р-н Татарстана). Как отмечает М.И.Ахметзянов, к нескольким именам, имеющим окончание “ гази ”, в родословной сделано примечание, что они были защитниками Казани. В находящейся рядом с этим селом д.Старый Менгер имеется некрополь с пышными эпитафиями, упоминающими имена султанов и знатных воинов. Сам топоним “ Менгер ” воспринимается жителями как “ 1000 вои-

нов”,³⁶ что может быть связано с этнонимом “мең” — племя мең входило в состав Ногайской Орды.³⁷ Да и в местной традиции особо подчеркивается роль коневодства в начальный период истории села.³⁸

Для первой половины XVI в. еще некоторых крупных феодалов в Казанском ханстве можно связать с мангытами. Например, Нурсултан, вышедшая второй раз замуж за Крымского хана Менгли-Гирея, в 1515 г. пишет, что ныне с ней ее родного брата — князя Усеина, бывшего ранее вместе с ней, в Крыму нет.³⁹ Зато в 1538 г. в Казанском ханстве известен Усеин князь, являвшийся “своим человеком” хана Сафа-Гирея.⁴⁰ В 1553 г. отмечается его сын Камай мурза.⁴¹ Причем, после захвата Казани русскими, ногайский князь Исмагиль просит Ивана IV отпустить к нему Камай мурзу, находящегося “в холопстве”⁴²; аналогичное прошение было отправлено и по поводу брата Камая, Арыслана мурзы.⁴³ Если бы последние не были представителями знатных ногайских (мангытских) семейств, вряд ли возможны были такие прошения. Поэтому можно предположить, что князь Усеин, находившийся в 1538 г. на территории Казанского ханства, был братом Нурсултана.⁴⁴ Последняя, как известно, являлась дочерью мангытского князя Темира, сына Мансура.⁴⁵ Кроме того, заслуживает внимания еще одна группа знати, жившая в Казанском ханстве. Из послания князя Юсуфа Ивану IV (1549) известно, что после смерти хана Сафа-Гирея весной 1549 г. “Бадраки, которые живут в Казани, в Крым послали царя просити Янбарса Расова, да Магметева Данина в головах”.⁴⁶ Из других сообщений за 1549—1550 гг. выясняется, что ключевую роль в событиях 1549 г. играли “Булатовы княжие дети” (точнее — “Булатов княжий Робей сын”) и “Расовы” (Растовы) дети” (или: “Мордвиновы Расовы дети”).⁴⁷ Одна часть приведенных тут имен легко расшифровывается: Булатовы княжие дети — это родственники Булата князя Ширина (известен с 1519 г.), бывшего беклерибеком — “большим карача”.⁴⁸ Его сын — Ширин Муралей (Нурали) князь Булатов, также являвшийся “большим карача”, упоминается в русских летописях в 1552 г.⁴⁹ Что касается “Расовых (Растовых) детей”, то они восходят к князю Расту, который “с детьми” отмечается в Казанском ханстве в 1531 г.⁵⁰ В 1551 г. в русских летописях сообщается о Бибарсе князе и Енбарсе мурзе Растовых.⁵¹ Еще один представитель этого семейства — Кулай мурза Растов, казанец, был послан из Казани в Москву в 1552 г.⁵² В 1555 г. есть сообщение о Кулае мурзе Данине, а его брат — Девляк мурза, упоминается в 1556 г. Они были среди тех, кто сопротивлялся русским завоевателям после падения Казани.⁵³ Их родоначальник (возможно, отец) — Дана князь, фигурирует в 1529 г. в составе казанского посольства от хана Сафа-Гирея в Москву.⁵⁴ Не исключено, что Растовы и Данины были родственниками: не об одном и том же ли человеке идет речь в летописных сообщениях за 1551 и 1555 гг. (в первом случае говорится о Кулае мурзе Растове сыне, а во втором — о Кулае мурзе Данине)? При любом ответе на этот вопрос, Растовы и Данины, или кто-то из них, были мангытскими князьями. Приведу аргументы. Во-первых, в известии от 1549 г. говорится о “Бадраках, кото-

рые живут в Казани”. Тут интересно понятие “Бадраки”, которое имело какое-то отношение к тем, кто послал из Казани в Крым Янбарса Расова и Магмета Данина. Из одного крымско-татарского варианта эпоса “Эдиге” удалось установить, что “бадраками” (батрак~бадрок) называли потомков Идегея, т.е. мангытскую знать.⁵⁵ Ширины к такому не относились, следовательно мангытами были Растовы или Данины, или же они все вместе. Далее, в 1549 г. сын князя Булата, Робей и “Растовы дети”, заявили: “мы с крымцы съединачилися, от крымцев нам отступити немочно”.⁵⁶ Между тем, в Крымском ханстве в это время наиболее влиятельными были как раз два клана — Ширины и Мангыты (Мансуры). Естественно, что и в Казани совместно с “крымцами” могли действовать представители этих же кланов. Не случайно и то, что в 1552 г. при хане Шах-Гали “Казаньские люди Бибарс с братиею” (т.е. Бибарс князь Растов с родственниками — *Д.И.*) и многие князи Казаньские” начали “ссылаться на царя в Нагаи ..., хотели царя убить”. Когда хан Шах-Гали устроил резню своих противников, убив в том числе и Бибарса князя “с братиею”, часть оставшихся в живых бежали “в Нагаи”,⁵⁷ т.е. к своим сородичам. Дополнительным аргументом, подтверждающим принадлежность Расовых (Растовых) к мангытам, является определение в летописном сообщении за 1551 г. Бибарса Растова как “Тюменского князя”.⁵⁸ Хотя М.Г.Худяков отсюда выводил принадлежность Расовых к “сибирским князьям”,⁵⁹ в данном случае он, вероятно, ошибался. Из сообщения князя Исмагиля (1549г.) известно, что “старым ногайским кочевием” являлась кочевка “на Терек на реку под Тюмень”.⁶⁰ Тут существовало Тюменское княжество с центром в г.Тюмени.⁶¹ Оно к 1549 г. находилось в подчинении у Ногайской Орды.⁶² В 1560 г. из Астрахани в Москву поступила весть о том, что “Тюменской Мамай-мырза Агишов княже приехал к царю и государю бити челом, чтобы государь ... дал рать на его дядю на Тюменского князя и учинил его на Тюмени ...”⁶³ Отсюда понятно, что в Тюмени правили мангытские князья — князь (би) Агыш (Агиш), являвшийся сыном мурзы Емгурчея, по разным документам начала XVI в. достаточно известен.⁶⁴ По русским источникам (1577 г. и 1585 г.) в московских войсках упоминаются два служилых князя с титулом “Тюменские”. Так вот, они названы Романом и Василием Агишевичами,⁶⁵ что ясно показывает на принадлежность к клану Мангыт. В свое время Е.Н.Кушева высказывала предположение, что это были выехавшие на службу в Москву и крестившиеся Мамай и его брат.⁶⁶ После установления факта принадлежности “Тюменских князей” к клану Мангыт, к нему можно причислить еще одного князя из Казанского ханства — это Кебек, “Тюменский князь” (1552),⁶⁷ который скорее всего и фигурирует в 1555 г. как “Кебенка князь” среди “князей казанских”.⁶⁸

По источникам прослеживается еще одно проникновение ногайской знати в Казанское ханство. По информации, поступившей из Ногайской Орды в Москву в 1552 г., Юсуф князь “дал на Казань Астраханского царевича Едигеря и с ним послал своих мирз Дзнеша и Торуй, ... и людей с ними ... многих”.⁶⁹ Несколько позже пришло другое сообщение: “... из

Нагайской земли в Казань без Юсуфова ведома пошел Астраханский царевич Едигер ..., с ним ... нагайских людей 200 человек ... Дзенеш мурза ... и иные ... с Камы воротились, ..., с царевичем в Казань пошли Нагайских людей человек 30”.⁷⁰ По летописным данным, с султаном Едигер-Мухаммедом, которого “прислали Нагаи по казанской ссылке”, было 500 человек, но он “Каму перевезся тайно не с многими людьми и пришел в Казань”.⁷¹ Однако другой источник — “Казанская история” — утверждает, что с Едигером “из Нагайской земли ... прииде в Казань 10000 варвар качественных, самовольных, гулящих в поле”.⁷² Конечно, в последнем сообщении число пришедших с султаном Едигером может быть преувеличено. Но фактом остается то, что накануне русского похода против Казани в 1552 г., в городе с ханом Едигером-Мухаммедом находился “Зейнеш князь Нагайский”. Он в том же году со “всеми нагаи” участвовал и в обороне города.⁷³ Ясно, что бывший в Нагайской Орде мурзой (мирза Дзешеш-Дзеш мурза) Зейнеш, князем стал уже в Казани. Причем, понятие “князь Нагайский” означает скорее всего то же самое, что и “Мангытский князь”. В плане выяснения содержания понятия “князь Нагайский” интересны данные американского историка Бориса Ишболдина (он является потомком внука ногайского мурзы Алчагира, мурзы Ишболды). Историк сообщает, что после возвращения Сафа-Гирея на казанский престол с помощью ногайцев в 1546 г., мурза Ишболды стал “одним из его близких телохранителей и конюшим; этот пост он продолжал занимать и при последнем хане Ядигер-Мухаммеде”. Во время обороны г.Казани в 1552 г. Ишболда, по указанию ногайского военачальника “Улу бия”, оборонял пригород Казани Бишбалту на Ногайской даруге.⁷⁴ В этом “Улу бие” надо видеть “князя Нагайского” Зейнеша, т.е. “Улу бий” — это титул “Мангытского князя”. Кстати, титулу “улу бий” в Крымском ханстве соответствовал титул “улу бек” (в грамоте за 1516 г. князя Азики передан на русском языке как “великий князь”⁷⁵), обозначавший карача-бека.⁷⁶

По-видимому, именно с последней волной ногайцев связаны ряд просьб ногайской знати в 1550—1560-х гг. о возвращении в Ногайскую Орду людей, оставшихся после завоевания Казанского ханства на его территории. Так, в 1555 г. князь Исмагиль просил у Ивана IV Кошболдуя, родом кара-кыпчака, попавшего к русским “ис Казани”.⁷⁷ Через год Арслан мурза обращается к Ивану IV и пишет: “... в Казани взята жонка Ак Солтанюю зовут ..., с 2—3 человеки, ... отдал бы”.⁷⁸ В 1561 г. Исмагиль князь опять сообщает Ивану IV: “Во взятые Казанское мой слуга взят, ..., а родом уйшун Туючке богатырь, ... у тебя (находится)”.⁷⁹ В 1554 г. жена ногайского князя Тинахмета передает Ивану IV свою просьбу: “... Имиляш мой в полон взята. А в селе ... Коротаеве в Салтеках ... она живет у Аракчея, да Яналея”. Послание заканчивается обычным обращением — “сыскав отпустить ее”.⁸⁰ Однако далеко не все ногайцы возвращались в Орду: многие из них, надо полагать, еще раньше закрепились в отдельных районах Казанского ханства. Например, князь Исмагиль в 1555 г. сообщает в письме к Ивану IV как о самом заурядном событии о том, что

“в Казань ходила (из Ногайской Орды — *Д.И.*) жонка с сыном к племени (выделено мной — *Д.И.*) повидатца. А живет она в селе Вотенине”.⁸¹

Нахождение на территории Казанского ханства значительной группы мангытской знати в первой половине XVI в. является бесспорным. Правитель Ногайской Орды князь Юсуф, поэтому, мог в 1549 г. утверждать: “А нынче в Казани дочи моя, и племя (выделено мною — *Д.И.*) мне тамо есть”.⁸²

Ногайская даруга занимала южные районы Казанского ханства. Центром ее был г. Чаллы, о чем свидетельствует одна старинная татарская рукопись: “...город Чаллы был построен Казанским ханом в самом центре Ногайской дороги, т.е. из Казани к ногайскому хану, жившему около Мензелинска. Устроив защиту от ногайцев — город Чаллы на этой дороге, по имени которой и весь здешний край стал называться Нагайской дорогой, — Казанский хан поставил здесь одного человека беем, т.е. губернатором. Через некоторое время г.Чаллы очень усилился, стал многолюден и богат; один из его беев — Хаджи или Газы Гирей — решился поэтому отделиться от Казани и объявил себя независимым ханом. Несколько лет спустя ханом в Челнах сделался Хафиз-Гирей; при нем началась сильная война с Казанью. На второй год войны Казанский хан взял г.Чаллы, разорил и уничтожил его до конца, а Хафиз-Гирей с семейством своим бежал в Бухару. Многие ... ушли с Хафиз-Гиреем”.⁸³ Тут обращают на себя внимание два момента. Во-первых, “центральное” положение г.Чаллы для Ногайской даруги. Кстати, несмотря на содержащееся в рукописи указание о разрушении этого города, он существовал до 1556 г.⁸⁴ Особый его статус виден и по другим данным. В частности, Д.Г.Мухаметшин на основе изучения эпиграфических памятников периода Казанского ханства на территории рассматриваемой даруги выделил два центра — в районе среднего течения р.Меши и в округе Чаллынского городища.⁸⁵ Во-вторых, обнаруживается некоторое сходство имен Алгазья⁸⁶ и Гази (Хаджи) Гирея. Совпадают и их титулы — князь (бей). Далее, сопротивление реальной исторической фигуры — Алгазья, Мухаммед-Амину, явно продолжалось несколько лет (с 1487 по меньшей мере до 1492 г.). Наконец, уход жителей г.Чаллы “в Бухару”, можно трактовать и как их уход в Ногайскую Орду. Кстати, имя “Гирей” в данном случае может означать и племенное название — герэ (гирей, кераит). Кереиты (кераиты) не только входили в Ногайскую Орду в качестве отдельного улуса,⁸⁷ но и остатки их сохранились в XVII—XIX вв. довольно близко от места расположения г.Чаллы — в низовьях р.Белой.⁸⁸

Территория Ногайской даруги известна лишь на основе источников начала XVII в.⁸⁹ Тогда она занимала район, начинающийся от Казани и охватывающий левобережье р.Волги до Камы, правобережье р.Камы — до среднего течения р.Меши на севере и примерно до р.Б.Шумбут на востоке.⁹⁰ Но не исключено, что в период Казанского ханства конфигурация этой даруги была несколько иной. Например, в “Писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 гг.” в состав Ногайской даруги включена и “волость Терья на реке Каме”, т.е. бассейн р.Иж.⁹¹ Хотя в некоторых

более поздних документах данная зона отмечалась в составе Зюрейской даруги⁹² или даже включалась в Казанскую дорогу Уфимского уезда,⁹³ первоначально она все-таки была, видимо, частью Ногайской даруги. Об этом же говорит и фраза из рукописной истории о г.Чаллы: “Чаллы был построен... в самом центре (выделено мною — *Д.И.*) Ногайской дороги”. Поэтому, несмотря на то, что в конце XVII в. татарская д.Чаллы находилась уже в составе Зюрейской даруги,⁹⁴ некоторые исследователи полагают, что весь район “Чаллынского городка” был ранее частью Ногайской даруги.⁹⁵ Действительно, отдельные населенные пункты (например, д.Кугарчин), расположенные очень близко к этому городку, в 1617 г. относились к Ногайской даруге.⁹⁶

В начале XVIII в. бытовала и устойчивая традиция включать в состав Ногайской даруги ряд татарских селений (в основном, населенных служилыми татарами) Нагорной стороны р.Волги,⁹⁷ расположенных южнее Свяжского уезда в границах XVI—XVII вв. Вряд ли это случайно: в XVII в. даже отдельные татарские деревни южной части Свяжского уезда (например, д.Каирлы), входили в состав Ногайской даруги.⁹⁸ А рядом с д.Старое Кульметово того же уезда, в 1574 г. были известны “Нагайские станы”.⁹⁹ Недалеко от этого места в 1625 г. отмечается р.Кият,¹⁰⁰ явно названная по наименованию крупного племени кият (кият), известного среди племен, входивших в Ногайскую Орду.¹⁰¹

С этим же ареалом исторически связана одна из родословных записей, восходящая к Майкы бию (центральная линия шеджере: Майкы (Байкы) би — Нурыш бий — Рамазан — Якуп шейх — Юсуф — Давлетяр — Аюп). Как видно из родословной, Аюп жил в д. Кырык Садак (в XVIII—XIX вв. это селение относилось к Буинскому уезду Симбирской губ.). При нем Казань была взята русскими.¹⁰² Название деревни “Кырык Садак” объясняется из наименования одного из племен (улусов) Ногайской Орды — кырк.¹⁰³ Где-то, в этом же ареале, согласно “Казанской истории”, имелось “поле Отяково”,¹⁰⁴ названное, по-видимому, по имени ногайского князя Идяка, о котором уже говорилось.

В других частях Ногайской даруги присутствие ногайцев также прослеживается вполне явственно. В нижнем течении р. Иж находился “домен” указанного выше мурзы Ишболды.¹⁰⁵ С XVI в. тут отмечаются тюркские группы с племенным делением, по меньшей мере одна из которых известна и среди ногайцев.¹⁰⁶ По моему мнению, о проживании ногайцев в районе г.Елабуги, говорит и содержание “Баита о Елабуги”. Там сказано:¹⁰⁷

Алабуга ак шәһәр, тарихы озак яшәр,
Дошманга, яуга бирелмәс, юлына каршы төшәр.
Алабуга рус кулына Сәүгән ханнан калгандыр.
Сәүгән ханның мажарасы тарихта язылгандыр.
Атлар җиктем яратып, Саралыга каратып,
Саралы, Сәйтәк чукынган, кәфер утын таратып.
Алабуга олылары Туйгуҗа белән Аккуҗа

Сөрлектеләр илендән,
Сарай белән Сәетәкбәк чыктылар ислам диненнән.

перевод:

Елабуга белый город, история его будет долго жить,
Врагу, завоевателям не сдастся, будет им противостоять.
Елабуга досталась русским от Саугана хана,
История Саугана хана по истории известна.
Запряг я лошадей любя, направляясь в Саралы,
Саралы, Сейтяк крестились, распространяя огонь неверных.
Старшие в Елабуге Туйгузя и Аккузя,
Были сосланы из родных земель,
А Сарай и Сейтякбек покинули ислам.

Некоторые из упомянутых тут имен известны как этнонимы. Например, имя “Саралы” (Сарайлы) отложилось в названии “Саралы-минской волости” (племени), локализованной напротив г.Елабуги на левобережье р.Камы по соседству с байларцами в первой половине XVII в.¹⁰⁸ Употребление наименования “саралы” с определением “мин” (мең) — а так называлось одно из крупных племен кыпчакского происхождения в составе башкир и ногайцев¹⁰⁹ — позволяет считать “Саралы” представителем скорее всего племени уйшын из Ногайской Орды.¹¹⁰ Да и другие имена, известные из баита (Сәйтәбәк~Сәйтәк, Аккужа, Туйгужа), имеют явно ногайский облик.¹¹¹ Одна из этих имен встречается и в рукописной истории с.Старое Ермаково (Самарская обл.), где сказано: “... в 1521—1535 гг. при ханах Сафа-Гирее и Мухаммед-Амине из племени Туйхужа его сын Асыл-хужа — Хусаин получил ярлык на право владения землей близ Бугульмы... по р.Сок”.¹¹² Эти сведения частично перекликаются с родословной, опубликованной в 1914 г. Р.Фахретдиновым (но там годы пожалования Хусаина тархана Мухаммед-Амином — 1515 г., Сафа-Гиреем — 1527 г.).¹¹³ Учитывая район нахождения владений, речь надо вести именно о ногайцах. Эти данные подкрепляются преданиями удмурдов Елабужского уезда Вятской губ., согласно которым, их предки, жившие близко к р.Иж, сталкивались с народом “нугой” или “курук”¹¹⁴ (видимо, “кырык” — см. выше).

В бассейне р.Меши мы опять обнаруживаем следы ногайцев. Так, еще одно селение Саралы (Саралай Балги) в начале XVII в. существовало в бассейне р.Меши — недалеко от острога Укречь-Култук и д.Исенгелей.¹¹⁵ По мнению Е.И.Чернышева, данный населенный пункт, относившийся к Ногайской даруге, возник в период Казанского ханства.¹¹⁶ Надо полагать, что этот топоним отражает проживание в бассейне р.Меши в XVI в. ногайско-кыпчакских групп. Показательно также, что тут же в начале XVII в. отмечаются две деревни — Чойдарова и Шатки (Ногайская даруга), в которых жил “башкирский князь” Тимеген (или Татигач) Муралеев. В первом из этих селений в 1591 г. были даны земли “служилому татарину” Ишею Наурусову.¹¹⁷ Не исключено, что последний также был “башкирином”, так как в начале XIX в. известны тата-

ры, которые свое происхождение велят от “башкирских князей Наурусовых”.¹¹⁸ На самом деле в лице этих князей и служилых татар мы скорее всего имеем дело с выходцами из Ногайской Орды. Об этом говорят отдельные актовые материалы начала XVII в. Например, из грамоты 1617 г. выясняется, что служилый тархан Килей Монашев из д. Кугарчины Ногайской даруги получил “тарханскую грамоту” на “бобровые ловли, что за Камою рекою по Кинель речке”. Его брат, Булат Монашев, этими угодьями владел в 1613 г. Эти тарханы имели в Казанском уезде — в д. Кугарчино, поместья, но вотчина их находилась по р.Кинель “со всеми впадающими малыми реками” — в “Кыпчакской волости”, относившейся к Казанской дороге Уфимского уезда.¹¹⁹ На мой взгляд, перечисленные тарханы являлись представителями племени кыпчак, входившего в Ногайскую Орду.¹²⁰ Подкрепить приведенные данные можно историческими преданиями, сохранившимися среди кряшен района верхнего течения р.Меши (Лаишевский и Мамадышские уезды Казанской губ.). Некоторые их селения считаются основанными выходцами из “Астрахани”. Переселение “из Астрахани” может быть объяснено двояко: тут речь идет или о расселении из с.Астрахани Лаишевского уезда (русское селение), или же о городе Астрахани. В любом случае, упоминание в легендах Астрахани и наличие такого топонима в Лаишевском уезде, заслуживает внимания. Тем более, что в памяти жителей с.Карбаян (Богородское) из этого уезда, возводящих своих предков к выходцам “из Астрахани”, сохранились сведения об одном из их родоначальников — Исхаке, бывшем “княжеского рода” и при взятии Казани “командовавшем наездниками, казаками”.¹²¹ При учете роли ногайской конницы в Казанском ханстве, это предание приобретает достаточную историчность, тем более, что в рассмотренном ареале обнаруживаются и другие легенды, подкрепляющие данный вывод.¹²² Далее, в родословной знакомого нам уже Майки бия говорится, что часть племени табын “переселилась в Казанское ханство”. При этом указывается и территория проживания потомков этих переселенцев — “Мамадышский уезд”.¹²³ В данном случае видно, что табынцы проникли в бассейн р.Меши.¹²⁴ Кроме того, из шеджере тех же табынцев, явствует, что для них был характерен антропоним “Кабан”.¹²⁵ Между тем, по писцовой книге 1566—1568 г. Казанского уезда, среди владений архиепископа указываются села Каракчей-Кабан, Селик-Кабан и Кечей-Кабан,¹²⁶ которые в начале XVII в. относились к Ногайской даруге.¹²⁷ Очевидно, тут мы опять имеем дело с выходцами из Ногайской Орды.¹²⁸ В письменных источниках содержатся и прямые указания на то, что правобережные районы р.Камы — от места впадения в нее р.Вятки (Нократа) и до слияния Камы с Волгой — были зоной особого интереса Ногайской Орды. В 1536 г. Урак мурза, сын мурзы Алчагира, заявил: “...ныне по лету кочуочи до Казани докочевали, и торговали есми, а в Казань дружбы для есмя не дошли, занеже то известное наше кочевие к Казани кочевати”.¹²⁹ В том же году мурза Ших-Мамай (сын ногайско-

го князя Мусы) утверждал: “прошлые зимы Белую Волошку перелезши сын мой Хан-мурза твою землю (Ивана IV — *Д.И.*) Нократ воевал, ино уже ту землю мои люди видели, да и сами мы ту землю видели (выделено мной — *Д.И.*). А как мы там побываем и ты на нас не клади миня-ту”.¹³⁰ По-видимому, в данном случае имеется в виду территория Казанского ханства, а не Московской Руси. Во-первых, в русских летописях этот поход ногайцев не упомянут. Во-вторых, до 22 сентября 1536 г. в Казани правил ставленник Москвы хан Джан-Гали (Янали). Следовательно, ногайцами “воевание” территории “земли Нократа” могло восприниматься как вторжение на земли, подвластные русским. В послании Юныса мурзы и других мурз Ивану IV от 1550 г. предлагались совместные действия против Казани. Однако, несмотря на то, что летописце ногайцев тогда находилось “близко Камы на Еликопсере”, мурзы выбрали весьма странный маршрут для своих отрядов. Они сообщали, что на себя возьмут взятие острогов и крепостей по Арской даруге, а русским войскам предлагали “отнять” три другие даруги: Окречскую, Нагайскую и Якийскую.¹³¹ Так как Ногайская даруга начиналась сразу за двумя известными на Каме перевозами — Лаишевским и Чаллинским,¹³² нежелание ногайской знати воевать на территории этой даруги можно объяснить тем, что она находилась во владении мангытских князей.

Мне представляются, что приведенных сведений достаточно для того, чтобы прийти к следующему выводу: “Мангытский юрт” в составе Казанского ханства — это отдельное княжество (бэйлек) во главе с “Мангытским князем” (он же “Ногайский князь” русских источников). Последний и был в ханстве карача-беком (беем) из клана Мангыт. Именно об этом говорит следующий отрывок из сочинения А.Курбского: “... И отдаша нам царя своего (т.е. хана Едигер-Мухаммеда — *Д.И.*) со единым корачом, што наибольшим их, и со двумя имилдеши. Царю их было имя басурманское Идигер, а князю оному Зениш”.¹³³ Как видим, речь идет о князе Зейнеше, о котором уже писалось.

Ногайская даруга (“Мангытский юрт”) территориально явно выходила в Закамье. Но об этом я буду вести речь во втором разделе своей работы.

Примечания

¹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследования ... — ч. II. — с. 442—423, 428.

² *Перетякович Г.И.* Поволжье в XV—XVI вв. ... — с. 183—184.

³ ПДРВ. — Ч. VIII. — С. 274.

⁴ ПСРЛ. — т. 13. — с. 157, 459.

⁵ Там же. — с. 148, 447; *Худяков М.* Очерки... — с. 103—112.

⁶ ПДРВ. — ч. VIII. — с. 274.

⁷ Там же. — с. 236. В документах имеются противоречия, поэтому нахождение Юнуса на “Мангытском месте” в Казани находится под вопросом. Возможно, он пробыл на этом “месте” очень короткое время.

⁸ В письме сказано: “А Юнус мирза Исупов сын ходил в Казань, хотел, чтобы его взяли на княженье. И казанцы его в Казань не пустили, людей

- многих у него побили” (Там же. — с.169).
- ⁹ ПДРВ. — ч.IX. — с.3.
- ¹⁰ Там же. — с.11.
- ¹¹ Там же. — с.13.
- ¹¹ Не исключено, что последняя попытка получения этого “юрта” ногайской знатью относится к 1556 г. В этом году Магмет мурза в письме Ивану IV просил: “Казань дай нам, и ми в Казани человека уставим..., в Казани юрт прочити хотим, чтобы пришед въехати в Казань” (Там же. — с.222). Этот мурза скорее всего был сыном ногайского князя Исмагиля (См.: *Новосельский А.А.* Борьба ... — приложение III). Иван IV еще в 1550 г. писал Исмагилю: “...о сыне Маамет-мырзе пошлю в Казань Шигалею царю..., чтобы сыном учинил, а племянница его... в Казани будет” (ПДРВ. — ч.VIII. — с.288). Похоже, что речь тут идет о возможной женитьбе мурзы на племяннице хана Шах-Галия.
- ¹³ Сборник РИО. — т.95. — с.313.
- ¹⁴ Там же. — с.358.
- ¹⁵ ПДРВ. — ч.IX. — с.76.
- ¹⁶ Там же. — с.169.
- ¹⁷ Там же. — с.220.
- ¹⁸ Там же. — с.241. О “меде годовом” речь идет и в послании князя Исмагиля Ивану IV за 1560 г. (ПДРВ. — ч.X. — с.130).
- ¹⁹ ПДРВ. — ч.X. — с.27.
- ²⁰ ПДРВ. — ч.XI. — с.181. Такую же по сумме выплату князь Исмагиль получал и из Астраханского ханства.
- ²¹ Там же. — с.234.
- ²² По-видимому, речь идет об Ибак мурзе, сыне Алач мурзы (последний — сын мурзы Емгурчей; Емгурчей был братом ногайского князя Мусы. — См.: *Посольская книга ...* — с.66; ПДРВ. — ч.VII. — с.235).
- ²³ Там же.
- ²⁴ Сборник РИО. — т.41. — с.504.
- ²⁵ Там же. — с.116.
- ²⁶ ПСРЛ. — т.11—12. — с.248; ПСРЛ. — Т.28. — С.328.
- ²⁷ Среди детей князя Ногайской Орды Мусы известен его сын князь Идяк (См.: *Родословная книга.* — с.130). Муса умер после 1502 г., но не позже 1507 г. и к этому времени был явно в возрасте, так как уже к 1488 г. имел взрослую дочь (за нее сватался казанский хан Мухаммед-Амин — См.: *Малиновский А.* Историческое ... — л.131. У этой работы имеется печатный вариант — см.: *Записки ООИД.* — т.5. — Одесса, 1863 г.). *Кочераев Б.-А.Б.* Ногайско-русские ... — с.70). Поэтому, Итяк (Идяк) мог быть мангытским князем, находившемся в казанском ханстве. Кроме того, по источникам в 1505 г. известен еще один “казанский князь” по имени “Кара-Килимбет” (при “стяжении” — “Келемет” ~ “Канымет”), сидевший в Уфе и посылавшийся ханом Мухаммед-Амином в Москву с дипломатическим поручением (*Усманов А.Н.* Присоединение ..., 1960. — с.52.). Но скорее всего, это не тот Канымет, Итяков брат, так как в некоторых русских летописях сообщается, что “Казанского князя Калеметя” хан Мухаммед-Амин убил еще в 1502 г. (ПСРЛ. — т.37. — с.52, 99). Этому сообщению противоречит и упоминание в 1508 г. в “ногайских делах” Кулахмета, брата ногайского мурзы Алчагира; отцом их был князь Муса (*Посольская книга...* — с.71). На это

- указываю потому, что от Кулахмета тоже может получиться Куламет ~ Канымет.
- ²⁸ Сборник РИО. — т.41. — с.116.
- ²⁹ ПДРВ. — ч.VIII. — с.111; *Кочекаев А.-А.Б.* Ногайско-русские... — с.26.
- ³⁰ Сборник РИО. — т.41. — с.84.
- ³¹ ПСРЛ. — т.37. — с.50, 96.
- ³² Сборник РИО. — т.41. — с.84.
- ³³ Посольская книга... — С.15.
- ³⁴ Сборник РИО. — т.41. — с.94.
- ³⁵ См.: Сборник РИО. — т.41 — с.84. Посольская книга... — с.18—19.
- ³⁶ *Ахметзянов М.* Татарские шеджере ... — с.49.
- ³⁷ *Баскаков Н.А.* Ногайский язык ... — с.137; *Калмыков И.Х.* Из истории ... — с.92.
- ³⁸ *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — с.50.
- ³⁹ Сборник РИО. — т.41; Сборник РИО. — т.95. — с.50.
- ⁴⁰ ПСРЛ. — т.13. — с.122.
- ⁴¹ Там же. — с.202.
- ⁴² ПДРВ. — ч.X. — с.253, 261.
- ⁴³ Там же. — с.224.
- ⁴⁴ Известно шеджере Хасана (Хусаина), в котором он отмечен как выходец из Крыма (*Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — с.47).
- ⁴⁵ *Худяков М.* Очерки... — с.35.
- ⁴⁶ ПДРВ. — ч.VIII. — с.146.
- ⁴⁷ Там же. — с.210, 216, 276.
- ⁴⁸ ПСРЛ. — т.13. — с.32, 57, 69, 105. Нахождение Булата Ширина на должности беклерибека в русских летописях было зафиксировано дважды — в 1533 и 1536 гг. в формуле “Булат князь в головах”.
- ⁴⁹ Там же. — с.171.
- ⁵⁰ Там же. — с.57.
- ⁵¹ Там же. — с.167.
- ⁵² Там же. — с.171.
- ⁵³ Там же. — с.247, 269.
- ⁵⁴ Там же. — с.46.
- ⁵⁵ Кърымтатар ... — с.43. Согласно Абулгази Идегей был из племени “ак-мангыт” (*Жирмунский В.М.* Тюркский ... — с.364, 413). Между тем, подразделение “бодырак” было известно именно среди ак-ногайцев (*Баскаков Н.А.* Ногайский язык...) О существовании родовой ветви “бодрак” в составе племени (куб) конгур среди едишкульских ногайцев сообщает и И.Х.Калмыков (*Калмыков И.Х.* Из истории... — с.92—93).
- ⁵⁶ ПДРВ. — ч.VIII. — с.216.
- ⁵⁷ ПСРЛ. — т.13. — с.172.
- ⁵⁸ Там же. — с.167.
- ⁵⁹ *Худяков М.* Очерки... — с.138.
- ⁶⁰ ПДРВ. — ч.VIII. — с.128.
- ⁶¹ *Кушева Е.Н.* Политика ... — с.236.
- ⁶² Там же. — с.128. С ногайцами оно было связано по меньшей мере с 1501 г., так как было получено известие, что “Муртоза ныне в Тюмени, а с Муртозою Азыка князь (Мангыт — *Д.И.*); а Тюмень и Черкасы Орде недруги” (Сборник РИО. — т.41. — с.358). Некоторые данные об этом княжестве со-

- держатся и в работе А.Малиновского (Историческое... — л.93).
- ⁶³ ПСРЛ. — т.13. — с.322.
- ⁶⁴ *Дунаев Б.И.* Пр. Максим Грек ... — с.57—58, 62; Посольская книга... — с.69; *Кочкаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — с.106—107; Временник МОИДР. — кн.10. — с.130.
- ⁶⁵ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — ч.II — с.32, 86.
- ⁶⁶ *Кушева Е.Н.* Народы ... — с.230.
- ⁶⁷ ПСРЛ. — т.13. — с.176, 202.
- ⁶⁸ Там же. — с.247.
- ⁶⁹ ПДРВ. — ч.IX. — с.30.
- ⁷⁰ Там же. — с.33.
- ⁷¹ ПСРЛ. — т.13. — с.179.
- ⁷² Казанская история. — с.112.
- ⁷³ ПСРЛ. — т.13. — с.202, 212, 498. По мнению М.Г.Худякова, в обороне Казани участвовали 3 тыс. ногайцев (*Худяков М.* Очерки... — с.150).
- ⁷⁴ *Ischboldin B.* Essays ... — p.p.172—173.
- ⁷⁵ Сборник РИО. — т.95. — с.312.
- ⁷⁶ *Инальчик Х.* Хан... — с.77.
- ⁷⁷ ПДРВ. — ч.IX. — с.167.
- ⁷⁸ Там же. — с.248.
- ⁷⁹ ПДРВ. — ч.X. — с.160.
- ⁸⁰ ПДРВ. — ч.XI. — с.55. Село Каротай и д.Салтык, населенные “татарами, чувашами и полоненниками”, известны в Свияжском уезде по писцовой книге 1565—1567 гг. (Список с писцовой и межевой ... — с.106—107).
- ⁸¹ ПДРВ. — ч.X. — с.156.
- ⁸² ПДРВ. — ч.VIII. — с.205.
- ⁸³ О Чаллинском ... — с.278—279.
- ⁸⁴ ПСРЛ. — т.13. — с.269. “Чалымский городок” в летописи упоминается в связи с посылкой русских военных отрядов против “побережских людей”, т.е. против населения Ногайской даруги. Упоминание в “ногайских делах” в 1550 г. “Чалыева перевоза” свидетельствует о существовании этого города и в более раннее время (ПДРВ. — ч.VIII. — с.278).
- ⁸⁵ *Мухаметшин Д.Г.* Эпиграфические памятники ... — с.126. Возможно, что такое “двоецентрие” было связано с временной потерей значения городом Чаллы после его разрушения предположительно в конце XV в.
- ⁸⁶ В период Казанского ханства в составе Ногайской даруги существовала деревня Альгазы, упомянутая в 1563 г. (*Чернышев Е.И.* Селения... — с.277).
- ⁸⁷ ПДРВ. — ч.X. — с.23; *Кочкаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — с.26; *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы ... — с.21.
- ⁸⁸ *Исхаков Д.М.* Из этнической ... — с.39.
- ⁸⁹ Писцовая книга Казанского уезда ... — с.39—66.
- ⁹⁰ См. карту, помещенную в книге “Писцовая книга Казанского уезда” ...
- ⁹¹ Там же. — с.39.
- ⁹² ГА Кировской обл., ф.170, оп.1, ед.хр.32. — л.л.2, 4.
- ⁹³ ГА Оренбургской обл., ф.96, оп.2, ед.хр.43. — л.431; РГИА; ф.1350, оп.96, ед.хр.563, ч.2 “В” — л.л.72—77.
- ⁹⁴ РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.2 “В” — л.47об.
- ⁹⁵ *Чернышев Е.И.* Селения... — с.277—278.
- ⁹⁶ РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.2 “В” — л.35об.

- ⁹⁷ РГАДА, ф.350, оп.1, ед.хр.157; РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.1221 (Ногайская дорога).
- ⁹⁸ РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.2 “В”. — л.51.
- ⁹⁹ *Перетякович Г.* Поволжье в XVII ... — с.69; *Чернышев Е.И.* Селения... — с.290.
- ¹⁰⁰ *Мартынов П.* Селения ... — с.127.
- ¹⁰¹ Посольская книга... — с.39, 58. (1491 г.); ПДРВ. — ч.Х — с.136 (1560 г.).
- ¹⁰² *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — с.42. Другой вариант родословной см.: *Усманов М.А.* Татарские ... — с.189.
- ¹⁰³ ПДРВ. — ч.VIII. — с.III; ПДРВ. — ч.Х. — с.175.
- ¹⁰⁴ В источнике сказано: “...внидоша в землю Казанскую, и приближашася к реце Свияге, на поле Отяково...” (Казанская история. — с.68). В писцовой книге Свияжского уезда 1565—1567 гг. известны деревни Большое и Малое Итяково (население — “татары” и “чуваши”). (Список с писцовой и межевой ... — с.126; РГАДА, ф.1209, ед.хр.848). Не исключено, что они названы по имени князя Идяка (Итяка). Скорее всего, его имя звучало как “Үтәк”.
- ¹⁰⁵ *Isboldin B.* Essays... — p.174—175.
- ¹⁰⁶ Речь идет о племени байлар (*Исхаков Д.М.* Из этнической ... — с.36—47). В Ногайской Орде существовал улус “Байулу” (ПДРВ. — ч.Х. — с.159), название которого практически совпадает с этнонимом “байлар” (бай+окончание множественного числа -лар.). Кроме того, по соседству с байларцами рассеялись еще представители племени елан, являющегося кыпчакским формированием (*Кузеев Р.Г.* Происхождение ... — с.362—363).
- ¹⁰⁷ *Яхин А.Г., Бакиров М.Х.* Фольклор ... — 127 б.).
- ¹⁰⁸ *Исхаков Д.М.* Из этнической ... — с.37—38, 40, 43.
- ¹⁰⁹ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — с.306—310.
- ¹¹⁰ ПДРВ. — ч.IX. — с.166; ПДРВ. — ч.Х. — с.160.
- ¹¹¹ *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — с.96; *Его же.* Идел—Жаек ... — 65 б.; ПДРВ. — ч.VII. — с.240; ПДРВ. — ч.Х. — с.226—227; Посольская книга... — с.16; Временник МОИДР. — кн.10 — с.130; Родословная книга, издаваемая ... — ч.II. — с.26—32.
- ¹¹² Из летописи с.Ст.Ермаково. Рукопись из личного архива автора.
- ¹¹³ *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — с.55.
- ¹¹⁴ *Потанин Г.Н.* У вотяков ... — с.192.
- ¹¹⁵ Писцовая книга Казанского уезда ... — с.63.
- ¹¹⁶ *Чернышев Е.Н.* Селения... — с.276.
- ¹¹⁷ Писцовая книга Казанского уезда ... — с.42—43, 63.
- ¹¹⁸ ГА Оренбургской обл., ф.6, оп.3., ед.хр.3784.
- ¹¹⁹ РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.2 “В”. — л.л.19—22, 35 об.
- ¹²⁰ *Кочеев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — с.26.
- ¹²¹ *Исхаков Д.М.* Этнографические ... — с.126—127.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — с.270—271, 281.
- ¹²⁴ *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим ... — с.63—64.
- ¹²⁵ *Нэзерголов М.Г.* Кара-табын ... — с.82
- ¹²⁶ Список с писцовых книг ... — с.67.
- ¹²⁷ *Чернышев Е.И.* Селения... — с.276.
- ¹²⁸ Подробнее обоснование см.: *Исхаков Д.М.* Тарихи ... — 45 б.; *Его же.* Идел-Урал буе ... — 78—93 бб.

¹²⁹ ПДРВ. — ч. VII. — с. 350.

¹³⁰ Там же. — с. 326.

¹³¹ ПДРВ. — ч. VIII. — с. 277—278. “Якийская дорога” тут, как уже отмечалось, это Галицкая даруга. Ситуация с “Окречской дорогой” не ясна. С одной стороны она могла быть названа по острогу Укречь-Култук. Но если иметь в виду, что в начале XVII в. Укречь-Култук относился к Ногайской “дороге” (*Чернышев Е. И.* Селения... — с. 276), то под “Окречской дорогой” следовало бы понимать обычную дорогу, ведущую к этому острогу. Но с другой стороны, в 1597—98 гг. известна д. Укречь, относившаяся к Зюрейской “дороге”. Если рассматриваемая “дорога” была названа по д. Укречь, то тогда под “Окречской дорогой” следует понимать Зюрейскую “дорогу”, что более вероятно.

¹³² ПДРВ. — ч. VIII. — с. 278.

¹³³ Сочинения князя Курбского. — Т. 1, с. 200.

§2. Арская даруга.

Существование такой административно-политической единицы, как Арская даруга, уже в период Казанского ханства, бесспорно. Труднее обосновать ее связь с так называемыми “Арскими князьями”. Поэтому, вначале я хочу сосредоточиться на этой группе знати. Тем более, в литературе начала высказываться ошибочная точка зрения об удмуртском происхождении “Арских князей”.¹

В первый раз они упоминаются в русских летописях в 1489 г. при описании присоединения Вятской земли к Московскому государству: “...а Вятчан больших людей и з женами и з детьми изведоша, да и Арских князей”. Далее сообщается, что “князь великий (Московский — *Д. И.*) ... Арских князей пожаловал... отпустил вь свою землю”² (выделено мной — *Д. И.*). Уже в конце XIX в. отдельные исследователи обратили внимание, что в некоторых русских летописях, например, в Рязанской, “Арские князья” названы “князьями Татарскими”.³ После 1489 г. та группа “Арских князей”, которая была близка к Вятской земле, вошла в состав Русского государства, что видно из ряда документов. Об этом, например, говорит духовная грамота великого князя Ивана Васильевича (1504 г.): “...Да сыну же своему Василью даю Вяцкую землю всю, города и волости, и со всем, что в ней потягло, и с арскими князьями, как было при мне”.⁴ Кроме того, такой же вывод можно извлечь из анализа опубликованных и неопубликованных жалованных грамот “Арским князьям” первой половины XVI в.⁵ Рассматриваемая группа “Арских князей” была сосредоточена в крупном населенном пункте с укрепленным городком — Нукрате (другое название — Карино), расположенном в бассейне р. Чепцы недалеко от г. Слободского.⁶ Приведу лишь отрывки из жалованных грамот, свидетельствующих об этом. Так, в наиболее ранней из сохранившихся грамот (1505 г.) речь идет об “Арских князьях”, но в тексте они один раз названы “князьями в Карине”.⁷ В грамоте Василия Ивановича, отправленной в 1522 г. “на Вятку в Слободской городок”, прямо сказано: “каринские князья... которые живут

в Слободском уезде”.⁸ Потомки этих князей до конца XVIII в. отчетливо помнили о принадлежности своих предков к группе “Арских князей”. Например, в “Наказе”, подготовленном в 1767 г. для Екатерининской комиссии, служилые татары Слободского уезда писали: “Предки наши были Арские князья, и до взятия еще царем Иваном Васильевичем города Казани... в вечное подданство подписались служить великому князю Василию Ивановичу”.⁹ Историческая память в данном случае не подвела татар, тем более, что они опирались на имеющиеся у них на руках тексты жалованных грамот.¹⁰ Поэтому, можно присоединиться к мнению такого знатока истории Вятского края, как А.А.Спицын, который полагал, что до 1489 г. рассмотренные выше “Арские князья” входили в состав Казанского ханства, но затем перешли на русскую службу, впрочем, “тянули больше к Казани, чем Москве”.¹¹

Но другая часть “Арских князей” продолжала находиться на территории Казанского ханства. Центром их был г.Арск, о чем свидетельствует летописное сообщение за 1496 г., рассказывающее о походе севшего на казанский престол хана Мамука совместно с “Казанскими князьями”, на Арск: “...царь Мамукъ ... прииде ... ратию подъ Арский городок. Арские же князи града своего не здаша, но бишася съ ними крепко...”¹² Следующее упоминание “Арских князей” относится к 1531 г., когда они были выделены казанскими послами в Москве как самостоятельная политическая сила (группа) в Казанском ханстве.¹³ В последний раз двое “Арских князей” в летописях появляются в 1552 г. Один из них — “Богодан князь Арский”, был среди тех знатных лиц, которые пытались уговорить оставшихся в Казани после ухода отсюда хана Шах-Гали, договориться с московскими боярами.¹⁴ Другой — “Арьский князь Явуш”, находился среди тех, кого казанский хан Едигер-Мухаммед в 1552 г. отправил на Арьскую засеку”, чтобы не пропустить русские отряды “на Арьское”,¹⁵ т.е. в направлении г.Арска. Посылка князя Явуша для прикрытия арского направления не была случайной — в “Казанской истории” говорится, что при взятии в 1552 г. русскими г. Арска в плен попали “князей арских 12, и воевод черемисских 7, и земских людей лутчих избравшие сотников старейшин 300 и всех до 5000 человек”.¹⁶

Показательно, что находившиеся в г.Арске “Арские князья” располагались весьма крупным контингентом, включающим и чисто военные подразделения из казаков (на это намекает выражение “людей лутчих”, “сотников старейшин” — детальнее см.ниже). Сам г.Арск был весьма укрепленным населенным пунктом, так как про него в “Казанской истории” сказано: “... острог старый..., аки град тверд, и з башнями и з бойницами”. Там находилось “много людей” и острог “берегли велмо, и не бе взиман ни от коих же ратей”.¹⁷ Центральное положение Арска по отношению к территории Арской даруги, его укрепленность, наличие в нем целой группы “Арских князей” со множеством людей, позволяет высказать предположение, что город был административным центром этой даруги.

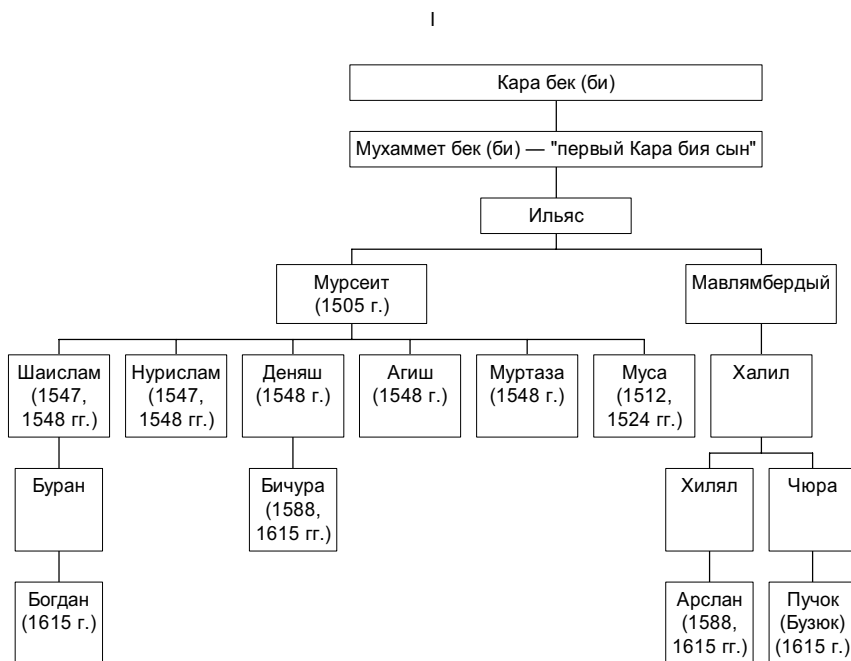
Теперь постараемся выяснить происхождение “Арских князей”. Основная информация об этом заложена в сохранившихся генеалогиях представителей этой группы.¹⁸ Но эти генеалогии имеют два недостатка: во-первых, они довольно запутаны и не содержат каких-либо хронологических указаний; во-вторых, имеющиеся родословные почти полностью связаны с той частью “Арских князей”, которая проживала в Нукрате (Карино).¹⁹ Однако, разные группы “Арских князей” были тесно связаны друг с другом. Прежде всего, необходимо обратить внимание на одно замечание П.Сорокина, глубоко исследовавшего в конце XIX вопрос об “Арских князьях”. Он писал, что потомки ветви этих князей — Касимовы из д. Карино (Нукрат), “считают первыми переселенцами в Карино Касима Газыева, будто бы из Арска.”²⁰ Хотя Касима к числу “первых переселенцев” в Нукрат (Карино) отнести невозможно,²¹ показательное само выведение его в народной традиции “из Арска”. Заслуживает внимания и присутствие в общей генеалогии “Арских князей” имени упомянутого выше на территории Казанского ханства “Арского князя” Явуша в форме “Чуаш” ~ “Чуваш “ бек.²² Этот факт важен потому, что не позже 1512 г. отношения между “Арскими князьями”, оставшимися на Вятской земле, которая после 1489 г. фактически вошла в состав Московского государства, и Казанским ханством, временами могли быть враждебными.²³ Наконец, из генеалогий, записанных в 1784 г. в Нукрате (Карино), видно, что дети Хусаина, чьи братья Мурсеит и Мавлямбердий жили в конце XV — начале XVI вв.,²⁴ находились “в Арской округе... в деревне Шабулате”,²⁵ т.е. на землях Казанского ханства.

Выяснение хронологических рамок генеалогии “Арских князей” дело непростое. Для проведения такой работы центральную часть этих генеалогий необходимо разделить на две части — до звена Кара-бека и начиная с него. Дело в том, что более древняя часть шеджере (до Кара-бека) датируется весьма приблизительно, тогда как датировка второй половины генеалогии (начиная с Кара-бека) может быть перепроверена и введена в исторические рамки на основе сохранившихся жалованных грамот, эпиграфических и актовых материалов. Сами генеалогические таблицы приводятся в упрощенной форме (см. таблицу 1),²⁶ так как главная цель в данном случае не выяснение подлинности всех звеньев шеджере, а определение примерной даты жизни известных по документам личностей, фигурирующих в родословных. В конечном счете на этой основе должна быть выяснена общая хронологическая канва генеалогий “Арских князей”.

Как видно из генеалогических линий I и II, от известных по историческим документам потомков Кара-бека Мальша (1505 г.), Мурсеита (1505 г.), Сейтяка (1495—1555 гг.)²⁷ до самого Кара-бека (бея) есть два поколения, время жизни которых может быть примерно определено: судя по данным XVI в., на одно поколение “Арских князей” в этом столетии приходилось 25—40 лет (медиана — около 32 годов), что укладывается в стандарты, применяемые обычно в генеалогических изыска-

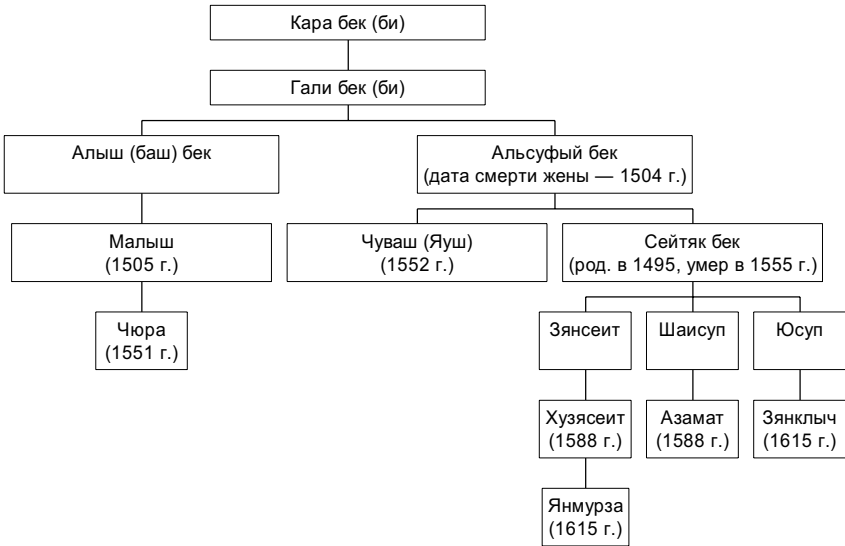
ниях — 25 лет на одно поколение. Но прежде чем использовать эти подсчеты, приведу высказывание потомка Мурсеита (через его сына Деняша), проживающего в Нукрате (Карино): “У нас имеется шеджере, которое велось с 867 года (1462—63 гг. — *Д.И.*). Это родословное было длинным, как палас. На самом верху там стояло имя предка Мирсаита....”²⁸ Видимо, 1462—63 гг. — это время рождения Мирсаита (Мурсаита) или дата начала его родословной.²⁹ Отсюда вывод: Кара бек мог жить в конце XIV — начале XV вв.³⁰ Генеалогическая линия III, связь которой с Кара беком остается невыясненной, до известному по жалованным грамотам Газы бия (Ших) — Мансурова сына, имеет также три поколения, восходя к началу XV в. Правда, эта генеалогия более запутана и ее верхние два “звена” могут быть оспорены. Тем не менее, сохра-

Таблица 1. Генеалогии “Арских князей”*

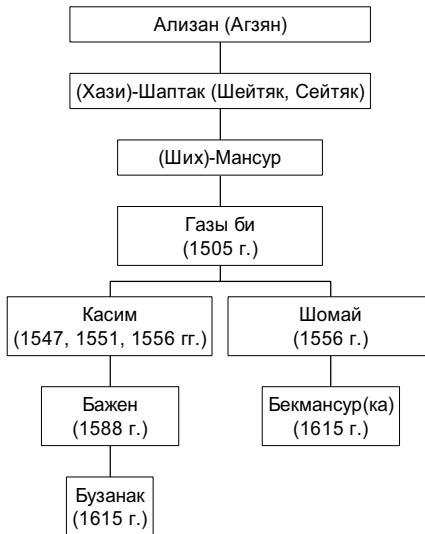

* В скобках указаны годы упоминания звеньев родословной в документах. У Сейтяк бека отмечены годы рождения и смерти. Кроме того, он известен по жалованным грамотам 1547 и 1551 гг.

II

III

нился документ от 1787 г., посвященный “отыскиванию княжеских прав” татарами д.Нукрат (Карино) Слободского и д.Кестым Глазовского уездов Вятской губ., в котором упоминаются “князья Альзановы” (д.Нижний Погост — часть Нукрата) и “князья Альзаковы” (д.Кестым).³¹ Если учесть, что в указанных селениях жили потомки Газы бия (в д.Нижний Погост были потомками и других князей), то в “Ализане” (Агзине) шеджере можно видеть именно этого князя “Альзана” (Альзака). Стало быть, предок Газы бия Ализан в народной традиции признавался родоначальником части “Арских князей”.

Более древняя часть родословной Кара бека была изучена М.А.Усмановым и М.И.Ахметзяновым.³² Последний опубликовал несколько версий шеджере Кара бека, позволяющих провести реконструкцию родословной по центральной линии до звена “Бачтан(Бачман) султана”: Кара бик — Ханбар(Канбар) бик — Калдар(Калдур) бик — Балым бик (солтан) — Бачтан (Пачман) солтан (хан).³³ М.И.Ахметзянов высказал мнение, что упоминаемый в родословной Бачман султан является предводителем кыпчаков, оказавших в 1237 г. сопротивление войскам Батый хана в низовьях р.Волги.³⁴ Правда, от Кара бека до Бачмана числа поколений маловато. Но в родословной они могли сократиться, в т.ч. и из-за путаницы в коленах — а некоторые признаки такой путаницы в отдельных вариантах генеалогий Кара бека наблюдаются.³⁵ В пользу того, что речь в родословных идет о Бачман султани, говорит одно историческое предание, записанное П.И.Рычковым у башкирского старшины К.Мулакаева (из Ногайской дороги Уфимского уезда), опиравшегося на “татарскую историю”, бывшую у него. Там “Басман хан” называется “ногайским ханом”, но место его жительства указывается как “Актюба”. Оно помещается в 6 верстах от г.Оренбурга.³⁶ В татарской исторической традиции, отраженной в “Дафтар-и Чингиз-наме” (XVII в.), этот факт признается: “Актюба есть юрт Пачман хана,” — сказано в источнике.³⁷ Между тем, исторический Бачман султан, являвшийся предводителем (эмиром) племени “ольбурлик” из “народа Кыпчак”, погиб в низовьях реки Волги,³⁸ где, как известно, есть р.Ахтуба. По данным П.Голдена, olberli (olperli) — это часть правящей группы у восточных кыпчаков (“диких половцев”), оказавшихся в Поволжье между 1115—1150 гг.³⁹ Судьбу этой группы в период Золотой Орды проследивает М.И.Ахметзянов, на основе анализа генеалогий пришедший к выводу, что эта группа кыпчаков в золотоордынское время вначале оказалась в Причерноморье и в Крыму, а затем (около 1380-х гг.) мигрировала в Волго-Уральский регион, переселившись в район низовьев рек Белой (Агидель), Яика и Сакмары.⁴⁰

Присутствие кыпчаков в этом районе подтверждается и другими материалами. В частности, имя Калдар бека, деда Кара бека, фигурирует среди имен предводителей племен, сохранившихся в “Дафтар-и Чингиз-наме”⁴¹ и явно локализованных в Поволжье. Кроме того, М.И.Ахметзянов в своей новой работе привел данные, показывающие, что и отец Кара бека — Ханбар бек, жил в районе р.Камбарка (в Удмуртии).⁴² Я со своей

стороны могу добавить, что в лице Балым бека мы, быть может, имеем дело с легендарным правителем Балымерского городища “Балым гозей” (Балым~ Мәлүм хужа).⁴³ Не исключено, что встречающиеся в 1367—68 гг. в титулатуре великого князя Нижегородского Дмитрия Константиновича (умер в 1383 г.) сочетание “болгарской и болгарской” (князь),⁴⁴ образовано во второй части от “Балыгуза” (Балымуз~Балымес), происходя от имени Балым (Балын) бека. Да и название “Балымер” явно производно от него же, означая, по-видимому, “крепость Балыма” (Балым+ыр~ор; последнее слово в тюркских языках обозначает “укрепление, крепость”).

Кыпчакское происхождение Кара бека и его потомков — “Арских князей”, вытекает не только из генеалогий. Дополнительным аргументом, подтверждающим принадлежность Бачмана и его потомков к кыпчакам, служит существование у башкир рода Бушман кыпчак-части племени кыпчак.⁴⁵ Далее, антропонимия из родословной Кара бека содержит ряд имен, встречающихся именно у тех народов, которые говорят на кыпчакских языках.⁴⁶

В некоторых вариантах родословных “арских князей” нашел отражение высокий статус Кара бека. В частности, в деле, посвященном разбору вопроса о “княжеском и мурзинском” происхождении татар из с. Нукрата (Карино), приводится следующий отрывок из родословной: “... о роде Арасланова от хана Кара бия; у него было 2 сына — Мухаммет и Гали, у Мухаммета Ильяс, у него 2 сына: Мурсеит, Мавломберди”.⁴⁷ Кроме того, в одной из родословных напротив имени внука Кара бека — Алыш бека, есть приписка — “баш бик”, т.е. главный бек.⁴⁸ Не соответствует ли это определение титулу “улу бий”? Вполне возможно. Да и сам титул “бек” среди потомков Кара бека передавался не всем — из родословных видно, что один из сыновей Кара бека был только мурзой.⁴⁹ В дальнейшем титул “бек” сохранялся у потомков Гали бека, который был явно младше Мухаммет бека, “первого Кара бия сына”. Такая система весьма напоминает передачу “юрта” старшему в клане карача-беев, отчетливо прослеживаемую в Крымском ханстве.⁵⁰ Выделение в летописном сообщении 1531 г. “Арских князей” в самостоятельную группу, на мой взгляд, также говорит о том, что они были карача-бееми, так как в этом сообщении в лапидарной форме перечислены имевшиеся в Казанском ханстве даруги.

Поэтому я считаю, что Кара бек и другие “Арские князья” принадлежали в Казанском ханстве к одному из кланов карача-беев, а именно, к клану Кыпчак. Следовательно, в лице Арской даруги мы имеем дело с княжеством Кыпчаков. Его территория до 1489 г. доходила до р.Чепцы, но затем несколько сократилась, охватывая, тем не менее, значительную зону, которая и была известна в начале XVII в. как Арская “дорога”. На конце этой даруги “сидели” удмурты, а в центре — “Арские князья” с подчиненным им тюркским населением. Последнее включало в свой состав и “Арских татар” — во всяком случае они известны в XVI в. в Нукрате (Карино).⁵¹ Эти “арские татары”, отличные от “Арских князей”, были тоже служилым населением. В источниках эти две

группы между собой не смешиваются. В Нукрате (Карино) отмечаются еще “чуваши” (XVI — начало XVII вв.), отношение которых к “арским татарам” не вполне ясно, но в ряде случаев те и другие выделены как самостоятельные группы.⁵² Это важно потому, что на территории Казанского ханства в 1551 г. отмечаются “Чюваша Арьская”,⁵³ скорее всего бывшие жителями Арской даруги. Следовательно, на территории Арской даруги кроме “арских чуваш” могли быть и собственно “арские татары” (не князья). Во всяком случае, на это намекает то место из “Казанской истории”, где говорится о “сотниках старейшин 300”, под которыми надо понимать рядовых татар-казаков. “Арские наездники, казаки” времен взятия Казани в 1552 г., упоминаются в одном татарском предании, записанном в XIX в.⁵⁴ Нахождение в Арске во время его осады в том же году 5000 человек (в некоторых редакциях “Казанской истории” говорится о 15000),⁵⁵ также предполагает значительную военную силу, находившуюся в распоряжении “Арских князей”. Об этом же свидетельствует и эффективная оборона “Арских князей” против войск хана Мамука в 1496 г., когда они “града своего не здаша... бишася...к-репко”.⁵⁶ В данном случае подразумеваются собственные военные силы “Арских князей”, так как хан Мамук наступал на Арск вместе с “Казанскими князьями”.⁵⁷

Судя по генеалогиям “Арских князей”, Арская даруга возникла с самого начала формирования Казанского ханства. Так, Мирсайт (Мурсайт) мог находиться в Нукрате (Карино), бывшем северным форпостом Арской даруги, уже в 1462 г. Нахождение “Арских князей” в Арске к 1496 г. при упоминании в 1469 г. в составе “всей земли”, подчиненной хану Ибрагиму, отдельной “Вотяцкой” единицы, подкрепляет этот вывод. Я не исключаю, что клан Кыпчак был в числе правящих еще в период существования Булгарского вилайета, оказавшись в составе Казанского ханства в результате трансформации вилайета в конце XIV — первой половине XV вв. в новое этнополитическое образование.⁵⁸

Примечания

¹ Странники отмеченной точки зрения полагают, что “Арские князья” приобрели “тюркские имена” пройдя “этап мусульманизации” (См.: *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные ... — с.20).

² ПСРЛ. — т.13. — с.221.

³ *Спицын А.* Свод ... — с.175. Такая же традиция наблюдается и во “Временнике “конца XVII в. (См.: Труды Вятской УАК. — вып.3. — с.38).

⁴ ДДГ, 1950. — с.437.

⁵ Столетие Вятской губернии. — т.II. — с.22—29.; ГА Кировской обл., ф.712, оп.13, ед.хр.66. — л.л.12—13; ф.583, оп.ед.хр.344. — л.118; оп.1, ед.хр.289, т.1. — л.л.109—113; ф.170, оп.1 ед.хр.11 — с.4, 9—11.

⁶ *Усманов М.А.* Татарские... — с.184—186; *Исхаков Д.М.* Патронимия ... — с.60—67; *Его же.* Татаро-бесермянские ... — с.16—38; *Его же.* Нократ ... — 175—179 бб. Второе название с.Нократа — Карино, объясняется из удмуртского языка, в котором “кар” — это “место, устроенное для защиты, защищенное место” (*Первухин Н.* Краткий очерк ... // ГА Кировской обл., ф.574, оп.2, ед.хр.4436. — л.29). По-видимому, в местные русские говоры, в кото-

- рых это слово имеет значение “толпа, стадо, очень много, пропасть”, оно попало из удмуртского (*Сорокин П. Вятский ...* — с.26).
- ⁷ ГА Кировской обл., ф.583, оп.4, ед.хр.344. — л.118.
- ⁸ ГА Кировской обл., ф.170, оп.1., ед.хр. 11. — с.4.
- ⁹ Труды Вятской УАК. — вып. III. — с.49.
- ¹⁰ См. там же. — с. 48—50.
- ¹¹ *Спицын А.* Вятская старина ... — с.5.
- ¹² ПСРЛ. — т.11—12. — с.243.
- ¹³ ПСРЛ. — т.13. — с.56.
- ¹⁴ Там же. — с.176.
- ¹⁵ Там же. — с.202.
- ¹⁶ Казанская история... — с.132.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Часть текстов родословных была опубликована (См.: *Усманов М.А.* Татарские... — с.181—187; *Исхаков Д.М.* Патронимия... — с.62; *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — с.43, 144—147. Наиболее полная сводка известных шеджере представлена в работе: *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре ... — 12—28 бб.). Но в архивах есть и другие варианты родословных (См.: ГА Кировской обл., ф.59, оп.1, ед.хр. 289, т.1. — л.л. 111—113; ф.583, оп.4, ед.хр. 344. — л.л.64—100).
- ¹⁹ Исключение составляет одно историческое предание, сохранившееся среди башкир Ногайской дороги Уфимского уезда и напечатанное П.И.Рычковым (См.: *Рычков П.И.* История Оренбургская ... — с.68—69). На него обратил внимание и М.И. Ахметзянов. *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре... — 18—20 бб.).
- ²⁰ *Сорокин П.* Арские князья ... — с.62.
- ²¹ Уже отец Касима — Гази би “Мансуров сын”, отмечается в начале XVI в. среди “Арских князей”, живущих в Нукрате (Карино) (См.: ГА Кировской обл., ф.583, оп.4, ед.хр.344. — л.118).
- ²² *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре... — 12, 26 бб.;
- ²³ В жалованной грамоте 1548 г. Ивана Васильевича речь идет о пленении одного из “Арских князей” — Мусы, “Казанскими татарами” (как и матери другого татарина). При чем Муса к 1524 г. был в плену 12 лет. С другой стороны, из текста документа видно, что “Арские князья” участвовали в походе “на Казань” в составе отряда вятчан во главе с князем В.С.Серебряным в 1524 г. (Древние акты ... — с.22—23; ПСРЛ. — т.13. — с.44). А.А.Спицын дает несколько иную датировку событий. По его мнению, Муса был пленен в 1524 г. (*Спицын А.А.* Вятская ... — с.6—7.). Думаю, что его датировка неверна.
- ²⁴ ГА Кировской обл., ф.583, оп. 4, ед.хр.344. — л.118.
- ²⁵ Там же. — л.л.64—100. Это сообщение подкрепляется и данными Н.И.Воробьева (Архив ИЯЛИ, ф.77. оп.4, ед.хр.5. — л.4. Название деревни дано в форме “Чембулат”).
- ²⁶ При составлении таблицы 1 кроме уже отмеченных жалованных грамот “Арских князей” была использована и “Дозорная книга Каринского стана Хлыновского уезда” 1615 г. (См.: Документы по истории Удмуртии ... — с.179—182; ГПБ (г.Санкт-Петербург, ф. Q-IV-256 — л.л.562—573.)
- ²⁷ У Сейтяка сына Альсуфый бека сохранилось надгробие, на котором указана дата его смерти — 1555 г., с добавлением, что он умер в возрасте 60 лет. (Рахим А.Булгаро-татарские ... — с.6). Следовательно, он родился в 1495 г. Кроме того, еще на одном надгробие за 1504 г. есть надпись, что оно постав-

- лено на могиле супруги Али бека. (Там же. — с.5) Скорее всего, это надгробие жены Аль (Али) — Суфый бека, если не его бабушки, жены Гали бека, сына Кара бека (последнее возможно, но менее вероятно).
- ²⁸ Татар халык иҗаты ... — 76 б.
- ²⁹ В генеалогии, записанной в 1784 г. в Нукрате (Карино), есть такие строки: “Мурсаит остался в Ильсове того Харабия, Мавлямбердий (по)селился (в) Нижний Погост” (ГА Кировской обл., ф.583, оп.4, ед.хр.344. — л.л.64—100). Эти строки показывают, что уже в конце XVIII в. Мирсаит(Мурсаит) воспринимался как основатель одной из линий “Арских князей”.
- ³⁰ Этот вывод мной был сделан раньше (См.: *Исхаков Д.М.* Нократ татарлары — 176 б.).
- ³¹ Столетие Вятской губернии ... — с.253.
- ³² *Усманов М.А.* Татарские исторические... — с.181—186; *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — с.43, 144—147; *Его же.* Идел-Җаек арасы... — 63 б. *Его же.* Татар халкы ... — 59—61, 63—65 бб.; *Его же.* Нугай Урдасы ... — 146, 149 бб. (Журнальный вариант статьи см.: Идел, 1993, №12. — 65—66 бб.); *Его же.* Казан ханнары ... — 63—64 бб.; *Его же.* Татар шәжәрәләре. — 12—28 бб.
- ³³ *Әхмәтҗанов М.* Татар шәжәрәләре. — 12—28 бб.
- ³⁴ Там же. — 25 б.
- ³⁵ См. там же. — 12 б.
- ³⁶ *Рычков П.И.* История Оренбургская... — с.68—69.
- ³⁷ *Әхмәтҗанов М.* Татар шәжәрәләре. — 25 б.; *Усманов М.А.* Татарские исторические... — с.116.
- ³⁸ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов ... — Т.2. — с.24, 35 (сообщения Джувейни, Рашид-ад-Дина).
- ³⁹ *Golden P.V.* Cumanica II ... — p.p.5—30; *Его же.* The Polovci Dikii ... — p.p.296—306. У них, как отмечает П.Голден, имелись определенные контакты с Русью, Волжской Булгарией и Хорезмом. Об этом также см.: *Исхаков Д.М.* О происхождении ... — с.97.
- ⁴⁰ *Әхмәтҗанов М.* Татар халкы ... — 65 б.; *Его же.* Татар шәжәрәләре... — 15 б.
- ⁴¹ *Әхмәтҗанов М.* Нугай Урдасы... — 146 б.
- ⁴² *Әхмәтҗанов М.* Татар шәжәрәләре... — 26 б.
- ⁴³ Его имя появляется в “Выписи” за 1698 г.: “...татара... сем человек, назывались..., у Большогози в сторожах... в прошлых годах, до Казанского взятия, исстари построен был бисурманской город Балымерской... а в нем был царь Большогози и он де Балыногози умер, да в тож де время был царь татарской Сафаралей, и того де Балымерского царя похоронил и построил над ним полату каменную...” (*Мельников А.* Акты ... — т.1. — с.180). Конечно, “царь Балыногози” при хане Сафа-Гирее жить не мог. Скорее всего, при нем был построен или восстановлен мавзолей над могилой этого “царя”. Эта могила пользовалась особым уважением татар и башкир. Например, А.Е.Александров пишет: “...где ныне Билярск, был прежде башкирский город Буламер... в котором имел пребывание один из храбрейших государей... (Там) находится ... магометанское кладбище... Балын-гусь... как татары, так и башкирцы уважают это кладбище и почитают его священным...” (*Александров Е.А.* Башкиры ...).
- ⁴⁴ Акты социально-экономической ... — т.3. — с.335. Это выражение сохранилось в “Местной грамоте” 1367—68 гг.
- ⁴⁵ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — с.53—59, 114, 179. По V ревизии (1795 г.) “Бушман-Кипчакская волость” относилась к Бугурусланскому уезду Орен-

- бургской губ. и соседила с волостями “Кипчакским” и “Бурзянским” (РГА-ДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.932). Род “бушман” у казахов отмечен в составе племени кунграт (*Кузеев Р.Г.* Происхождение... — с.179).
- ⁴⁶ См., например: *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим ... — с.62; Его же. Татарские шеджере... — с.84—85.
- ⁴⁷ ГА Кировской обл., ф.59, оп.1, ед.хр.289, т.1. — л.115. Кара би назван “ханом” и в родословной, находящейся среди бумаг Р.Фахретдинова (Архив Санкт-Петербургского отделения ИВ РАН, ф.131, оп.1, ед.хр.33. — л.1).
- ⁴⁸ Архив Санкт-Петербургского отделения ИВ РАН, ф.131, оп.1, ед.хр.23; *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре... — 12 б.
- ⁴⁹ *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре... — 12 б; ГА Кировской обл., ф.583, оп.4, ед.хр.344.
- ⁵⁰ *Manz Beatrice F.* The clans... — p.308; *Сыроечковский В.Е.* Мухамед-Герай... — с.34—35; *Инальчик Х.* Хан... — с.82—83.
- ⁵¹ Они называются в жалованных грамотах “арскими татарами”, “аран татарами” (1521, 1534, 1553 гг.) или “беляками” (1548 г.) (См.: Древние акты... — с.23, 25; ГА Кировской обл., ф.712, оп.13, ед.хр.66; *Исхаков Д.* Таблица ... — с.10).
- ⁵² См.: Там же. Кроме того, см.: *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские ...
- ⁵³ ПСРЛ. — т.13. — с.166, 467.
- ⁵⁴ Ими командовал некий Исхак из “княжеского рода” (*Износков И.А.* Спириток ... — с.122).
- ⁵⁵ Арча төбәге ... — 27 б.
- ⁵⁶ ПСРЛ. — т.11—12. — с.247.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ В пользу такой гипотезы можно привести несколько аргументов. В свое время А.Рахим в с.Куллары (Мамсинская волость Арского кантона) записал предание, по которому “из Болгар вышли три родоначальника; один основал г.Касимов, другой — село Ура (в Мамсинской волости), а третий — село Нократ” (*Рахим А.* Булгаро-татарские ... — с.56). Замечу, что упоминаемое тут село Ура было населено потомками “Арских князей” (См.: *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — с.43). В данном случае показателен факт подчеркивания выхода предков “из Болгар”, что может иметь под собой определенные основания. Я уже указывал на возможность тождества имен Балым бека и Балын гози. Сюда следует добавить, что анализ родословных Кара бека позволяет заключить, что он сам и его предки жили достаточно близко к территории Биляра и Бальмера. В частности, в одной из версий родословной говорится, что “Балым султан жил у Ика. (Он) владел (аяк бэйләп торды) обеими сторонами Ика и Зая”. В другой редакции шеджере владениями Балым бека, его сына Калдар бека и его внуков, названы земли у р.Агидели. Владения Кара бека и его двух братьев указаны там же, но с конкретизацией местонахождения — в “Учбуля” (Өчпулә). Населенный пункт с таким названием существует до сих пор в бассейне р.Агидели. (Дюртилинский район Башкортостана) (*Исхаков Д.* Нократ... — 176—177 бб.; *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре... — 12, 22 бб.). Связь Балым бека и его потомков с Биляром (или с Бальмером) обнаруживается и при анализе “Дафтар-и Чингиз-наме”. Согласно этому источнику, при осаде Тимуром города “Буларара” (Биляра), его правителем был хан Самат из племени барадж (Усманов М.А. Татарские... — с.113, 174—175). Это имя всплывает в шеджере племени юрматы, где говорится о “юрте хана Амат Хамата”. Из родословной видно,

что данный “юрт” находился в бассейне рек Зая и Шешмы (Башкирские шежере ... — с.27—35). Похоже, что Амаг~Хамат~Сагат, это одно и то же лицо. Скорее всего, он являлся исторической фигурой (некоторые соображения о нем, см.: Усманов М.А. Татарские... — с.115—116). Но в данном случае для нас важнее другое — в шежере племени юрматы отчетливо прослеживается его вхождение в Ногайскую Орду. В то же время в одной из версий шежере “Тамьян бия”, опубликованной М.И.Ахметзяновым, обнаруживается близость древних частей родословных Кара бека и Тамьян бия, указываются контакты Тамьян бия с мангытами:

“I Тамьян бий. II. Кара Мангыт бий. III Калдар (Калдра) бий. IV. Йулдар бий. V. Мангытай бий. VI. Балыйн бий”. Про последнего в шежере сказано: “дети Балыйн бия сына Мангытай бия, следующие: 1) Кажатин. 2) Апатин. 3) Унчазай. 4) Карай (Каржай). 5) Сермэт” (*Әхмәтҗанов М.И.* Нугай Урдасы... — 149 б.). Все данные показывают, что в лице Кара-бека и его предков мы имеем дело с тюркской группой, находившейся в Поволжье и входившей в состав какого-то кочевого или полуседлого объединения, пребывавшего в районе исторического Биляра (или Балымера) — в бассейнах Зая, Шешмы, Ика и Агидели. Это объединение позже имело отношение и к Ногайской Орде.

§3. Галицкая даруга.

При изучении вопроса о Галицкой “дороге” обнаруживается, что ее территория, по сравнению с другими даругами, имеет урезанный характер. Кроме того, источники четко не отделяют эту “дорогу” от соседней Алатской “дороги”. Например, в “Записи” от 1564—65 гг. д. Ибря отнесена к “Галицкой и Латской (Алатской) дороге “Казанского уезда”.¹ То же самое видим и в писцовой книге 1602—1603 гг., в которой часть населенных пунктов отнесена к “Галицкие и Алацкие дороги”, хотя из текста документа следует, что существовала и вполне самостоятельная “Дорога Алацкая”.² Она упоминается и в писцовой книге 1567—68 гг.³ Тем не менее, отдельная Галицкая даруга в более ранний период известна. Я уже указывал, что в 1553 г. в Патриаршей (Никоновской) летописи есть следующее сообщение: “А на Галицкой дороге за Казанию рекою”.⁴ Так как в этом источнике вслед за приведенным сообщением речь идет о “дорогах” Арской, Ногайской и “Чувашской”, т.е. о реально существовавших в Казанском ханстве даругах-княжествах, то и в Галицкой “дороге” надо видеть такую же административно-территориальную единицу. Именно о ней, по моему мнению, говорится в “ногайских делах”, относящихся к 1550 г. В документе (это — грамота детей князя Ногайской Орды Юсуфа, Юнуса и Алия мурз, Ивану IV) ногайская знать предлагает Москве организовать совместный поход на Казань (“Казань воевати”), взяв на себя вторжение на земли Арской даруги. Ивану IV при этом отводится следующая роль: “... а твоя бы рать Окречскую дорогу, да Ногайскую дорогу, да Якийскую дорогу отняли”.⁵ Уже говорилось, что Якийская “дорога” была названа по населенному пункту Яки. Последний известен из писцовой книги 1602—1603 гг. на территории “Галицкие ж и Алацкие дороги”.⁶ Но по переписной книге 1646 г.

эта деревня фигурирует в составе Алатской “дороги”,⁷ тогда как по переписной книге 1678 г. она включена в число селений Галицкой “дороги”.⁸ Поэтому, в “Якийской дороге” надо видеть именно Галицкую даругу. Кстати, “Галицкая дорога” отмечена и в дозорных книгах В. Белкина (1601—1602 гг.).⁹ Населенный пункт под названием “Яки”,¹⁰ как я покажу далее, выполнял функцию ее центра. Мне представляется, что Галицкая даруга подразумевается и при описании событий, связанных с “посылкой по улусам” в 1553 г., когда “государь послал по всем улусам чернымь людемь ясачнымь жаловалные грамоты опасные, чтобы шли кь государю, не бояся ничего”.¹¹ В результате, вначале “прислали... Арьские люди бити челом... з грамотою...” К нам были посланы сын боярский М. Козаринов и Камай — “мырза Казанский”, которые вернулись обратно 10 октября 1553 г., “а с ними многие Арьские люди”. Последние “царю государю били челом... И царь государь черных людей и Арьских пожаловал, ясаки на них велел имети прямые, какъ было при Магмедемине царе”. Тогда же “луговые люди изъ Якъ и изо многихъ мечь... приехали..., какъ и Арские, хотять государева жалования. И царь и государь их пожаловаль по тому же”.¹² В первом случае в Патриаршей (Никоновской) летописи и в Царственной книге речь явно идет о населении Арской даруги. Во втором случае “луговые люди изъ Якъ” — это население Галицкой даруги. Правда, допустимо и такое толкование, когда под “луговыми людьми” из территории с центром в Яках могут скрываться жители сразу двух даруг — Алатской и Галицкой. Но в целом, при описании событий 1553 г. все же надо иметь в виду общий контекст, который больше предполагает приход “бити челом” отдельными даругами. Да и в той же Патриаршей (Никоновской) летописи в том же году говорится о посылке “детей боярских” на “Побережную сторону ясаков брать”.¹³ Между тем, из текста летописи отчетливо видно, что к “побережным людям” относились жители “Чювашской” и “Нагайской” даруг.¹⁴

Несмотря на достаточную представительность материалов, свидетельствующих о самостоятельности Галицкой даруги, ее “привязанность” к другой — Алатской даруге, требует своего объяснения. По этому поводу можно высказать две гипотезы. Первая заключается в том, что смещение территорий двух даруг во второй половине XVI в. было связано с искусственным расчленением после 1552 г. центральной зоны территории Казанского ханства на две части — на Казанский и Свияжские уезды. Допустимо предположить, что Галицкая даруга имела продолжение на Нагорной (Тау ягы) стороне, где возник Свияжский уезд. Во-первых, к такому выводу подталкивает сама конфигурация Галицкой даруги — территориально она проходила юго-западнее Алатской даруги, близко подходя к Волге. При этом татарских селений в ее составе было значительно меньше, чем в других “дорогах” (“урезанный” характер Галицкой “дороги”). Во-вторых, в 80-х годах XIX в. известный исследователь татарского языка А. Безсонов оставил следующее замечание относительно татарского населения “Галич жулы” (Галицкой дороги) и

“Тау жулы” (Нагорной “стороны”): “... в верхней одежде жителей этих двух сторон преобладают черный, темносерый и синий... цвета”. Одновременно он констатировал, что у жителей-татар других “дорог” (Ногай жулы, Жорей жулы, Арча жулы и Алат жулы) в одежде наблюдается “преобладание белого цвета”.¹⁵ Ясно, что в данном случае обнаруживается некое культурное единство населения Нагорной стороны и Галицкой даруги. Но возможно и другое объяснение “слитности” Галицкой и Алатской даруг. На примере Крымского ханства уже было показано, что некоторые кланы в этом государстве к XVI в. пришли в упадок. Не произошло ли нечто подобное и в Казанском ханстве? В этом случае владения захудалого “рода” могли быть присоединены, возможно, силой, к владениям усилившегося клана. Некоторые данные, которые будут проанализированы дальше, позволяют мне не отбрасывать и такую возможность. Но до обсуждения этого предположения надо решить вопрос о принадлежности Галицкой даруги к конкретному клану.

Изучение данной проблемы возможно лишь на основе генеалогий, исторических преданий и дастанов, связанных с Чура (Чора)-батыром.¹⁶

Одно из таких преданий было записано М.И.Ахметзяновым в д.Большая Карагузя (Зур Карауҗа) Зеленодольского района Татарстана.¹⁷ Там говорится, что “отцом Карауҗа был Кара би. Кара би владел деревней Караваево (“Каравай авылында ил тотып яшәгән”). Его сын Карауҗа поселился на месте д.Малая Карагузя”. Далее в предании сообщается о том, как трое сыновей Карауҗа основали разные деревни — старший, по имени Кара Тәмән, положил начало д.Каратмен; второй (его звали Чура бием) обосновался на месте современной деревни Большая Карагузя (Зур Карауҗа), где есть “яма Чура бия”; третий из сыновей поселился на месте д.Кульбаш (Кулбаш). М.И.Ахметзяновым была опубликована еще одна версия предания, которая, при совпадении с первой в общих чертах, имеет и некоторые отличия.¹⁸ Например, старшим сыном Карауҗа там назван Чура би. При рассказе о его поселении в д.Б.Карагузя, говорится о построении им укрепления (“Чура би үр казып шунда урнашкан”). Место поселения второго указано как д.Яки (Жәке). Еще одно предание из этого цикла приводится А.Рахимом в числе “татарских летописей”: ....(961 г.) (1553—54 гг. — *Д.И.*). (Чура батыр 3 года воевал)... После того богатырь Чура, выйдя из Газана, совершил второй намаз придя в деревню Карабай (в этом Карабае (ныне) живут русские; по русски называют Караваево). Придя оттуда вечером ночевал в д.Кол-Сеид... После того пришел в Чурилино. Там жил недолго...”¹⁹

Практически все населенные пункты (исключение составляет Чурилино), упоминаемые в преданиях, расположены недалеко друг от друга. Деревни Карагузя (в источнике — “Корок Коза”) и Яки в 1602—1603 гг. фигурируют в составе деревень “Галицкие ж и Алацкие дороги”.²⁰ Они же, но с добавлением д.Каратмен, отмечены в переписной книге 1678 г., но в числе селений Галицкой “дороги”.²¹ Правда, в промежуточной

переписной книге (1646 г.) д. "Карок Козя" числится среди деревень Алатской "дороги".²² Сложнее обстоит дело с д. Чурилино. Одна деревня под этим названием в 1565 г., была населена "новокрещенами".²³ Но она позже находилась в составе Арской "дороги", в удалении от других населенных пунктов, упоминаемых в преданиях.²⁴ В то же время в "Памяти" за 1604 г. "деревня Чюрильня" как будто бы отнесена к "Галицкой и Алацкой дороге".²⁵ Не исключено, что речь идет о разных деревнях, имеющих одинаковое название. Поэтому, и д. Чурилино можно отнести к кругу населенных пунктов, входивших в число деревень Галицкой (Галицкой и Алатской) даруги. Очевидно, все перечисленные селения существовали уже в период Казанского ханства.²⁶

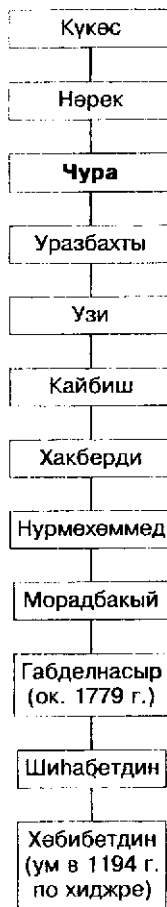
К настоящему времени известны два варианта родословных Чура батыра. Один из них связан с уже рассмотренным преданием. Оно обнаружено и опубликовано М.И.Ахметзяновым ("Кара Гужа шәжәрәсе").²⁷ Другое шеджере опубликовано как "башкирское",²⁸ но из содержания родословной видно, что потомки Чуры в конце XVIII в. жили в д. Бикбау, расположенной в устье р.Ик. Это селение упоминается в надписи на надгробном памятнике (1895 г.) из с.Какри-Елга Азнакаевского района Татарстана, где сказано: "В 930-м году по хиджре (1523—24 гг. — *Д.И.*), во время Буляр хана, истинный мусульманин из типтярского рода Туйыш в деревне Бикбау".²⁹ Скорее всего, эта та д.Бикбулово, которая в конце XVIII в. была населена башкирами и тептярами, и относилась к Тугузской тюбе Енейской волости.³⁰ Поэтому, в дальнейшем эту родословную я буду обозначать как "башкирско-тептярскую". На первый взгляд, в родословных, представленных в таблице 2, кроме имени "Чура", ничего общего нет. Однако, имя "Чура батыр" из генеалогии I совпадает с именем главного героя распространенного среди кыпчакоязычных народов дастана "Чора батыр".³¹ Отца эпического Чора батыра звали "Нәрик" (Нарәң, Нурек, Нарик).³² Имя же Нәрек присутствует в генеалогии II. Уже это одно позволяет протянуть цепочку: эпический Чора батыр — Чура батыр (Чура) из генеалогий — исторический Чура (Чюра) Нарыков. На самом деле для такого отождествления оснований значительно больше. Поэтому, я перейду к конкретным материалам на этот счет.

Главное внимание необходимо уделить фигуре жившего в Казанском ханстве в первый половине XVI в. князя Чуры (Чюры) Нарыкова. В первый раз князь Чюра упоминается среди трех лиц, прибывших в качестве послов хана Сафа-Гирея в Москву в марте 1526 года.³³ Очевидно, он же назван в летописном сообщении от 29 июля 1545 г. Чюрой Нарыковым.³⁴ Хотя в данном случае его титул не указан, Чюра выступает как важная фигура: от имени Кадыш князя и его лично в Москву было отправлено послание с предложением прислать рать; писавшие обещали "царя (хана Сафа-Гирея — *Д.И.*) и крымцев тридцати человек", оставшихся в Казани, выдать русским. Следующее упоминание Чюры Нарыкова относится к 17 января 1546 года — он назван среди "казанцев", приславших

Таблица 2. Родословные Чуры (Чура-батыра)

I
Шеджере Кара Гужи

II
Башкирско-тептярское шед-
жере

в Москву грамоту и просивших на престол хана Шах-Гали.³⁵ В ответном послании московского великого князя содержалось обращение к трем казанцам, от которых была эта грамота.³⁶ Эти данные показывают, что Чура (Чора) Нарыков входил в число высшей знати Казанского ханства. В последний раз имя Чуры (Чюры) Нарыкова появляется в Патриаршей (Никоновской) летописи 20 сентября 1547 года: приехавшие служить к Ивану IV знатные татары, в числе которых находились и “Чюрины брата Нарыкова”, привезли весть о том, что “царь (Сафа-Гирей — Д.И.) въ Казани побил Чюру-князя Нарыкова, Баубека-князя, Кадыша-князя и иных многих...”³⁷ Интересные данные о смерти князя Чуры Нарыкова содержатся в “Казанской истории”. Вначале там говорится о том, что князь о хане Шах-Гали “пожелел ...сердцем и душою и препаде ко царю правдою нелестною, добру помощь ему дал советом..., избавляя царя от неповинныя смерти”. Затем рассказывается, как Чура помогал хану бежать из Казани, проводив его по Волге. Причем он якобы сказал хану: “Аз, царю, вместо тебе умру в Казани, и моя буди глава во твоя место главы. Ты же мною да избавлен буди и не забуди мене, егда будеши преже меня на Москве, пред самодержцем станеши, вспомяня мя ему и о себе”. Чура сам тоже хотел бежать вслед за ханом Шах-Гали и сказал ему, чтобы хан ждал его в определенный день в заранее оговоренном месте. Князь собрался со своими домочадцами, с 500 “служащих рабов”, а всего воинов (“ратников”) с ним было до 1000 человек, и бежал спустя 10 дней за ханом. Однако тот его не стал ждать. Казанцы снярядили погоню за Чурой, был сильный бой, во время которого убили Чуру, его сына и “всех отроков его”; в Казань обратно возвратились лишь жены князя и его рабыни.³⁸ Отзвук этих событий прослеживается и в преданиях, связанных с “шеджере Кара-Гужи”, где сказано: ...за то, что отец Чура батыра Чура би изменил казанскому хану, тот влил в его рот расплавленное серебро, заявив: получай причитающееся, а то тебе (все) не хватало”.³⁹ Князья Чура Нарыков и Кадыш были инициаторами приглашения на казанский престол хана Шах-Гали, поэтому не удивительно, что взявший Казань с помощью ногайских войск хан Сафа-Гирей “побил” своих противников.⁴⁰ Если иметь в виду, что хан Шах-Гали, посаженный на казанский трон 13 июня 1546 года, просидел там ровно один месяц,⁴¹ то дата смерти Чуры Нарыкова приходится на середину июля этого года.

Таким образом, князь Чура Нарыков жил в Казани и принимал активное участие в политической жизни Казанского ханства между 1526—1546 годами.

Теперь обратимся к вопросу о тождестве Чуры Нарыкова русских документов и Чора батыра дастанов, решаемого на основе генеалогий. Согласно русским источникам, отцом князя Чуры был Нарык, поэтому он и в “Казанский истории” назван “Нарыковичем”. В дастанах отцом Чора батыра также выступает Нарык (Нәрік, Нурек, Нарәң, Нарик).⁴² Лишь в генеалогии, обнаруженной в Татарстане М.И.Ахметзяновым,

отцом Чуры батыра назван Чура би. Однако и под последним тоже может скрываться Нарык. Дело в том, что в варианте дастана о Чора батыре, распространенном среди добруджинских татар, при отчетливом высказывании о том, что отцом Нарыка был Нарык, в одном месте Чора представляет себя так: “Я Чура, сын Чуры” (Чура улы Чурамын). Но это определение идет сразу после имени Ир-Нарык, как бы в связке с ним.⁴³ Похоже на то, что Чора батыр именно своего отца Нарыка называет “Чурой”. Думаю, что тут это слово применено в смысле вассала — такое его употребление в средневековой тюркской литературе Поволжья известно.⁴⁴ В таком случае в отмеченной выше генеалогии под “Чура бием” надо также понимать Нарыка.

Далее обратимся к вопросу о социальном статусе Чуры Нарыкова. Один раз (в летописном сообщении о его смерти) он назван князем (1547 г.). “Казанская история” дает более детализированную информацию по данному вопросу — Чура там не только признается “большим князем”, но и “властелем казанским”, имеющим “власть... надо всеми казанцы”.⁴⁵ Кроме того в источнике он еще именуется и “храбрым воеводой”.⁴⁶ Заслуживает внимания и описание в “Казанской истории” момента бегства Чуры Нарыкова, когда с ним находилось 1000 “ратных” людей, включая и 500 “служилых рабов”.⁴⁷ На основе этих данных можно заключить, что Чура Нарыков являлся крупным феодалом.

Эпический Чора батыр сохранил признаки, отражающие его высокое социальное положение. Прежде всего, в казахском варианте дастана Чора назван “беком”,⁴⁸ что в русской титулатуре соответствует князю. В рукописной татарской “летописи”, переписанной в 1864 г. Нурмухаметом сыном Азмедзяна, “Чура батыр” назван сыном “Малика”.⁴⁹ В данном случае “Малик” — это, скорее всего, не имя собственное, а определение социального положения — “хозяин, глава, владелец”. В то же время отец Чоры-Нарык, в шеджере башкир племени (рода) тамьян-катай определен как “мирза”.⁵⁰ Если верна моя реконструкция сведений из генеалогий “Кара Гужи”, то отец Чоры, как и один из его предков, имел титул “би”.⁵¹ В принципе, сведения из шеджере башкир племени (рода) тамьян — катай не противоречат остальным данным о титуле отца Чоры, так как мурза с течением времени мог стать беком (бием). Наиболее показательный пример тому — из семьи Чуры Нарыкова: один из братьев Чуры — Ислам, в 1549 году являвшийся мурзой, к 1552 году стал князем.⁵² Из общего ряда сведений о титуле Нарыка выпадает только сообщение казахского варианта дастана, где отец Чоры неоднократно именуется “ханом”.⁵³ Но этот случай нельзя признать исключительным — как я уже отметил, родоначальник клана Кыпчак Кара би (бек) в некоторых случаях также именовался “ханом”.

Чура практически во всех версиях дастана фигурирует как “батыр”. В поволжско-татарском варианте дастана “батыром” именуется и отец Чоры — Нарык.⁵⁴ По-видимому, это воинское звание,⁵⁵ нашедшее отражение и в “Казанской истории”, в которой Чура назван “воеводой”.

Титул Чуры Нарыкова — князь (бек, би) — не противоречит его званию “воеводы” (батыра), так как знатное лицо, будучи князем, могло одновременно быть и воеводой.

Для установления места князя Чуры Нарыкова — Чора бека в системе феодальной иерархии Казанского ханства, следует проанализировать данные о его клановой принадлежности, которые имеются только в дастанах и в косвенном виде — в некоторых из шеджере. Но этот вопрос в дастанах довольно запутан и его решение не лежит на поверхности.

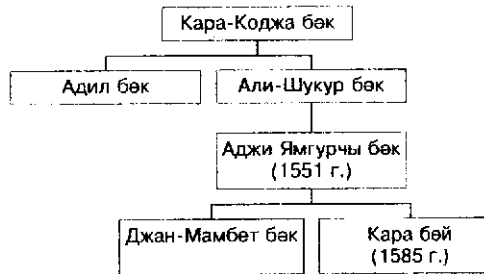
С одной стороны, Чора выступает как представитель рода (племени) “тама”, что видно из высказываний героя дастана (в виде ответа на вопрос об его “асыл”,⁵⁶ т.е. его происхождении, но не семейно-родственном, а о родоплеменном):

1. Асылымны сорасаң, (поволжско-татарский вариант)
Кукес углы тамамән⁵⁷
2. Асылымны сорасаң, (добруджинско-татарский вариант)
Кырымдагы Көкешле Тамганың
Куылган бер улымын⁵⁸
3. Коюмнинъ адыни сорасанъ
Кокушли кок Тамалыман⁵⁹ (крымско-татарский вариант)
4. а) Асылымди сорасанъ,
Ай тамгалы Тамаман
б) Асылымди сорасанъ, (ногайский вариант)
Нобкис улы Тамаман⁶⁰
5. Асылым артык аргынмын.
Берги атамды сураман,
Көк нарлы танамын⁶¹ (казахский вариант)

Из приведенных вариантов несколько отличается лишь дастан, записанный среди казахов, но и он содержит строку, где речь идет о группе “тана”. Можно полагать, что правильное название этой группы — “тама”, а этнонимы “тана” (казах.) и “тамга” (добр. — “тама”) являются лишь его вариантами.⁶²

По-видимому, подразделение “тама” входило в более обширную группу, название которой Кокуш-Кукес-Көкеш или Нобкис. Хотя предпочтительнее трактовать этот этноним как нокус-нукус,⁶³ приходится учитывать и казахскую традицию, согласно которой один из предков Шора батыра — Тама, происходил от Кугиса (Көгис).⁶⁴

Одновременно эпический Чора батыр, как только что было показано, в казахской версии дастана выступает как “аргын”. Эта линия родоплеменных связей Чора батыра присутствует и в ногайском варианте дастана: “Мен аргын-ман, аргын ман”, — заявляет герой дастана.⁶⁵ Информация, содержащаяся в казахском и ногайском вариантах дастана, находит неожиданное подкрепление в двух родословных:

Связь между двумя родословными идет через звено Кара-Коджа бека (Кара Гужа). Этот бек в Крымском ханстве считался родоначальником одного из кланов карача-беев-Аргынов.⁶⁶ В эпосе “Идегей” в нескольких местах о Кара Кужа бие устами хана Тохтамышша говорится как о главе Аргынов:

- 1) Аргыннарның башы идең,
Кара Кужа батырым.⁶⁷
- 2) Кара Кужа Аргын би.⁶⁸

Когда в эпосе описывается время сына Идегея, Норадына, то опять упоминается Кара Кужа:

Аргылның улы Кара Кужадан...⁶⁹

Приходится признать, что информация о клановой принадлежности Чора батыра противоречива. Но в дастанах можно найти некоторые детали, которые помогают расшифровать истинную клановую принадлежность Нарыка и его сына Чоры. Так, из варианта дастана “Шура батыр”, записанного в конце XIX в. известным татарским фольклористом А.А.Диваевым среди казахов Чимкентского уезда, видно, что люди из рода (племени) “тама” выступают как “верные слуги” Нарикбая, пасшие его скот.⁷⁰ Несмотря на то, что в этой версии дастана грозный противник Чора батыра — Али бий, глава 40 тысяч “айрактинцев”, обращаясь к Чоре, вопрошает: “Ты не таминец ли, причюевашший?”, таминцы предстают то как “народ”, то как слуги Нарыка и Чоры.⁷¹ Понятно, что сеньоры — в данном случае Нарык и его сын Чора — могли иметь иное, чем слуги, происхождение.⁷² Отсюда и вторая линия родо-племенной принадлежности Чоры — аргынская. Она отчетливо представлена не только в дастанах, но подкрепляется и родословной крымских Аргынов. Не лишним будет отметить, что в крымско-татарских версиях дастана “Чора батыр” Кокушле Тама (варианты: Кокушле Кок Тама, Кокушле Көй Тама) в ряде случаев обозначается как место проживания (поселения) Нарыка,⁷³ а не как определение его этнического облика.

Думаю, что на самом деле Чора батыр являлся представителем клана Аргын. В то же время установление сложной взаимосвязи групп “тама” и “аргын” остается задачей будущих исследований.

Учитывая, что сеть населенных пунктов, имеющих отношение к Чора (Чура) батыру и его родственникам, располагалась на территории Галицкой даруги,⁷⁴ именно Галицкую даругу следует признать княжеством Аргынов в Казанском ханстве. Чура Нарыков в таком случае оказывается карача-беем. Существование крымской линии Аргынов, бывших в Крымском ханстве также карача-бееми, подкрепляет эту точку зрения. Отдельные места их эпоса “Чора батыр”, распространенного среди крымских татар, прямо говорят, что герой дастана в “Казань” прибывает из “Крыма”.⁷⁵ Но в то же время в версиях дастана, записанных среди добружинских татар, отец Чоры — Нарык, признается переселенцем в Крым (в приграничную зону “Кокешле Тамга”) из Казанского ханства.⁷⁶ Поэтому, когда Чора батыр отправляется в “Казань”, он приходит “в отцовский юрт” (“Атам йорты Казанга”).⁷⁷ В данном случае “юрт” отца Чора батыра — это Галицкая даруга. Казахская версия дастана “Шура батыр” также признает, что первоначальным местом проживания Нарыкбая был “город Казан”.⁷⁸ Когда Чора (Шура) батыр убивает Али бия, ему предлагается “отъехать в Казань”, где его “ждет бесчисленное множество таминцев, во главе с ... дядей Исым бием”. Когда Чора (Шура) батыр прибывает “в Казань”, там он другому своему дяде — Кариббаю дарит “несметное количество драгоценных вещей”.⁷⁹ Как видим, и в казахском варианте дастана сородичи Чоры (Шуры) живут в Казанском ханстве и они способны выставить большое войско в 6 тысяч человек.⁸⁰ О том, что Чора бек, как, видимо, и его отец, был одним из карача-беев, может свидетельствовать и следующее место из генеалогии башкир подразделения тамьян-катай: “...мирза по имени Нурек из потомков Жагылбая, казахского рода, переселился с устья Бухары к реке Уил на озеро Сон Салпар. Нурек-мирза был очень богатым... У Нурек мирзы ... от жены по имени Танисула родился сын Сура, несколько лет спустя еще один — Ширин...”⁸¹ Не исключено, что под вторым “сыном” Нурек-мирзы скрывается название еще одного, хорошо известного в позднесолотоордынских (татарских) государствах, в том числе и в Казанском ханстве, клана карача-беев — Ширинов. Далеко не случайными являются слова автора “Казанской истории” о том, что Чура Нарыков являлся “большим” князем, “властелем Казанским”, “воеводой”. В этом перечне даже последнее определение имеет смысл — в татарских ханствах, как я еще постараюсь показать, “воевода-князем” (“орыш бие”) считался именно карача-би.

В дастанах содержатся и некоторые намеки, позволяющие думать, что небольшой размер территории Галицкой даруги объясняется не только преобразованиями второй половины XVI в. Во многих версиях дастана “Чора батыр” (в добружинско-татарском, поволжско-татарском, крымско-татарском, казахском), Нарык уходит из своей родины после убийства сына бека или хана.⁸² Хотя родина эпического Нарыка не все-

гда “Казань” (иногда это “Эдил”~”Этил”),⁸³ уход его выглядит не добровольным. Чаще всего отъезд Нарыка объясняется притязаниями со стороны некоего мирзы, бека или хана, на его жену.⁸⁴ В одной из казахских версий дастана “Нәрек”, герой его отъезжает боясь, что его жену отнимет “ногаец” (ногайлы).⁸⁵ Кажется, эти данные позволяют конкретизировать причины отъезда отца Чора батыра — Нарыка, из Казанского ханства. Как я уже указывал, князь Чора (Чюра) в Казанском ханстве известен между 1526—1546 гг. Уже в период проживания молодого Чора батыра “в Крыму”, в “Кокешле Там(г)а”, его отец предстает в дастанах пожилым человеком. Поэтому время его жизни надо отнести к концу XV века. Именно тогда (1480—1490-е годы) в Казанском ханстве происходили большие изменения, связанные с низложением хана Ильгама, которые могли привести к отъезду Нарыка из государства. Но “юрт” Нарыка сохранился, что подтверждается не только данными дастанов (возвращение Чора батыра “в Казань” — в “отцовский юрт”, нахождение там его родственников с множеством “таманцев”), но и ролью реального Чуры Нарыкова в Казанском ханстве.

Тем не менее, этот “юрт” мог быть несколько урезан в размерах. Не исключено, что Аргынов в ханстве потеснили Мангыты — вряд ли случайна боязнь эпического Нарыка какого-то “ногайца”. Далее, Чура Нарыков был настроен против хана Сафа-Гирея, находившегося в тесных контактах с Ногайской Ордой. Наконец, из письма ногайского мурзы Юнуса (1549 г.) видно, что в период вынужденного нахождения хана Сафа-Гирея в Ногайской Орде (январь—июль 1546 г.), он, за помощь в возвращении ему казанского престола, пообещал ногайской знати не только “Мангытский юрт”, но и “Горную” и “Арскую” стороны.⁸⁶ Между тем, “Горная сторона” могла находиться под юрисдикцией Аргынов. Поэтому, такой шаг хана Сафа-Гирея, оставшийся, правда, нереализованным, можно расценить как желание передать часть владений враждебных ему Аргынов в руки своих союзников — Мангытов.

Примечания

- ¹ *Ермолаев И.П.* Казанский ... — с.16. На самом деле таких примеров тут больше (см. там же: с.27, 33, 37, 39, 47, 49).
- ² Писцовая книга Казанского уезда ... — с.153, 160; *Чернышев Е.И.* Селения... — с.280.
- ³ *Ермолаев И.П.* Казанский... — с.18.
- ⁴ ПСРЛ. — т.13. — с.215.
- ⁵ ПДРВ. — ч.VIII. — с.278.
- ⁶ Писцовая книга Казанского уезда ... — с.169, 177, 197, 202. Служилые татары “из Яков” отмечаются и в писцовой книге 1565—68 гг., но там не указана “дорога”, куда это селение относилось (См.: Материалы по истории Татарской АССР ... — с.52).
- ⁷ РГАДА, ф.1209, ед.хр.6444.
- ⁸ РГАДА, ф.1209, ед.хр.6447. Поэтому трудно согласиться с мнением Е.И.Чернышева, отнесшего д.Яки в число селений Алатской “дороги” (*Чернышев Е.И.* Селения... — с.289).

- ⁹ Эта информация сохранилась в возной грамоте 1616 г. (См.: Документы по истории Казанского края ... — с.77).
- ¹⁰ Варианты написания — Аки~Яки. Татарское название — ”Жәке”.
- ¹¹ ПСРЛ. — т.13. — с.221, 516.
- ¹² Там же. — с.222, 516.
- ¹³ Там же. — с.229.
- ¹⁴ Там же. — с.239.
- ¹⁵ *Безсонов А.* О говорах ... — с.224—225. Татарское название “дороги” звучало не как “Галич юлы”, а, скорее, как “Гарч юлы” (*Валидов Дж.* О диалектах ... — с.57; *Мухамедова Р.Г.* Чепецкие татары ... — с.11; *Әхмәтжанов М.* Авыл ... — 26 б.). Причину несовпадения татарского и русского наименований “дороги” еще предстоит выяснить.
- ¹⁶ Обзор этих источников см.: *Исхаков Д.* Чора ... — с.24—29.
- ¹⁷ Карауҗа ... — 160 б.
- ¹⁸ *Әхмәтжанов М.* Жиде ... — 3—4 бб.
- ¹⁹ *Рахим А.* Новые списки ... — л.л.51—52
- ²⁰ Писцовая книга Казанского уезда ... — с.166, 169, 177, 197, 201, 202.
- ²¹ РГАДА, ф.1209, ед.хр. 6447. — л.л.378—444.
- ²² РГАДА, ф.1209, ед.хр.6444.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Писцовая книга Казанского уезда ... — с.123, 127—129, 145.
- ²⁵ *Ермолаев И.П.* Казанский... — с.52.
- ²⁶ *Чернышев Е.И.* Селения... — с.286, 289. К числу старых селений Е.И.Чернышев относил Яки, Карагузи, Кульсеитова и Чурилино. Из этого списка д.Карагузи (Карагузя) упоминается в 1553 г. в послании ногайского мурзы Касая Ивану IV (См.: ПДРВ. — ч.IX. — с.76). Что касается д.Чурилино, то вывод Е.И.Чернышева относится к селению, находившемуся в Арской “дороге”.
- ²⁷ *Әхмәтжанов М.* Жиде...
- ²⁸ *Шарипова Э.Я.* Башкирское шеджере ... — с.139—141.
- ²⁹ *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим... — с.61.
- ³⁰ РГИА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1879. Сейчас это село входит в состав Мензелинского р-на Татарстана.
- ³¹ О нем подробнее см.: *Paksoy H.V.* Chora Vatir ... — pp. 252—265.
- ³² *Исхаков Д.* Чора ... — с.25.
- ³³ ПСРЛ. — т.13. — с.45. Кроме Чуры (Чюры), в состав посольства входили князь Казый и бакшей Девель.
- ³⁴ Там же. — с.147.
- ³⁵ Там же. — с.148. Грамота была прислана от имени Абеюрган сеита, Кадыш-князя, Чюры Нарыкова.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. — с.149. Братьев Чуры звали Ислам мурза и Алекей мурза. Они в 1549 г. находились в числе бежавших от хана Сафа-Гирея в Ногайскую Орду. (ПДРВ. — ч.VIII. — с.145, 214). В 1552 г. они уже были в Казани и Ислам имел титул князя, а Аликей по-прежнему оставался мурзой (ПСРЛ. — т.13, с.176, 202). Ислам Нарыков погиб при обороне Казани в 1552 г. (Там же. — с.206). Судьба мурзы Аликея неизвестна.
- ³⁸ Казанская история... — с.80—82.
- ³⁹ *Әхмәтжанов М.* Жиде... — с.14.

- ⁴⁰ Посольские книги ... — с.293—294.
- ⁴¹ ПСРЛ. — т.13. — с.148—149.
- ⁴² Шора батыр ... — с.77; Шора ... — т.5. — с.342—348, 354; Чура батыр хикяте ... — 117 б.; Чура батыр ... — 12 б.; *Хусаинов Г.Б.* Шеджере ... — с.15. В крымско-татарском варианте Чора-батыр также признается сыном Нарика, но в некоторых местах дастана Нарик выступает как его дед (бабасы) (См.: Чорабатыр // Кърым-татар халкъ ... — с.57, 69 и др.).
- ⁴³ Чура батыр... — с.20—21. В одном из крымско-татарских вариантов также сохранилось обращение к Нарикю как к “Чоре” (Кърым-татар халкъ... — с.58).
- ⁴⁴ В частности, в “Сборнике летописей” Кадыр-Али бека (1602) автор, говоря о зависимости Идегея от хана Тохтамыша, использует выражение “был чурой” (*Усманов М.А.* Татарские... — с.94.).
- ⁴⁵ Казанская история... — с.80.
- ⁴⁶ Там же. — с.82.
- ⁴⁷ Там же. — с.90.
- ⁴⁸ Шора батыр. — с.341.
- ⁴⁹ История Татарии в документах... — с.123.
- ⁵⁰ *Хусаинов Г.Б.* Шеджере... — с.15.
- ⁵¹ *Әхмәтжанов М.* Жиде...
- ⁵² ПСРЛ, т.13. с.176, 202.
- ⁵³ Шора... — с.340, 342, 348, 354. См. также ... — с.306—336.
- ⁵⁴ Чура батыр хикяте... — с.108.
- ⁵⁵ Так, во всяком случае, обстояло дело в Ногайской Орде (См.: *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — с.41).
- ⁵⁶ Асыл — в татарском яз. — ”главный признак, сущность чего-либо; очень хороший”; асыл сөяк — ”аристократия, знать”. (Татар теленең ... — Т.1. — 79 б.) Думаю, что в дастане выражение “асылымны сорасаң”, применяется именно для выяснения клановой принадлежности героя.
- ⁵⁷ Чура батыр хикяте. — с.118.
- ⁵⁸ Чура батыр... — с.21.
- ⁵⁹ Чорабатыр... — с.69.
- ⁶⁰ Шора ... — с.366.
- ⁶¹ Шора... — с.336.
- ⁶² Подразделения “Тама” и “Яба-Тама” отмечены в Ногайской Орде в 1555 и 1553 гг. (ПДРВ. — ч.ІХ. — с.117; ПДРВ, ч.Х. — с.23). Правда, в казахском дастане “Нәрік” Тана является сыном Тама (Нәрік... — с.320). Но в одной из казахских версий дастана “Шура батыр”, записанной А.А.Диваевым, поданные Нарыкбея (Нареке) именуются “таминцами” (“Тама”). (См.: Этнографические материалы ... — с.1—2).
- ⁶³ Улус “Нюкус” отмечен в Ногайской Орде в 1562 г. (ПДРВ. — ч.Х, с.258—259).
- ⁶⁴ Батырлар жыры. — т.5. — с.259—260.
- ⁶⁵ Шора батыр... — с.77.
- ⁶⁶ *Лашков Ф.Ф.* Исторический... — с.129.
- ⁶⁷ Идегэй ... — 47 б.
- ⁶⁸ Там же. — 42 б.
- ⁶⁹ Там же. — 206 б.
- ⁷⁰ Этнографические материалы... — с.1,5.

⁷¹ Там же. — с.1, 6, 33, 36, 49, 59, 81, 87.

⁷² На это намекает и следующее высказывание Чоры в ответ на реплику Али бия о его принадлежности к “тама”: “Прошу не называть меня сыном таминцев, а величать сыном Бога...” (Этнографические материалы... — с.43).

⁷³ См., например, варианты опубликованные В.В.Радловым: Образцы ... — ч.VII. — с.124, 127, 129, 170, 172, 182. То же самое можно обнаружить и в другом тексте, записанном среди крымских татар: Кърым татар халкъ... — 61.

⁷⁴ Согласно преданиям, могила самого Чура батыра, погибшего в местности “ров Чура бия”, находится в деревне Карагузя (*Әхмәтжанов М. Жиде...* — 4 б.). По преданиям, как я уже указывал, один из братьев Чура батыра поселился в деревне Яки (Жәке) (Там же.) Центральное положение этого селения для “Якийской дороги” в 1550 г. выше уже было отмечено.

⁷⁵ В этих дастанах есть следующие высказывания: “Еди ханлы Казанга казак чыгып кетемен”; “Мен Казанга кетем”. (Кърым татар халкъ... — с.66—67); “Чора батыр кетте тугру Казанга”; “Мән Казанга барамын”; “Нарык улу Чура батыр Кырымдан Казан чыккан”, “Казанга казак чыгып кайтаем” (Образцы... — ч.VII. — с.21, 127, 129, 178).

⁷⁶ Чура батыр ... — 15 б.

⁷⁷ Там же. — с.21 б. Об этом говорится и в ногайской версии дастана: “атанъ юрты Казанга” (Шора батыр ... — с.75).

⁷⁸ Этнографические материалы... — с.1. В другой казахской версии дастана об этом говорится еще яснее:

Атаң Нәрік хан еди

Мынау туган Казан да

Атаң туган кала еди

Казанда атаң хан еди (Шора... — с.366).

⁷⁹ Этнографические материалы... — с.49, 64, 81.

⁸⁰ Там же. — с.81.

⁸¹ *Хусаинов Г.Б.* Шеджере... — с.15—16. Отмечу, что подразделение тамьян-катай было не только у башкир, но и у казахов. У последних этот род соседствовал с родом аргын, с которым у представителей подразделения тамьян-катай зимовка была общей — она находилась в бассейне р.Тургай. Проживание аргынов в одно время в бассейне Сыр-Дарьи, известно из комментариев В.П.Юдина к “Чингиз-наме” (См.: *Утемиш-хаджи. Чингиз-наме...* — с.153). Вообще, у башкир Чура-батыр иногда выступает как башкирский герой. В одном предании, записанном среди жителей д.Зиянчурино (др. название: Кипчак, Букатер) П-й Усерганской волости, говорится: “некоторые старцы (рассказывают, что) ...предводительствовал башкирским народом некто Чура батыр, (который) ... был грозою киргизов” (*Чехович К. Деревня ...* — с.33) В “летописи”, подготовленной к печати А.Рахимом (1930 г.), также есть строки о том, что Чура батыр “...отправился в сторону башкир и казахов...” (*Рахим А. Новые...* — л.52). В то же время в казахских версиях дастана “Шура батыр”, наоборот, сказано: “По некоторым сведениям (Шура) вернулся с своими таминцами обратно в Казань” (Этнографические материалы... — с.87). Очевидно, такие сюжеты были связаны с несколькими перемещениями Аргынов и племени тама в разных направлениях.

⁸² Чура батыр хикяйте. — 109 б.; Чура батыр ... — 12 б.; Чора-батыр ... — с.60; Образцы... — ч.IV. — с.123, 170; Нәрік ... — с.313.

⁸³ Образцы ... — ч.VIII. — с.170

⁸⁴ См. в прим. 82.

⁸⁵ Нәрік ... — с.313.

⁸⁶ ПДРВ. — ч.VIII — с.273—274.

§4. Алатская даруга.

Среди проблем, затрудняющих “привязку” одного из двух оставшихся кланов (Ширины и Барыны) к Алатской даруге, в первую очередь следует назвать неполную территориальную расчлененность Алатской и Галицкой даруг. Далее, в историческом центре Алатской даруги, согласно татарским преданиям, жили ногайцы. Так, в рукописной “Истории села Березя” говорится о проживании ногайцев в городке, расположенном на месте с.Русские Алаты. Причем население многих соседних татарских деревень возводится к предкам ногайцам.¹ В другой рукописи — “Истории д.Чыршы” (селение относится к тому же ареалу), сообщается о переселении в 1371—75 гг. младшего сына “Мамай хана Мамет хужи мурзы” из районов близких к г.Малмыжу, в д.Дубьяз, расположенную в тех же пределах.² Дата, приводимая в источнике, вызывает сомнения.³ Кроме того, в татарских генеалогических записях под именем “Мамай хана” известен и ногайский мурза, затем князь — правитель Ногайской Орды — Ших-Мамай (жил в первой половине XVI в.).⁴ При издании этой части рукописи, М.И.Ахметзянов высказал предположение, что Адаевы — а они считаются переселенцами из ареала “Нократа” (р.Вятки) в д.Чыршы и возводят себя к “Мамай хану” — имеют отношение к Кара беку из клана Кыпчак.⁵ Однако, эта точка зрения аргументирована недостаточно. В то же время исторические документы показывают, что в 1536 г. Хан (Кан) мурза, сын Ших-Мамая, “воевал страну Нократ”.⁶ Поэтому, в Мамет хуже мурзе скорее надо видеть выходца из Ногайской Орды. Следует также отметить, что в историческом центре Алатской даруги — в д.Татарские Алаты, была записана генеалогическая легенда о родоначальнике “Канкорат бабае”.⁷ Вхождение кунгратов в Ногайскую Орду бесспорно,⁸ поэтому этот факт также может говорить о нахождении ногайцев в центральном поселении Алатской даруги. Кроме того, на кладбище д.Малая Атна, которую Е.И.Чернышев относил к Алатской дороге,⁹ имеется надгробный памятник 1524 г., поставленный на могиле человека по имени “Ябынчы табын Акбулат”.¹⁰ Слово “табын” тут отражает родо-племенную принадлежность.¹¹ Возможность вхождения табынцев в состав группы (племени) уйшын`~уйсун я обосную далее. А группа уйшын являлась частью Ногайской Орды. По данным диалектологических исследований, в рассматриваемом ареале распространен дубьязский подговор, у которого наблюдается общность с языками ногайской (ногайский, казахский, каракалпакский) группы и с башкирским языком. Поэтому, диалектологи высказали мнение, что в формировании этого подговора крупную роль сыграли ногайцы.¹²

Нахождение на территории Алатской даруги значительной группы ногайцев или групп, близких к ногайцам этнически, может быть объяснено двояко. Не исключено, что в центральной части этой даруги ногайцы были поселены для обороны западных пределов Казанского ханства около середины XVI в., особенно после того, как на престол сел хан Едигер-Мухаммед, приведший с собой значительное число ногайцев. В частности, в “Истории села Березя” речь идет о том, что ногайские мурзы из Алатского городка оказали русским войскам сильное сопротивление при взятии Казани.¹³ Но возможна и другая версия. Из “ногайских дел” известно, что в 1553 г. из Ногайской Орды Касай мурза писал Ивану IV: “Барымский Тинибяк в Казань ходил посольством ... ныне у Карагузя живет ... дай ми его”.¹⁴ Речь, таким образом, идет о Тинибекке из клана Барын, который был выходцем из Ногайской Орды (“ходил посольством”) и, видимо, из-за событий 1552 г. не смог уехать обратно. Но в данном случае важна местность, где он остановился, — “у Карагузя”, т.е. где-то в районе д.Карагузя. Тут уместно напомнить, что вся рассмотренная выше зона с “ногайскими” следами, примыкает к Галицкой даруге, а при учете существования стандартной формулы описания этой территории как “Галицкие ж и Алатские дороги”, выражение “у Карагузя” может означать и Алатскую даругу. Короче, не исключено, что Тинибек решил переждать катаклизм 1552 г. у своих родственников из клана Барын, находившихся на территории Алатской даруги. То, что клан Барын являлся в Казанском ханстве “владельческим”, отчетливо видно и из “Записи” содержания разговора с крымским ханом Мухаммед-Гиреем, произведенной московским послом В.Шадринным (Она датирована 1518 г., но судя по содержанию, должна относиться к 1517г.). Хан сообщал Василию III, что тому следует отправить “брата своего” Абдул-Латыфа “на Казань”. После того, как Абдул-Латыф окажется “на Казани”, — по мнению Мухаммед-Гирея, необходимо “кутловать Барына или Кибчаку”. Далее он продолжает: “Апак приказывал о Мамеше мурзе, да Осан мурзе, да о Авляр мурзе”.¹⁵ Выражение “кутловать”, очевидно, образовано от татарского “котлау” — “поздравить” или “одобрить”. Тут явно имеется в виду перемещение из Крымского ханства в Казанское представителей одного из двух указанных в “Записи” кланов карача-беев. Между прочим, отмечаемый в документе Апак был из клана Кыпчак.¹⁶ А в “Именном списке” Крымской знати (1524 г.) фигурирует “Мамыш князь Барын Гоземгенев сын”,¹⁷ который может быть отождествлен с “Мемешем” из “Записи”, оказывающимся в таком случае представителем клана Барын.

Учитывая, что Барыны имелись и в Ногайской Орде, нахождение на территории Алатской даруги ногайцев можно истолковать и так, что они были “народом” клана Барын. Но в целом, я считаю, что вопрос о Барынах в Казанском ханстве нуждается в дополнительном исследовании. Это будет возможно только при обнаружении новых источников.

Примечания

- ¹ *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре һәм аларның төрләре ... — 150 б.; *Его же.* Авыл ... — 21—22 бб. *Ф.Г.Гарипова*, обследовавшая упоминаемые в “Истории с.Березя” населенные пункты, пришла к выводу, что в них “значительное количество жителей считают себя выходцами из ногаев, переселившихся из д.Алат” (*Гарипова Ф.Г.* Некоторые ... — с.148—149).
- ² *Әхмәтҗанов М.* Арча ...; *Его же.* Источниковедческий ... — с.61; *Его же.* “Чыршы тарихы” ... — 40 б.
- ³ *Әхмәтҗанов М.* “Чыршы тарихы”... — 39 б.
- ⁴ *Әхмәтҗанов М.* Идел-Җаек... — 65 б.
- ⁵ *Әхмәтҗанов М.* “Чыршы тарихы”... — 38 б.
- ⁶ ПДРВ. — ч.VII. — с.326.
- ⁷ *Юсупов Г.В.* Булгаро-татарская ... — с.228.
- ⁸ *Кочкаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — с.26.
- ⁹ *Чернышев Е.И.* Селения... — с.284. В писцовой книге 1602—1603 гг. д.Большая Атна включена в состав населенных пунктов “Галицкие ж и Алацкие дороги” (Писцовая книга Казанского уезда ... — с.184—185, 191).
- ¹⁰ *Юсупов Г.В.* Введение ... — с.150; *Әхмәтҗанов М.* Арча ...
- ¹¹ Г.В.Юсупов отметил, что и термин “ябынчы” вызывает интерес с точки зрения титула” (*Юсупов Г.В.* Введение... — с.157). Со своей стороны укажу на то, что в “Именном списке” крымской знати (1524 г.) фигурируют: “Чобунчи (можно читать и “Ябынчи” — *Д.И.*) князь коурат (т.е. конграт — *Д.И.*) Касимов сын” и “Япанчи княжий сын мирза коуврат Давид” (*Малиновский А.* Историческое... — л.261 об.). Поэтому, слово “Ябынчы” может быть и именем собственным.
- ¹² *Бурганова Н.Б.* О формировании ... — с.15.
- ¹³ *Әхмәтҗанов М.* Авыл ... — 21 б.
- ¹⁴ ПДРВ — ч.IX. — с.76.
- ¹⁵ Сборник РИО. — т.95. — с.500.
- ¹⁶ *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.35.
- ¹⁷ *Малиновский А.* Историческое...

§5. Зюрейская даруга.

Прямых упоминаний этой “дороги” во время Казанского ханства в источниках обнаружить не удалось. Наиболее ранняя информация о Зюрейской даруге сохранилась в “Выписи из Казанской дачи” (1573—74 гг.), но сама она дошла лишь в составе писцовой книги 1602—1603 гг.¹ В следующей раз об этой даруге говорится в 1594 г. в “Платежной описи”, где отмечают: “Зюрейские дороги с новокрещенские Мемер деревни...новокрещены...”² Затем, в писцовой книге 1602—1603 гг. приводится выдержка из другого документа — о “Казанской даче” 1597—98 гг. жителям деревни Укречь, относившейся также к Зюрейской “дороге”.³

Я полагаю, что рассматриваемая даруга, несомненно, существовавшая уже в период Казанского ханства, в более ранних русскоязычных документах фигурирует под другим названием. В этой связи обращают на себя внимание два сообщения из Патриаршей (Никоновской) летописи. Одно из них, отражающее события 1552 г., гласит: “...и для сил-

ной вылазки из города (Казани — *Д.И.*) и пробивания на леса, на Арьском поле и на дорогах на Арскихъ и на Чювашскихъ велел государь быти царю Шигалею”.⁴ Из Царственной книги видно, что это войско, прикрывавшее отмеченные “дороги”, стояло в направлении “на Арьское поле вверх Булака у Кабан-озера”.⁵ Следовательно, общее направление рассматриваемых “дорог” было северо-восточное. Однозначно можно утверждать, что “Чювашская дорога” не являлась ни Ногайской, ни Галицкой даругами — они в сообщении 1552 г. фигурируют отдельно.⁶ Она не имела отношения и к Алатской даруге, которая в источнике явно “слита” с Галицкой даругой. Да и географические ориентиры для Алатской даруги не подходят. Что за “дорога” подразумевалась под “Чювашской” в 1552 г., становится ясно из другого сообщения той же летописи, но относящейся к 1554 г. Там сказано: “...дело на Арьскихъ людей, и пошли ис Казани Арьскою дорогою на высокую гору (очевидно, Высокая Гора — Биектау — *Д.И.*) къ засеке, и направо побережныхъ людей по Чювашской дороге и по Нагайской... послали воевати...”⁷ Как видно, из этого отрывка, одна группа пошла на территорию Арской даруги (в летописи даже указывается маршрут: “идучи на Арско и къ Нурме и на Уржум... пришли Науржумъ”⁸). А вот другая группа направилась к востоку и юго-востоку, так как в летописи уточняется, что пошедшие “направо”, должны были “воевати” тех, кто жил “На Каме и по Меше”.⁹ Таким образом, “Чювашская дорога” находилась между Ногайской и Арской даругами. Следовательно, этим названием Патриархия (Никоновская) летопись именует Зюрейскую даругу. Этот вывод полностью подтверждается при анализе “Книги Казанского уезда поместных земель” Д.Кикина с товарищи 1566—68 гг., многократно упоминающей “Чювашскую дорогу” и отдельные ее части (среднюю, верхнюю и переднюю).¹⁰ Практически все населенные пункты,¹¹ которые по “Книге” 1566—68 гг. были отнесены к “Чювашской дороге”, по пищевой книге 1602—1603 гг. и по данным Е.И.Чернышева, обнаруживаются в составе Зюрейской “дороги”. Поэтому, я имею все основания утверждать, что “Чювашская дорога” не была “скроена” русской администрацией Казанского уезда, она существовала уже в период Казанского ханства.

Непростым является вопрос о втором названии Зюрейской даруги — “Чювашская” (варианты: Чювашская ~ Чувашская). Предполагаю, что оно имеет отношение к так называемым “ясачным чувашам (чювашам)”. Дело в том, что в начале XVII в. среди “дорог” Казанского уезда именно в Зюрейской “дороге” число селений с ясачно-чувашиским населением было явно больше (детальнее см. в § 2 Главы 2.). Возможно, что “ясачные чуваша” составляли основную часть податного населения этой даруги во время Казанского ханства,¹² выполняя ту функцию, которую на территориях Алатской и Галицкой даруг выполняли маришцы, а в Арской даруге — удмурты.

В вопросе о принадлежности Зюрейской даруги конкретному клану, пока полной ясности нет. Конечно, если следовать методу исключения,

то владельцами Зюрейской (Чувашской) даруги должны были бы быть Ширины. Но для такого вывода нужна твердая уверенность, что Алатская даруга была княжеством Барынов. Ее-то у меня пока нет. Поэтому, на данном этапе лишь гипотетически можно говорить о том, что Зюрейская даруга была княжеством Ширинов.

* * *

Таким образом, три из пяти известных в Казанском ханстве кланов удалось более или менее надежно “увязать” с конкретными территориями-даругами. Два других клана (Ширин и Барын) между оставшимися Алатской и Зюрейской даругами “разделены” с определенными оговорками. Но одно несомненно: даруги в Казанском ханстве являлись княжествами (юртами, бейликами). Это заключение позволяет перейти к другой фундаментальной проблеме — к вопросу об этнических аспектах социальной страфикации татарского этноса в Казанском ханстве.

Примечания

- ¹ *Ермолаев И.П.* Казанский ... — с.21.
- ² Документы по истории Казанского края. — с.49.
- ³ *Ермолаев И.П.* Казанский ... — с.45. Более точное название этого селения — Атречь (Утречь), что видно из писцовой книги 1602—1603 гг. (Писцовая книга Казанского уезда ... — с.77—78).
- ⁴ ПСРЛ. — т.13. — с.215.
- ⁵ Там же. — с.499.
- ⁶ Там же. — с.215.
- ⁷ Там же. — с.239.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: РГАДА, ф.1209, ед.хр.643. — л.л. 175—237 (особенно см. л.л.210—225).
- ¹¹ Исключения составляют 4 селения, которые находились в пограничной зоне с территориями других “дорог” и были позже отнесены к ним.
- ¹² Во-всяком случае, к началу XVIII в. в составе Зюрейской “дороги” Казанского уезда преобладали ясачные татары (См.: РГАДА, ф.350, оп.2. ед.хр.1102 (5809). — л.л.1—701). Дальше я покажу, что группа “ясачных татар” Казанского уезда имеет прямое отношение к “ясачным чувашам”.

Глава 2.

ЭТНОСОСЛОВНАЯ СТРУКТУРА ТАТАР В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ И В КАЗАНСКОМ КРАЕ ДО СЕРЕДИНЫ XVII в.

§1. Татары как ядро феодального сословия в ханстве.

В русских летописях, содержащих богатую информацию о Казанском ханстве, встречаются места, довольно подробно характеризующие социальный и этнический состав его населения. Например, в челобитной, направленной в 1551 г. казанцами от имени “всей Казанской земли” Ивану IV, говорится: “Кудайгул улан в головах да Муралей князь и вся земля Казанская и молны и сеиты и шихи и шихзаде и молзаде, имамы, азии, афазы и уланы и мырзы и ички, дворные и задворные казаки и Чюваша и Черемиса и Мордва и Тарханы и Можары”.¹ Похожая формула встречается и при описании Крымского ханства. В частности, в послании крымского хана Ислам-Гирея Ивану IV (1524 г.), сказано: “Ширина Бакрган князь в головах, и уланы, и князи, и четыре наши карачи, и ближние и дальние, и все слуги наши”.² Согласно “шерти” знати Крыма во главе с ханом Саадат-Гиреем Ивану IV (1524 г.), “Именной список” феодалов тут выглядел так: “А се салтаны и сеиты, шихзоды, моллы, уланы, князи, мурзы; а ичкама имена ведомо учинили”.³

Как видно из документов, в обоих ханствах социальная структура татарских обществ обладала определенным сходством. Думаю, что сходство было характерно в первую очередь для правящего феодального сословия. Но проведение границ этого сословия достаточно сложно, что становится понятным при анализе сообщения 1551 г. из Патриаршей (Никоновской) летописи.

В формуле, использованной в летописи, конечная ее часть посвящена перечислению этнических групп, четыре из которых (за исключением “Тархан”) узнаются без труда. Но даже это место из летописного сообщения вызывает вопросы. Первый из них такой: где тут удмурты и башкиры, чье вхождение в Казанское ханство бесспорно? Скажем, А.Курбский отмечал, что в ханстве кроме “татарского языка” еще пять других “языков” (народов): мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий (арский) и башкирский.⁴ При внимательном рассмотрении два последних народа обнаруживаются и в летописном известии 1551 г. Просто они там присутствуют в скрытом виде. Полагаю, что удмурты находятся в числе “Черемисов”, а башкиры скрываются под названием “Тарханы”. Обосную свое мнение. Как видно из “Казанского летописца” (Казанской истории), в “Казанской области... две бо Черемиси бе..., а языки три”.⁵ В данном случае, одна “Черемиса” — это горные марийцы (со

включением скорее всего и части чуваш), а другая — луговые; третьей “Черемисой” были удмурты.⁶ С башкирами дело обстоит следующим образом. Известно, что в духовном завещании Ивана IV (1572—78 гг.) три народа (чуваша, черемисы и мордва) были названы жителями Горной стороны, числившимися в ведомости г.Свияжска и г.Чебоксар.⁷ Следовательно, и в челобитной 1551 г. в них надо видеть население правобережья р.Волги. Но у этого вывода имеются некоторые ограничения. Так, в Царственной книге в сообщении за 1551 г. к числу “горних людей” или “всея Горние стороны” отнесены “Чюваша и Черемисы”, но в одном случае к ним еще добавлены “Мордва и Можары и Тархоны”.⁸ Мне кажется, что последнее известие подверглось редакционной обработке с использованием челобитной 1551 г., сохранившейся в Патриаршей (Никоновской) летописи. Дело в том, что с некоторой натяжкой к жителям Горной стороны кроме мордвы можно отнести и “Можаров”,⁹ но “Тарханов” — вряд ли. Во-всяком случае, это обнаруживается при более детальном анализе духовного завещания Ивана IV. Имея в виду левобережную часть (Луговая сторона) бывшего Казанского ханства, в нем говорится о “Царстве Казанском”, среди жителей которого перечислены: “Чюваша, Черемиса, Тарханы, Башкиры”.¹⁰ Первая группа тут — это “ясачные чуваша” или “Чюваша Арская”.¹¹ Под “Черемисой” надо понимать луговых марийцев и удмуртов. А вот “Тарханы”, упоминаемые рядом с “Башкирдой”, это, скорее всего, служилая знать — феодальная верхушка башкирского этноса.¹² Отсюда я и заключаю, что в 1551 г. Патриаршая (Никоновская) летопись под “Тарханами” подразумевала башкир.

Но после проведенного разбора немедленно возникает следующий вопрос: а где же в сообщении 1551 г. татары? Конечно, “Можары” в нем упоминаются, однако я никак не могу считать их казанскими татарами. Если обратиться к поиску собственно татар в летописном известии 1551 г., то можно сформулировать вывод о том, что одна их часть, не названная общим собирательным наименованием, в рассматриваемом документе “растворена” в разных ответвлениях правящего сословия — от Кудайгул улана и Муралей князя до “казаков” включительно.

С некоторыми вариациями эти группы, образующие феодальное сословие, весьма устойчиво упоминаются в русских хрониках, например, в Патриаршей (Никоновской) летописи (см. сообщения за 1519, 1529, 1532, 1533, 1536, 1541, 1546 гг.).¹³ Феодальное сословие в ханстве, кроме самого хана и членов его семьи, состояло из четырех ответвлений, три из которых фигурируют в другом летописном сообщении за 1551 г.: “Кулшериф-молна и Маамет-сеит, Мансыр-сеитов сын и все с ними шихи и шихзады, имамы и молозады и азии и дербыши, да Кудайгул-улан, а с ним уланы все, да Муралей князь, а с ним многие князи и мурзы...”¹⁴ (выделено мной — *Д.И.*). Итак, первая группа тут — это духовенство, вторая — уланы, третья — князя и мурзы во главе с биклеребеком Нурали (Нургали) князем из клана Ширин. Однако в приведен-

ном перечне отсутствуют “ички, дворные и задворные казаки”, присутствующие в челобитной казанцев того же года. Входили ли они в правящие сословия? Этот вопрос нуждается в специальном разборе.

Начну с того, что чисто текстологически приведенное место из летописи можно читать и таким образом: “ички дворные и задворные казаки”. Именно поэтому М.Г.Худяков был склонен видеть в “ичках” тех же “дворных казаков”.¹⁵ Но в Патриаршей (Никоновской) летописи в одном случае (1519 г.) “ички” упомянуты одни: “...от сеита и оть улановъ и оть князей и оть карачей и оть ичекъ и от мурз и оть молнъ и от шыхзодъ и оть всехъ Казанских людей”.¹⁶ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в уже приведенном “Именном списке” крымских феодалов (1524 г.) “ички” также названы отдельно.¹⁷

Материалы по Крымскому ханству позволяют осветить этот вопрос детальнее. Так, в шертной грамоте хана Менгли-Гирея (1508 г.) говорится об “избных и надворных князьях и мурзах” (можно читать и так: “избные и надворные”, отдельно — “князья и мурзы”).¹⁸ В грамоте другого крымского хана — Мухаммед-Гирея (1515 г.), речь идет о “нутренних и задворных слугах” хана.¹⁹ В послании хана Ислам-Гирея в Москву (1524 г.?) упомянуты “четыре карачи” и сразу после них — “ближние и дальние и все слуги”.²⁰ Из этих данных видно, что группа “избных”, “дворных”, “нутренних”, “ближних” — это и есть “ички” (в прямом переводе с татарского — “внутренние”). В свое время В.Е.Сыроечковский высказал мнение, что “...широкий термин “ичка” — слуга охватывал все категории чинов двора — от высших до низших”. Он считал, что “ички” могли быть как простыми “военными слугами”, так и князьями.²¹ Недавно Х.Инальчик эту же группу обозначил как “ички бегляри” или как “беки, приписанные на ханскую службу”.²² Делая такое заключение, он опирался на высказывания автора “Тарих-и Сахиб-Гирей хан” Реммаля Ходжи (XVI в.). Я по данному вопросу склонен полагаться на авторитет Реммаля Ходжи и считаю, что “ички” обладали достаточно высоким статусом. В поддержку своей позиции могу сослаться на уже упомянутый “Именной список” (1524 г.), содержащий перечень “ички князей” и отдельно — “суших ичек” хана Саид (Саадат?)-Гирея, среди которых также названы князья.²³ Пожалуй, можно признать служилое положение “князей избных”. Но ставить знак равенства между понятиями “князь избный” и “надворный”, а также “Ординский” как предполагал В.Е.Сыроечковский,²⁴ все-же не стоит. Особенно, если учесть, что последние две группы могли именоваться в некоторых случаях казаками. А “ички” (= “избные князья”) вряд ли могут быть отнесены к казакам. Думаю, что их статус был выше. Поэтому, без колебания как в Крымском, так и в Казанском ханствах их следует отнести к правящему сословию, а именно, к группе князей (и мурз).

Сложнее обстоит дело с группой казаков. В свое время М.Г.Худяков высказал мнение, что казаки (задворные казаки) — это “татары-солдаты”, составлявшие “кадр служилого войска”. Он полагал, что от массы

“простых татар” казаки отличались “военным характером своей профессиональной службы”.²⁵ В целом соглашаясь с этим мнением, считаю необходимым более тщательно проанализировать вопрос о казаках в Казанском ханстве. Для этого его надо рассмотреть в более широком контексте, привлекая материалы и по другим ханствам.

Начну с того, что понятие “задворные казаки”, использованное в 1551 г. применительно к Казанскому ханству, идентично терминам, употреблявшимся в Крымском ханстве — имею в виду понятия “надворные” или “задворные слуги” и “дальние” (слуги). Казаки существовали и в Касимовском ханстве, где стандартная формула “Городецкие татары” в XVI в. расшифровывалась следующим образом: царь (или царевич), уланы, князья и мурзы, казаки. Иногда, подразумевая рядовых татар, просто говорилось о “казаках Мешерских”²⁶ (детальнее об этом см. в Главе 2, §1 Раздела II). Казаки упоминаются и в шертной грамоте бывшего казанского хана Абдул-Латыфа (1508 г.): “Яз Абдыл Латиф царь... со своей братьей, со своими уланы и князьми, и со всеми нашими казаками”.²⁷

Другим аспектом рассматриваемой проблемы является вопрос о вхождении казаков в феодальное сословие. Считаю, что казаки являлись частью правящего сословия в Казанском ханстве и вот почему. Не только в 1551 г., но и в 1546 г.²⁸ в грамотах, отправленных от имени “всей земли Казанской”, казаки упоминаются наряду с другими ответвлениями феодального сословия. Кроме того, в ряде случаев казаки отмечаются среди “лучших людей” Казанского ханства. Так, в Патриаршей (Никоновской) летописи при передаче известия С.Ярцова о победе над восставшим населением Казанского ханства (1557 г.), сказано: “...Казанские лутчие люди, князи и мурзы и казаки... все извелися”.²⁹ В этой же летописи в числе 1560 “именитых людей” казанских, “побитых” осенью 1555 г., фигурируют и “лутчие казаки”.³⁰ В более ранних сообщениях наблюдается сходная ситуация. Скажем, при рассказе о бегстве “крымцев” из Казани в 1551 г., Патриаршая (Никоновская) летопись указывает, что бежали “триста человек уланов и князей и азеов и мурз и казаков добрых (выделено мной — *Д.И.*), опричь их людей”.³¹ Вкупе с другими известиями (1546 и 1552 гг.)³² о бегстве казаков из ханства совместно с князьями и мурзами, это сообщение ясно показывает, что казаки в государстве являлись частью феодального сословия. Такой же вывод вытекает и при разборе данных писцовых книг второй половины XVI — начала XVII вв. К примеру, известная из писцовой книги Казанского уезда И.Болтина (1602—1603 гг.) формула: “за служилыми князьями и новокрещены и за мурзами и за татарами”,³³ за исключением звена “новокрещен”, соответствует уже знакомому нам перечню представителей феодального сословия ханства (князья и мурзы, казаки). Причем отчетливо видно, что “служилые татары” в данном случае занимают в формуле место прежних “казаков”. Анализ писцовой книги Свяжского уезда 1565—68 гг. подкрепляет сказанное. В частности, там приводится

описание жителей деревни Большого (Нового) Хозяшево: "... в деревне... жили в войну Казаки и чувашаи. Казанские люди... и те казаки служилые и чувашаи Ясашные люди..."³⁴ Понятно, что термин "казаки" (служилые казаки) тут заменяет понятие "татары", так как в более поздней писцовой книге И.Болтина на территории уже Казанского уезда постоянно используется формула "служилые татары вопче с ясачною чувашею".³⁵ Но самым главным доказательством принадлежности казаков к феодальному сословию является их вхождение в число помещиков. Еще М.Г.Худяков писал, что "казаки на время своей бессрочной службы...получали земельный надел".³⁶ Из писцевой книги И.Болтина вытекает, что и рядовые служилые татары (по-старому — казаки) в Казанском уезде владели, как и их отцы, поместьями, являясь помещиками.³⁷ Именно поместный характер землевладения, во всяком случае, во второй половине XVI—XVII вв., отличал служилых татар (казаков) от "ясачных чувашей", с которыми они жили совместно ("вопче").

Военно-служилый характер группы казаков вытекает и из других данных. В Патриаршей (Никоновской) летописи, например, под 1555г. говорится о пленении русскими целой группы восставших татар, в числе которых названы "казаки" и "сотные князья".³⁸ В том же году в виде "сотный князь да лутчий казак" это устойчивое сочетание упоминается еще раз.³⁹ Сопряжение в источниках "сотных князей" с "казаками", являлось не случайным — в Казанском ханстве те и другие были взаимосвязаны. Как видно из Царственной книги, в 1551 г. от имени всей "Горной стороны" Москве "били челом" от "князей и мурз и сотных князей и десятных и Чувашей и Черемисы и казаков" "Магмет с товарищи".⁴⁰ Упоминаемые тут "сотные князья" и "десятные" имели прямое отношение к казакам, так как в том же сообщении чуть ниже вначале сказано о "сотных князьях и десятных", а затем, имея в виду сотных же князей, говорится о "сотных казаках".⁴¹ Очевидно, эти градации казаков связаны с военными делениями на "десятки" и "сотни". Следы этого деления действительно обнаруживаются на территории Свияжского уезда, возникшего на Горной стороне. Из "Книги сбора оброчных денег" (1617—1619 гг.) видно, что в Свияжском уезде имелись "сотня князя Аклычева" и "сотня князя Тимеева".⁴² В этом же уезде еще отмечаются: в 1625 г. — "Князя Ишеева сотня", в 1646 г. — "князя Байбулатова сотня".⁴³ Эти сотни были названы по именам реальных людей: Княгиня Салтанай Акклычева фигурирует в "Переписной книге Свияжского уезда поместных дач" (1646 г.). Там же в двух селениях (название одного из них — Ишеево) упомянуты князья Ишеевы.⁴⁴ В Свияжском уезде отмеченные сотенные деления были устойчивыми и дожили до XVIII в — по материалам I и II ревизий (1719, 1744 гг.) установлено, что в уезде существовали 4 татарские сотни, названия которых звучали так же, как в XVIIв.: "Князя Акклычева", "князя Ишеева", "князя Тимеева" (вариант: "князя Темешева") и "князя Бикбулатова".⁴⁵ Скорее всего о сотенных делениях в Казанском ханстве говорится и в том

месте из Патриаршей (Никоновской) летописи, где рассказывается о посажении в августе 1551 г. хана Шах-Галия на казанский престол: “И къ правде пошли все люди Казанские, по сту человек и двести и по триста, а не вдруг”.⁴⁶ Последние две цифры из сообщения являются всего лишь кратными ста, т.е. сотни, поэтому в них можно видеть определенную группировку именно на основе сотен. О существовании в ханстве деления на “десятки” можно судить и на основании одного малоисследованного источника, известного под названием “Дастан-и Хаджи-Гирей хан” (он сохранился в составе “Сборника летописей” Кадыр-Али бека — 1602 г.). В “Дастане” содержится весьма интересный перечень “десятков” (ун): “...в 954 г. (по др. версии — в 956 г.) в месяце джумади ал-ахир (т.е. в июле—августе 1547 г. или в июне—июле 1549 г. — *Д.И.*) из эля Солтан Колчура сын Гали старший (башлык), из эля Уймас Балтач бай один десяток (людей), из эля Серда Кылый Гали бай один десяток (людей), из эля Чыпчык Ямгурчи и Карил Курт один десяток (людей), из эля Шабша Джанжура бик один десяток (людей), из эля Вэнтэ (Вэнтэ) и эля Нурма Колурус и Галикэ один десяток (людей), из эля Шаехзадэ Кулуш мирза один десяток (людей), еще один десяток Ак Чура(,) Дюртиле Кибэк джирмеш Мухаммед бик один десяток (людей), из Иске Юрта Ядкар бай и Касим-сеид бай один десяток (людей), из эля Кара дэвлет уста Кунак один десяток (людей), из эля Хаирби Бахшенда Хафиз один десяток (людей), из Кара Гайши Тушанак один десяток (людей), из эля Темерчи сын уста Нугай один десяток (людей)...”⁴⁷ Как видим, во главе некоторых десятков стоят люди, имеющие титулы “бек” (бик) или “мирза”. Не исключено, что и термин “бай” надо также читать как “бий”. Тогда во главе большинства десятков окажутся князья. Следовательно, выражение, встречающееся в русских летописях — “сотные князья и десятные” — вполне точно отражает картину иерархического деления среди служилой части населения Казанского ханства. Напрашивается вывод, что “десятки” (ун) состояли из рядовых казаков, находившихся в подчинении у “десятных князей”. А последние, наряду с “сотными князьями”, могли считаться “лучшими казаками”. Нельзя не отметить также, что под “земскими князьями”, известными в Казанском ханстве с конца XV в.,⁴⁸ могли скрываться эти же “десятные” и “сотные” князья.

Дополнительные соображения о казаках можно будет сформулировать после разбора вопроса о так называемых “племенных войсках” — вначале на материалах по Крымскому ханству, затем — Казанскому ханству.

В Крымском ханстве, как установил Х.Инальчик, “четыре клана, образуя определенный род племенной конфедерации под управлением “баш карачу” (главного карачу) из лидирующего клана Ширин, действовали как главная военная сила в ханстве”. Он приводит данные за 1543 г., когда во время II-й Черкесской кампании участвовала “только отборная группа племенных сил”. При этом Ширины выставили войско в 5000, Аргыны и Кыпчаки — 3000, а Мангыты — 2000 человек, что

позволяет определить общую численность “действующего ядра” армии крымской аристократии в 10000 воинов. Другой его вывод: “карачу в ханстве командовали основными силами племенных войск”.⁴⁹

В суждениях Х.Инальчика много верного. Действительно, в начале XVI в. князя из Ширинов, Барынов, Аргынов и Кыпчаклов считали в Крымском ханстве “воеводы-князьями”.⁵⁰ Судя по Патриаршей (Никоновской) летописи, где указывается на деление в 1555 г. крымского войска на “передовой полк царев и правую руку и левую”,⁵¹ войска перечисленных выше кланов могли занимать в боевом порядке определенные места. Например, нельзя признать случайным следующее заявление князя Агиша Ширина (1508 г.): “...правая оглобля — государь мой, царь (хан — *Д.И.*), а левая оглобля — яз убогой и с братьею и з детьми”.⁵² Из этого же сообщения явствует, что клан Ширинов в Крыму насчитывал до 20 тыс. человек,⁵³ поэтому не удивительно, что он смог выставить в 1543 г. пяти тысячное войско. Находившиеся под командованием карача-беев войска были конными. В частности, В.Е.Сыроечковский, установивший порядок мобилизации в Крыму казаков, включая и тех, кто находился в подчинении у карача-беев, отмечает, что каждый воин должен был привести с собой трех коней, иметь доспехи и корм; на 5 человек полагались телега и два вола на корм.⁵⁴

Конечно, приведенные данные автоматически переносить на Казанское ханство невозможно. Однако, имеются сведения, свидетельствующие, хотя и косвенно, что обрисованная выше ситуация в Крыму может быть ключом к раскрытию существования “племенных войск” и в Казанском ханстве. Так, из послания Крымского хана Менгли-Гирея Казанскому хану Мухаммед-Амину (10 марта 1490 г.) видно, что крымский хан казанское войско, состоящее из “казаков”, представлял как конное.⁵⁵ Осмелюсь высказать предположение, что в составе этого войска имелась и его “племенная часть”. Прежде всего, из послания Ивана III от 21 июня 1490 г., имеющего прямое отношение к посланию Менгли-Гирея от 10 марта 1490 г., вытекает, что хан Мухаммед-Амин уже 8 июня 1490 г. послал свою рать, в т.ч. и “своих воевод”, а также “двор свой”. Так как Крымский хан Менгли-Гирей это войско считал конным, оно и должно было быть таковым. В то же время, в этих войсках, среди “воевод” хана, известны “Канымет князь Итяков брат” и “Имир мурза Садыров брат”.⁵⁶ Думаю, что эти двое были из кланов карача-беев: князь “Канымет” и князь Садыр фигурируют среди четырех “князей Казанских” — явно карача-беев — изменивших в 1496 г. хану Мухаммед-Амину.⁵⁷ Поэтому, у меня есть основания полагать, что в 1490 г. в войсках казанского ханства имелась и его “племенная часть” во главе с карача-беями. Таковую вероятность усиливает содержание другого послания хана Менгли-Гирея Ивану III, отправленного через год. В нем правитель Крыма предлагал московскому князю привлечь для борьбы с Большой Ордой казанских казаков. Последних он видел состоящими из каких-то групп во главе с 20—30 князьями.⁵⁸ Далее, согласно Устюжс-

кой летописи, в 1489 г. казанский хан Мухаммед-Амин послал на помощь своим союзникам — московским войскам, действовавшим против вятчан, отряд в 700 человек. Он был конным, так как в летописи сказано: "...а московская конная пришли под Котельнич..., а татарская августа в 2 день".⁵⁹ Тут определениями к слову "конная" являются как "московская", так и "татарская", а глагол "пришли" относится к обоим войскам, что позволяет заключить, что конным было и казанское войско. Во главе его стоял "князь татарский Урак",⁶⁰ названный в Архангелородской летописи "князем казанским".⁶¹ Обычно "князьями казанскими" считались карача-беи. Действительно, в 1496 г. князь Урак числится среди четырех "князей Казанских", поддержавших тюменского хана Мамука.⁶² А в 1499 г. Патриаршая (Никоновская) летопись Урака признает "князем Казанских князей",⁶³ т.е. беклерибекком. Следовательно, в 1489 г. он мог командовать небольшим отрядом татарской конницы в качестве "воеводы-князя". Еще одно известие интересующего нас плана содержится в "Зафар наме-и вилайет-и Казан" Ш.Хаджитархани (1550). Там, при рассказе о сражении казанцев с русскими войсками, наступавшими на Казань в 1549 г., говорится: "на одних воротах крепости, собрав джигитов, стоял опора этого государства и указатель пути людям этой области, сын покойного Полат-бика Мамай-бик с Нургали мирзой... — опытный в военных делах и старший над джигитами".⁶⁴ Мамай бек и Нургали мирза из источника — это Ширины, причем первый из них являлся, скорее всего, беклерибекком.⁶⁵ Указание на "опытность" Мамай-бека в "военных делах" может коррелировать с его статусом "воевода-князя", а его "старшинство над джигитами", возможно, надо понимать так, что он во время сражения командовал "племенным войском". Данные о Чора-батыре позволяют высказать аналогичный вывод. Во-первых, как я уже указывал, эпический Чора-бек из клана Аргын, считавшийся "батыром", безусловно, принадлежал к числу "воевод-князей". Во-вторых, не подразумевает ли "Казанская история" его "племенные войска", когда говорит о 500 "служащих раб" (они могли быть нукерами бека⁶⁶) и "всех ратных с ним 1000"? Вполне возможно, если иметь в виду, что у эпических Чора батыра и его родственников в Казанском ханстве были "слуги" или соплеменники — "таминцы" (группа тама). Заставляет задуматься и известие "Казанской истории" о том, что при взятии в 1552 г. центра Арской даруги — г.Арска, кроме самих "Арских князей" из клана Кыпчак, в плен, попали не только 7 "черемисских воевод", но и 300 "сотников старейшин" с 5 или 15 тысячами человек. Не являлось ли это войско, хотя бы частично, "племенным" подразделением клана Кыпчак? Я считаю, это весьма вероятным. Сопоставление сведений о численности армий Казанского и Крымского ханств позволяет найти новые аргументы в пользу существования в Казанском ханстве "племенных войск".

Как известно, численность воинов в Крымском ханстве в разные годы колебалась от 15—20 до 250 тысяч.⁶⁷ Последняя цифра, относящаяся

ся к 1509 г., отражает максимальное число войск ханства. Оно было достигнуто благодаря разгрому в 1502 г. ханом Менгли-Гиреем Большой Орды,⁶⁸ после которого усилившийся крымский хан объявил себя “Великие Орды великим царем” (Улуг Орданың олуг ханы).⁶⁹ Хотя в чисто количественном плане “племенные войска” крымских аристократов как будто-бы и не занимали ведущего положения, до определенного времени они оставались в ханстве главной военной силой. Дело в том, что эта роль “племенных войск” была предопределена политическим значением кланов в Крыму. Х.Инальчик указывает, что в тех случаях, когда “карачу-беки коллективно покидали его (хана — *Д.И.*) в знак протеста, приводя свои войска в священное место по названию Кайялар-Ала, где на скале были отгиснуты тамги или печати крымских кланов, хан оказывался совершенно бессильным”.⁷⁰

В Казанском ханстве численность войск колебалась в районе 50—70 тысяч, в период массовой мобилизации достигая до 100—130 тысяч человек. В то же время ядро войска, по-видимому, из “казаков” составляли 12 тысяч воинов.⁷¹ Если провести аналогию с Крымским ханством, можно высказать предположения, что 12 тысяч человек насчитывало “племенное” войско Казанского ханства.

Как видим, в двух татарских ханствах соразмерной была общая численность не только всех войск, но и их “племенных” частей.

В итоге проведенного анализа появляется возможность подойти к постановке фундаментальной проблемы о глубинной связи административно-политического устройства Казанского ханства с клановой структурой правившего в этом государстве феодального сословия в лице его ведущего звена из князей, мурз и казаков. Ключевое значение при рассмотрении этой проблемы имеет вопрос о характере основных кланов (Ширины, Барыны, Аргыны, Кыпчаки и Мангыты): были ли они настоящими племенами — кровно-родственными или “территориальными”, не столь важно — или феодальными “домами”, линеджевыми кланами, правившими княжествами — юртами? Теоретически возможны и некоторые промежуточные состояния, скажем, между “территориальным” племенем со своей феодализировавшейся правящей верхушкой и княжеством чисто административно-политического типа во главе с местными правителями, грань весьма зыбкая.

В качестве модели опять придется обратиться к Крымскому ханству. Но скажу откровенно: ситуация в Крыму не отличается ясностью. Так, Б.Форбес Манз обратила внимание на следующее место из грамоты Ширина Агиш князя (1508 г.): “... яз убогой и с братьею и с детьми, тысяч нас с двадцать есть у государя Менгли-Гирея царя”.⁷² Обсуждая это место, она подчеркнула, что названные Агиш-беком “братьями” люди, не могли быть полностью Ширинами, так как в других случаях есть указания на их “слуг”, связь которых с кланом Ширинов неясна. Кроме того, Б.Форбес Манз разобрала еще один случай, когда в 1551 г. беку Аргынов на основе ярлыка Давлет-Гирея были даны земли, где

имелись как оседлые поселения и сельскохозяйственные угодья, так и пастбища. Отсюда этот автор заключает, что речь идет о “территории со смешанным населением, включающим кочевников, из среды которых Аргыны могли собрать свое войско и оседлых земледельцев”. Далее она делает еще ряд наблюдений и приходит к выводу, что племенная знать, возможно, даже географически, могла быть оторвана от своих соплеменников, живших в степных районах.⁷³ В целом же Б.Форбес Манз вынуждена была констатировать, что “внутренняя организация” кланов в Крыму остается не выясненной. По ее мнению, без дальнейших исследований сказать что-либо конкретное о взаимоотношениях карача-беков с соплеменниками, трудно. Совершенно не случайно, что Б.Форбес Манз в своей публикации для обозначения четырех основных племен Крымского ханства использовала такой нейтральный термин, как “клан”.⁷⁴ Понятно, что из-за многозначности он в данном случае подходит лучше всего. Алан У.Фишер фактически этот сложный вопрос обошел. Но его замечание о том, что генеалогическую связь мурз с кланами невозможно установить, а также допущение им возможности перехода мурз от одного бея к другому,⁷⁵ скорее свидетельствуют в пользу административно-политического или “территориального” характера племен в Крыму. Еще один исследователь рассматриваемого вопроса — Х.Инальчик, карача-беев называл “племенной аристократией”, признавая четыре “правящих” в Крыму племени “царственными”. При этом он имел в виду, что последние выступали как “корпоративная группа при хане, которая, в свою очередь, представляла государственную структуру, наложенную на племенную аристократию”.⁷⁶ Несмотря на то, что Х.Инальчик вместо термина “клан” (clan) использовал более конкретное понятие “племя” (tribe), писал о “племенных войсках” (tribal forces, army), его взгляды на внутриплеменные отношения в ханстве остались на том же уровне, что и у упомянутых выше исследователей. В частности, когда Х.Инальчик пишет о двух родах людей, подчиненных карача-бекам — нукерах (эмельдяшах) и обычных рядовых,⁷⁷ это скорее напоминает рассуждения Б.Форбес Манз.

Таким образом, Крымские материалы не дают однозначного ответа по интересующей нас проблеме. Но они, по крайней мере, допускают, что “юрты” главных кланов в Крымском ханстве в качестве основы имели “племена”, скорее территориальные. Исключением могли быть Мангыты, проникшие в Крым позже и, возможно, имевшие несколько иные внутриплеменные отношения.⁷⁸ Но этот вопрос еще нуждается в дальнейшем изучении.

Вернемся к Казанскому ханству. Я уже отмечал, что на территории Ногайской даруги (Мангытского юрта) прослеживается влияние ногайского языка. Такое вряд ли было бы возможно без включения в состав населения даруги собственно ногайского компонента.

Сходное явление обнаруживается и в контактной зоне Алатской и Галицкой даруг, где воздействие таких тюркских языков, как башкирс-

кий, ногайский, казахский и каракалпакский, очевидно. Сохранение тут именно такого языкового “вторжения” вполне объяснимо. Прежде всего, необходимо обратить внимание на существование генеалогической традиции, подчеркивающей родство татар, башкир, ногайцев и каракалпаков. Это родство обычно связывается с Ногайской Ордой, ногайцами.⁷⁹ Нахождение в зоне Галицкой и Алатской даруг ногайцев и связанных с Ногайской Ордой представителей клана Барын, говорит о возможных причинах появления следов ногайско-казахско-башкирского языкового “вторжения” в рассматриваемом ареале. При учете уже приведенной генеалогии башкир подразделения тамьян-катай, где о Нарыке (Нурек мирзе), отце Чора батыра, сказано, что он был “потомком Жагылбая, казахского рода”, не случайными кажутся и предания, бытующие у татар и башкир, согласно которым Чора выступает то как “предводитель” башкир, то уходит “в сторону башкир и казахов”. “Эти предания интересны потому, что в литературе ранее уже высказывалось мнение о том, что башкирское племя тамьян было родственным с казахским племенем тама и родом тана (они входили в Младший Жуз).⁸⁰ В то же время “народом” эпического Чора-батыра и его ближайших родственников выступают таминцы (тама). Они не были только эпическим народом: в некоторых родословных, имеющих отношение к зоне Галицкой и Алатской даруг, встречается этноним “тамэ” — правда, в качестве личного имени.⁸¹ В этом же ряду надо рассматривать и информацию о том, что род тамьян-катай имел общую зимовку с аргынами в бассейне р.Тургай.⁸²

Приведенные факты не являются единичными. К ним можно добавить и данные из казахских преданий об их радона начальнике — Алаче. По мнению казахов, они некогда “проживали на севере” и составляли “один и тот же народ с Алатами”, лишь затем отделившись от них.⁸³ Имея в виду, что этноним “алат” известен и у узбеков (алат~аллат~арлат),⁸⁴ я бы высказал гипотезу, что этноним “алач” (его другие написания: алаш~алац) является всего лишь вариантом этнонима “алат”. В данном случае важно то, что центр Алатской даруги — г.Алат, был, кажется, назван по этому этнониму. Другой город с таким названием — Алатыр (Алат+ор~ыр, т.е. “Алатская крепость”) в сочинении Утямиш-хаджи в первых десятилетиях XV в. отмечается по соседству с “мукшы” (г.Мухшы?) как определенная административная единица.⁸⁵ Можно думать, что перемещение “Алатской крепости” (Алатыра) на территорию Алатской даруги, было связано с формированием Казанского ханства. Очевидно, тюркские группы, следы которых обнаруживаются в районе “стыка” Алатской и Галицкой даруг, тогда и перебрались в новый административный центр.

В Арской даруге — княжестве Кыпчаков, наблюдается своя этноязыковая специфика, особенно там, где “Арские князья” жили компактно. В частности, в районе северной окраины Арской даруги — в с.Нократ и других татарских деревнях бассейна р.Чепцы, диалектологи выделяют

причепецкий говор, обнаруживающий параллели с тем языком, который нашел отражение в тексте Codex Cumanicus (XIV в.). Он имеет общность и с отдельными говорами мишарского диалекта и говором подбелезинских кряшен.⁸⁶ В этом случае сходство отмеченных говоров вполне объяснимо как результат включения кыпчакского компонента.⁸⁷ Общие элементы между причепецким (нукратским), касимовским говорами и говором крымских татар⁸⁸ говорят о том же.⁸⁹ Татарское население с. Нократ, где кыпчакское влияние оказалось преобладающим, в этнокультурном отношении также выделяется,⁹⁰ оно, например, не знало праздника Сабан-туй, традиционного для казанских татар.⁹¹ В других районах, входивших в состав Арской даруги, столь четких этнокультурных особенностей не обнаруживается. В языковом отношении татарское население этой зоны относится к носителям малмыжского говора (северо-восток) и арского подговора (ареал, прилегающий к г. Арску). Таким образом, в языковом плане в рассматриваемом ареале полного единства нет. Более того, арский подговор является одним из четырех подговоров, образующих ашитский говор. Последний же распространен на территории бывших Галицкой и Алатской даруг. Но в то же время арский подговор обладает не всеми признаками, характерными для ашитского говора, сближаясь по некоторым свойствам с малмыжским говором.⁹² С одной стороны, сходство малмыжского и ашитского говоров может быть объяснено этническим единством населения Арской, Галицкой и Алатской даруг. В частности, в родословной жителей одной из старых деревень зоны распространения малмыжского говора — Янгулова,⁹³ прослеживается общность с родословными жителей некоторых селений Алатской даруги.⁹⁴ Допустимо полагать, что клан Кыпчак, владевший Арской даругой, был этнически близок к Барынам и Аргынам, владевшими Алатской и Галицкой даругами. С другой стороны, отмеченная этноязыковая близость могла сложиться и в результате этнической однородности ясачного населения разных даруг. Однако, есть и другие факты, говорящие о кыпчакском включении в зону локализации Арской даруги. Например, в районе распространения малмыжского говора наиболее старинным татарским селением, наряду с д. Янгулово, считается Смаиль (Смэел).⁹⁵ Более того, населенный пункт с таким названием (по татарски — “Исмэгыйль”) был образован в Белебеевском уезде Уфимской губ. выходцами из районов проживания “Арских князей”.⁹⁶ Кроме того, рядом с д. Смаиль расположены и другие деревни (Кара-Дуван и Кариле Балтасинского р-на Татарстана), чьи названия имеют выраженный кыпчакско-ногайский облик.⁹⁷ Далее, к числу носителей малмыжского говора относятся жители двух селений с названием “Салавыч” (Балтасинский р-н Татарстана). В то же время в другой деревне с аналогичным названием (д. Салагыш Агрызского р-на Татарстана) живут потомки “Арских князей”.⁹⁸ Если иметь в виду, что упомянутые две деревни с наименованием “Салавыч” расположены недалеко от отмеченного выше “куста” селений с кыпчакскими названиями

(Смәел, Кара-дуван, Кариле), то можно достаточно уверенно говорить о том, что они также связаны с кланом Кыпчак.

На территории Зюрейской даруги видим аналогичную картину: тут обнаружены родословные (они имеют отношение к жителям ряда селений Кукморского и Сабинского районов Татарстана), начинающиеся с имени “Олыс бия”.⁹⁹ Имя в виду, что третий после “Олыс бия” человек из родословной — “Байтәвәккәл”, был похоронен в д.Елышево,¹⁰⁰ расположенной недалеко от центра Зюрейской даруги — д.Зюри, вряд ли можно считать случайным титул¹⁰¹ родоначальника — “улус (олыс) би”. На основе ряда данных¹⁰² можно говорить об оседании на территории Зюрейской даруги тюркского населения, вышедшего из Крыма и организованного в “улус”. Вероятно, этот “олыс би” был из клана Ширин (о положении Ширинов в Крыму уже говорилось).

Рассмотренные материалы позволяют выдвинуть гипотезу о том, что правящие кланы в Казанском ханстве были не только феодальными “домами”, а являлись “территориальными” племенами, включающими в свой состав и рядовых сородичей (“казаков”). Но “казаки” наверняка уже не находились в кровном родстве со своими “вождями” (см. например, случай с кланом Аргын, “народ” которого состоял из группы “тама”). Но для “территориального” племени это и не обязательно.

В связи со сказанным особого внимания требует такой социальный институт казанских татар, как джиен (жыен). Хотя он изучен явно недостаточно,¹⁰³ два его признака прослеживаются достаточно ясно: джиены проводились большими территориальными группами, иногда включающими несколько десятков деревень¹⁰⁴ — недаром исследователи пишут о джиенных “конфедерациях”¹⁰⁵; они обладали некоторыми признаками родо-племенных празднеств (заключение брачных союзов, знакомство молодых во время молодежного гулянья, съезд многочисленных родственников на праздник¹⁰⁶). Поэтому, я не исключаю, что джиены генетически были связаны с основными кланами периода Казанского ханства.¹⁰⁷

Можно высказать предположение о том, что ведущие кланы существовали в ханстве со времени его возникновения, если не в Булгарском вилайете.¹⁰⁸ В плане поиска их истоков нужно еще раз вернуться к сведениям о группе, прибывшей на территорию будущего Казанского ханства вместе с Улу-Мухаммедом.

Согласно “Казанскому летописцу” (Казанской истории), Улу-Мухаммед в 1437 г. на окраины русских земель “прибежа...в мале дружине своей”, численность которой составляла 3000 человек.¹⁰⁹ Патриаршая (Никоновская) летопись точное число воинов хана не дает, там только говорится, что “царю (Улу Мухаммеду — *Д.И.*) в мале тогда сушу” и еще раз численность его воинов определяется как “худое оно малое воинство”.¹¹⁰ В той же летописи сообщается, что во время сражения 1437 г. под Белевым, “единому Агарянину десяти нашим и выше того”, удалось “одоleti”.¹¹¹ В то же время “Казанский летописец” называет

число русских “вооруженных вои”, участвовавших в сражении 1437 г. — 40000,¹¹² что позволяет думать, что пропорция, приведенная в Патриаршей (Никоновской) летописи — 1:10 (и выше), имеет под собой определенную основу. Поэтому, данные “Казанского летописца” о численности “дружины” Улу Мухаммеда можно считать достоверными.¹¹³ К тому же, эта цифра поддается перепроверке. Дело в том, что в 1445 г. когда Улу-Мухаммед отправил своих детей — Махмутека и Якуба, против русских, татарских воинов насчитывалось “поль четверти тысящи”, т.е. 3500 человек, из которых 500 погибли во время боя.¹¹⁴ За год до того, Улу-Мухаммед часть своих людей, находившихся в подчинении сына — султана Мустафы,¹¹⁵ потерял под Переяславом — Рязанским.¹¹⁶ Из приведенных цифр видно, что основное ядро войск (“дружина”) хана Улу-Мухаммеда насчитывало не менее 3 тыс. воинов. На самом деле воинов должно было быть больше. Скажем, в 1445 г. хан, отправивший войско в 3,5 тыс. воинов в поход, сам остался в Старом Нижнем Новгороде.¹¹⁷ Вряд ли он находился там совсем без военного сопровождения. Да и отдельные места из русских летописей, в которых рассказывается о приходе в 1439 г. Улу-Мухаммеда “къ Москве... со многими силами”,¹¹⁸ наталкивают на мысль о значительности числа воинов у хана. Как бы там ни было, можно вполне уверенно говорить о “дружине” хана Улу-Мухаммеда накануне завоевания Казани в 3—3,5 тыс. воинов. Разумеется, с членами семей численность группы, прибывшей с ханом на территорию Казанского ханства, могла достичь 10 тыс. человек, а то и больше.¹¹⁹ Не следует упускать из виду и следующее место из “Казанского летописца”: “... И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран, от Златые Орды и от Астрахани, от Азуева, и от Крыма”.¹²⁰ Такой приход тюркских групп в Казанское ханство “от различных стран”, безусловно, имел место.

Группа во главе с ханом Улу-Мухаммедом была определенным образом организована: недаром в 1445 г. при ее перемещении во главе с ханом и его детьми из Старого Новгорода к Курмышу, она названа “Ордой”.¹²¹ Я уже отмечал, что в 1437 г. в составе людей хана находились “дараг князи” Усеин Сараев и Усень-Хозя. Потомки Усеина Сараева осели в Казанском ханстве. По-видимому, род Сараевых восходит к князю Сараю, сыну Урусакха: в 1409 г. он числился в рати во главе с Едигеем, отправленной против русских повелением хана Большой Орды Булата-Салтана.¹²² В “Орде” хана Улу-Мухаммеда было много и других знатных лиц. Так, во время сражения в 1437 г. были убиты “зять царев и князей много”.¹²³ Однако, и после этого с Улу-Мухаммедом отмечаются князья (в числе их — его зять, Елимбердей).¹²⁴ При разгроме группы султана Мустафы в 1444 г., когда “князей... многих Татарских избиша”, некоторые князья попали в плен (князь Ихмуть-мурза и князь Азбердей сын Миширеванов).¹²⁵ Тем не менее, значительная часть князей не пострадала: в 1445 г. Улу-Мухаммед вместе с плененным им Василием II отправил “послов своихъ, многихъ князей, со многими (выделено мной —

Д.И.) людьми, князя Сеит-Асана, и Утеша, и Кураиша, и Дылхозю и Айдара, и иных многих”.¹²⁶ Эти князья благополучно вернулись в Казань, о чем, может говорить название “Кураишевой слободы” в городе, названной явно по имени князя Кураиша. Не случайна и следующая запись в Патриаршей (Никоновской) летописи под 1448 г.: “... царь Казанский Махмутекь посла князей своих со мною силоу воевати отчину великого князя”.¹²⁷ Отсюда ясно, что в Казанском ханстве оказались как достаточно большое число князей, так и рядовых татар (“многая сила” могла состоять только из них).

Наиболее вероятным представляется структурирование “Орды” хана Улу-Мухаммеда периода завоевания Казани, на 4 клана — Аргынов, Барынов, Ширинов и Кыпчаков. Напомню, что у Улу-Мухаммеда в 1437 г. отмечаются 2 “дараг князей”, что является кратным к четырем. Да и в Крыму двое из карача-беков — из клана Ширин и Барын — считались старшими (“изначальными”).¹²⁸ Далее, Улу-Мухаммед находился в близком родстве (двоюродные братья) с крымскими ханами и с потомками хана Тохтамыша.¹²⁹ Между тем, перечисленные выше 4 клана являлись “давними, со времен предков, элями” Тохтамыша. Не исключено, что Улу-Мухаммед, как один из близких родственников Тохтамыша, в наследство от предков тоже получил части этих же “элей”. Кроме того, отец Улу-Мухаммеда — Хасан оглан (он же “Ичкеле Хасан”) мог править в Булгарском вилайете,¹³⁰ где обнаруживаются некоторые признаки существования такой четырехклановой системы. Во-первых, в “Дафтар-и Чингиз-наме” при рассказе о покорении Тимуром Булгара, сообщается о казни хана Абдулла и его 124 “великих беков”. При этом, четыре человека (Икбал, Кул-Али, Хаши и Маркаш) из беков, названы “самыми старшими”.¹³¹ Во-вторых, можно говорить об “укорененности” клана Кыпчак в окрестностях г.Балынгуза (Биляра) уже в конце XIV в. В третьих, нельзя ли трактовать данные о 4-х основных городах (Булгар, Жукотин, Казань, Кирменчук) в Булгарском вилайете в конце XIV в.,¹³² как отражение существования четырех административно-территориальных единиц в рамках вилайета? Это тем более вероятно, что из Патриаршей (Никоновской) летописи известен “Болгарские князи” и “Жукотинские князи” (еще одна группа — “князи Казань-стии”, кажется, подразумевает тех же самых “Болгарских князей”).¹³³ Совокупность проанализированных исторических материалов позволяет мне сформулировать следующий вывод: татары, организованные по клановому принципу, образовывали в Казанском ханстве основное звено — ядро правящего феодального сословия.

Теперь, когда этническая принадлежность “верхней” страты казанских татар установлена, я хотел бы обратиться к выяснению этнического облика их “низовой” части, которая в русскоязычных источниках XVI — середины XVII вв. именовалась “ясачными чувашами”, позже — “ясачными татарами”.

Примечания

- ¹ ПСРЛ. — т.13. — с.167.
- ² *Шербагов М.* История ... — Т.5, ч.1. — с.499.
- ³ *Малиновский А.* Историческое... — л.258.
- ⁴ Сочинения князя Курбского. — т.1. — с.47.
- ⁵ ПСРЛ. — т.19. — Столб.60, 392.
- ⁶ *Айплатов Г.Н.* Расселение ... — с.141.
- ⁷ ДДГ, 1909. — с.55—59.
- ⁸ ПСРЛ. — т.13. — с.466—467.
- ⁹ Во всяком случае, в писцовой книге Свяжского уезда 1567—68 гг. среди жителей уезда отмечены и “Мещерские татары” (Список с писцовой и межевой ... — с.98, 103—104, 110, 130, 134, 139, 142).
- ¹⁰ ДДГ, 1909 ... — с.55—59.
- ¹¹ Об “Арских чувашах”, см.: ПСРЛ. — т.13. — с.166, 467.
- ¹² См., например: *Вельяминов-Зернов В.В.* Источники ... — с.1—48.
- ¹³ ПСРЛ. — т.13. — с.31—32, 56—57, 68, 99, 425, 447.
- ¹⁴ Там же. — с.168.
- ¹⁵ *Худяков М.* Очерки... — с.205; *Его же.* Казань ... — с.ХІ.
- ¹⁶ ПСРЛ. — т.13. — с.31, 447.
- ¹⁷ *Малиновский А.* Историческое ... — л.259.
- ¹⁸ Там же. — л.237 об.
- ¹⁹ Там же. — л.248 об.
- ²⁰ *Шербагов М.* История... — т.5., ч.1. — с.499.
- ²¹ *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.21, 38—39.
- ²² *Инальчик Х.* Хан... — с.75.
- ²³ *Малиновский А.* Историческое ... — л.258—261 об.
- ²⁴ *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.37.
- ²⁵ *Худяков М.* Очерки... — с.205. В одной из своих статей он определял казаков как “рядовых кадровых солдат” (*Худяков М.* Казань... — с.ХІ)
- ²⁶ На наличие у царевича Яная (Янали) в “городке Мещерском” и у царевича Ших-Авлияра “в Сурожике” их “уланов и князей и казаков”, указывается и в грамоте хана Абдул-Латыфа (1508 г.). (См.: *Малиновский А.* Историческое ... — л.247).
- ²⁷ Там же. .
- ²⁸ ПСРЛ. — т.13. — с.148.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. — с.247.
- ³¹ Там же. — с.166.
- ³² ПДРВ. — ч.VIII. — с.144; ПСРЛ. — т.13. — с.174, 474.
- ³³ Писцовая книга Казанского уезда .... — с.39, 66, 116, 153.
- ³⁴ Список с писцовой и межевой ... — с.102. В этой книге про население сельца Малое Хозяшево сказано, что оно — татарское. В другом месте источника жители д.Хозяшево (Большое) названы “Горными татарами” (Там же. — с.117, 126, 129).
- ³⁵ См.: Писцовая книга Казанского уезда ....
- ³⁶ *Худяков М.* Казань ... — с.ХІ.
- ³⁷ Писцовая книга Казанского уезда ....
- ³⁸ ПСРЛ. — т.13. — с.247.

- ³⁹ Там же. Известный в истории Мамич-Бердей являлся “луговым сотным князем” (Там же. — с.266).
- ⁴⁰ Там же. — с.466.
- ⁴¹ Там же. — с.466—467.
- ⁴² РГАДА, ф.1209, ед.хр.153. — лл.289, 358.
- ⁴³ *Мартынов П.* Селения Симбирского уезда ... — с.127, 129—132.
- ⁴⁴ РГАДА, ф.1209, ед.хр.6447.
- ⁴⁵ РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.2977, 2984, 2985, 2991.
- ⁴⁶ ПСРЛ. — т.13. — с.169.
- ⁴⁷ Цитируется по: Борынгы татар ... — 477 б. (перевод автора). Главная проблема с этим “Дастаном” заключается в том, что действующим лицом в нем является крымский хан Хаджи-Гирей, а события разворачиваются спустя столетие (в 1547 или 1549 г.). Но села (“ил”), упоминаемые в источнике, расположены в Заказанье (О “Дастане” подробнее см.: *Усманов М.А.* Татарские... — с.81—82).
- ⁴⁸ В 1497 г. “земские князья” числились среди казанской знати, присягнувшей на верность хану Абдул-Латыфу (ПСРЛ. — т.11—12. — с.244). В 1519 г. в составе казанских послов известен “Шаисуп, князь земский” (ПСРЛ. — т.13. — с.32).
- ⁴⁹ *Инальчик Х.* Хан... — с.75—76.
- ⁵⁰ *Малиновский А.* Историческое ... — л.л.132 об, 237 об.9.
- ⁵¹ ПСРЛ. — т.13 — с.257.
- ⁵² *Малиновский А.* Историческое ... — л.239.
- ⁵³ Там же. См. также: *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.30.
- ⁵⁴ *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.42.
- ⁵⁵ *Малиновский А.* Историческое ... — л.222.
- ⁵⁶ Сборник РИО. — т.41. — с.116.
- ⁵⁷ ПСРЛ. — т.11—12. — с.242—243.
- ⁵⁸ *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.44.
- ⁵⁹ ПСРЛ. — т.37. — с.50.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. — с.96.
- ⁶² ПСРЛ. — т.11—12. — с.242—243.
- ⁶³ Там же. — с.250.
- ⁶⁴ *Шерифи Х.* Зафар наме-и ... — с.89. Русский перевод подкорректирован мной на основе татарского текста (Его см.: Кол-Шәриф. И күңел ... — 80 б.).
- ⁶⁵ Дело в том, что его отец — Булат князь (бек), несколько раз упоминался в русских летописях “в головах” князей, что было характерно именно для беклерибеков (См.: ПСРЛ. — т.13. — с.56, 68, 99). Да и эпитеты Мамай-бека — “опора государства и указатель пути” — говорят о высоком статусе этой личности. Кроме того, другой сын Булат-бека — Нургали, бывший в 1549 г. “мирзой”, к 1551 г. стал “беком”, а в 1552 г. он уже назван “карачь Казанский большой Ширин Муралей” (Там же. — с.171). Следовательно, он также являлся беклерибеком.
- ⁶⁶ В Крымском ханстве карача-беки имели нукеров, являвшихся “слугами, которые никогда не покидают порога своих беков” (*Инальчик Х.* Хан... — с.80). О синонимичности понятий “чура” и “нукер”, я уже указывал выше.
- ⁶⁷ *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.43; *Малиновский А.* Историческое ... — л.л.96, 108, 140.

- ⁶⁸ *Малиновский А.* Историческое ... — л.108.
- ⁶⁹ Там же. — л.237 об.; *Усманов М.А.* Жалованные акты... — с.189; *Инальчик Х. Хан...* — с.84 (прим.159).
- ⁷⁰ *Инальчик Х. Хан...* — с.76.
- ⁷¹ Об этом специально см.: *Исхаков Д.М.* Введение... — с.9. Оценка численности войск Казанского ханства в 12 тысяч человек принадлежит Матвею Меховскому. Примерно такую же цифру дает и А. Курбский, который, рассказывая о попытке казанцев прорваться через русские войска, осаждавшие Казань в 1552 г., говорит: "...И единова изыдоша сами карачи з двором царевым, а с ними яки десять тысящей войска..." (Сочинения князя Курбского. — т.1. — с.185). Это было явно основное ядро казанских войск во главе с карача-беями.
- ⁷² *Малиновский А.* Историческое ... — л.239 об.
- ⁷³ *Manz Beatrice F.* The clans... — p.p.286.
- ⁷⁴ Там же. — p.p.284, 286.
- ⁷⁵ *Fisher Alan W.* The Crimean Tatars... — p.23
- ⁷⁶ *Инальчик Х. Хан...* — с.73, 75, 77.
- ⁷⁷ Там же. — с.77.
- ⁷⁸ Следующее замечание В.Е. Сыроечковского важно для понимания различий, имевшихся в социальном развитии населения Крыма: "... в Крыму XVI в. совершался далеко не законченный переход от кочевого скотоводства и земледелия к оседлому сельскому хозяйству... в южной половине полуострова... переход татар к оседлой форме его прошел быстро. В... степях переход шел медленнее, и земледелие продолжало сочетаться с кочеванием улусов..." (*Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.14)
- ⁷⁹ Башкирские шеджере... — с.173—174; *Әхмәтжанов М.* Юрматы ... — 48—49 бб.; *Его же.* Татар шәжәрәләре ... — 36—39 бб.
- ⁸⁰ *Кузеев Р.Г.* Происхождение ... — с.165—166.
- ⁸¹ *Әхмәтжанов М.* Татар шәжәрәләре... — 108—109 бб.
- ⁸² По казахским генеологическим преданиям "аргун" (аргын) является синонимом Орта Жуза (*Султанов Т.И.* Опыт ... — с.168).
- ⁸³ *Илюшенко С.И.* О распространении ... — с.31—32.
- ⁸⁴ Там же. См.также: *Султанов Т.И.* Опыт ... — с.166, 171, 174.
- ⁸⁵ *Вәлиди Туган Ә.* Башкорттарзың ... — 25 б.
- ⁸⁶ *Баязитова Ф.С., Бурганова Н.Б.* Новые данные ... — с.105.
- ⁸⁷ См.: *Махмутова Л.Т.* Опыт ... — с.258, 262; Молькеевские крышены ... — с.10—13, 14—15, 140—141, 156.
- ⁸⁸ *Рамазанова Д.Б.* К истории ... (1996). — с.197.
- ⁸⁹ *Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары ... — с.104, 106; *Исхаков Д.М.* Этнографические группы... — с.38, 66—85; *Его же.* Пермь татарлары ... — 175—176 бб.
- ⁹⁰ Подробнее см.: *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские... — с.37; *Его же.* Этнографические группы... — с.36—37.
- ⁹¹ Подробнее см.: *Бурганова Н.Б.* О формировании ... — с.3—31.
- ⁹² *Штейнфельд Н.П.* Малмыжские ... — с.229.
- ⁹³ *Әхмәтжанов М.* Татар шәжәрәләре... — 110, 118 бб.
- ⁹⁴ *Штейнфельд Н.П.* Малмыжские... — с.229.
- ⁹⁵ *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим... — с.65; *Исхаков Д.М.* О роли ... — с.135.

- ⁹⁶ *Әхмәтҗанов М.* Татар шәжәрәләре... — 18 б.
- ⁹⁷ *Исхаков Д. М.* Этнодемографическое ... — с.7; *Его же.* Астраханские ... — с.8.
- ⁹⁸ *Әхмәтҗанов М.* Әгерҗе ... — 51 б.; ГА Оренбургской обл., ф.96 оп.2, ед.хр.43. — л.л.431—449.
- ⁹⁹ *Әхмәтҗанов М.* Татар шәжәрәләре... — 35—36 бб.; *Его же.* Татар халкы ... — 61—62 бб. Попытка М.И.Ахметзянова обосновать точку зрения о связи этой родословной с генеологией “Арских князей”, на мой взгляд, не увенчалась успехом. (См.: Татар халкы ...).
- ¹⁰⁰ *Әхмәтҗанов М.* Татар шәжәрәләре... — 36 б.
- ¹⁰¹ Еще М.И.Ахметзянов высказал мнение, что “Олыс би” — это титул, а не личное имя (См.: *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — с.46).
- ¹⁰² М.И.Ахметзянов указывает, что в некоторых вариантах шеджере основателем рода “Олыс бия” называется “Габдулла хан, выходец из Крыма”. Кроме того, тамга этого рода была сходна с тамгой племени кийат (кыйат), о пребывании которого в Крыму во второй половине XIV в. хорошо известно (*Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — с.46). О личности Габдулла хана есть разные мнения (См.: *Әхмәтҗанов М.* Казан ... — 60—64 бб.; *Исхаков Д.* Ключевой ... — с.16). Но в данном случае важна информация о его приходе “из Крыма” — именно она позволяет предположить, что “улус бий” принадлежал к клану Ширин.
- ¹⁰³ О нем см.: Татары Среднего Поволжья ... — с.195—215; *Бурганова Н.Б.* О системе ... — с.20—67; *Уразман Р.К.* Татар халкының ... — 56—67 бб.; *Әмири К.* Кайпан ... — 44—47 бб.; *Мәрдәншин Г.* Халыкны ... — 56—58 бб.
- ¹⁰⁴ Татары Среднего Поволжья ... — с.197—198; *Әмири К.* Кайпан. — 46 б.
- ¹⁰⁵ Татары Среднего Поволжья ... — с.198; *Бурганова Н.Б.* О системе... — с.20—21.
- ¹⁰⁶ См. литературу, отмеченную в сноске 103.
- ¹⁰⁷ Другую точку зрения о времени формирования джиенов, см.: Татары Среднего Поволжья ... — с.200—202; *Бурганова Н.Б.* О системе... — с.21—24.
- ¹⁰⁸ *Исхаков Д.* Ключевой этап... — с.16—17.
- ¹⁰⁹ ПСРЛ. — т.19. — с.14, 18.
- ¹¹⁰ ПСРЛ. — т.11—12. — с.24—25.
- ¹¹¹ Там же. — с.25.
- ¹¹² ПСРЛ. — т.19. — с.17. О численности русских войск говорят и такие выражения, как: “многочисленны полки”, “многое множество полков Русских” (ПСРЛ. — т.11—12 — с.24), “множество воинства хрестьянского” (ПСРЛ. — т.20. — ч.1. — с.243).
- ¹¹³ О причинах победы Улу-Мухаммеда, имевшего немногочисленную дружину, см.: *Зимин А.А.* Витязь ... — с.82—83.
- ¹¹⁴ ПСРЛ. — т.11—12. — с.65; ПСРЛ. — т.20, ч.1. — с.258; *Зимин А.А.* Витязь... — с.105.
- ¹¹⁵ См.: *Исхаков Д.* Казан ханлыгы... — 42—46 бб.
- ¹¹⁶ В Патриаршей (Никоновской) летописи об этом сказано: “...и много Татар избиша, и самого царевича Мустафу убиша, и князей с нимъ многих Татарскихъ избиша” (ПСРЛ. — т.11—12. — с.62.)
- ¹¹⁷ Там же. — с.64.
- ¹¹⁸ ПСРЛ. — т.11—12. — с.30. ПСРЛ. — т.20. — ч.1. — с.256. Тут речь идет о “многой силе”. В 1446 г. казанский хан Махмутек послал своих князей “со многою силой”, против русских (ПСРЛ. — т.11—12. — с.73.).

- ¹¹⁹ Правда, Б.-А.Б. Кочекаев на примере Большой Орды периода правления хана Сеид-Ахмета полагал, что число воинов составляло 60% всего населения (*Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские...* — с.34.). Думаю, что на самом деле доля воинов в общей численности населения была значительно ниже. Применительно к случаю с Улу-Мухаммедом я бы определил это соотношение как 1:3. К тому же, точное число воинов Улу-Мухаммеда нам неизвестно.
- ¹²⁰ ПСРЛ. — т.19. — с.20—21.
- ¹²¹ ПСРЛ. — т.11—12. — с.65.
- ¹²² Там же. — с.205. Этим Урусакком может быть Урусчук из племени кыйят, упоминаемый в 1391 г. в составе войск Тохтамыша среди эмиров и нойонов (См.: *Тизенгаузен В.Г. Сборник...*, т.П. — с.168).
- ¹²³ ПСРЛ. — т.11—12. — с.24.
- ¹²⁴ Там же. Возможно, Елибердей это князь Ериклибердей, упоминаемый в числе пришедших “на Русскую землю” во главе Едигеем в 1409 г. (Там же. — с.205).
- ¹²⁵ Там же. — с.62.
- ¹²⁶ Там же. — с.66.
- ¹²⁷ Там же. — с.73.
- ¹²⁸ *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.29; *Manz Beatrice F.* The Clans... — p.286.
- ¹²⁹ *Сафаргалиев М.Г.* Распад... — с.196; *Исхаков Д.* Казан ханлыгы... — 43 б.
- ¹³⁰ *Исхаков Д.* Казан ханлыгы... — 44—45 бб.
- ¹³¹ *Усманов М.А.* Татарские ... — с.113.
- ¹³² ПСРЛ. — т.11—12. — с.164. Это не означает, что не было других городков (“градов”), просто перечисленные городские центры были основными, наиболее важными.
- ¹³³ ПСРЛ. — т.9—10. — с.232; ПСРЛ. — т.11—12. — с.215; *Исхаков Д.* Казан ханлыгы... — 44—45 бб.

§2. “Черный люд” казанских татар (проблема “ясачных чувашей”).

Многочисленная группа населения, известная под названием “ясачных чувашей” (чуваша), отмечается в составе Казанского и Свияжского уездов в писцовых и переписных книгах XVI — первой половины XVII вв., а также в ряде актовых материалов того же периода. В этом факте не было бы ничего особенного, если не одно немаловажное обстоятельство: со второй половины XVII в. “ясачные чуваша” Казанского уезда практически поголовно начинают именоваться в источниках “ясачными татарами”. Более того, эти “чуваша”, превратившиеся в “татар”, локализируются в районах формирования основного ядра казанских татар.

Вопрос об этническом облике этих “чувашо-татар” остается остродискуссионным. На сегодняшний день имеются четыре основные точки зрения, соответственно об их чувашской, татарской, болгарской и удмуртской принадлежности. Обилие гипотез явно свидетельствует не только об источниковедческих трудностях, но и об определенных методологических пробелах в существующей оценке этнической ситуации в Среднем Поволжье на рубеже XVI—XVII вв.

Источниковая база проблемы “ясачных чувашей” достаточно хорошо известна.¹ В последнее время один из основных источников по этому вопросу был опубликован.² Но в целом круг документальных материалов остается ограниченным. При таком положении необходимо тщательный критический анализ каждой из гипотез с тем, чтобы выявить степень их фактологической обоснованности.

Прежде всего, однако, мне хотелось бы при рассмотрении проблемы “ясачных чувашей” XVI—XVII вв. ограничиться на данном этапе пределами одного лишь Казанского уезда, т.е. левобережьем Волги. Сужение территориальных рамок исследования объясняется тем, что в начале XVIII в. в правобережном Свияжском уезде жили как татары (18,4 тыс.чел.), так и чувашаи (28,8 тыс.чел.).³ Несомненно, предки обеих групп населяли эту территорию и в XVI—XVII вв. Однако состояние источников по Свияжскому уезду не позволяет для XVI—XVII вв. достаточно надежно отделить собственно чувашей от тех групп, которые до середины XVII в. в источниках назывались “чувашами”, а позже стали именоваться “татарами”. Именно поэтому проблему “ясачных чувашей” было решено рассмотреть применительно к Казанскому уезду — тут этническая ситуация поддается более однозначной трактовке. Но выработанная на основе материалов по Казанскому уезду модель этнической ситуации XVI—XVII вв., безусловно, имеет более широкое значение.

Начну с аргументации сторонников чувашской этнической принадлежности “ясачных чувашей” XVI — середины XVII вв.⁴ Изучение публикаций показывает, что основным их доводом является сам факт употребления в письменных источниках наименования “чувашаи” — на вид несомненного этнонима. Как считал Р.Н.Степанов, фиксация в письменных источниках рассматриваемого населения под наименованием “чувашаи” не может быть результатом каких-то ошибок писцов,⁵ о чем, по его мнению, свидетельствуют как распространенность данного термина в обширном корпусе документов XVI—XVII вв., так и наличие случаев, когда челобитчики сами называли себя “чувашами”.⁶

Такие факты, несомненно, заслуживают внимания, хотя нет необходимости в их абсолютизации. Во-первых, у нас нет данных о том, что русская администрация, в первую очередь, группа ее представителей в лице составителей писцовых и переписных книг, при определении этнической принадлежности местного населения Среднего Поволжья в XVI—XVII вв. учитывала этническое самосознание. Во-вторых, вызывает сомнение правомерность прямого отождествления этнических реальностей, отражением которых могли быть этнонимы русских письменных источников XVI — середины XVII вв., и этносов, чьи границы более или менее четко очерчиваются в Поволжье позднее.

Последнее соображение базируется на конкретных материалах. Как было установлено В.Д.Димитриевым, в Среднем Поволжье в документах XVI—XVII вв. этноним “черемисы” широко употреблялся не только для обозначения марийцев, но и по отношению к определенной части

чувашей.⁷ Аналогичное явление для XVI — первой половины XVII вв. было установлено мной и для других районов Волго-Уральского региона, но применительно к другим этнонимам.⁸ Поэтому определение этнической принадлежности лишь на основе русскоязычных письменных источников представляется мне по меньшей мере неосторожным. Кроме того, неясно, является ли наименование “ясачные чувашы” эндоэтнонимом или же экзоэтнонимом, например, присвоенным этому населению русскими или соседними народами.

Если говорить о примерах проявления этнического самосознания “ясачных чувашей” Казанского уезда, то при обсуждении тех относительно немногочисленных документально зафиксированных случаев самоопределения представителей рассматриваемой группы как “ясачных чувашей”, невозможно не задаться следующим вопросом: а отражение ли это этнического самосознания? Ответить на него совсем не просто. Замечу, что в челобитных документах, в которых этот этноним встречается, он явно занимал зависимое от социально-экономического статуса, положение. Практически все рассматриваемые челобитные были направлены на решение вопросов землевладения, а само право на землевладение обосновывалось ссылкой на документы определенного типа: у ясачного населения, как в данном случае — ссылкой на писцовые и переписные книги. В такой ситуации было достаточно одного случая неправильного определения этнической принадлежности крестьян, как в дальнейшем челобитчики уже не могли отказаться от своего, зафиксированного в писцовых и переписных книгах, наименования — иначе они теряли всякие права на земельные угодья.

Сторонники чувашской принадлежности “ясачных чувашей” Казанского уезда в пользу своей гипотезы высказывали и некоторые другие соображения. Так, выдвигалось предположение, что “еще в половине XVII в. казанские татары были рассредоточены на гораздо меньшей территории, а к XVIII в. численность татар резко увеличивается, что, конечно, нельзя объяснить только простым приростом населения”.⁹ Этот тезис закономерно приводил к выводу о массовом “отатаривании” к концу XVII — началу XVIII в. “ясачных чувашей” Казанского уезда.

Остановлюсь детальнее на фактической стороне этого утверждения. Прежде всего, нельзя говорить о “резком” увеличении численности казанских татар к XVIII в. по сравнению с более ранним периодом по той простой причине, что этностатические источники для какой-либо реконструкции демографической ситуации в XVI—XVII вв. до недавнего времени не были предметом специального изучения. Проведенный мной анализ этих источников никаких заметных скачков в численности татар в период между XVI—XVII и XVIII вв. не обнаруживает. Кроме того, рост численности, даже если он имеет место, автоматически не приводит к расширению этнического ареала, и наоборот, простая фиксация увеличения территории расселения этноса не позволяет делать однозначный вывод о росте его численности. Наконец, пока нет прямых

доказательств массового “отатаривания” в XVI—XVII вв. “ясачных чувашей” Казанского уезда, вряд ли правомерно говорить о связи между особенностями расселения и динамикой численности казанских татар, с одной стороны, и широкомасштабными этническими процессами — с другой.

Еще одна линия доказательств строится на отсутствии в источниках XVI — середины XVII вв. упоминания о “ясачных татарах”. При этом цепь рассуждений развивается по следующей схеме: все татары в последний период существования Казанского ханства (первая половина XVI в.) были служилым населением; во второй половине XVII в. в источниках появляются “ясачные татары”, следовательно, последние сформировались главным образом за счет нетатарского населения — в частности, путем отатаривания “ясачных чувашей” Казанского уезда.¹⁰ Интересны логические последствия, которые вытекают из такой цепи рассуждений. Если исходить из утверждения о служилом статусе всех без исключения казанских татар в XVI в., татары оказываются этносом, полностью состоявшем из класса феодалов разного ранга. В принципе такой вариант допустим: в истории известны общества, в которых господствующий класс являлся особой, отличной от “черни”, этнической группой. Но подобный вариант вряд ли подходит для казанских татар.

Как известно, Л.Н.Тихомиров на основе анализа русских летописей XIV—XV вв. пришел к заключению, что в них на территории бывшей Волжской Булгарии под именем “бесермены” вплоть до второй половины XV в. упоминаются “булгары”, отличавшиеся от другой группы населения — “татар”, живших с ними бок о бок.¹¹ В связи с тем, что Казанское ханство воспроизводило социальную структуру Золотой Орды, социальную верхушку его, как я уже показал ранее, образовывали выходцы из среды золотоордынской феодальной знати. Более раннее же тюркское население Булгарского вилайета должно было, как в Золотой Орде, так и в Казанском ханстве, оказаться в зависимом положении. Если учитывать, что булгары являлись одним из субстратных компонентов казанских татар — а эта точка зрения в историографии почти не оспаривается — то вряд ли можно говорить об отсутствии в XV—XVI вв. среди казанских татар представителей феодально-зависимого класса. Кроме того, при отнесении к чувашам населения центральной части Казанского уезда, известного по письменным источникам XVI — первой половины XVII вв. как “ясачные чувашаи”, завершение формирования этноса казанских татар придется отодвинуть чуть ли не на конец XVII в. Такой вывод по отношению к этносу, создавшему свое феодальное государство с развитой социальной страфикацией, представляется необоснованным.

Еще одна линия аргументации тезиса об отатаривании “чувашского” населения Казанского уезда к середине XVII в. строится следующим образом. Для начала утверждается, что “фактов отатаривания чувашей никто не станет отрицать, они общеизвестны”.¹² Основной причиной

этого явления называется принятие мусульманства, заканчивающееся “восприятием всего татарского”.¹³

Конечно предложенный подход требует фактического обоснования и с этой целью привлекается этностатистическая информация, которая, как правило, дальше XVIII—XIX вв. не идет.¹⁴ Сама по себе правомерность переноса полученных для XVIII—XIX вв. подсчетов и показателей на более ранний период, весьма сомнительна. Более того, центральное звено системы доказательств — статистические материалы и методы работ с ними — не выдерживает критики. Еще в начале XX в. Г.И.Комиссаров, опираясь на сведения о численности татар в Казанской губернии за 1826 г. и сравнивая эти цифры с данными переписи 1897 г., сделал вывод об ускоренном росте численности казанских татар за счет ассимиляции чувашей.¹⁵ Лишь гораздо позже В.Д.Димитриевым на основе более полных статистических данных была обнаружена ошибочность использованных Г.И.Комиссаровым цифр.¹⁶ Однако и сам В.Д.Димитриев ограничился только общим анализом динамики численности татар Казанской губернии, без изучения конкретных факторов, действовавших на их численность в XVIII—XIX вв.; им не были учтены и многие архивные источники, характеризующие татаро-чувашские этнические связи в этот период. В итоге, критикуя своего предшественника, В.Д.Димитриев пришел к тому же выводу — о существовании в XVIII — середины XIX вв. в Казанской губернии крупномасштабных этнических процессов, связанных главным образом с ассимиляцией чувашей татарами.¹⁷ Однако проведенное мной в дальнейшем изучение этностатистических источников XVIII—XIX вв. показало, что в Волго-Уральском регионе в XVIII—XIX вв. в результате этнических процессов в состав татар вошло ограниченное число чувашей, причем в основном не в Казанской, а в других губерниях (в Симбирской, Самарской, Уфимской).¹⁸

Таким образом, фактологическая база проанализированного тезиса оказывается весьма зыбкой.

Вторая — татарская гипотеза этнической принадлежности “ясачных чувашей” Казанского уезда, была сформулирована Е.И.Чернышевым в начале 1960-х годов.¹⁹ Он полагал, что в лице “ясачных чувашей” Казанского уезда мы имеем на самом деле “ясачных татар”. Для обоснования этого тезиса Е.И.Чернышев привел такие соображения. Во-первых, в центре этнической территории казанских татар — в Казанском уезде, чувашей никак не могло быть больше, чем татар. Этот тезис необходимо усилить: по данным на начало XVII в., “ясачных чувашей” в уезде было намного больше, чем татар. Так, согласно писцовой книге 1602—1603 гг., здесь насчитывалось 228 дворов служилых татар (включая “новокрещеных”) и 802 двора “ясачных чувашей” (с новокрещеными).²⁰ Сведения эти неполные — в писцовую книгу попало только то ясачное население, которое имело землевладения по соседству со служилыми татарами. Тем не менее приведенные цифры отражают, видимо, примерное соотношение в уезде “татар” и “чувашей” (скорее всего, доля “татар”

до середины XVI в. была даже несколько выше). Во-вторых, в ближайшем соседстве с татарами на территории Казанского уезда логичнее было бы искать не чувашей, а марийцев, волости которых в XVII в. вплотную примыкали к этнической территории татар. В-третьих, термин “ясачные чувашаи” письменных источников XVI—XVII вв. не имел этнического значения, а являлся социальным понятием, синонимичным категории ясачного населения вообще. Два первых аргумента Е.И.Чернышева выглядят в целом убедительно.²¹ Сложнее с третьим. Правда, Е.И.Чернышев привел ряд фактов, которые, с его точки зрения, доказывали, что под “чувашами” в документах имелось в виду ясачное население в целом. Но эти факты можно трактовать и иначе. Кроме того, раз в источниках помимо “ясачных чувашей” фигурируют еще “ясачные черемисы” и “ясачные вотяки”, возникает вопрос: почему ясачные татары названы в документах “чувашами”, а не “черемисами” или “вотяками”? Свою позицию Е.И.Чернышев попытался подкрепить ссылкой на то, что наименование “чувашаи” было присвоено ясачным татарам служило-татарской группой. Однако какие-либо факты в пользу этого мнения ему не удалось привлечь.²²

Несколько позже появилась третья гипотеза об этнической принадлежности “ясачных чувашей”.²³ По мнению ее автора Г.Ф.Саттарова, “ясачными чувашами” в Казанском уезде в XVI — середине XVII вв. назывались те группы булгарского населения, в языке которых кыпчакские элементы не одержали “окончательной победы”.²⁴ При этом Г.Ф.Саттаров исходил из того, что булгары с родным булгарским языком (чувашского типа) не должны были исчезнуть и потерять свой родной язык в период с XIII по XVI вв. Об этом, по его мнению, может свидетельствовать расшифровка названий многих деревень центральной части Казанского уезда — Заказанья, которые этимологизируются на основе чувашского языка.

Предложенная Г.Ф.Саттаровым гипотеза весьма заманчива, но, к сожалению, обоснована явно недостаточно. Так, возможность сохранения булгарских групп с некыпчакским языком в XVI—XVII вв. фактически никак не аргументирована. Более того, она находится в противоречии как с другими выводами автора, так и мнением остальных исследователей. К примеру, Г.Ф.Саттаров отмечает, что в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства булгары и кыпчаки тесно взаимодействовали друг с другом и кыпчакский язык в итоге одержал победу.²⁵ Спрашивается, произошла эта победа до XVI в. или после?. Если ее надо относить лишь к XVII в., чем тогда объяснить усиление влияния кыпчакского языка во второй половине XVI—XVII вв.? Ответов на эти вопросы мы не находим. Кроме того, как быть с тем хорошо известным фактом, что язык эпитафий на могилах предков казанских татар в XV—XVII вв., относится к кыпчакскому типу?²⁶

Вывод же о языковых особенностях названий татарских селений Заказанья представляется достаточно обоснованным.²⁷ Однако тут обна-

руживаются новые проблемы. Во-первых, названия селений могли сохраниться и после частичной или полной смены первоначального этнического облика населения, давшего эти названия. Во-вторых, не ясны хронологические рамки появления этих топонимов. С уверенностью доводить время существования этнического массива, создавшего топонимы, до даты, когда эти названия были впервые зафиксированы в письменных источниках (т.е. до XVI—XVII вв.), вряд ли правомерно. Отсюда ясно, что попытка прямо связывать создателей топонимов булгарского (чувашского) типа с “ясачными чувашами” Казанского уезда, требует столь значительных оговорок, что не выходит за рамки предположения.

Совсем недавно была сформулирована четвертая гипотеза о происхождении “ясачных чувашей”.²⁸ Суть ее сводится к тому, что часть населения, расселенная на территории северо-восточной части Казанского уезда — в пределах Арской даруги, представляла собой южных удмуртов, “в определенной степени тюркизированных уже в составе Волжской Булгарии”.²⁹ Об этом, по мнению М.И.Гришкиной и В.Е.Владыкина, могут свидетельствовать следующие данные. Во-первых, южные удмурты не упоминаются в писцовых и переписных книгах Казанского уезда XVI—XVII вв., хотя другие этнические группы в уезде отмечаются часто (татары, марийцы, “чувашаи” и др.). Во-вторых, названия некоторых деревень (Люга, Вошторма), в которых в конце XVI — начале XVII вв. жили “чувашаи”, имели явно удмуртский облик. В-третьих, в “чувашах” Казанского уезда тюркизированных южных удмуртов позволяют видеть аналогии с этнической историей бесермян.

Рассмотрим предложенные аргументы по-порядку. Тезис об отсутствии упоминания южных удмуртов в писцовых и переписных книгах XVI—XVII вв. справедлив лишь отчасти. Действительно, в сохранившихся писцовых и переписных книгах Казанского уезда XVI—XVII вв. удмурты упоминаются редко. Но дело тут не в том, что удмурты в документах фигурируют под другим этнонимом, а в том, что сохранившиеся писцовые и переписные книги Казанского уезда XVI—XVII вв. посвящены в основном описанию землевладений служилого населения, сосредоточенного в центральной зоне уезда. А вот здесь к XVI в. удмурты уже вряд ли проживали (что, однако, не исключает их обитания в этом ареале в более ранний период). Кроме того, в сохранившихся документах XVI — середины XVII вв. все-таки имеется целый ряд упоминаний о южных удмуртах. Так, в царской грамоте в Казань от 1593 г. среди жителей уезда отмечаются “вотяки”.³⁰ В книге сбора оброчных денег Казанского уезда за 1617—1618 гг. по Арской “дороге” отмечается д.Едигер, населенная “вотяками”.³¹ В выписке из отдельной книги И.Садилова (1640 г.) по Зюрейской “дороге” Казанского уезда перечисляются “вотьяцкие” деревни Согрез, Порча, Пелга, Кохча, Большая Кохча, Бигра и др.³² Во всех названных документах удмурты с прочими этническими группами Казанского уезда не смешиваются и фиксируются как вполне самостоятельная этническая единица.

Что касается аргумента М.Г.Гришкиной и В.Е.Владыкина об удмуртских названиях деревень, населенных “чувашиами”, то он также не убедителен. Стоит еще раз обратить внимание на то, что топонимы могут сохраняться и после изменения этнического облика населения. Кроме того, речь идет о названиях всего нескольких деревень, расположенных в районе смешанного расселения татар и удмуртов. Ясно, что именно здесь вероятность сохранения старых топонимов после смены населения резко возрастает.

Основной пункт доказательств М.В.Гришкиной и В.Е.Владыкина связан с бесермянами. Авторы пишут: “По всей вероятности, “чуваша арская” и есть остатки того населения Арской земли, которое в XVI — начале XVII вв. мы застаем уже в бассейне р.Чепцы и объединяем под этнонимом “бесермяне”.³³ При этом они ссылаются на то, что в районе проживания бесермян (т.е. в районе р.Чепцы) источники XVI — начала XVII вв. отмечают “чувашей”.³⁴ Далее предпринимается поиск бесермян в более южных районах — на территории Казанского уезда. Этот поиск приводит к следующим выводам: 1) обнаружено упоминание в начале XVII в. “Арского города босурмана Митюшки Кривого”³⁵; 2) в Заказанье, согласно Т.И.Тепляшиной, имеется значительный пласт “бесермянской” топонимики, свидетельствующий, уже по мнению М.В.Гришкиной и В.Е.Владыкина, о проживании предков бесермян в Заказанье; 3) имеется материал о том, что татары называли некоторых удмуртов “д’уаш ар”, что позволяет связать в единое звено бесермян Заказанья, “ясачных чувашей” Казанского уезда и удмуртов.³⁶ Эти факты подкрепляются общим положением о том, что бесермяне в период самостоятельности Волжской Булгарии представляли собой в основном южно-удмуртское население, “испытывшее...сильное тюркское влияние”, принявшее ислам и смешавшееся с “какой-то тюркской группой, родственной позднейшим чувашам”.³⁷

Проанализируем приведенные выше соображения. Связь упомянутого Митюшки Кривого с этническими бесермянами весьма сомнительна. Как известно, в XVI—XVII вв. термин “бесермян”, нередко в форме “басурман” употреблялся и в значении “мусульманин” или “иноверец”.³⁸ Поэтому Митюшка Кривой мог быть просто крещеным татаринном, не полностью порвавшим с мусульманством³⁹ или же бывшим русским пленником, вынужденным в период Казанского ханства принять мусульманство и оставшимся “басурманином” и после возвращения в лоно православной церкви. К тому же единичность подобного примера лишает его доказательности.

Теперь о топонимах. Не вызывает сомнения определенное единство топонимии бассейна р.Чепцы и района Заказанья. Но трактовка этого единства, предложенная Т.И.Тепляшиной, принципиально отличается от подхода М.Г.Гришкиной и В.Е.Владыкина. Т.И.Тепляшина исходила из того, что предки бесермян были тюркоязычными.⁴⁰ Сохранились жалованные грамоты “Арских князей” XVI в., в которых отмечается

приход в первой половине XVI в. в бассейн р.Чепцы “чувашей из казанских мест”⁴¹ Если принять к сведению и некоторые другие факты,⁴² становится вполне понятной близость топонимов двух удаленных друг от друга ареалов.

Следует внести ясность и в термин “д’уаш ар”. Было выяснено, что этим термином обозначались те удмурты, которые переселялись с территории “Арской земли” за реку Вятку (на ее левый берег).⁴³ Речь идет, таким образом, об удмуртах “зареченских”. В связи с тем, что выражение “д’уаш ар” образовалось по законам татарского языка, мы предлагаем толковать его, в отличие от М.В.Гришкиной и В.Е.Владыкина, не как “чувашских удмуртов”, а как “зареченских” удмуртов, так как в некоторых татарских говорах слово “юач”~“жуас” употребляется в значении “зареченские”.⁴⁴ Если к этому добавить обозначение удмуртов в татарском языке — “ар”, получим искомое сочетание “жуас~д’уаш ар”.

Попытка М.В.Гришкиной и В.Е.Владыкина “увязывать” бесермян с весьма рано тюркизированными южными удмуртами, не согласуется с историческими источниками. В состав этнических бесермян действительно вошли удмурты (возможно, южноудмуртского происхождения), однако слияние удмуртского и собственно тюрко-бесермянского компонентов позднейших бесермян завершилось не ранее второй половины XVII в. и четко сохранилось в исторической памяти бесермян.⁴⁵ Поэтому, позднейшая группа бесермян бассейна р.Чепцы без предварительного учета разнокомпонентности этой группы и времени ее формирования не может служить моделью при определении этнического облика “бесермян” Казанского края XIV — XV вв., как и “чувашей” XVI — середины XVII вв.

Итак, тезис о южноудмуртской этнической принадлежности части “чувашей” Казанского уезда (а именно, “арских чувашей”) нельзя считать доказанным. В пользу мнения об их какой-то иной этнической принадлежности можно привести еще одно соображение чисто логического порядка. Если “чувашаи” Арской даруги Казанского уезда были удмуртского происхождения, то как объяснить проживание “чувашей” в тех частях уезда, которые входили в состав этнических территорий марийцев (зона Галицкой и Алатской даруг Казанского уезда)?.

Таким образом, высказанные до сих пор в литературе гипотезы об этнической принадлежности “ясачных чувашей” Казанского уезда XVI — середины XVII вв. аргументированы явно неудовлетворительно. Думаю, что вопрос о причинах функционирования в XVI — первой половине XVII вв. термина “ясачные чувашаи” в официальной русскоязычной документации для совершенно определенной части территории Среднего Поволжья, является одним из узловых. Поэтому, для того, чтобы с новых позиций подойти к интерпретации данной проблемы, предварительно рассмотрим два вопроса: о хронологических рамках бытования термина “ясачные чувашаи” и об ареале расселения населения, известного под этим наименованием.

Самое раннее упоминание “чуваши” относится к 1511 г. — в жалованной грамоте “Арским князьям” из Нукрата (Карино). Там же они фиксируются в 1522, 1542, 1547, 1548, 1551 годах, причем в некоторых случаях как “чуваши арская”.⁴⁶ На территории собственно Казанского ханства это население впервые отмечается в 1551 г. в Царственной книге, где сказано: “... приходили Чюваши Арская з боем на крымцев... Крымцы побили Чюваши”.⁴⁷ В том же году при характеристике населения “Горной стороны” (территория будущего Свияжского уезда) Казанского ханства, говорится: “...били челом от всея Горние стороны, от князей и мурз и сотних князей и десятных и Чювашей и Черемисы и казаки”.⁴⁸ Тогда же “казанцы” послали Ивану IV челобитную грамоту, которую у же приводел. В ней упомянуты “Чюваши и Черемиса и Мордва и Тарханы и Можары...”⁴⁹ Затем “чуваши” отмечаются в писцовой книге г. Казани и ее уезда 1565—68 гг.,⁵⁰ в писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 гг.⁵¹ Но ближе к середине XVII в. термин “ясачные чуваши” в документах начал заменяться понятием “ясачные татары”. Однако этот процесс завершился далеко не сразу. Так, например, при описании деревень и починков ясачного населения Галицкой “дороги” Казанского уезда за 1678 г., в заголовке описания стоит формула: “чувашиские деревни и починки” (перечислены 24 селения).⁵² По писцовой книге 1602—1603 гг. в ряде этих селений действительно жили “ясачные чуваши”.⁵³ Но в 1678 г. наблюдается любопытная метаморфоза: когда перечисляются жители этих “чувашиских” населенных пунктов, они то и дело называются “ясачными татарами”.⁵⁴ В заключении документа это население опять называется “ясачными чувашами”.⁵⁵ Аналогичное явление обнаруживается и при разборе дела о ясачных татарах двух деревень Алатской “дороги” Казанского уезда от 1677 г. Когда речь идет об их грамотах за 1604 г., они называются “ясачными чувашами”. Но когда писцы говорят о современном им периоде (о 1677 г.), жители этих же деревень именовются “татарами”.⁵⁶ Мне удалось установить, что в пережиточной форме термин “ясачные чуваши” употреблялся в некоторых документах до начала XVIII в., иногда даже позже.⁵⁷ Но все же основным временем наиболее активного функционирования в актовых документах этого наименования надо признать период с 1511 г. по первые десятилетия XVII в., т.е. около ста лет.⁵⁸

Изучение расселения “ясачных чувашей” в XVI—XVII вв. позволяет сделать следующий вывод: это население, за редким исключением,⁵⁹ сосредоточивалось на территории Казанского и Свияжского уездов — т.е. в центральной части бывшего Казанского ханства. Правда, в Свияжском уезде наряду с интересующей нас группой имелись и этнические чуваши. Тем не менее, из упоминаемых в писцовой книге Свияжского уезда 1565—67 гг. 33 селений (из них 22 — “чувашиских” и 11 — “татарско-чувашиских”; еще 6 деревень были населены “татарами”)⁶⁰ в большинстве позже жили татары.⁶¹ Кроме того, две деревни (Азеево и Наратлей), известные по этой же писцовой книге, еще раз как “чувашиские” отмечаются в актовых материалах 1567 г.⁶²

“Чуваши” в XVI в. жили и в г.Казани. Так, в писцовой книге 1565—68 гг. при описании той части города, которая стала называться “Татарской слободой” (Заострожье), отмечаются 150 дворов “татарских и чувашских”.⁶³ Опрос, проведенный во время этой переписи, показал, что “в те татарские дворы татаровя и чуваша приезжают жить зимою или в заворошню”.⁶⁴ В той же писцовой книге, как уже говорилось, при описании Казанского уезда упоминается “Чувашская дорога” (с выделением верхней, средней, передней и малой частей этой “дороги”),⁶⁵ являвшаяся Зюрейской даругой. Кроме того, часть территории “Чувашской дороги”, возможно, входила и в состав Ногайской, Арской и Алатской даруг. Но следует заметить, что к Ногайской даруге позже относились только 3 селения, к Арской и Алатской — соответственно 2 и 1. Надо думать, что эти деревни находились на территории, смежной с Зюрейской даругой и попали в соседние даруги из-за территориальной близости.

В начале XVII в. “чуваши” фиксируются фактически на всей территории Казанского уезда. По отдельным даругам они расселялись довольно неравномерно — большая концентрация чисто “чувашских” деревень наблюдалась в Арской и Зюрейской даругах (см. таблицу 1.). А число смешанных (татаро-чувашских) населенных пунктов в разных даругах уезда было примерно одинаковым. Исключение составляет Галицкая даруга, но она была сама по себе маленькой по размерам.

Таблица 1. Расселение “ясачных чувашей” Казанского уезда в начале XVII в. по даругам*

Даруги	Селения с населением	
	“чувашским”	“татаро-чувашским”
Галицкая	10	7
Алатская	11	21
Арская	35	19
Зюрейская	43	21
Ногайская	18	23
Итого	117	91

* Подсчитано мной по отмеченным выше источникам.

Далее я остановлюсь на фактическом материале, позволяющем определить религиозную и языковую принадлежность “ясачных чувашей” Казанского края.

По документу от 1673 г. известно о том, что “ясачная татара” д.Ачей Зюрейской “дороги” Казанского уезда схоронила “мертвых чувашу 3 человека”. При этом они “учинили татарские мазары”.⁶⁶ Во-первых, тут обращает на себя внимание переход от наименования жителей этого села “чувашами” к обозначению их “татарами”.⁶⁷ Во-вторых, словосочетание “татарские мазары” явно обозначает мусульманское кладбище. Далее. В ряде актовых материалов XVII в. сообщается, что “татары и

чуваши” присягали “по их вере и шерти”.⁶⁸ Как известно, шерть — это присяга мусульман (на подданство); а шертовать — давать присягу, клятву.⁶⁹ Такую формулу присяги, тем более, когда эти две группы населения стоят рядом, могли использовать только по отношению к мусульманам. Наконец, по отношению к “чувавам” Нукрата (Карино) применялся термин “агаряне”,⁷⁰ обозначавший в русских источниках мусульман. Следовательно, “ясачные чуваши” Казанского края в XVI—XVII вв. исповедовали ислам.

О языковой принадлежности этого населения мы имеем только косвенные данные. Так, в 1644 г. известен случай, когда речь “ясачных чувашей” для русской администрации “толмачили” (переводили) служилые татары.⁷¹ Стало быть, они говорили на языке, который был вполне понятен “татарам”. В то же время язык чувашского типа не обеспечивает взаимопонимания с носителями языка кыпчакского типа. В Казанском крае нет ни одного надгробного памятника XVI—XVII вв., написанного на языке так называемого первого (булгарского) типа, все они оформлены на татарском языке.⁷² Следует обратить внимание и на высказывание А.Курбского о географической локализации распространения чувашского “языка”: “...Черимиса горная (т.е. живущие на Горной стороне — *Д.И.*), а по их Чуваши зовомые, язык особливый”.⁷³ В первой половине XVI в. “чуваши” Нукрата (Карино) в жалованных грамотах иногда назывались и “татарами”,⁷⁴ что скорее всего говорит не только об их тюркоязычности, но и о татароязычности (т.е. о принадлежности их языка к кыпчакскому типу). Следует принять во внимание и те аргументы, которые я высказывал ранее при обсуждении гипотезы Г.Ф.Саттарова о доживании в Заказанье языка чувашского типа до XVI—XVII вв. Поэтому, с некоторой долей осторожности можно заключить, что “ясачные чуваши” Казанского края в XVI—XVII вв. были уже татароязычными. Тем более, что вряд ли население, которое в начале XVII в. еще считалось “чуваши”, став в середине XVII в. “татарами”, поменяло за каких-нибудь 30—40 лет свой родной язык.

Таким образом, в лице “ясачных чувашей” Казанского края мы имеем дело с группой, локализованной на основной этнической территории казанских татар, исповедовавшей ислам и говорившей на татарском языке. Она численно намного превосходила представителей группы “служилых татар”.

Не означает ли это возвращения к точке зрения Е.И.Чернышева, полагавшего, что “ясачными чуваши” именовались “ясачные татары”? Нет, не означает, хотя в определенном смысле можно согласиться с логикой этого исследователя. На ней и сосредоточим внимание. Вывод Е.И.Чернышева состоит из двух планов — во-первых, он подчеркивает социальный характер деления земли на поместную и ясачную. Он отмечает, что “...в отводных книгах Вас.Еремеева 1642—43 гг. поместная земля противопоставляется чувашской, т.е. ясачной, а через несколько строк указывается, что речь идет о земле поместной, а не ясачной: “А та

земля исстари поместная, а не чувашская..., те сенные покосы — гари поместные, а не ясачные”.⁷⁵ Во-вторых, владельцев “чувашской земли”, т.е. земли ясачной, он объявляет “ясачными татарами”. После этого остается найти причину появления термина “ясачная чуваша”. Как уже указывалось, Е.И.Чернышев высказал мнение, что это наименование было присвоено ясачному татарскому населению служило-татарской группой, со слов которых писцы и записали их в писцовых книгах “чуваши”. С первым утверждением этого автора необходимо согласиться, хотя в некоторых моментах его еще следует уточнить. Но второе его положение обосновано некорректно. Так, он приводит в качестве аргумента факты, относящиеся к 1640—1670-х гг., из которых следует, что население ряда деревень, числившееся раньше “чуваши”, стало называться “татарами” (ясачными).⁷⁶ Однако приведенные факты говорят только об изменении номинации определенной категории населения в русскоязычных документах этого периода. Далее он отмечает, что в дозорной книге №153 (1617—1619 гг.) сообщается о понятиях “чуваших” из деревень Нурма и Кобек, но при проведении межи говорится, что она “учинена... от татарского прясла деревни Кебеч на дуб”.⁷⁷ Отсюда следует вывод: понятиями были ясачники из татарских деревень, не чуваша, а татары.⁷⁸ Вывод ошибочный, так как в деревне Кебеч Зюрейской даруги, по данным писцовой книги 1602—1603 гг., жили служилые новокрещены совместно с ясачными татарами.⁷⁹

Теперь о социальном характере деления земли (поместная и ясачная) и населения (“служилые татары” и “ясачные чуваша”) в Казанском крае в XVI—XVII вв. Такое деление было весьма устойчивым. Например, в писцовой книге г.Казани и уезда 1565—1568 гг. встречаются формулы типа: “земли исстари татарские и чувашские”,⁸⁰ “разошлись жить в села и деревни татарские и чувашские”.⁸¹ В той же книге в составе населения г.Казани отмечаются “новокрещенских и толмачских и татар служилых 40 дворов” (в остроге) и 150 дворов “татарских и чувашских” (в Заострожье — в Татарской слободе).⁸² Но во время переписи 1646 г. в городе формула изменилась и татарское население обозначено как “слободские служилые татары” и “слободские татары, которые служат с посадскими людьми”.⁸³ Однако часть этой группы (видимо, бывшие “чуваши”) была тяглым населением.⁸⁴ Могли ли представители группы “татар” в XVI — начале XVII вв. быть тяглым (ясачным) населением? Практически нет, в источниках встречаются лишь отдельные случаи такого рода. Так, при описании в 1565—1568 гг. деревень и земель, принадлежавших архиепископу в Казанском уезде, перечисляются 4 населенных пункта, жители которых, “татары и чуваша”, жившие совместно, платили хозяину “ясак за оброк”.⁸⁵ Но ясак у двух групп различался по форме: “татары” его выплачивали деньгами, а “чуваши” — медом.⁸⁶ Возникает вопрос, а можно ли считать ясачным то население, которое выплачивало оброк? Скорее всего, нет. Возможно, что трансформация оброка в ясак была связана с изменением владельца угодий в экстремальной ситуации

середины XVI в. В писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 гг. дважды упоминаются “ясачные татары”.⁸⁷ В одном случае они скорее всего были теми же “ясачными чувашами”.⁸⁸ Но в писцовой книге, по моему мнению, раскрыт также и механизм появления в ней термина “ясачные татары”. Там сказано: “жребий служилый отдан на ясак”.⁸⁹ Видимо, при получении такого жребия служилым татаринном, он мог стать “ясачным татаринном”. Был еще один вариант передачи служилого жребия — он передавался “ясачным чувашам”, которые начинали числиться “служилыми чувашами”.⁹⁰ Однако таких переходов из одной группы в другую в XVI — середине XVII вв. в документах отмечены единицы.

Устойчивость основного социального деления на “служилых татар” и “ясачных чувашей” в этот период особенно хорошо видна из писцовой книги Казанского уезда 1602—1603 гг. В данной книге, составленной с целью размежевания земель служилого населения от угодий их соседей, говорится о следующих группах: о князьях, новокрещеных (по-видимому, из них же), мурзах и татарах (служилые татары, вотчинники и помещики, всего 228 дворов); об их “крестьянах” и “людях” (первых — 28 дворов, этнически не определены; вторых — 12 дворов, из “чюваш” и “латышей”), а также близких к ним 45 дворах “чюваш”, “латышей”, 1 двора “литвина” и 1 двора “бобыля” (они проживали на землях служилых татар); третью, самую многочисленную группу (802 двора), составляло ясачное население — “ясачные чувашы” и из них же, надо думать, крещеные — “ясачные новокрещены”, имевшие общие земельные угодья с представителями первой группы.⁹¹ Даже в материалах переписи 1646 г. по Казанскому и Свияжскому уездам, эти деления сохранились, хотя и в несколько трансформированном виде.⁹²

Мне представляется, что в лице данных групп, особенно первой и третьей, мы имеем дело с социальными стратами, сохранившимися с периода Казанского ханства. Но несмотря на очевидность социального характера страты, фиксируемой в источниках под названием “ясачные чувашы” и бесспорность вхождения в ее состав части казанских татар, невозможно принять тезис Е.И.Чернышева о чисто социальном происхождении данного деления, функционировавшего в противопоставлении по отношению к “служилым татарам”.

Главная трудность вопроса о “ясачных чувашах” Казанского края XVI—XVII вв. заключается в том, что под этим же наименованием в документах того времени фигурировала и часть чувашского этноса. Причем, в XVI в. для этнических чувашей этноним “чуваш” был, надо думать, самоназванием. Недаром А.Курбский сообщает: “Черемиса горная, а по их (выделено мной — *Д.И.*) Чуваша зовомые”.⁹³ Чем же в таком случае объяснить применение этнонима одного народа для обозначения другого этноса — хотя бы и части его?

Одному направлению поисков ответа на поставленный вопрос начало положил Г.В.Юсупов. Он высказал предположение, что “чувашами” (суас, жуас-йуач) называли болгар марийцы. Именно проживанием бул-

гар на правом берегу р. Камы он и объяснил появление термина “чуваши” в русских документах XVI—XVII вв.⁹⁴ Но Г. В. Юсупову не удалось предложить сколько-нибудь приемлемого обоснования причин применения в русских документах для обозначения части казанских татар этого наименования. Поэтому Г. Ф. Саттаров продолжил линию доказательств, начатых предыдущим исследователем. Он предложил два объяснения рассматриваемому феномену. Первое: русские переписчики взяли наименование “суас”, бытовавшее среди марийцев, для обозначения группы булгар, язык которых сохранял специфические особенности.⁹⁵ Второе: представители данной группы применяли наименование “суас” (чуваши) в качестве этнонима.⁹⁶ Г. Ф. Саттарову можно возразить так: вряд ли приемлемо первое утверждение, пока не получен ответ на вопрос о том, почему представители русской администрации для обозначения группы булгар взяли именно тот экзоэтноним, который применяли марийцы; второй тезис также нельзя считать доказанным прежде, чем будет объяснено, почему этноним “чуваши” (суас), если он применялся в качестве самоназвания частью булгар, неизвестен в письменных источниках до начала XVI в.?

Большого внимания заслуживает гипотеза, предложенная недавно Р. Г. Ахметьяновым. Он полагает, что слово “šüäs” (отсюда — “чуваши” ~ “чуваши”) могло означать “крестьянина, земледельца”.⁹⁷ Если принять эту гипотезу — а она представляется мне достаточно обоснованной — появляется другой вариант формулировки ответа на вопрос, который тут обсуждается. С одной стороны, пашенное земледелие являлось господствовавшей формой хозяйства только в центральной части территории Казанского ханства,⁹⁸ что объяснялось приемственностью культурно-хозяйственных традиций от волжско-булгарского мира.⁹⁹ Однако на правом берегу р. Волги — на Нагорной стороне ханства — к земледельческому населению относились также и чувашаи, в формировании которых, наряду с другими компонентами, участвовали и булгары.¹⁰⁰ Во всяком случае, хозяйственная специфика позволяла называть как чувашей, так и часть казанских татар, “крестьянами” (земледельцами) или “ясачными чувашами”. Но с другой стороны, для рассматривания чувашей, точнее, части этноса¹⁰¹ и части казанских татар в некоем единстве, у представителей русской администрации (скорее всего не только у них) имелись и другие основания. Дело в том, что несмотря на утверждения отдельных исследователей о завершении формирования чувашской народности в XII—XV вв.,¹⁰² в литературе присутствует и точка зрения о сложении этого этноса “в основном” лишь в XVI в.¹⁰³ Если исходить из достаточно обоснованного утверждения о становлении чувашского этноса на базе сложного синтеза булгарского и древнемарийского компонентов,¹⁰⁴ то существование в документах XVI—XVII вв. двух наименований, обозначающих чувашей (“чуваши” и “черемисы”), надо трактовать как отражение незавершенности консолидации этого этноса. Кроме того, в XVI — начале XVII вв. в пограничной зоне — на Нагорной

стороне — между чувашами и казанскими татарами могло существовать переходное этническое состояние. О такой ситуации есть сведения у знатока истории этого района К.Насыри. Он отмечает, что на Нагорной стороне (Свияжский уезд) в XVI в. “...мусульмане (так он называет татар — *Д.И.*) были очень тесно связаны с чувашами, многие из которых впоследствии перешли в мусульманскую веру. За чувашей выдавали дочерей, у них брали девушек в жены”. Он же рассказывает, что в некоторых деревнях Нагорной стороны жители вначале были мусульманами, а затем, смешавшись с язычниками, “почернели”. Наконец, среди жителей татарских деревень тут были известны потомки чувашей.¹⁰⁵ Здесь поэтому был возможен перенос этнического обозначения одной группы на другую группу, входившую в состав иного этноса. В данном случае — с чувашей Нагорной стороны на “черную” часть казанских татар. Такой ход событий вероятен тем более, что первая перепись бывших территорий Казанского ханства началась в 1565 г. с Нагорной стороны,¹⁰⁶ а там этнические границы, надо думать, были наиболее расплывчатыми. К описанию Казанского уезда писцы переключились только в 1566 г. Причем перепись в обоих уездах проводилась одними и теми же лицами, что явно увеличивает возможность субъективного фактора в оценке этнической принадлежности близких в этнокультурном отношении групп населения.

Следует обратить внимание и на характер переписей второй половины XVI — начала XVII вв. В них фактически фиксировалось сословное состояние переписываемого населения (тяглое, служилое). Выявление этнической принадлежности происходило как бы дополнительно к этой основной задаче. Надо полагать, что этнические параметры населения определялись по косвенным признакам (на основе: эндо — и экзоэтнонима; языка; верования; культурно-бытовых особенностей). Понятно, что наименование “чуваш” (*šüäš*), скорее всего функционировавшее в Казанском ханстве как обозначение оседло-земледельческого тяглого населения (“черные люди”), вполне могло быть использовано как этническое определение.¹⁰⁷ Не последнюю роль при этом сыграла, надо полагать, существовавшая дихтомия “черные люди” (ясачная группа) — служилые (последние, как я уже показал, далеко не случайно назывались “татарами”). Но было бы недостаточным ограничиться одной этой констатацией. Я полагаю, что появление в русскоязычных документах XVI в. понятия “ясачные чуваш” было связано и с некоторыми особенностями восприятия русскими этнической ситуации в Казанском крае.

Речь идет о проанализированных М.Н.Тихомировым случаях употребления в русских летописях XIV—XV вв. словосочетания “татары и бесермены”. Возьмем только два из них, хронологически достаточно близких друг к другу и к началу XVI в., а также относящихся к Казанскому ханству. Первый из них имел место в 1469 г. (наиболее позднее упоминание “татар” и “бесермен” вместе). В этом году русские войска совершили поход на Казань и разгромили посад города. Во время этих событий, жители посада в источниках называются: “бесермены” и “та-

тары”.¹⁰⁸ Напрашивается сравнение этого словосочетания с формулой, использованной русскими писцами спустя столетие при описании Татарской слободы г.Казани — “татаровя и чуваша”.¹⁰⁹ Другой случай, имеющий явно отношение к Казанскому региону и датируемый 1429 г., отмечен в летописных сводах 1497 г. и 1518 г. (Уваровская летопись). В тексте (он идентичен в обоих летописях) речь идет о приходе татар к Галичу и Костроме. При их отходе русские войска “побиша Татар и бусорман” (в летописном своде 1518 г. “Бесермен”).¹¹⁰ Можно предположить, что именно “бесермены” русских летописей XV в. в период Казанского ханства и во второй половине XVI — начале XVII вв. в русскоязычных документах, фиксировались как “ясачные чуваш”. Тем более, что на территории Нукрата (Карино) уже был прослежен процесс постепенного превращения “чуваш” (“арских чуваш”) в начале XVII в. в “бесермян”.¹¹¹

Кем же были эти “чуваш” — “бесермены” этнически? Были ли они булгарами, отличавшимися от живших рядом с ними “татар”, — как полагал М.Н.Тихомиров¹¹²? Такая трактовка возможна. В ее пользу говорит и одно место из “Казанской истории”. В частности, в этом источнике сказано: “... и воцарился в граде (Казани — *Д.И.*) скверный царь. (Имеется в виду “Саин Болгарский” — *Д.И.*) ...И поведе из-за Камы реки язык лют и поган, болгарскую чернь (выделено мной — *Д.И.*) со князи их и со старейшинами и много ему сушу”.¹¹³ Понятие “болгарская чернь”, которое используется в этом источнике, многозначно и его можно понимать не только как этническое определение, но и как этнополитическое или этносоциальное (в смысле “ясачное” население с территории Булгарского вилайета из районов Закамья). Поэтому, стремления объяснить истинное значение словосочетания “татары и бесермяне” возникают вновь. Так, И.Л.Измайловым недавно было предложено новое толкование понятий “татары” и “бесермены”. По его мнению, в русских летописях XIV—XV вв. под “татарами” имеются в виду представители “военно-феодалного сословия”, тогда как “бесермены” — это все остальное население.¹¹⁴ Можно присоединиться к этой точке зрения, но с некоторыми уточнениями. Скорее всего “бесермены” (от слова “мусульмане”) были “черным людом” (отсюда связь этого термина с понятием “ясачные чуваш”). Но само наименование “бесермены” надо воспринимать как конфессионим (наиболее близкий аналог — русское “крестьяне” от “христиане”). А название “чуваш” в словосочетании “ясачные чуваш”, видимо, характеризует сословие (земледелец, пахарь). Как видно, и то, и другое понятия в конкретном географическом ареале не лишены определенной этнической нагрузки — они обозначали в Казанском крае тюркскую группу, в основном исповедовавшую ислам и жившую, по меньшей мере с XIV в., на территории Золотой Орды, особенно в пределах территории Булгарского вилайета. В формировании этой группы булгары могли сыграть решающую роль.¹¹⁵ В то же время было бы опрометчиво исключать участие в ее сложении и

иных этнических компонентов. В частности, при изучении тамг “ясачных чувашей” 23 селений Зюрейской “дороги” Казанского уезда я обнаружил,¹¹⁶ что среди них кроме преобладавших булгарских тамг, имеются и кыпчакские, например, известная “капка” тамга. Поэтому, вполне допустимо, что уже в составе “бесермен” Булгарского вилайета имелись перешедшие к оседлости кыпчаки и другие тюркские группы из среды кочевого населения.¹¹⁷

Но в целом “ясачных чувашей” XVI—XVII вв. и их предшественников — “бесермен” русских источников, надо считать этносословным образованием, локализованным на территории Булгарского вилайета, а позже — Казанского ханства. В Казанском ханстве эта группа образовывала феодально-зависимую — “низовую” страту казанско-татарского этноса.

Примечания

¹ Подробно об этом см.: *Чернышев Е.И.* Селения ... — с.292.

² Писцовая книга Казанского уезда ... Некоторые новые материалы см.: Летопись Троицкой ... — с.336—347; ГА Пензенской обл. ф.132, оп.1, ед.хр.1; Документы по истории Казанского края ... — с.37, 53, 58, 68—70, 99—101.

³ *Исхаков Д.М.* Историческая демография... — с.125.

⁴ *Комиссаров Г.* Чувашаи ...; *Димитриев В.Д.* Некоторые ... — 1957. — с.96—118; *Денисов П.В.* Религиозные ... — с.75, 82—83; *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых ... — с.52—70 и др.

⁵ *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых ... — с.68.

⁶ Там же. — с.68—69.

⁷ *Димитриев В.Д.* О значении ... — с.118—132.

⁸ *Исхаков Д.М.* К вопросу ... — с.114—121.

⁹ *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых ... — с.54.

¹⁰ Там же. — с.65. См. также комментарии к работе: *Михайлов С.М.* Труды ... — с.388.

¹¹ *Тихомиров М.Н.* Бесермены ... — с.89. Несколько другую трактовку проблемы “бесермян”, см.: *Измайлов И.Л.* Некоторые ... — с.17—32.

¹² *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых ... — с.68.

¹³ Там же.

¹⁴ См., например: *Комиссаров Г.И.* Чувашаи...; *Димитриев В.Д.* О динамике...

¹⁵ *Комиссаров Г.И.* Чувашаи ... — с.10.

¹⁶ О них см.: *Димитриев В.Д.* О динамике ... — с.242—243.

¹⁷ Там же. — с.242.

¹⁸ *Исхаков Д.М.* Историческая демография... — с.130—139.

¹⁹ *Чернышев Е.И.* Татарская деревня ... — с.170—183. Свой вывод автор распространил и на население Свияжского уезда, с чем вряд ли можно согласиться.

²⁰ Писцовая книга Казанского уезда ... — с.203.

²¹ *Чернышев Е.И.* Татарская деревня ... — с.134—139, 176—177.

²² Там же.

²³ См.: *Сагтаров Г.Ф.* Татарстан ... — с.237—238, 246, 258, 266.

²⁴ Там же. — с.237.

²⁵ См. там же... — с.237.

²⁶ *Юсупов Г.В.* Введение ... — с.145, 154—157.

- ²⁷ Последнюю по времени публикацию, посвященную анализу топонимов Заказанья на основе чувашского языка, см.: *Скворцов М.И.* Об использовании ... — с.87—100.
- ²⁸ *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники ... — с.3—42.
- ²⁹ Там же. — с.27.
- ³⁰ АИ ... — Т.1. — с.436—437.
- ³¹ РГАДА, ф.1204, ед.хр.153. — л.318.
- ³² ГА Кировской обл., ф.170, оп.1, ед.хр.32, лл.2—12.
- ³³ *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники ... — с.25.
- ³⁴ Там же. — с.24—25.
- ³⁵ Там же. — с.25.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. — с.27.
- ³⁸ *Тихомиров М.Н.* Бесермены... — с.87.
- ³⁹ Он упоминается в источнике в связи со служивыми татарами. — см.: Писцовая книга Казанского уезда ... — с.141.
- ⁴⁰ *Тепляшина Т.И.* Язык ... — с.21.
- ⁴¹ *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские... — с.26.
- ⁴² Известно, например, что население из татаро-бесермянского села Нократ (Карино) ходило поклоняться праху своих предков в северные районы Заказанья. (*Исхаков Д.* Нократ татарлары. — 178 б.).
- ⁴³ *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники ... — с.25.
- ⁴⁴ *Юсупов Г.В.* Булгаро-татарская эпиграфика... — с.220.
- ⁴⁵ *Исхаков Д.М.* Патронимия... — с.63.
- ⁴⁶ *Исхаков Д.* Таблица ... — с.10.
- ⁴⁷ ПСРЛ. — т.13. — с.166, 467. Речь в описании идет о столкновениях междоусобного характера между “казанцами” и “крымцами”. Под последними имеются в виду выходцы из Крыма во главе с Кошак-уланом.
- ⁴⁸ Там же. — с.164. Далее в источнике приводится более подробный перечень групп жителей Горной стороны, о чем уже говорилось. (Там же. — с.165).
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ РГАДА. ф.1209, ед.хр.643, л.44, 117. См. также: Список с писцовых ...; Писцовые книги г.Казани 1565/68 г. // Материалы по истории Татарской АССР...
- ⁵¹ Писцовая книга Казанского уезда ...
- ⁵² РГАДА. ф.1209, ед.хр.6447, лл.378—444. См. также: Книга переписная г.Казани и уезда 1646 г. // Материалы по истории Татарской АССР... — с.100—120.
- ⁵³ См.: Писцовая книга Казанского уезда ... — с.160—204.
- ⁵⁴ РГАДА. ф.1209, ед.хр.6447, л.404.
- ⁵⁵ Там же. — л.444.
- ⁵⁶ РГАДА. ф.1209, ед.хр.6483, л.221—227.
- ⁵⁷ *Исхаков Д.* Историческая демография... — с.131.
- ⁵⁸ В принципе, замена термина “ясачные чувашы” на понятие “ясачные татары” была замечена и Е.И.Чернышевым (См.: *Чернышев Е.И.* Татарская... — с.175—176.). Но он не дал четкого хронологического “среза” этого явления.
- ⁵⁹ Первое исключение — “чувашы” в бассейне р.Чепцы (в Каринском “княжестве”). Но в документах XVI в. имеются сообщения о приходе их “из Казанских мест”, т.е. из центральных районов Казанского ханства (*Исха-*

- ков Д.М. Татаро-бесерменские... — с.27). Второе исключение — это упоминание “чувашей” в первой половине XVII в. на территории Казанской дороги Уфимского уезда. Таких случаев немного: в районе д.Тураево (см.: РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.1, л.441; ч.2, “Д”, л.2—3.); в районе р.Иж (См.: ГА Кировской обл., ф.170, оп.1, ед.хр.32; ГА Оренбургской обл., ф.96, оп.2, ед.хр.43, — л.435—437; РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.2, “В”, — л.72); на территории “Сарали-минской волости” (ГА Оренбургской обл., ф.6, оп.3, ед.хр. 2353, л.115—116. Об этой “волости” см.: *Исхаков Д.М.* Из этнической ... — с.37—40). Но об этих “чуваших” надо иметь в виду следующее. Жители д.Тураево, расположенной недалеко от р.Иж, были скорее всего переселенцами из одноименного селения, находившегося в бассейне р.Иж и населенной “чувашиами” (ГА Оренбургской обл., ф.96, оп.2, ед.хр.43, л.449). “Чуваши” бассейна р.Иж были там давними жителями и относились к “казанским чувашиам” (Там же, л.435—437; РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.2 “В”). Однако тут находилось довольно много переселенцев из среды каринских татар (См.: *Рамазанова Д.Б.* К вопросу истории заселения ... — с.26; *Әхмәтҗанов М.* Әгерҗе ... — 51 б.). Поэтому нельзя исключить появление этих “чувашей” вместе с ними (из числа “чуваши” Каринского “княжеста”). По поводу “чувашей” на территории “Сарали-минской волости” мной было высказано предположение об их переселении из д. Сарали Зюрейской даруги Казанского уезда (*Исхаков Д.М.* Из этнической истории... — с.43; О них см. также: *Рамазанова Д.Б.* К вопросу истории заселения... — с.23.). Дополнительно факты, аналогичные приведенным выше, см.: *Рамазанова Д.Б.* К вопросу об истории ... — с.72—76.
- 60 РГАДА. ф.1209, ед.хр.858; Список с писцовой и межевой ...
- 61 РГАДА. ф.350, оп.2, ед.хр.3088, 3093, 3097.
- 62 Документы по истории Казанского края... — с.37.
- 63 См.: РГАДА. ф.1209, ед.хр.643, лл.210—233.
- 64 Там же. — л.117.
- 65 Там же. — л.21—233.
- 66 На этот документ обратил внимание Е.И.Чернышев (см.: *Чернышев Е.И.* Татарская ... — с.176). Сам документ см.: ДМ. — т.1. — ч.2. — с.134—135.
- 67 См.: ГА Кировской обл., оп.1, ед.хр.32. — л.11.
- 68 ДМ. — т.1. — ч.2. — с.19, 23.
- 69 *Даль В.И.* Толковый ... — т.4. — с.630.
- 70 *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские... — с.27.
- 71 ДМ. — т.1. — ч.2. — с.51.
- 72 *Юсупов Г.В.* Введение... — с.147—164.
- 73 Сочинения князя Курбского. — т.1. — с.179.
- 74 *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские... — с.27.
- 75 *Чернышев Е.И.* Татарская ... — с.176.
- 76 Там же. — с.134—139, 155—157, 176—177.
- 77 Там же. — с.155.
- 78 Там же.
- 79 Писцовая книга Казанского уезда ... — с.79, 91, 93.
- 80 РГАДА. ф.1209, ед.хр.643, л.229.
- 81 РГАДА. ф.1209, ед.хр.643, л.234.
- 82 Там же. — лл.44, 117.

- ⁸³ Писцовая книга Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. — с.116—120.
- ⁸⁴ Там же. В 1646 г. в городе упоминается лишь один “ясачный чувашенин” (Там же. — с.120).
- ⁸⁵ РГАДА. ф.1209, ед.хр.643, лл.402—411. В одном селении (в с.Караише) “татары” и “чуваши” перечислены отдельно (Там же. — л.396).
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Писцовая книга Казанского уезда ... — с.79, 179.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же. — с.203.
- ⁹⁰ Там же. Но один такой случай, приводимый в работе Е.И.Чернышева (См.: *Чернышев Е.И.* Татарская ... — с.156), основан на неправильном прочтении (в тексте документа речь идет о служилом татарине Чюваше Ияникееве — см.: Писцовая книга Казанского уезда ... — с.43). В источниках отмечен еще такой вариант: в 20-х гг. XVII в. служилый татарин Свияжского уезда, ставший ясачником, стал называться “чувашениным” (*Мельников С.* Акты ... — т.1. — с.9, 12).
- ⁹¹ Писцовая книга Казанского уезда ... — с.202—203. Всего в книге упоминаются до 90 “татаро-чувашских”, 36 “чувашских”, 15 “татарских” и 3 “новокрещенских” (без этнического определения) деревень. Обращаю внимание на то, что вместе со служилым населением переписывалось только население, имевшее смежные с ним угодья.
- ⁹² В 1646 г. переписывались лишь владения служилого населения. Задача отмежевания их земель от владений ясачного населения, видимо, не стояла (это было сделано раньше). Всего в переписной книге по Казанскому уезду, по неполным данным (в книге нет конца), зафиксировано 148 населенных пунктов, принадлежавших татарам (служилым). В 78 из них “татары” проживали с “крестьянами”, а в 65 — одни; в трех случаях вместе с “татарами” отмечены “ясачная чуваша” — там, где должны стоять “крестьяне”. (Подсчеты мои. См.: РГАДА. ф.1209, ед.хр.6444, 6445, ч.1—2). Сопоставление данных переписи 1646 г. с материалами переписи 1602—1603 гг. по Казанскому уезду показало, что в тех деревнях, в которых в 1646 г. отмечены “татары” и “крестьяне”, или одни “татары”, в 1602—1603 гг. в абсолютном большинстве случаев вместе с “татарами” были записаны “ясачные чувашы”. Сходная картина наблюдается и по Свияжскому уезду (См.: РГАДА. ф.1209, ед.хр.6447; ед.хр.153; ед.хр.848; Список с писцовой и межевой...).
- ⁹³ Сочинения князя Курбского. — т.1. — с.179.
- ⁹⁴ *Юсулов Г.В.* Булгаро-татарская... — с.220—221.
- ⁹⁵ *Саттаров Г.Ф.* Татарстан... — с.237, 273.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ *Ахметьянов Р.Г.* К значению слова чуваш (чюваш) в документах XVI—XVII веков (рукопись).
- ⁹⁸ *Кузеев Р.Г.* Народы ... — с.85; История Татарской АССР, 1968. — с.70—71; История Чувашской АССР. — т.1. — с.57; *Димитриев В.Д.* Политика ... — с.49.
- ⁹⁹ *Халиков А.Х.* Татарский народ ... — с.145—146; *Кузеев Р.Г.* Народы ... — с.85.
- ¹⁰⁰ История Чувашской АССР. — т.1. — с.54—56.
- ¹⁰¹ Как я уже отмечал, часть чувашей в документах в XVI—XVII вв. именовались “черемисами”.

- ¹⁰² История Чувашской АССР. — т.1. — с.54; Выступление В.Д.Димитриева ... — с.297; *Каховский В.Ф.* Волжская Болгария ... — с.83.
- ¹⁰³ *Краснов Ю.А.* Проблема ... — с.123.
- ¹⁰⁴ Там же. — с.123; *Кузев П.Г.* Народы... — с.315; Этот факт признается в принципе и чувашскими исследователями. — См.: История Чувашской АССР. — т.1. — с.56.
- ¹⁰⁵ *Насыри К.* Избранные ... — с.46, 52, 55, 57, 58, 60, 63, 66.
- ¹⁰⁶ Описание Свияжского уезда проходило в 1565—1567 гг., а Казанского уезда — в 1566—1568 гг.
- ¹⁰⁷ Р.Г.Ахметьянов причину сохранения слова “šüäš”/šüväs у чувашей объясняет тем, что оно обозначало (в варианте zuaz-zugarci) и языческое божество. Забытое у татар-мусульман обозначение у чувашей приобрело значение этнонима (см.: *Ахметьянов Р.Г.* К значению...). На мой взгляд, закрепление этого слова у чувашей в качестве этнонима имеет и другую причину. Как известно, горные марийцы правобережных чувашей называют “суасла мари” (*Федотов М.Р.* Исторические ... — с.55). Р.Г.Ахметьянов выражение “суасла мари” переводит как “татароподобные марийцы” (ибо для марийцев татары — это “суазы” — См.: *Ахметьянов Р.Г.* К значению...). В таком случае марийский (древнемарийский) компонент чувашей (он был близок к горным марийцам) мог способствовать закреплению наименования žüäž в качестве этнонима. Этот компонент в большей мере вошел в состав верховых чувашей. Поэтому, С.М.Михайлов в первой половине XIX в. писал, что верховые чувашаи “переняли манеры у черемис, по обычаю коих одеваются и живут”. Он же сообщает, что верховые чувашаи к низовым “имели какое-то особое уважение и называли их старинными или коренными (выделено мной — *Д.И.*) чувашами” (*Михайлов С.М.* Труды... — с.27).
- ¹⁰⁸ ПСРЛ. — т.11—12. — с.122.
- ¹⁰⁹ РГАДА. ф.1209, ед.хр.643, л.117.
- ¹¹⁰ ПСРЛ. — т.28. — с.98, 264. Однако из сообщения прямо не вытекает, что речь в нем идет о будущей территории Казанского ханства. Поэтому приведу некоторые факты, говорящие о том, что речь идет об этом районе. Во-первых, в Устюжской летописи (Список Мациевича; Архангелородский летописец) “татары” названы “казанскими” (См.: ПСРЛ. — т.37. — с.41, 84). Во-вторых, в летописных сводах 1497 и 1518 гг. предводитель “татар” назван “царевичем и князем Али-бабай”. Я полагаю, что под этим именем скрывается известный “вотчик” Казани “Али-бей” (Ли-бей). Об этой фигуре в литературе есть разные мнения (См.: *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки ... — с.163; *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская ... — с.135). Но сочетание титулов “царевич и князь” было характерно именно для Казанского княжества (Об этом см.: *Исхаков Д.* Казан ханлыгы... — 42—49 бб.).
- ¹¹¹ *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские...
- ¹¹² *Тихомиров М.Н.* Бесермены... — с.89.
- ¹¹³ Казанская история. — с.48.
- ¹¹⁴ *Измайлов И.Л.* Некоторые аспекты... — с.25—29.
- ¹¹⁵ Я провел сопоставление свода археологических памятников Волжской Булгарии со списком селений Казанского уезда, в которых в XVI—XVII вв.

жили “ясачные чувашши”. При этом выяснилось, что во-многих случаях болгарские археологические памятники располагались рядом с “чувашскими” или “татаро-чувашскими” населенными пунктами. В Свияжском уезде в 13 случаях деревни с “чувашским” (в 7 — с чисто “чувашским” и в 6 — с “татаро-чувашским”) населением располагались рядом с болгарскими памятниками. (Об этих памятниках см.: *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические ... — с.87—189).

¹¹⁶ См.: *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Среднем Поволжье... — приложение 26. Об этой тамге см.: *Кузеев Р.Г.* Происхождение ... — с.368—373, 313—315).

¹¹⁷ Вряд ли случайно то, что лингвистические и этнографические исследования, как я показал, позволили выявить в районах, прилегающих к г.Казани, диалектные и культурные ареалы, возникшие под воздействием ногайцев и кыпчаков. Между тем, в этих районах в XVI—XVII вв. жили как “служилые татары”, так и “ясачные чувашши”, причем последних было, как уже отмечалось, значительно больше.

§3. Этнос казанских татар: миф или реальность?

Как было установлено, этнос казанских татар в XV — начале XVII вв. состоял из двух этносословных страт — “черни” (ясачные чувашши) и социальных верхов (татары). Завершение формирования казанско-татарской этнической общности в решающей мере зависело от уровня консолидации указанных этносословных групп. Конечно, определить степень “завершенности” становления народности казанских татар весьма непросто. С одной стороны, для феодального времени вообще характерно существование сословных структур и отсутствие резко выраженных этнических границ. Этническая ситуация в Казанском ханстве и Казанском крае в XV—XVII вв. не является тут исключением. С другой стороны, состояние источников, характеризующих этническое развитие казанских татар в XV—XVII вв., оставляет желать лучшего. Поэтому, вряд ли можно говорить о математически точном измерении консолидированности казанско-татарского этноса. Тем не менее, источники позволяют выявить целый ряд достаточно объективных показателей, на основе которых можно говорить не только о хронологических рамках, но и основных итогах процесса становления в Казанском ханстве татарской народности.

Для внешних наблюдателей складывание этнического субъекта, известного как “казанские татары” (казанцы), было заметно уже во второй половине XV в.: в русских летописях общность, именуемая “Татаровя Казанские”, отмечается под 1468, 1469 и 1475 гг.¹ В 1491 г. ее же имел в виду крымский хан Мухаммед-Гирей под названием “казанцы”.² А в первой половине XVI в. применительно к государственнообразующему этносу Казанского ханства наименование “казанские татары” (казанцы) использовалось весьма широко. Это было характерно как для русских, так и европейских источников. Причем термин “казанс-

кие татары” (казанцы) являлся центральным звеном довольно сложной этнонимической системы. В ее основе находилось часто употребляемое в русских летописях понятие “земля Казанская” или “вся земля Казанская”.³ Оно же применялось и отдельными русскими авторами XVI в.⁴ Синонимом данного выражения в Московской Руси выступал термин “царство Казанское”,⁵ употреблявшийся значительно реже. У европейских авторов преобладало последнее понятие, иногда замещавшееся словосочетанием “Орда Казанских татар” или “Казанская Орда”.⁶ Многие факты говорят о том, что во всех этих случаях имелось в виду Казанское ханство.

Прежде всего, так обстояло дело с понятием “земля Казанская” (“вся земля Казанская”). Например, при описании дискуссии, происходившей между казанской знатью и русскими боярами по поводу отторжения в 1551 г. Нагорной части ханства, говорится, что татары тогда заявили: “...того им учинити не мощно, что земля розделити”⁷ (выделено мной — *Д.И.*). Когда в послании Ивана IV ногайскому князю Исмагилю (1553 г.) “Казанская земля” была определена в качестве “юрта”, контролируемого Москвой,⁸ подразумевалось аналогичное понимание. Такой же смысл придавался этому словосочетанию и в сообщении о сборе войск казанским ханом Ибрагимом в 1469 г., в котором говорится: “...дополна собрался... царь Казанский Обряим со всею землею своею”.⁹

Думаю, что термин “земля Казанская” в конечном итоге восходит к официальному названию Казанского ханства. Во всяком случае, в двух документах первой половины XVI в. содержатся сведения, позволяющие высказать такое мнение. В первом из них — ярлыке хана Сахиб-Гирея (1523 г.), есть выражение “гомум виляйте Газан”,¹⁰ т.е. “весь Казанский вилайет”. Оно в источнике подразумевает Казанское ханство. В другом документе — послании хана Сахиб-Гирея польскому королю Сигизмунду I (датировка — от 1538 до 1545 гг.), сохранившемся только на польском языке, говорится о “земле Казанской” и “царстве Козанском”.¹¹

Под “Казанской ордой” также имелось в виду Казанское ханство — европейские авторы обычно ордой считали государственноорганизованный народ.¹² Да и в отмеченном выше послании хана Сахиб-Гирея польскому королю, хан пишет: “...наша Орда козанская присягнула ми”.¹³ Поэтому, термин “Орда Казанская” также может иметь татарское происхождение. Хотя нельзя исключить и того, что хан в данном случае употребил в послании королю более понятное “европейское” выражение, обозначающее Казанское ханство.

Очевидно, ряд “Казанская земля”, “Казанское царство”, “Казанская Орда” имеет в основе название столицы — г.Казани. Европейские авторы на это указывали прямо.¹⁴ Да и в русских летописях встречается выражение “град и царство Казанское”,¹⁵ а в отдельных источниках XVII в. г.Казань отождествляется с “царством Казанским”.¹⁶

Производным от рассмотренных понятий был другой ряд: “Казанские люди” (Люди Казанские), “все Казанские люди”, “все Казанския земли люди”, “все земские люди”.¹⁷ Сокращенным вариантом представленного ряда являлось понятие “казанцы”.¹⁸ Эта группа терминов обозначала все население государства. Но в некоторых случаях они использовались и по отношению к татарской части населения Казанского ханства.¹⁹ Термин “казанцы”, поэтому, был явным политонимом. Применение его в качестве этнонима, по-видимому, связано с тем, что татары, как политически доминировавший в государстве этнос, русскими и европейцами воспринимались как некоторый стержень “казанцев”, что вполне соответствовало этно-политической ситуации времени ханства.

Собственно этнонимом, функционировавшим в этой этнонимической системе, было название “казанские татары” (Казанские Татаровя, Татаровя Казанские), на русской языковой почве употреблявшееся, как было отмечено, уже во второй половине XV в.²⁰ Европейцы, которые в первой половине XVI в. его тоже использовали,²¹ скорее всего заимствовали этот термин из Русского государства. В Московской Руси понятие “казанские татары” в содержательном плане соответствовало конкретному “языку”, т.е. этносу. Приведу два примера на этот счет. В Царственной книге под 1552 г. говорится о “поганых языкъ Крымскихъ и Казанскихъ Татаръ”.²² А. Курбский пишет: “...кроме татарского языка в том (Казанском — *Д.И.*) царстве пять различных языков: мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий (арский), башкирский”.²³

Следует отметить, что русские стремились маркировать наименование “казанские татары” также через показ его отношения к мусульманской умме. Так, в Царственной книге говорится о “безбожных Казанских Татарях” или “безбожных Казанских Сарацын” (Срацын).²⁴ В послании митрополита Макария Ивану IV (1552 г.) речь идет о “поганых языкъ Крымских и Казанских Татар”.²⁵ В Патриаршей (Никоновской) летописи применительно к казанским татарам, под 1553 г. используется выражение “татары поганые”.²⁶ Еще в одном послании Ивана IV, адресованному А. Курбскому, говорится о “безбожном язык Казанском” и о “бесерменском языке”.²⁷

Рассмотренная выше вполне самодостаточная этнонимическая система связана с господствовавшим в Казанском ханстве сословием “татар”. Между тем, этносословная стратифицированность казанско-татарского этноса допускает возможность функционирования на русской языковой почве еще одной этнонимической системы, построенной на этот раз на базе терминов, отражающих существование “черного” слоя казанских татар. Исследование этой проблемы привело к любопытному результату: такая система действительно бытовала, но она опиралась не на понятие “ясачные чувашы”, а на этноним “болгары” или “болгары Поволжские”. Во-первых, в “Никаноровской летописи”,

списки которой относятся к XVII в., в рассказе “О взятии града Казани и всеа земли по Волге реке и по Каме”, о населении этой “земли” сказано: “...Болгары Поволжския нарицахуся”. Далее оно же названо “Волжскими и Камскими Татарами и Болгарами”.²⁸ В другом позднем источнике — “Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси”, посвященном также взятию русскими Казанского ханства, рассказывается о “нечистивы Болгари, иже близ Руси пребывающе, живуще по реце глаголемой Волзе”. Автор “Повести”, описывая поход на Казань в 1552 г., сообщает: “...пределы их Казанския вся поплени и многое множество нечестивых Болгар погуби”. Затем в источнике речь идет о времени правления Федора Ивановича, когда “нечестивии...Болгари” восстали и против них было велено послать “многое...воинство”. По повелению Федора Ивановича, Борис Федорович “...в велицей силе, изооруживъ, на Болгары посылает...-Воинство..., пришедше в Болгарския области...плenuюще...” В итоге, “вся страны Болгарския” оказались “в рабском послушании”, “и доселе пребывают”, — добавляет автор.²⁹

Конечно, эти поздние сообщения о булгарах в Казанском ханстве и Казанском крае во второй половине XVI—XVII вв. можно было бы отнести к категории книжной (летописной) традиции. В частности, автор источника XVI в. — “Казанской истории”, при описании событий конца XIV — первой половины XV вв. довольно ясно высказывает мысль о проживании в районе будущего Казанского ханства “болгарских князи и варвари”, “языка лют и поган, болгарской черни со князи и со старейшины”.³⁰ Эта же группа населения определяется им как “срачини” (т.е. сарацины).³¹ Наконец, он пишет о них и как “худых болгары, казанцах”.³² Но применительно ко второй половине XV — середине XVI вв. автор “Казанской истории” предпочитает говорить о “казанцах”, “казанских татарах”. Поэтому русская летописно-книжная традиция, учитывавшая преемственность волжских булгар и казанских татар, должна быть принята во внимание. Кроме того, нельзя упускать из виду и специальное “препарирование” русских летописей в политических целях, используя “булгарский” фактор.³³

Однако дело не только в такой традиции и конъюнктурной обработке летописей. При учете всей совокупности летописных сообщений XV—XVI вв. и остальных документов XVI—XVII вв., спорадическое появление этнонима “булгары”, понятий “Болгарския области”, “страны Болгарския” применительно к населению Казанского ханства, Казанского края и к самому государству, краю, можно объяснить существованием в этом ареале до конца XV — начала XVII вв. этносословной общности, связанной по происхождению с волжскими булгарами, точнее, с тюркским ясачным населением Булгарского вилайета Золотой Орды. Об этом может свидетельствовать и самостоятельный характер этнонимической системы, использовавшейся в русскоязычных документах для обозначения этой этносословной страты казанских татар в XV — начале XVII вв.

Первый ряд указанной системы фиксировал религиозную принадлежность представителей рассматриваемой части казанских татар — “бесермены”~”бусормане” (XV в.), “варвары”, “нечистивые”, “язык поган”, “сарацины” (XVI в.). Второй ее ряд был ближе к этносословным определениям: “болгарская чернь”, “худые болгары” (XVI в.). Третий структурный элемент — “ядровая” часть этнонимической системы, это собственно этноним “болгары”. Последний имел внутреннюю связь с терминами первых двух групп. С одной стороны, наименование “болгары” всегда применялось с определением “нечистивые” или “поганные”, означавшее в конкретном контексте мусульман. С другой стороны, использование в “Казанской истории” словосочетания “болгарская чернь”, “худые болгары” показывает, что “болгары” рассматривались как “черное”, т.е. ясачное население. Тем самым эти понятия оказываются синонимами термину “ясачные чуваш”.

Тем не менее, следует обратить внимание на то, что в наименовании “болгары” (Болгары Поволжская) возможно видеть не только этноним, но и политоним типа “казанцы”. На такую мысль наталкивают выражения “Болгарския области”, “вся страны Болгарския”. В основе этих конструкций кроме этнонима “болгары” может лежать и название г.Булгара — центра Булгарского вилайета периода Золотой Орды. Последнее обстоятельство должно быть учтено по нескольким причинам. Во-первых, вплоть до середины XV в. на монетах, чеканеных с начала XV в. явно в г.Казани, место чеканки указывалось как “Булгар”, в некоторых случаях — как “Булгар ал-Джадид”. Причем под последним имелся в виду именно г.Казань.³⁴ Во-вторых, мне уже приходилось указывать на то, что некоторые из лиц, носивших еще в 1360—1370-х гг. титул “Болгарских князей” в конце XIV — начале XV вв. могли жить в г.Казани.³⁵ В-третьих, на ряде европейских карт не только XV в., но и первой половины XVI в., отмечается г.Булгар и Булгарская “земля”: “Borgar Tartarorum” — у Альбертино де Вирджи (1411—1415 гг.), “Borgar” — у Фра-Маура (1459 г.), “Borga” — у Мартина Валдсмюллера (1507 г.), “Bulgaria Magna” — у него же на другой карте (1516 г.), у Джона Шхунера (1523 г.), у Оронса Фине (1531 г.). Причем у М.Валдсмюллера и Джона Шхунера “Bulgaria Magna” фигурирует наряду с “Casana”, “Casan”. На некоторых других картах присутствует только последнее наименование: “Casanum tartarum” (у Батисты Агнея — 1525 г.), “Casana” (улучшенный вариант карты Оронса Фине — 1534 г.), “Kassanorda” (у Антония Вида — 1542 г.).³⁶ Таким образом получается, что “Болгарские области”, “страны Болгарския” — это второе название Казанского ханства. Такой аутентичский источник, как “Зафарнамэ — и вилайте Казан” (1550 г.), также свидетельствует об этом. Там Казанское ханство называется не только “Казан өлкәсе” или “Казан вилайете”, но и “Булгар вилайете” или “имеющим Казань в качестве резиденции власти Булгарским вилайетом” (“Булгар вилайетенең пайтәхете булган Казан”).³⁷

По-видимому, обозначение “Казанского ханства” как “Булгарского вилайета” сохранилось со времени существования в составе Золотой Орды этой административно-политической единицы, возглавлявшейся “Булгарскими князьями”.

Но в целом обе этнонимические системы и их этнические “ядра” — понятия “казанские татары” и “болгары”, к середине XVI в. фактически использовались для номинации одного и того же этноса. Об этом весьма красноречиво говорит идентичность эпитетов, которые применялись с названиями обеих групп: “безбожные”, “безбожные сарачыны”, “поганный язык”, “безбожный язык”, “бесермянский язык” (характеристика “казанских татар”); “варвари”, “язык поган”, “срачини”, “нечистивые” (характеристика “болгар”). Что касается применения по отношению к одному и тому же этносу двух рядов номинаций в русскоязычных источниках, то оно вполне объяснимо. Этноним “татары”, рапространенный прежде всего среди феодалов, применялся тогда, когда большее внимание в русских источниках уделялось этому сословию или государственным делам, вершившимся господствующим слоем в лице “татар”. Второе наименование, имевшее явный оттенок политонима, бывало скорее всего среди простонародья и использовалось в тех случаях, когда подразумевались народные массы или регион (край). Это тем более так потому, что “татары” обладали правом перемещения из одного татарского ханства в другое, являясь в определенной мере экстерриториальной группой,³⁸ а “черное” население было “привязано” к конкретной государственноорганизованной “земле”. В условиях сохранения этносословной стратифицированности казанских татар социальное противостояние “верхов” и “низов” могло иметь и характер сословно-этнического разделения. К такому выводу подводит, в частности, следующее место из поэмы казанца Мухамедьяра “Төхфәи мәрдән” (1539—1540 гг.),³⁹ где один из литературных персонажей произведения с целью уничижения другого, говорит:

Перевод на современный татарский язык
“Аллаң — мәһнәбен белмәүче татар син,
Бу дөньяда һәм эттән дә начар син”.

....И шөкәтсез, ди, татар,
Асрама эт баласын — асылына тартар.
Имансыз, шомлы язмыш бәдбәхете син,
Йөзең кара, жәһәннәмнең эте син.

.....
Әшәкесен, йөзең йәмьсез — карарга,
Эчең-тышың тулган гайбәт сатарга.

Построчный перевод на русский язык:
Ты татарин, не знающий своего Аллаха и мазхаба,
В этом мире хуже собаки.

...О безобразный, говорит, ты татарин,
Не воспитывай щенка — будет похож на свою сущность.
Ты без веры, ты — создание зловещей судьбы,
С черным лицом, ты собака преисподни.

.....
Ты грязный. Лицо твое противно, чтоб смотреть,
Все твое нутро полно сплетен.

Хотя некоторые исследователи и высказывали мнение, что приведенный отрывок служит показателем неприятия казанцами этнонима “татар”,⁴⁰ на самом деле он скорее свидетельствует об отношении простонародья к правившему в Казанском ханстве сословию феодалов. И.Л.Измайлов отмечает еще один аспект этой “злой инвективы” Мухамедьяра против “татар”: “для праведного образованного горожанина ...представители военно-служилого сословия” были “образцом варварства и дикости, но не потому, что они “татары”, а из-за того, что они — “плохие мусульмане”.⁴¹ Такая трактовка возможна, хотя я бы не преувеличивал разрыва между “татарами” и оседло-земледельческим “черным” населением по уровню исламизированности. Скажем, в послании шейбанида хана Ибрагима (Ивака) Ивану III за 1489 г., т.е. тогда, когда Ибрагим правил в Ногайской Орде или был с ней тесно связан, говорится: “...Яз — бесерменский государь, а ты — христианский государь”.⁴² Как видно, хан Ибрагим ощущал себя мусульманским правителем. В Казанском ханстве представители обеих сословных страт пользовались общим конфессионимом “мусульмане”. Для “черного люда” ханства это хорошо отслеживается по русским летописям, зафиксировавшим, как я уже указывал, понятие “бесермены” как весьма распространенное. Однако это наименование было на ходу и среди татарских феодалов — недаром С.Герберштейн, имея в виду татар вообще, делает следующее заключение: “Название Бесермены (Besermen) их (т.е. татар — Д.И.) “радует”.⁴³ В “Зафарнамэ-и вилайете Казан” также отчетливо предстает противопоставление мусульман вилайета как единого целого, “кяфирам” — русским.⁴⁴

На основе имеющихся данных, таким образом, можно заключить, что в рамках Казанского ханства происходило становление феодальной народности казанских татар, вполне завершенное к середине XVI в. Наблюдаемая же для всего периода существования ханства этносословная стратифицированность казанско-татарского этноса на “верхи” и “низы”, вряд ли выходила за рамки присущего народностям феодальной эпохи деления на “благородных” (аксёяк) и “чернь” (кара халык).

Примечания

¹ ПСРЛ. — т.12. — с.118, 120, 122, 158; ПСРЛ. — т.27. — с.128; ПСРЛ. — т.28. — с.118, 142; ПСРЛ. — т.37. — с.46, 90.

- ² *Малиновский А.* Историческое... — л.61 об.
- ³ См. под 1519, 1523, 1529, 1534, 1536, 1541 и 1546 гг. (ПСРЛ. — т.13. — с.31, 44, 46, 81, 88, 99, 148).
- ⁴ Казанская история. — с.68; Из послания ... — с.72—73; Сочинения князя Курбского — т.1. — с.220.
- ⁵ ПСРЛ. — т.13. — с.226; Из послания ... — с.72—73.
- ⁶ *Меховский М.* Трактат ... — с.116; *Герберштейн С.* Записки ... (1908). — с.145; *Кампензе А.* Письмо ... — с.16; *Виженер де Блез.* Извлечение ... — с.83.
- ⁷ ПСРЛ. — т.13. — с.430.
- ⁸ ПДРВ. — ч.IX. — с.120.
- ⁹ ПСРЛ. — т.13. — с.71.
- ¹⁰ Сэхип Гэрэй ярлыгы ... — 354 б.
- ¹¹ *Мустафина Д.* Послание ... — с.32.
- ¹² *Литвин Мих.* О нравах ... — с.6; *Иовний Павел Нокомский.* Посольство ... — с.24.
- ¹³ *Мустафина Д.* Послание... — с.34.
- ¹⁴ *Меховский М.* Трактат... — с.63, 92; *Кампензе А.* Письмо... — с.16, 26.
- ¹⁵ ПСРЛ. — т.13. — с.55.
- ¹⁶ Книга Большому Чертежу. — с.137, 182, 184.
- ¹⁷ См.: ПСРЛ. — т.13. — с.31, 32, 44, 48, 55—57, 67—68, 81, 88, 166, 434, 439, 446, 458, 459, 468, 470. Эта информация относится к 1519, 1523, 1529, 1530, 1531, 1532, 1533, 1534, 1541, 1542, 1545, 1548, 1549, 1551 гг.
- ¹⁸ ПСРЛ. — т.13. — с.116, 129, 166, 425, 446, 458, 459, 470, 472, 501, 504; Казанская история. — с.66, 77, 80—81, 83, 89, 112; Сочинения князя Курбского. — т.1. — с.180, 226, 250.
- ¹⁹ ПДРВ. — ч.VIII. — с.215; Казанская история. — с.78 (правда, в последнем случае это менее очевидно).
- ²⁰ ПСРЛ. — т.13. — с.90, 107, 113—114, 427—428, 440, 463, 490; ПСРЛ. — т.28. — с.142; Сочинения князя Курбского. — т.1. — с.294; Сборник РИО. — т.95. — с.678. Даже в тех случаях, когда использовалось просто понятие “татары” (татаровя), оно в данном контексте подразумевало именно казанских татар (См.: ПСРЛ. — т.13. — с.501, 404; Казанская история. — с.58; Сочинения князя Курбского. — т.1, — с.181, 196, 199).
- ²¹ *Меховский М.* Трактат... — с.116; *Герберштейн С.* Записки (1908)... — с.137, 157; *Виженер де Блез.* Описание... — с.83.
- ²² ПСРЛ. — т.13. — с.83.
- ²³ Сочинения князя Курбского. — т.1. — с.47, 64.
- ²⁴ ПСРЛ. — т.13. — с.162, 463.
- ²⁵ Там же. — с.490.
- ²⁶ Там же. — с.211, 218—219.
- ²⁷ Из послания Ивана Васильевича... — с.64.
- ²⁸ ПСРЛ. — т.27. — с.143.
- ²⁹ Повесть о честном житие царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси // ПСРЛ. — т.14., первая половина. — с.3—4.
- ³⁰ Казанская история. — с.44, 48.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. — с.53.
- ³³ *Pełenski J.* Russia ...; *Измайлов И.* “Казанское взятие” ... — с.50—62; Его же. Лукавое ..., — с.33—34.

- ³⁴ *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская ... — с.117. Особенно см. комментарии этого автора к сообщению “Дафтар-и Чингиз-наме” по данному поводу.
- ³⁵ Подробнее см.: *Исхаков Д.М.* Казан ханлыгы... — 44—46 бб.
- ³⁶ Примеры взяты из: *Tardy J.* A contribution ... — p.p.185, 190, 193—195, 197.
- ³⁷ Зафәрнамәи вилайяте Казан // Кол Шәриф. И күңел... — 77 б.
- ³⁸ *Исхаков Д.* К вопросу об этносоциальной структуре... — с.105—107.
- ³⁹ *Мөхәммәдьяр.* Нуры содур. — 119—120 бб.
- ⁴⁰ *Халиков А.Х.* Татарский народ ... — с.163.
- ⁴¹ *Измайлов И.* Лукавое ... — с.38. См.также. Мозаика ... — с.76.
- ⁴² Посольские книги ... — с.19.
- ⁴³ *Герберштейн С.* Записки (1908) ... — с.141.
- ⁴⁴ Зафәрнамәи вилайяте Казан / /Кол Шәриф. И күңел... — 76—84 бб.

Раздел II.

ОТ КАЗАНСКИХ К ВОЛГО-УРАЛЬСКИМ ТАТАРАМ:
В ПОИСКАХ СЛАГАЕМЫХ ЭВОЛЮЦИИ ЭТНОСА
В XV—XVII ВВ.

Казанско-татарская народность являлась не единственным наследником золотоордынской этнополитической общности в Волго-Уральском регионе — тут имелись и другие тюркские образования, восходившие к ней. Некоторые из них, находясь в Казанском ханстве, были достаточно тесно связаны с государствообразующим этносом. Другие общности из-за того, то входили в иные этнополитические формирования, являлись более самостоятельными. Но и они в период позднезолотоордынских татарских государств так или иначе взаимодействовали с казанскими татарами.

Во второй половине XVI—XVII вв. этническое взаимодействие разных тюркских групп в Волго-Уральском регионе не только продолжалось, но и получило дополнительный импульс. В результате действия различных факторов в регионе сложился новый этнос — народность волго-уральских татар. В числе “слагаемых” этой народности я бы кроме собственно казанских татар выделил приуральский компонент и тюркское население Касимовского “царства”.

Раскрытие роли этих групп в становлении волго-уральских татар важно с двух точек зрения. Во-первых, несмотря на определенный перелом в гуманитарных исследованиях в Татарстане начиная с 1950—1960-х годов, сложносоставной характер татарского этноса нового времени все еще недооценивается. Во-вторых, именно при изучении процесса формирования волго-уральских татар из этнических общностей предшествующего периода, становится ясно, что татарский этнос, сложившийся в Волго-Уральском регионе во второй половине XVI—XVII вв., имеет качественные отличия от татарских общностей XV — середины XVI вв.

Глава 1.

РОЛЬ ПРИУРАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОСА ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ ТАТАР

Как в дореволюционной, так и в советской историографии, включая ее татарстанское и башкортостанское ответвления, вплоть до 1960—1980-х годов господствовало убеждение, что татары Приуралья являются переселенцами второй половины XVI—XVIII вв. из Среднего Поволжья.¹ Правда, эта точка зрения начала подвергаться сомнению уже в 1970-х годах.² А.Х.Халиков, например, вначале выступил с идеей, что в результате проникновения в XIII—XIV вв. болгар в северо-западное Приуралье, там начался процесс формирования народности “уфимских татар”, прерванный лишь в XV—XVI вв., когда в условиях политической и экономической зависимости от Казанского ханства произошло сближение двух “народностей” — “казанских” и уфимских” татар.³ Затем он перестал выделять последнюю народность, но продолжал считать предками татар северо-западного Приуралья переселенцев-болгар, ассимилировавших местное население.⁴

Но исследователи из Башкортостана заняли несколько иную позицию: подчеркивая особую роль Ногайской Орды в Приуралье в XV—XVI вв., они, переселение татар на восток и начало их смешения с “западными башкирами”, датировали не ранее XVI в.⁵ Однако, в работах сторонников указанной точки зрения башкиры XV — начала XVII вв. как бы “раздваиваются” — одна их группа оказывается тесно связанной с Ногайской Ордой, приобретя иногда черты почти ногайцев,⁶ а другая группа постоянно числится в составе Казанского ханства, где, хотя бы в потенции, переживает некий процесс накопления татарских этнокультурных признаков.⁷

По мере формирования в Татарстане золотоордынско-татарской теории происхождения татар, сторонники последней в 1980—1990-х годах начали обращать внимание не только на этнический состав населения Ногайской Орды — вопрос, изученный явно недостаточно — но и на роль этого этнополитического образования в этнических процессах XV — начала XVII вв. в Приуралье.⁸ Одним из результатов изысканий в указанном русле стал вывод о том, что основное население Ногайской Орды состояло из “татар”, а сама она была татарским государством.⁹

В итоге происходящих явно или неявно дискуссий, стало ясно, что проблема так называемых “уфимских” татар далеко не так проста, как казалось несколько десятилетий тому назад. Именно с целью ее углубленного анализа я и решил обратиться к двум, на мой взгляд, весьма

важным сюжетам. Первый из них имеет отношение к “остяцкому”, а второй — к ногайскому этнокультурному наследию в Приуралье. Для меня очевидна внутренняя взаимосвязь этих двух проблем. В свою очередь, их рассмотрение, как мне представляется, позволит поставить на научную базу такой спорный вопрос, как формирование татар Приуралья как части этноса волго-уральских татар.

Примечания

- ¹ См.: Татары Среднего Поволжья ... — С.12; *Кузеев Р.Г.* Происхождение ... — С.482—483.
- ² *Халиков А.Х.* Общие ... — С.30—37; *Фахрутдинов Р.Г.* К вопросу ... — С.98—102.
- ³ *Халиков А.Х.* Общие ... — С.36—37.
- ⁴ *Халиков А.Х.* Татарский народ ... — С.134, 139; *Его же.* Монголы ... — С.75, 158.
- ⁵ *Кузеев Р.Г.* Происхождение ... — С.482—483; *Мажитов Н., Султанова А.* История Башкортостана ... — С.327—328; История Башкортостана ... — С.129—133.
- ⁶ См.: например, *Туган Валиди Ә.-З.* Башкорттарзың ... — 25—26 бб. Это противоречие не смог преодолеть и В.В.Трепавлов, работа которого, вышедшая в 1997 г., будет рассматриваться ниже.
- ⁷ *Кузеев Р.Г.* Происхождение ... — с.482—483.
- ⁸ Некоторые материалы см. в сборнике: Из истории Золотой Орды. Кроме того, см.: *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим ...; *Его же.* Казан ханнары ...
- ⁹ *Әхмәтҗанов М.* Идел-Җаек ...; *Его же.* Нугай Урдасы ...; *Его же.* Татар халкы ...

§1. “Остяцкая земля”: локализация и этническая принадлежность населения в XV—XVII вв.

Население, известное, в русскоязычных документах как “остяки”, начинает отмечаться в Пермском крае — к югу от г.Перми, в пределах Чердынского уезда (бассейны рек Тулва, Сылва и Ирень), с 70-х гг. XVI в. Примерно с 30-х гг. XVII в. в Сылвенско-Иренском междуречье на смену этнониму “остяки” приходит этноним “татары”. В бассейне р.Тулва часть “остяков” с начала XVII в. в русских источниках начинает именоваться “башкирами”, хотя применительно к ним параллельно употреблялось и наименование “татары”. Позже за “тулвенскими остяками” в основном закрепилось название “башкиры”.

Относительно этнической принадлежности “остяцкого” населения Пермского края в литературе высказывались разные мнения. Необходимо различать два аспекта этой проблемы — этногенетический и связанный с оценкой этнической ситуации в Среднем Приуралье в конкретных хронологических рамках XV—XVII вв. Об этнических истоках рассматриваемых “остяков” были выдвинуты три гипотезы: об их угорском,¹ восточно-тюркском² и смешанном — тюрко-угорском³ происхождении. Но по поводу этнической принадлежности этой группы в

XVI—XVII вв. исследователи заняли несколько иные позиции. А.А.Дмитриев, например, полагал, что после покорения Казанского ханства или еще раньше, на территорию Сылвенско-Иренского междуречья и в бассейн р.Тулвы из Среднего Поволжья переселились татары, которые на новом месте смешались с более ранним угорским населением, ассимилировав его еще в XVI в.⁴ Основным аргументом в пользу такого подхода он считал сложность или даже “невозможность” по письменным источникам этого времени “различать” эти две “народности”.⁵ В 1924 г. А.Б.Теплоухов поддержал вывод предыдущего исследователя, отметив “отатаренность” сылвенских “остяков” уже к началу XVII в. Такой вывод он сделал как на основе “татарских” имен и фамилий “остяков”, так и опираясь на наблюдение А.А.Дмитриева о трудности отделения “татар” и “остяков” Пермского края по материалам переписей начала XVII в. А.Б.Теплоухов отметил, что в начале XVII в. “татар” и “остяков” иногда путали, относя некоторых “и к тем, и к другим”.⁶ Другим его важным наблюдением было то, что в некоторых районах Пермского края “остяки” в прошлом “обашкирились”. Правда, он сделал оговорку, что “башкиры, по-видимому, не всегда отделялись от “татар”.⁷ В трудах С.В.Бахрушина был вновь поднят вопрос об этническом облике населения Сылвенско-Иренского междуречья и прилегающих территорий в XVI — начале XVII вв. Он придерживался мнения, что под сылвенскими и иренскими “остяками” надо понимать манси.⁸ Появление к западу от Урала этнонима “остяк” объяснялось им так: “племенам, ... известным раньше под именем Югры, с XVI в. присваивается татарское название “уштяк” или “остяк”.⁹ Но будучи крупным источниковедом, С.В.Бахрушин констатировал, что однозначному решению вопрос об “остяках” не поддается. Он писал, что “остяки” Пермского края могли быть не только уграми, но и татарами, а то и двигавшимися с “юго-востока” башкирами.¹⁰

Несмотря на предостережение С.В.Бахрушина, в 1950—1960-х гг. в литературе появилось стремление считать “остяков” Пермского края сплошь уграми. Так, А.А.Преображенский предложил рассматривать это население для начала XVII в. как мансийское.¹¹ К нему присоединился и Б.О.Долгих, повторивший более развернуто аргументацию С.В.Бахрушина. В частности, он заметил, что “под “остяками” имелись в виду, очевидно, те же угроязычные обитатели Урала, только названные не русско-зырянским термином “вогул”, а татарским термином “остяк”.¹² Однако, Б.О.Долгих вынужден был признать, что в источниках XVI—XVII вв. под “остяками” или “татарами” в некоторых случаях могли скрываться башкиры или “отатарившиеся” (тюркизированные) угры.¹³ Б.Н.Вишневский в целом также исходил из того, что “остяки” и “татары” Пермского края в XVI в. были уграми.¹⁴ Но он был склонен считать, что эти угорские группы на юге под воздействием казанских татар “отатарились”, а на севере, в местах соприкосновения с русскими, “обрусели”.¹⁵ Хронологические рамки ассимиляционных процессов он

не уточнил. О.Н.Бадер и В.А.Оборин исходили из того, что носители сылвенской археологической культуры (угорской, по их мнению), с которыми они связывали “остяков”, стали в Пермском крае предками башкир и хантов, но в XVI—XVIII вв. были ассимилированы пришлыми татарами и русскими.¹⁶ Позиция В.А.Оборина, продолжавшего заниматься этой проблемой и позже, в уточненном виде выглядела следующим образом: “... Остяков, живших в XVI—XVII вв. в Кунгурском районе, вряд ли можно связывать с современными хантами... Остяки жили... в районах, ранее занятых племенами сылвенской культуры и какой-то близкой к ней культуры в Среднем Прикамье. Происхождение этих культур связано с проникновением угорских (протомадьярских) племен с территории Башкирии”. Отсюда он делал вывод: очевидно, “остяки” русских источников — это потомки древнеугорского населения, ассимилированного затем тюркоязычными башкирами, продвигавшимися с юга на север и русскими.¹⁷

В построениях В.А.Оборина и О.Н.Бадера есть два недостатка. Во-первых, они не различают татар и башкир, поэтому не ясно, кто ассимилировал угров в XVI—XVII вв. Во-вторых, между “остяками” письменных источников и сылвенской археологической культурой имеется хронологический разрыв — эта культура датируется IX—XV вв., но памятники ее, относящиеся к золотоордынскому времени, практически неизвестны.¹⁸ Поэтому источниковедческие трудности, возникающие при определении этнической принадлежности “остяков” Пермского края XVI—XVII вв., работами этих ученых не были преодолены.

В связи с возможностью довольно ранней миграции башкир в северном направлении, в т.ч. и в районы проживания “остяков” в Пермском крае, интерес представляет ряд новых исследований. Так, были обнаружены неизвестные ранее документы, свидетельствующие о проживании башкир из племени гайна в бассейне р.Тулвы уже в период Казанского ханства.¹⁹ Высказалось мнение о проникновении башкир в этот район с юго-запада еще в XIII—XIV вв.²⁰ Однако направление движения гайнинцев оказалось спорным. В работе А.Н.Киреева были проанализированы предания башкир-гайнинцев, в которых сообщается о появлении их предков в районе Тулвы “из снежных стран” (в некоторых вариантах они спускаются с неба), причем на священном олене. Обобщая эти и некоторые другие материалы, А.Н.Киреев пришел к выводу, что собранные данные указывают на “прямую связь данного башкирского племени с древними финно-угорскими племенами”.²¹ А В.И.Васильев и С.Н.Шитова отметили, что в рассмотренной легенде нашли отражение “следы старого оленьего культа, некогда зародившегося на юге Сибири”.²²

К сожалению, этническая ситуация в Пермском крае в XVI—XVII вв. осталась вне поля зрения последних двух исследователей. Этот аспект проблемы более подробно рассмотрел Р.Г.Кузеев. Им были выделены древнеугорские (тюрко-угорские), болгаро-угорские, древнесамодийские и кыпчакские компоненты в составе северных башкир.²³ Проникно-

вание северных башкир в Пермский край он датировал XIII—XIV вв., а их этническое взаимодействие с местным населением, которое он считает мансийским, согласно его мнению, еще в XVI—XVII вв. не было завершено.²⁴ Примечательно, что, с одной стороны Р.Г.Кузеев подчеркивает ассимиляцию башкирами угорского (мансийского) населения, но с другой признает “татаризацию” самих башкир в разных частях Среднего Приуралья, причем довольно рано (иногда в XVII в.).²⁵

Недавно Н.А.Томилов высказал мнение, что среди населения Сылвенско-Иренского междуречья в XVI — начале XVII вв. кроме угров (манси) были и тюрки — сибирские татары, продвинувшиеся в Среднее Приуралье еще в период Сибирского ханства. Он, тем не менее, не слишком уверен в этнической принадлежности “остяков” и “татар” данного ареала, поэтому понятно его замечание относительно того, что район Сылвы и Ирени был в прошлом контактной зоной татар Поволжья, башкир и сибирских татар.²⁶ В плане обсуждения гипотезы Н.А.Томилова заслуживают внимания работы татарских диалектологов. Например, Д.Б.Рамазанова отметила тюркский характер именника “остяков” Пермского края в XVII в. и его связь с топонимами (названиями ряда татарских селений). В ее работах этих “иштяков” ~ “остяков” предложено рассматривать в контексте существования в пермском говоре татарского языка пласта “архаичных явлений”, связывающего данный говор с “восточно-тюркскими языками” (с уйгурским, шорским, хакасским, алтайским). Эта связь проходит через некоторые говоры башкирского языка и диалекты сибирских татар.²⁷ Участие сибирских татар в формировании другого говора татарского языка в Пермском крае — свердловского, отмечается и в публикации Ф.Ю.Юсупова.²⁸ В то же время применительно к XVI—XVII вв. проблема “остяков” в трудах татарских диалектологов детально не обсуждалась.

Историографический обзор позволяет заключить, что этническая ситуация в Среднем Приуралье в XV—XVII вв., несмотря на появление в последние десятилетия новых работ, характеризующих отдельные ее аспекты, в целом остается изученной явно недостаточно. Причин тому несколько. С одной стороны, существует тенденция упрощенного объяснения этнических процессов в районе проживания “остяков”. В основе таких подходов лежит механическое увязывание этнических образований XVI—XVII вв. с более ранними этнокультурными формированиями без опосредующих звеньев. С другой стороны, масштабы миграции татар из Среднего Поволжья в Пермский край недоучитываются. Кроме того, пониманию сути этнической ситуации в Среднем Приуралье в интересующее нас время мешает и неразработанность вопроса о ногайско-кыпчакском включении в состав населения этого ареала. Не следует упускать из виду и общетеоретический аспект проблемы — функционирование термина “остяки” в Пермском крае хронологически совпадает с использованием в русскоязычных документах понятия “ясачные чуваша” в Среднем Поволжье.

Исходя из этих замечаний, ниже основное внимание будет сосредоточено на рассмотрении вопроса об этнической идентификации “остяков” Пермского края в XVI—XVII вв. В необходимых случаях этнические истоки этого населения предполагается проследить и для более раннего времени.

Письменные источники по “остякам” Среднего Приуралья — а в абсолютном большинстве это русскоязычные документы — достаточно многочисленны и разнообразны. Наиболее ранние из них относятся ко второй половине XVI в. Это, прежде всего, “Житие св. Трифона Вятского”, в котором речь идет о миссионерской деятельности Трифона (годы жизни — 1543—1612), около 1570-х гг. поселившегося во владениях “муллинских (от названия речек Муллянок) остяков”.²⁹ Далее можно отметить писцовую книгу Ив.Яхонтава 1579 г., в которой по соседству с землями Строгановых по р.Сылве упоминаются “сылвенские татары и остяки”, а также их “улус” (под названием “Рожин улус”).³⁰ В этом же ряду следует назвать и отрывок из переписной книги Ив.Воротынского 1596 г., сообщающего о “тулвенских башкирцах”.³¹ “Остяки” Сылвенско-Иренского междуречья фигурируют наряду с “татарами” и в “Сибирской летописи” (под 1570, 1572, 1573 и 1582 годами),³² а также в грамотах — Ивана IV Строгановым от 1574 г.³³ и в г. Верхотурье от 1598г.³⁴ Для первых десятилетий XVII в. (примерно по 1630-е гг.) о “татарах” и “остяках” этого района имеется целый ряд челобитных и других грамот.³⁵ Наконец, документом особой ценности является “Кунгурская писцовая книга Михаила Кайсарова 1623—1624 гг.”,³⁶ в которой приводятся подробные сведения об “остяках” и “татарах” Пермского края. Таковы основные источники об этой группе населения. Другие материалы будут приводиться в ходе разбора разных аспектов этнической истории данной группы.

Вначале выясним два вопроса: точные хронологические рамки использования в Пермском крае названия “остяки” и географическую локализацию “остяцкого” и “татарского” населения.

Наиболее раннее прямое упоминание “сылвенских и иренских татар и остяков” содержится в Сибирской летописи и относится к 1570 г.³⁷ Этим годом следует датировать и сообщение о “муллинских остяках”,³⁸ а также об “остяках” с р.Тулвы.³⁹ В конце XVI — первой четверти XVII вв. “татарско-остяцкое” население Пермского края известно по многим источникам (см. выше), но с любопытной трансформацией. Во-первых, в Сылвенско-Иренском междуречье одни и те же лица в разных документах именуются, в одних случаях, “остяками”, в других — “татарами”.⁴⁰ Встречается даже случай, когда Беклабай Ебалаков в 1619 г. был назван в грамоте “верхсылвенским тотарином остяком”.⁴¹ Во-вторых, в бассейне р.Тулва с конца XVI в. появляется этноним “башкиры”, но он используется наряду с этнонимом “татары”. В 1596 г. в переписной книге отмечаются “... в Осинском... уезде... Тулвенские башкиры”.⁴² В 1618 г. они же известны как “уфимские башкиры”,⁴³ а в 1620 г. — как “уфимские

башкиры по р. Тулве”.⁴⁴ В то же время, в грамоте от 1618 г. сообщается о “Ганинской волости с Тулвы татарине Иванайко Бахторозове”,⁴⁵ а в грамоте от 1619 г. речь идет об “уфимского ясаку Тулвенском татарине Баисе Енбатыреве”.⁴⁶ Кроме того, в двух документах за 1619 г. встречается формула: “сылвенские, иренские и тулвенские тотара”⁴⁷ и “сылвенским, иренским и тулвенским тотарам и остякам”.⁴⁸ Наконец, в писцовой книге М.Кайсарова 1623—24 гг. есть такое замечание: “...уфимских татар... (владения)... едучи Тулвою вверх по обе стороны Тулвы”.⁴⁹

С 1620-х гг. в Сылвенско-Иренском междуречье этнонимия рассматриваемого населения начинает приобретать единообразный вид. Например, в 1623 г. грамоту “во всех Сылвенских и Иренских татар место”, челобитчики подписали “за их татарскими тамгами”.⁵⁰ В 1632 г. обращаясь по поводу ясачного обложения от имени “...всех сылвенских и иренских татар место”, челобитчики опять назвали себя “государевыми ясашными татаришками”.⁵¹ Правда, в 1655⁵² и 1676⁵³ гг. “остяки” в этом районе еще упоминаются, но скорее в связи с тем, что в спорах о земельных владениях делаются ссылки на писцовые книги начала XVII в. В целом же, к 1670-м гг. за этой группой уже закрепилось наименование “татары”: в 1676 г. их называют “кунгурскими ясачными татарами”,⁵⁴ как “ясачные”, “оброчные” и др. “татары” они фигурируют и в “Кунгурской переписной книге П.Ахметова” от 1679 г.⁵⁵

С “муллинскими остяками” дело обстояло следующим образом. В 1622 г. среди “своих людей” М.Строганова, которых он послал в “вотчины Чюсовских вогуличей”, наряду с русскими были и “Муллинские Татары”.⁵⁶ Но в грамоте от 1663 г. они уже именуются “Уфимского уезда Гайнинской волости башкирцами”, причем со ссылкой на более раннюю грамоту от 1633 г.⁵⁷ Однако это же население продолжало называться и “татарами”: в 1686 г. сообщается о “муллинской татарской деревне Коянове”, а в 1691 г. — о “муллинском татарине Ясманко с сыном Азметком”.⁵⁸

Двойное наименование в XVII в. сохраняется и за “остяками” бассейна р.Тулвы. С одной стороны, в выписке из писцовой книги С.Волынского от 1654—1657 гг. говорится о заселении двух деревень “...на Тулве... по левой стороне, от речки Глубокие Мутавли и Елпачихи... Тулвенскими башкирцами”⁵⁹; в челобитной от 1672 г. фигурирует “Уфимского уезда, Осинской дороги, Ульвинской волости, Гайна тож... Тербердей Алиев, башкирец”, ссылающийся от имени “товарищей” на грамоту за 1596 г.⁶⁰; в переписной книге 1678 г. речь идет о “башкирцах” Осинского уезда, дающих “кунный ясак... в государеву казну”.⁶¹ С другой стороны, в том же ареале сообщается о “татарах”: в 1696 г. о “Гайнинской волости татарине д.Шараш Ишейке Алишеве”, о “тулвенском татарине Уфимского уезда Зигинатке”, о “татарине д.Елпачихи” на “Тулве Азняшке Казаеве”.⁶² Кроме того, в указе за 1662 г. пишется: “... на изменников Соликамского уезда Сылвенского и Иренского и Шаквенского поречья и на Тулвинских ясашных татар и на Уфимских башкирцев”.⁶³

Выше было установлено проживание “остяков” и “татар” в XVI—XVII вв. в бассейнах рек Сылвы, Ирени, Тулвы. Но по отдельным документам видно, что “остяцко-татарское” население расселялось и несколько южнее указанного ареала. Так, в “Памяти уфимскому толмачу Ф. Таганееву” от 1618 г., говорится о приходе “... торговать на Ирени Уфимского уезду Акъсиевы волости и Белоканских и Кусщымских и Балакчинских татар и остяков медом и воском с русскими людьми”.⁶⁴ В “кушымцах” и “балакчинцах” легко узнаются южные соседи “остяков” и “татар” Сылвенско-Иренского междуречья, известные несколько позже как башкирские племена “кошчы” и “балыкчы”.⁶⁵ “Белоканцами”, по-видимому, названы представители племени “бикатин” (по другому — “беляковцы”),⁶⁶ фиксируемого в составе башкир. Название волости — “Акъсиева волость”, возможно, происходит от тюркского названия р. Белой-Акидель.⁶⁷ В результате получается, что “остяки”, наряду с “татарами”, жили в начале XVII в. и в междуречье рек Белой и Уфы — там, где начиная с середины XVII в. локализовывались “башкирские” племена кошчы, балыкчы, бикатин и сызгы (о связях последних с остяками говорится, хотя и не вполне ясно, в грамоте от 1655 г.⁶⁸).

Наиболее естественным является предположение о том, что под “остяками” Пермского края и прилегающих районов в XVI — начале XVII вв. имелись в виду башкиры. Такое мнение, например, высказывал В.А.Оборин. Он, как уже указывалось, полагал, что потомки сылвенской культуры были сначала ассимилированы продвигавшимися на север башкирами, которые затем, в свою очередь, были в XVI в. и позже ассимилированы пришлыми татарами.⁶⁹ При всей привлекательности данной гипотезы, она не согласуется с имеющимися письменными источниками. Например, в “Сибирской летописи” под 1572 г. сообщается: “... прииде на реку Каму Черемиса и с собою подговориша Остяков и Башкирцев и Буинцев множество”.⁷⁰ Мною было установлено, что под “остяками” в “Сибирской летописи” имеется в виду именно “остяцкое” население Сылвенско-Иренского междуречья.⁷¹ Как видим, в данном случае “остяки” и “башкирцы” упоминаются раздельно. Показательна и грамота, посланная Строгановым в 1572 г. из Москвы по случаю упомянутого выше “черемисского нашествия”, в которой вначале “изменники” названы “Черемисами”, “Остяками”, “Башкирцами” и “Буинцами”, а затем, когда Строгановым предписывается их “воевать”, они же определены как “Черемисы”, “Остяки”, “Ногаи” и “Буинцы”.⁷² В итоге получается, что этноним “башкиры” во втором случае приравнивается этнониму “ногаи”, а название “остяки” сохраняет самостоятельное значение. Еще два примера такого же рода относятся к 1578 и 1586 гг. Согласно “ногайским делам”, в 1578 г. ногайцы “приходили ... в Казанский уезд в остяки на верх Камы воевать”. Это же событие при более детальной характеристике описывается так: “по реке Каме на башкирщы и на остяки Казанского уезда ... И башкирщы и остяки, собрався, иных побили ...”⁷³ Из послания правителя Ногайской Орды князя

Уруса Федору Ивановичу (1586 г.) видно, что “башкирды” и “остяки” не смешиваются друг с другом”: “... Да писал ... чтобы мне (т.е. князю Урусу — *Д.И.*) с башкурдов и остяков дани никакие не имати... пошлю... данщика... с башкурдов и остяков ... тех данщиков велишь побити ...”⁷⁴ Несмотря на то, что в документах 1560—1580-х гг. встречаются случаи, когда этноним “остяк”~”иштак” (иштяк, ыштек) является синонимом этнонима “башкир”,⁷⁵ полного отождествления их не наблюдается. Например, в “Отписке Пермского воеводы Г.В.Лодыгина” от 1618 г., сказано: “... в Чердынском ... уезде на речки на Сылву и на Ирень... приезжают и торгуют торгом русские торговые люди и Казанских и Уфимских уездов тотара и остяки и башкирцы и Сылвенские и Иренские и Уфимского уезду тотара и остяки русским торговым людям на деньги продают и на товар меняют меду и воску, а Казанского ... уезду тотара и остяки и башкирцы у Сылвенских и Иренских тотар и остяков покупают мягкой рухляди”.⁷⁶ Несомненно, что “остяки” в данном случае выступают как группа, отличная как от “татар”, так и от “башкир”. Да и в других случаях, в частности, 1616 г.,⁷⁷ в ближайшем соседстве с “остяками” Пермского края “башкирцы” упоминаются отдельно. Стало быть, “остяки” и башкиры не были идентичны, но всяком случае, до первых десятилетий XVII в.

Но вопрос о трансформации этих “остяков” в “татар” нельзя упрощать. В ряде документов обнаруживаются две модели такого “превращения”. В прошении татар д.Нов.Байсино Кунгурского уезда от 1760 г. сказано: “на отводных ... предкам и дедам их по писцовым книгам 131 и 132 гг. (1623—24 гг.) за остяками, которые потом в той деревне называются татарами (выделено мной — *Д.И.*), значится вотчина”. В 1763 г. татары того же уезда заявили, что население, зафиксированное в писцовой книге 1623—1624 гг. как “остяки и татары, ...ныне называется (выделено мной — *Д.И.*) татарами”.⁷⁸ Такого рода примеры можно привести еще, но все они говорят об изменении по неизвестной причине того названия, которое ранее употреблялось в русских документах по отношению к предкам татар Пермского края. Но в документах содержится описание и несколько иного хода процессов, приведших к закреплению этнонима “татары” за “остяками”. В частности, в начале XIX в. при размежевании земель кунгурских татар с дачей Саранинского завода, татары заявили, что “...действительно остяки в этих местах жили и в давних годах переселились совсем в другие места, а некоторые из них, породнясь с татарами, смешались с ними; оставшиеся после них земли... по праву общего владения, остались в даче верх-иренских татар и обращенных в татары (выделено мной — *Д.И.*) остяков”.⁷⁹ Тут явно описывается этническое взаимодействие двух ранее самостоятельных групп — “татар” и “остяков”, завершившееся закреплением за “остяками” этнонима “татары”. Учитывая это обстоятельство, вначале считаю необходимым разобраться в вопросе этнической принадлежности “татарской” части населения Пермского края в XVI—XVII вв.

Безусловно, в формировании пермских татар роль миграции татарских групп из Среднего Поволжья, начиная со второй половины XVI в., была значительной — об этом говорят как исторические источники,⁸⁰ так и данные по культуре,⁸¹ языку⁸² татароязычного населения Среднего Приуралья. Причем переселенцы на новом месте закреплялись довольно быстро и успешно. Например, в исторических преданиях татар д. Усть-Турка среди переселенцев “со стороны Казани” упоминаются Кызылбай, Тимербай и “удмурт” (ар) Актарнак-бай. В документе за 1625 г. “татары” Иметкай, Тимербай и Кызылбай — “дети Левкаса”, действительно фигурируют. В руках этих татар и их родственников уже имелись земельные владения, хотя в писцовой книге 1623—1624 гг. они еще не числятся среди переписываемого населения.⁸³ Можно предположить, что приход в Среднем Приуралье этнонима “татары” на смену этнониму “остяки” в начале XVII в. произошёл не без влияния миграции из Поволжья. Но состав “татар” Пермского края был достаточно сложным и не сводился только к переселенцам из Поволжья. Я думаю, что одним из их существенных компонентов являлись ногайско-кыпчакские группы. Обратимся к фактическому материалу на этот счет.

Потомки “муллинских остяков” — “башкиры” двух деревень Пермского уезда, в своем прошении от 1794 г. указывали: “... в XIII столетии предки их татары, пришедшие из Азии (выделено мной — *Д.И.*), поселились около Волги и Камы, а за тем покорили и живших по р. Чудской (Чюсовой)... Они были под властью кипчакских (выделено мной — *Д.И.*) и казанских царей, но по юртам имели своих князей... В царствование Ивана Грозного, по покорении Казани, жившие при устье р. Муллы имели у себя князя Урак би Маметкулова ... а на Нижней Мулле жил и именовался князем брат оног малой ... Сюндюк бей Маметкулов ... Татарские те их князья, видя славу Российского оружия ... вступили в подданство...”⁸⁴ Аналогичный сюжет содержится и в преданиях “башкир” и “татар” Пермского и Осинского уездов, записанных в 1784 г.: “... начало происхождения означенных башкирцев и татар от поколения было тарханово. Перешли и поселились они в сих местах с давних лет, по собственным их преданиям издревле; потом под Российскую державу покорены они по взятии... Казани, а до покорения находились в управлении или подданстве у державца своего Нагайского хана ... Слыхали, что хан их брал от лучших людей их дочерей девок и держал у себя с перемною погодю, а после отдавал отцам обратно, коих имел от 10 до 20, что и считали они за обиду”.⁸⁵ Итак, из преданий вытекает подчиненность жителей бассейна рек Муллянок и Тулвы “Нагайскому хану” (он же, видимо, “Кипчакский царь”). Далее, их князья постоянно называются “татарскими князьями”, что под собой имело определенные основания. Во-первых, имена этих “князей” — “Урак” и “Сюндюк” (правильнее Сюндюк-Сюендек) характерны для ногайцев”, казахов”⁸⁶ (см. также ниже). Во-вторых, тамга этих князей была типично кыпчакской.⁸⁷ Наконец, в современном говоре этой группы присутствуют ряд особенностей, характерных для ногайского языка.⁸⁸

Среди потомков “татар” и “остяков” Сылвенско-Иренского междуречья (в д.Иштиряк) М.А.Усмановым была обнаружена родословная запись, в которой говорится: “Жан-Егет атасы Бойырган, Бойырган атасы Хужаш, Хужаш атасы Хужа Шәех, Хужа Шәех атасы Нур Собу, Нур Собу атасы Дәүләт Бирде, Дәүләт Бирде атасы Сайын хужа, Сабыйн хужа атасы Буйын Хужа, Буйын хужа атасы Байсары би, Бурезян би, Кокбуре би — бу өч агалы-энеле Нугайдан чыкканнардар. Әүвәл падиша хәзрәтләренә баш салган Хужаш бидер”⁸⁹ (перевод: “отец Джан-Егета Буюрган, отец Буюргана Хозяш, отец Хозяша Хозя-Шейх, отец Хозя Шейха Нур Собу, отец Нур Собу Давлет Бирде, отец Давлет Бирде Сайын Хозя, отец Сайын Хозя Буйын Хозя, отец Буйын хужа Байсары би, Бурезян би, Кокбури би — эти три брата из Ногая. Первым покорился государю падишаху Хозяш би”). Шеджере скорее всего относится к д. Саз (Ианапай), население которого было связано с татарами д.Карвеново (Каржау)⁹⁰ — центра “улуса” татарско-остяцкого населения Сылвенско-Иренского междуречья а начале XVII в.⁹¹ Именно этот топоним в виде антропонима “Кара жау”, присутствует в другой родословной, записанной в ближайшем соседстве с пермскими татарами (среди татар Бирского уезда Уфимской губ.). Шеджере начинается с Буркут бия (Бөркет би) и продолжается так: “Алманчык би — Үрдәк би — Сүнчәли би — Сөндык би (это имя упоминается и в преданиях “муллинских татар” — см. выше) — Кара жау, Турбай — Кармыш — Истәк” и т.д.”⁹² В родословной еще есть следующие строки: “Буркыт биләр Чынгыз хан иде. Синең агачның чаган, кошың һөд-һөд, тамгаң әмзәдер”⁹³ (перевод: “Буркыт би (был) во времена Чингиз хана. Твое дерево — чаган, птица худ-худ, знак — амзя”). Думаю, что содержание шеджере слегка искажено. Речь идет о словах, “сказанных” Чингиз-ханом, когда он раздавал символы племен (дерево, птицу и знак — тамгу). Содержание этой родословной совпадает с данными “Дафтар-и Чингиз-наме”, где среди биев времен Чингиз хана действительно встречается имя Буркут бия, причем его птица и дерево совпадают, а боевой клич (“уран”) дан как “борх”.⁹⁴ Еще в одной родословной, найденной в том же районе, говорится о “Тарагай бие”, отец которого — Буркит би. Тарагай би “из Крыма прибыл в бассейн р.Агидель”.⁹⁵ Эти же лица фигурируют среди предков башкир племени канглы с примечанием, что они “прибыли с берегов Черного моря, из Крыма”.⁹⁶ В литературе уже указывалось на распространенность этнонима “буркут” среди кыпчаков,⁹⁷ это мнение можно принять.

В указанном русле следует рассматривать и другие данные. Так, в 1623 г. среди вотчинных земель “карьевских остяков” текла речка “Камгур” (Конгур, отсюда название г.Кунгур). Топоним же “кунгур” скорее всего восходит к названию рода (племени), известному среди ногайцев.⁹⁸

Следует учесть и диалектологические данные: для татароязычного населения Пермского края характерны такие особенности говора, которые, как уже отмечалось, встречаются у ногайцев и казахов.⁹⁹

Присутствие ногайцев в Пермском крае подтверждается и историческими источниками. Так, по данным Вычегодско-Вымской летописи, в 1547 г. “пришедшу ногайские люди на Чердыню, повости пожгли, а заставу чердынскую русаков и пермяков побили”.¹⁰⁰ В 1564 г. Строгановы построили Орловский городок “для бережения от Ногайских людей и от иных орд”.¹⁰¹ В грамоте, отправленной в 1572 г. Строгановым, им предписывается “воевать ... изменников, ... черемису, ...остяков, вотяков и ногаи”.¹⁰²

В южной части Сылвенско-Иренского междуречья начинается лесостепная зона, известная как “Кунгурская степь”, что увеличивает вероятность нахождения там кочевых групп ногайцев. Можно полагать, что после массового ухода ногайцев в середине XVI в. из Приуралья,¹⁰³ какая-то их часть осталась в Пермском крае. Они и могли именоваться в источниках “татарами”, иногда — “остяками”. По-видимому, несмотря на достаточную продолжительность контактов ногайских групп с “остяками”, их консолидация в единую этническую общность к первым десятилетиям XVII в. еще не была завершена.¹⁰⁴ Во-всяком случае, в документе от 1620 г. перечислены четыре человека, двое из которых названы “татарами”, а двое — “остяками”.¹⁰⁵ Кроме того, про Енгита Буюргонова, известного как “иренский яшашный татарин”, в документе за 1619 г. есть интересное замечание: “Енгитка собрався своим родом из завалочным пеганы”.¹⁰⁶ Возможно, что под “завалочными пегани” (“пегань”, по-видимому, от “поганы”, “поганых”, т.е. иноверцев) имеются в виду ногайцы, жившие за р.Белой (Белой Волошкой).

Теперь вернемся к “остякам” Пермского края. Несомненно, они обладали определенной этнокультурной спецификой. Прежде всего, это касается их религиозных верований. В “Житие св.Трифона Вятского” рассказывается о “месте”, которое “...бьяше кладбище остяцкое, или паки реци: жертвище идольское. Бяху же ту дерева велики и многоветвенны”. Далее сказано, что на этом “идольском жертвище” находилось “идоложерственное древо, глаголемое ель, бе бо величайши прочих деревес, толстога бо бьяше его кругом полтрети сажени, а ветви его в длину 4 сажени и вьящие”. На этом дереве имелись “сребро и злато, шелк и ширинки (холст — *Д.И.*) и кожи, ...приносимые нечестивыми”.¹⁰⁷ Про дерево сами “остяки” сказали приказчику Строгановых: “древо бе молебное бога нашего”.¹⁰⁸ Данное жертвенное место имело отнюдь не только локальное значение: обслуживая “муллинских остяков”, оно было общеизвестным: “Бе бо ту их агарян и многих язык идольское жертвище и от всех стран и рек с Печеры и с Сылвы и с Обвы и с Тулвы, князи их: остяцкий Амбал, вогульский Бебьяк (или Бебьяк — *Д.И.*) и инии мнози языци со всеми своими улусы, остяки и вогуличи со всех ловль своих ту во едино место съезжахуся ... нечестивым, по своей поганской вере, идольское жертвы творити под дровом”.¹⁰⁹ Заслуживает внимания и диалог Трифона Вятского с “начальным человеком остяков” (имя его дается в форме “Зевендук”, т.е. Сюн-

дюк, известный по преданиям). Зевендук говорит Трифону: "... аз верою несмы от тех, иже многия нарицают боги бездушныя и глухия, их же аз почитаю кумиры". Трифон отвечает: "вы бо веруете не небесному творцу и Богу, ... но нечувственным кумиром, глухим и бездушным богом".¹¹⁰ Язычество налицо, тем не менее, к высказываниям миссионера надо относиться критически. Например, И.М.Осокин при разборе "Жития" подчеркнул, что по отношению к "муллинским осяткам", несколько раз употребляются термины "агаряне" и "бусурманы", применяемые обычно для обозначения мусульман.¹¹¹ Кроме того, Маметкул — отец князей Урака и Сююндюка, правивших "муллинцами", был, по преданиям, муллой или имамом.¹¹² Да и "поклонение" дереву может трактоваться по-разному. С.И.Руденко, хорошо знавший традиционную культуру башкир, отмечает, что они почитали старые могилы святых, а "нередко такими могилами являлись древние курганы, поросшие лесом... Деревья, растущие у таких могил, считались неприкосновенными".¹¹³ Поэтому, "осятков" Пермского края в XVI в. скорее надо относить к группе, уже усваивавшей ислам. Но позднее проникновение к ним ислама подтверждается наблюдениями исследователей XIX в. Так, П.Небольсин в середине XIX в. о башкирах Осинского уезда пишет: "...рассказывают, что они приняли мухаммеданство около времени царя Иоанна IV от татар, которыми были повсюду окружены". Он же приводит пример сохранения у них "обычая дальней старины", заключавшегося в приношении жертвы черными баранами "Черному нечто" (Кара нэрсэ).¹¹⁴ Да и Н.С.Попов в начале XIX в. сообщает о пермских башкирах: "замечают между их обрядами нечто и языческое и сходное с шаманскими; есть между ими волшебники и колдуны; особливо же много имеют затей при обширном своем пчеловодстве и при ловле всякого роду зверей".¹¹⁵ Но эти особенности тогда существовали уже на общем фоне господства среди татар и башкир Пермского края мусульманства.

Хозяйственная система "осяцко-татарского" населения Пермского края также имела своеобразие. Согласно писцовой книге Ив.Яхонтова (1579 г.) у "татар" и "осятков" по Сылве имелись "бортные ухажи и звериные ловли", а ясак они платили кунницами.¹¹⁶ Земледелием они занимались, так как в писцовой книге М.Кайсарова 1623—1624 гг. говорится о пашенных осятках¹¹⁷; ясак с них взимался не только "за бобровые гоны, и за рыбные, и за звериные ловли", но и "за пашни".¹¹⁸ Тем не менее, очевидно важное значение в хозяйстве представителей этой группы в XVI—XVII вв. охоты, рыболовства и пчеловодства.¹¹⁹ И в исторических преданиях потомков "тулвенских осятков" можно обнаружить сюжеты, подтверждающие этот вывод. Например, в них говорится о том, что "кругом были леса", поэтому "невозможно было заниматься земледелием" и один из предков жил "рыболовством", а другой был "охотником".¹²⁰

Тамги "татар" и "осятков" из источников первой четверти XVII в., относящихся к Сылвенско-Иренскому междуречью, более чем наполю-

вину обнаруживают сходство с тамгами хантов (остяков) Березовского уезда того же столетия. Причем у хантов и манси это весьма специфические тамги, обозначающие птичек, медведя и “шайтанскую рожу”. Однако они имеют аналогии и с тамгами северо-западных башкирских племен, в некоторых моментах — “ясачных чувашей” восточной окраины Казанского уезда (бассейна р.Иж).¹²¹

Сохранившаяся родо-племенная номенклатура “остяков” и “татар” Пермского края позволяет сделать предварительное заключение об этнической принадлежности “остяков”. В числе наиболее ранних родо-племенных названий следует назвать прежде всего этноним гайна русскоязычных источников конца XIV—XVI вв. (татарские его варианты — “гайнэ”~“гэйнэ”),¹²² характерный прежде всего для “тулвенских остяков” (позже “башкир” и “татар”). Можно полагать, что этот этноним является одним из вариантов другого этнонима — еней (янэй, жэнэй). Дело в том, что буква “г”, по-видимому, может стать придыхательным и вообще выпасть (гэйнэ~эйнэ~енэй~янэй~жэнэй). Следует также учесть, что в этногенетической легенде гайнинцев Гэйнэ и Эйнэ, являются братьями.¹²³ Носители данного этнонима с конца XVI в. локализовывались в бассейне р.Иж и в низовьях р.Белой. Они в XVII в. были известны как “башкиры”, но позже вошли в состав татарского этноса.¹²⁴ Вопрос о тождестве этнонима еней и древнененгерского племенного названия *jeпо* был разработан Ю.Ф.Неметом и поддержан Р.Г.Кузеевым.¹²⁵ Хотя имеются и противники этой точки зрения,¹²⁶ она мне представляется достаточно обоснованной. Плодотворность поиска именно в этом направлении подтверждает еще один факт. В бассейне р.Тулва еще в XVII в. существовала д.Ермия (Эрэмэ).¹²⁷ Это наименование тождественно башкирскому этнониму юрми. По башкирским же шеджере Юрми-би считается сыном Юрматы-бия, а название башкирского племени юрматы связано с древнененгерским племенным названием *gummat*. Кроме того, этноним юрми (ерми) был известен и у дунайских болгар.

В Сылвенско-Иренском междуречье собственно “остяцких” родо-племенных названий, за исключением южных рубежей ареала, практически не сохранилось. Однако тут необходимо обратить внимание на следующее. Во-первых, нельзя полностью исключить возможность проживания в этом районе каких-то частей тех же гайнинцев.¹²⁸ Во-вторых, отрывочные сведения о родо-племенной номенклатуре “остяков” данной зоны все же имеются. Прежде всего можно назвать родо-племенную группу терсяк, представители которой отмечаются в разных частях Пермского края в XVII—XVIII вв., этнически определяясь то как “башкиры”, то как “татары”. Наиболее раннее же упоминание “волости Терся” относится к 1602—1603 гг. и она фиксируется в бассейне р. Иж (население “ясачные чувашаи и бобыли”).¹²⁹ Они считали себя “потомками черемисов” (чирмеш населеннэн), что скорее всего свидетельствует об их угорских корнях.¹³⁰ Далее, обращает на себя внимание название р.Газ (правый приток р.Сылвы), которая в писцовой книге М.Кайсарова 1623—

1624 г. территориально относилась к “Рожину улусу”.¹³¹ В ряде документов “Тазларская волость”, населенная башкирами, фиксируется в первых десятилетиях XVIII в. в Осинской “дороге” Уфимского уезда.¹³² Тазларцы, несомненно, жили в этом районе уже в конце XV в.¹³³ По-видимому, представители племени таз вошли и в состав населения “Рожина улуса”. Несмотря на восхождение группы таз к древнетюркским образованиям и существование у них этапа развития в рамках золотоордынских родо-племенных групп (тазы имеются в составе ногайцев, казахов), исследователи не исключают вероятность этнических контактов тазов с угро-самодийскими племенами.¹³⁴

Более информативны материалы о родо-племенных группах сызгы, балыкчы, кошчы и упей. Проживание на землях группы сызгы в середине XVII в. “остяков”, не случайно: как установил Р.Г.Кузеев, представители племени сызгы считали гайнинцев своими родственниками.¹³⁵ Балыкчинцы, по мнению Р.Г.Кузеева, двигались с юга (из Средней Азии в составе кара-китайцев). Но они в Пермском крае смешались с “черемисами” (чирмешлэр). Этническую принадлежность последних указывает имя “черемиса” — Юрмиаз. Очевидно, под этими “черемисами” подразумеваются юрмийцы.¹³⁶ Хотя надо иметь в виду, что название “балыкчы” встречается еще у хазар — как имя хазарского правителя г.Боспора (со значением “хранитель печати”).¹³⁷ Поэтому, группа “балыкчы” может быть связана с булгаро-угорским миром, Племя “кошчы”, согласно преданиям, было в близком родстве с балыкчинцами.¹³⁸ Несмотря на тесную связь данной группы с этническими формированиями периода Золотой Орды,¹³⁹ “родство” ее с племенем “балыкчы”, отчасти раскрывает “остяцкое” происхождение племени “кошчы”. Об этом же может свидетельствовать нахождение группы кошчы в первой половине XV в. в Западной Сибири, о чем детальнее будет сказано далее. Что касается группы упей, представители которой также назывались в документах “остяками”, “татарами” и “башкирами”, мной был обоснован вывод об ее относительно позднем сложении за счет выходцев из состава племен гайна, терсяк (тирсэ) и сызгы.¹⁴⁰ Таким образом, этническое своеобразие “остяков” Пермского края было связано с особенностями их формирования за счет булгаро-угорских, угорских и частично — угро-самодийских компонентов.

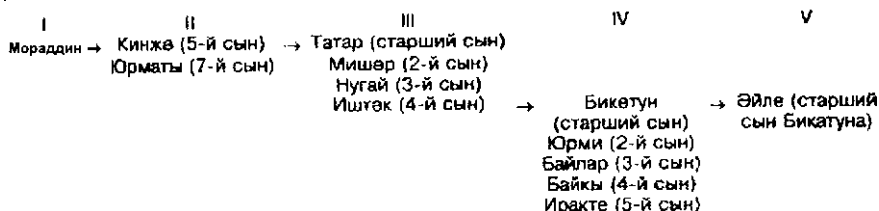
Имеются данные о связи этих групп с Булгарским вилайетом Золотой Орды. Согласно легендам гайнинцев, их предки в бассейн р.Тулва пришли “по Каме” (Кама Иделе буйлап), но довольно своеобразным путем: вначале “три родственника пришли из Бухары (под “Бухарой”, возможно, имеется в виду г.Булгар — Д.И.) в город Казань, а затем двое пошли по Каме”.¹⁴¹ В 1784 г. башкиры Еатеринбургской округи (уезда) заявили, что “предки их перешли и поселились на Урале в 1199 г. области Булгарской и города, называемого на их языке Шатер Булгар, который переименован уже и назван Казанью, как по летописям их значится, во время, когда еще управляли ими собственные их ханы и

князя и по выходе поселились в разных уральских местах”.¹⁴² Муллинцы также подчеркивали продвижение предков, первоначально поселившихся “около Волги и Камы”, в направлении речек, впадающих в Каму, вплоть до р.Чусовой.¹⁴³ Р.Г.Кузеев среди гайнинцев записал аналогичные легенды — о приходе предков “со стороны Мензелинска”, о “выходе их из Булгара”.¹⁴⁴ Проживание терсяков и енейцев у Камы, в бассейне р.Иж, уже отмечалось мной выше. Юрмийцы в XVII в. жили в бассейне р.Ик, но в XIV в. находились в районе рек Зай и Шешма.¹⁴⁵ Племя кошчы в своей истории также пережило период нахождения в низовьях р.Белой и по р.Ик (напротив г.Елабуга).¹⁴⁶ Там же примерно в одно время находились и балыкчинцы.¹⁴⁷ Этнокультурное своеобразие населения низовьев р.Белой и прилегающих территорий, нашло отражение в некоторых татарских исторических сочинениях. В полулегендарных сведениях “Таварих-и-Булгария” Хисаметдина Булгари (XVI в.), имеется следующий сюжет: Тимур разоряет Булгар, Биляр, Кашан и прибывает “... в город Елабугу ... (где) ханом был Ильбакты, сын Уразбакты-хана. Этот хан не знал никакой веры и религии”. Далее описывается попытка Тимура обратить его в ислам. Когда хан Ильбакты на это не согласился, его город был разгромлен, жители взяты в плен и разогнаны “по разным странам”.¹⁴⁸ В другом татарском историческом сочинении — “Дафтар-и Чингиз-наме” (конец XVII в.), рассказывается о разорении Тимуром Булгара и об обращении на обратном пути в местности “Кыйа” двух ханов — Амата и Самата, в ислам. Последний из них в источнике связывается с г.Булгаром.¹⁴⁹ Наконец, в шеджере юрматинцев говорится: “В то время пребывали под властью хана Амант Хамата ... В те времена Джанибек-хан с Аксак-Тимурам были ханами. При них для юрта были великие бедствия... Юрт хана Амант Хамата распался”. По шеджере видно, что этот “юрт” находился в междуречье Зая и Шешмы.¹⁵⁰ Как явствует из рассмотренных источников, на территории Булгарского вилайета Золотой Орды — в его восточных окраинах, вблизи низовьев р.Белой, в конце XIV в. жили группы, которые еще не были исламированы. Этот факт находит подтверждение и в археологических материалах. По данным Е.П.Казакова, в низовьях рек Белой и Ика — в районах распространения чияликской культуры, в XIV в. в некрополях еще сохранялись следы язычества.¹⁵¹ Этот исследователь связывает чияликскую культуру с угорским населением и отмечает ее близость с сылвенской культурой.¹⁵² Речь фактически идет об этнической однородности носителей этих культур. Зафиксированное археологами переселение булгарского населения в XIV в. в низовья рек Белой и Ика,¹⁵³ возможно и дальше на северо-восток (например, в районы распространения сылвенской культуры),¹⁵⁴ могло произойти в результате разрушительного похода Тимура на Золотую Орду, в частности, на Булгарский вилайет.

В плане выяснения этнического облика населения рассматриваемой территории интерес представляет и документ, обнаруженный в той же тетради, что и шеджере племен юрматы и айле — что само по себе заслу-

живаает внимания — и озаглавленный издателями “Шеджере башкирских племен”. Такой заголовок эта родословная запись получила потому, что она действительно представляет из себя нечто вроде перечня (таблицы) башкирских родо-племенных групп.¹⁵⁵ Обратимся к документу:

В таблице присутствует этноним “иштәк”, который в третьем столбце явно обозначает башкир. Однако очевидно и другое — если из четвертого столбца исключить компонент, связанный с “Байкы” (Майкы би ?), “Иракте (часть племени табын)¹⁵⁶ и Байлар, т. е. кыпчакско-ногайские включения, оставшаяся часть окажется тюрко-угорской по своим составным (замечу, что этнические истоки племени байлар, населявшей в XVI в. бассейн р.Иж, низовья р.Ик и бывшего ближайшим соседом племени еней, остаются спорными¹⁵⁷). Симптоматично и присутствие во втором столбце этнонима юрматы. Несмотря на тесную связь племени айлы (эйле) со Средней Азией и с огузской средой, прослеживаются и ее контакты с угро-самодийским миром.¹⁵⁸

При обсуждении проблемы “остяков” ~ “иштяков” Пермского края важно учесть и возможность их этнических контактов с сибирскими татарами, точнее, с их этническими компонентами, тем более, что этноним “иштәк”/уштәк функционировал и среди них.¹⁵⁹ При этом заслуживают внимания как этнические контакты населения Приуралья и Зауралья XVI—XVII вв., так и более ранние взаимосвязи этнических групп двух этих зон.

В шеджере племени (рода) кара-табын сохранились интересные сведения о продвижении в XV—XVI вв. некоторой части тюркско-угорских групп из Западной Сибири в районы проживания “остяков” Пермского края. В родословной говорится: “Аймак Кара табын идет от Майкы бия. Майкы бей во времена Чингиз хана жил на Урале в местности Миядек (Миядәк), правил в районе р.Миасс (Миәс)...Его звали Уйшын Майкы беём. Сын Майкы бея Илек бей, его сын Алчә бей, его сын Булгаир бей, его сын Кара Табын бей. Последнего называли Кара Газиз. Кара Табын бей бросив древние земли перешел к реке Чулман. Его сын Чулман бей родился уже там”. В некоторых вариантах этого шеджере после Майкы бея фигурирует Кара Табын бей, затем Ахметшеих бей, Абдал бей и лишь после него идет Чулман бей. Как видно по одной из версии родословной, Ахметшеиха изгнали его завистливые дяди.¹⁶⁰ Он “со своими близкими... переселился из района Иртыша к реке Миач, туда, где позже был Челябинский уезд и построил дом”. Затем он оставил там своего

сына Абдала и “вышел к реке Чулман, на лодке приплыл на место, где возник город Пермь и позже взяв своих детей в местности города Перми построил дом... Там жена Абдал бея родила сына, которого назвали Чулман беем”. После этого и другие сородичи, оставшиеся на Иртыше, прибыли на территорию будущего Бирского уезда. Г.Чокрый, записавший это шеджере, сообщает, что те, кто переселился в район будущего Мензелинского и Бирского уездов, себя называли “башкирами иректе”, ибо Ахметшеих, его отец Кара Табын и их сородичи назывались иректе.¹⁶¹ Башкирский историк М.Уметбаев, основываясь на сведениях по истории племени табын, к приведенным выше материалам добавляет новые данные. Он сообщает, что бии племени табын Асади и Шикарала бежали из района Иртыша и Ишима к западу от Урала во время противоборства двух ханов — “Ибака” и “Шибакка”, когда первый из них решил их убить.¹⁶² Имеются и другие доказательства нахождения табынцев в одно время в окрестностях г.Тюмени.¹⁶³ Р.Г.Кузев переселение племени табын в Прикамье (в район слияния рек Ика и Камы) датировал концом XV — началом XVI вв.¹⁶⁴ В целом это событие совпадает с активизацией в конце XV в. борьбы Ногайской Орды за господство в Волго-Уральском регионе. Ногайцы же действовали совместно с Шейбанидами, правившими в это время в Сибирском (Тюменском) ханстве.¹⁶⁵ Известно, что Сибирское ханство тогда совершало походы и в Пермский край. Например, в 1505 (или 1506) году в русских летописях говорится: “...пришедши из Тюмени на Великую Пермь ратью Сибирский царь Салтан и без вести приступиша. Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю ... Князь Василий Ковер ... води погоню ..., и они догнашу их в Сылве (выделено мной — *Д.И.*), заднюю побили”.¹⁶⁶ После падения Казанского ханства правители Сибирского ханства совершили несколько походов в Пермский край: в 1573 г. на Пермь Великую напал Маметкул султан сын Сибирского “царя” (хана Кучума), причем его воины “данных остяков Чагира с товарищи побили (речь явно идет о Сылвенско-Иренском междуречье — *Д.И.*), а иных в полон взяли, которые жили около Чусовских городков”.¹⁶⁷ После этого похода “остяки” Пермского края как будто бы даже подчинились Сибирскому ханству.¹⁶⁸ В 1581 г. “Сибирский царь” (видимо, Кучум) опять пришел с войною “на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строганова пограбил”.¹⁶⁹ В том же году Строгановы сообщили, что “приходил де Пельымский князь с вогуличи и ногаи”.¹⁷⁰ В “Соликамской рукописи” об этом сказано: “...приходил Пельымский князь Кихак с 700 человек, с мурзой Сибирской земли, с Сылвенскими и Иренскими татары, вогуличи, вотяки и башкирцы”.¹⁷¹ Не исключено, что активизация сибирских татар в районе Среднего Приуралья была связана и с другими переселениями из Зауралья в Пермский край. Обратные переселения — из Волго-Уральского региона в Сибирское ханство — также имели место.¹⁷² Но в данном случае для нас важен этнический облик выходцев из Зауралья. Об этом весьма красноречиво говорится в шеджере кара-табынцев:

Асыл бабам Тобол, Иртыш
Кинаринда буллуб ирмеш,
Асылда эрми йә чирмеш,
Беленмәй диннәре сарпай¹⁷³

Перевод:

Истинные предки находились

По Тоболу и Иртышу,

Будучи на самом деле “ерми” и “черемисами” без веры совсем.

Упоминаемые в родословных “ермийцы” (эрми) нам уже знакомы — это юрмийцы; про “черемис” уже было сказано. Стало быть табынцы, бывшие частью золотоордынских или кыпчакско-ногайских групп, были сильно перемешаны с более ранними тюркско-угорскими группами. Совершенно не случайно обнаружение Д.Г.Тумашевой в Тюменской обл. таких топонимов, как Пигәтин (Бикатун), Юрмы, Иштәк (названия татарских деревень Вагайского района). Там же имеется татарское село Токуз. Хотя Д.Г.Тумашева полагает, что этот топоним связан с кыпчаками,¹⁷⁴ он скорее всего относится к группе еней (тюбя “тогуз”, раньше “волость” (т.е. племя), известна в XVII в. в бассейне р.Иж).¹⁷⁵ Переселенцы из Зауралья могли быть такими же полуязычниками, как и родственные им “остяки” Пермского края. Далеко неслучайно, что Г.Чокрый, в XVIII в. уже, конечно, мусульманин, про своих предков с некоторым удивлением замечает, что “религии у них не заметно”.

Этнические контакты населения Западной Сибири и Волго-Уральского региона, в т.ч. и Пермского края, восходят по меньшей мере к периоду Волжской Булгарии.¹⁷⁶ Поэтому этническую ситуацию в Среднем Приуралье конца XV — начала XVI вв. и позже, надо рассматривать как продолжение более ранних процессов складывания “иштякской” и “татарской” общностей на более широкой территории.

Есть основание полагать, что в административном отношении в начальный период существования Казанского ханства территория, расположенная на северо-западе Приуралья (Пермское Приуралье и прилегающая зона), входила в состав ханства в качестве особой единицы. Об этом, прежде всего, может свидетельствовать сообщение из русских летописей за 1469 г. Под этой датой во многих летописях по поводу сбора войска казанским ханом Ибрагимом, сказано: “...дополна собрался царь ... со всею землею своею, с Камскою и Сыплинскою и с Костяцкою и з Беловолжскою и Вотяцкою и Бакшарскою”.¹⁷⁷ Некоторые из частей Казанской “земли” нам уже знакомы — “Вотяцкая”, как я уже указывал, соответствует Арской даруге; понятие “Камская” близко к более позднему термину “Побережная”, под которым в русских летописях подразумеваются Зюрейская и Ногайская даруги. А вот та территория, которая названа в летописях “Костяцкой” (вероятно, русское “к” отражает существование в тюркском варианте этнонима “иштәк”~“уштәк” придыхательного “к” или “h”), это и есть район проживания

“остяцко-татарского” населения Пермского края (примерно Кунгурский уезд и Осинская “дорога” Уфимского уезда XVII в. или несколько более обширный ареал). Связь этого района с Казанским ханством прослеживается и по другим материалам. Так, в 1468 г. воеводы великого князя московского возвращаясь из похода, совершенного “по Каме на низ”, ходили “воюючи Казанския же места”, и “в Белую Волшку ходили воевати”. В это же время “Казанские Татарове, двести человек, воевати же пошли и, дошедъ до тое же Волшки на конех и пометав туто кони у Черемисы, поидоша из Волшки в судех вверх по Каме”. В результате столкновения русских с татарами, последние потерпели поражение и русские “воеводу их Иш-Тулазия изымаша, княже Тарханова сына”.¹⁷⁸ Имея в виду, что эти события происходили довольно близко от места проживания “муллинских остяков”, отмечу, что именно они вели свое происхождение “от поколения ... Тарханова”.¹⁷⁹ В этом же русле надо толковать и предание “муллинских башкир” XVIII в. о том, что их предки подчинялись не только “кипчакским”, но и “казанским” царям. Известно также о приходе отрядов Казанского ханства с войной на Пермь Великую в 1539—40 гг.¹⁸⁰ Эти данные показывают, что границы Казанского ханства проходили по Среднему Приуралью. Но надо иметь в виду, что эта территория после опустошительного нашествия Тимура на Булгарский вилайет Золотой Орды,¹⁸¹ оказалась под влиянием Ногайской Орды — недаром ногайская знать в XVI в. подчеркивала, что “с остяков ясак имывали ... от прародителей, от Едигея князя”.¹⁸² Скорее всего применительно к “Костяцкому” ареалу надо говорить о двойной юрисдикции — формула о подчинении царям “кипчакским” и “казанским” вряд ли случайна. На этом вопросе я еще детальнее остановлюсь в следующем разделе, тут лишь подчеркну, что со второй половины XV в. началось активное вливание в среду более раннего тюрко-угорского — “остяцкого” — населения, кыпчакско-ногайских групп.

По-видимому, длительное время тюрко-угорское население зоны Восточного Закамья (бассейн Зая, Шешмы, низовьев рек Белой и Ика) наряду с этнокультурной спецификой сохраняло и особое этническое самосознание. Во-всяком случае, при описании ухода ногайцев в середине XVI в. из района проживания племени юрматы, не ногайское население называлось “иштяками” (иштэк). Возможно, этнические особенности населения и послужили причиной функционирования “Беловолжской” территории (похоже, именно она в XVII в. была известна как Казанская “дорога” Уфимского уезда¹⁸³) в качестве отдельной административной (?) единицы в составе Казанского ханства до 1480-х гг., т.е. до усиления роли Ногайской Орды в Поволжье.

Примечания

¹ Дмитриев А.А. Житие ... — С.28; *Его же*. Исторический ... — С.3; *Его же*. Пермская старина. — Вып.2. — С.60; Вып.8. — С.56, 123; *Теплоухов А.Ф.* Следы ... — С.81—112; *Бахрушин С.В.* Пути ... — С.98; *Его же*. Остяцкие ... — С.87; *Преображенский А.А.* Очерки ... — С.12; *Долгих Б.О.* Родовой ... —

- С.21—23; *Вишневский Б.Н.* Следы ... — С.258—259; *Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре ... — С.261; *Оборин В.А.* К истории ... — С.28—38; *Его же.* О связях ... — С.130—135.
- ² *Рамазанова Д.Б.* Общие моменты ... — С.107—115; *Ее же.* К истории формирования (1983) ... — С.144—146; *Ее же.* К истории формирования ... (1996). — С.23—24.
- ³ Данная точка зрения сама распадается на две позиции. Сторонники первого подхода (это преимущественно А.Х.Халиков) отстаивают тезис о раннем проникновении (в VI—VII вв.) тюркских племен вплоть до р.Сылвы. При этом наличие в их составе угров не отрицается. Кроме того, они отмечают уже для домонгольского времени болгарское влияние (в т.ч. и через прямое проникновение в этот район болгарского населения) в Среднем Приуралье (См.: *Халиков А.Х.* Общие ... — С.33; *Его же.* Истоки ... — С.7—36; *Его же.* Происхождение татар ... — С.61,91; Татары Среднего Поволжья... — С.43). Другая группа исследователей подчеркивает необходимость большего учета роли кыпчакско-ногайских групп (См.: *Кузеев Р.Г.* Происхождение ... — С.216—217, 351; *Его же.* Роль ...; *Его же.* Народы ... — С.77—80; *Исхаков Д.М.* Пермь татарлары. — 171—178 бб.; *Его же.* Остяцкая земля ... — С.390).
- ⁴ *Дмитриев А.А.* Пермская старина... — Вып.2. — С.60; Пермская старина... — Вып.8. — С. 56, 123.
- ⁵ *Дмитриев А.А.* Житие... — С. 25. Близкую точку зрения см. также: *Осокин И.М.* К вопросу ... — С.25.
- ⁶ *Теплоухов А.Ф.* Следы... — С.94.
- ⁷ Там же. — С.85. Примерно такое же утверждение можно найти и в работах А.А.Дмитриева (См.: *Дмитриев А.А.* Исторический... — С.3—5,24; *Его же.* Пермская старина. — Вып. 5. — С.98. В последней работе он пишет: “вследствие близкого соседства с башкирами и татарами остяки здесь скоро отатарились”).
- ⁸ *Бахрушин С.В.* Остяцкие ... — С.87.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Бахрушин С.В.* Пути ... — С.95,98.
- ¹¹ *Преображенский А.А.* Очерки ... — С. 12. Татар, отмеченных в источниках рядом с “остяками”, он считал переселенцами из Казанского края (Там же. — С. 16).
- ¹² *Долгих Б.О.* Родовой ... — С.22.
- ¹³ Там же. — С.22—23.
- ¹⁴ *Вишневский Б.Н.* Следы угров... — С.255. Он считал, что из-за невозможности определения по источникам, имеем ли мы дело с хантами, или манси, это население следует именовать просто уграми.
- ¹⁵ Там же. — С.256—257.
- ¹⁶ *Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре... — С.217, 261; *Оборин В.А.* К истории... — С.49.
- ¹⁷ *Оборин В.А.* О связях... — С.135.
- ¹⁸ *Исхаков Д.М.* К вопросу... — С.116.
- ¹⁹ *Кузеев Р.Г., Юлдашбаев Б.Х.* 400 лет ... — С.51; *Кузеев Р.Г.* Новые источники ... — С.16.
- ²⁰ *Кузеев Р.Г., Шитова С.Н.* Башкиры ... — С.19; *Мажитов Н.А.* Южный ... — С.185.

- ²¹ *Киреев А.Н.* Этногенетические ... — С.61.
- ²² *Васильев В.И., Шитова С.Н.* Башкиро-самодийские ... — С.29.
- ²³ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С. 216—217, 219, 242, 341, 346—347, 351. К древнеугорскому (тюрко-угорскому) компоненту он отнес — упейцев и терсяков, к булгаро-угорскому — гайнинцев, к древнесамодийскому — сызгинцев, к кыпчакскому и кыпчакизированному — племена кушчи и балыкчи (Кузеев Р.Г. Роль...).
- ²⁴ *Кузеев Р.Г.* Происхождение ... — С.488—489.
- ²⁵ Там же. — С.218, 337.
- ²⁶ *Томилев Н.А.* Тюркоязычное население ... — С.30—33.
- ²⁷ *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования (1983) ... — С.142—146; *Ее же.* К истории формирования (1996) ... — с.24. Следует отметить, что восточно-тюркский “иштякский” компонент она считает общим для пермских татар, башкир и сибирских татар.
- ²⁸ *Юсупов Ф.Ю.* Фонетические ... — С. 69.
- ²⁹ Текст см.: *Житие...; Струминский В.Я.* Житие ... — С. 55—75. См. также: *Дмитриев А.А.* Житие ...
- ³⁰ Применительно к территории бассейна р.Сылвы книга Ив.Яхонтова не сохранилась. Но она цитируется в писцовой книге Мих.Кайсарова 1623—1624 гг. — См.: Писцовая книга Кайсарова ... — С.133—135. По Чердынскому уезду эту книгу см.: Книги сошного ...
- ³¹ *Шишонко Вас.* Пермская летопись. II период ... — С.470. Правда, этот отрывок сохранился лишь в составе документа конца XVIII в.
- ³² Летопись Сибирская ... — С.7, 9, 11—12, 20; современное издание см.: ПСРЛ. — Т.36. — Ч.1.
- ³³ *Шишонко Вас.* Пермская летопись. I период. — С.71.
- ³⁴ АИ. — Т.2. — С. 10.
- ³⁵ Часть из них опубликована. — См.: *Шишонко Вас.* Пермская летопись, I период. — С.133, 141, 168—169, 223; II период. — С.48, 70, 108—109, 141; АИ. — Т.2. — С.77—78, 195—196; ААЭ — Т.II. — С. 216; Т. 3. — С.83, 169—170, 279; *Веселовский С.Б.* Акты ... — Т.2. — Вып.1. — С.234—238; Неизданные акты см.: Архив Санкт-Петербургского ОИИ РАН, ф.122, оп.1, ед.хр.407, 409, 412, 414, 416, 442, 445—451, 453—458, 463, 464, 467—472, 475—477, 482, 509, 512, 513, 521, 834. См. также: *Преображенский А.А.* Очерки ... — С.14—37.
- ³⁶ Текст ее был опубликован Вас.Шишонко. — См.: Кунгурские писцовые ... — С.119—150.
- ³⁷ Летопись Сибирская... — С—7.
- ³⁸ Известно, что “муллинские остяки” приходили с жалобой на Трифона Вятского в городок на Сылве, который был поставлен именно в 1570 г. (см.: *Житие ...* — С.45).
- ³⁹ Там же. — С.41. Данные о “тулвенских остяках” не слишком ясны. В источнике сказано: “Бе бо ту (речь идет о жертвенном месте “остяков” — *Д.И.*) их агарян и многих язык идольское жертвище и от всех стран и рек с Печеры и с Сылвы и с Обвы и с Тулвы, князи их: остяцкий Амбал, вогульский Бебяк (в некоторых редакциях — Бебяк — *Д.И.*) и инии мнози языци (выделено мной — *Д.И.*) со всеми своими улусы, остяки и вогуличи ... во едино место съезжахуся...” (Там же).
- ⁴⁰ Мной установлена следующая закономерность — те лица, которые в пис-

цовой книге М. Кайсарова 1623—1624 гг. названы “остяками”, в челобитных и жалованных грамотах чаще именуется “татарами”. Приведу соответствующие данные. В писцовой книге 1623—24 гг. под шапкой “юрты остяцкие” названы имена Атламыш Разина и Юсупа Аллагузина. Первый из них упоминается в грамоте от 1623 г. как Акламыш Рожин — “ясачный татарин”, а второй — в 1614 г. как “иренский ясачный татарин Исупка Аламзин” (Архив Санкт-Петербургского ОИИ РАН, ф.122, оп.1, ед.хр. 512 и 407). В той же писцовой книге на Ирени в “вотчинах остяков” отмечается Байся Акбашев, который в грамоте 1620 г. назван “иренским татаринном Байсой Акбашевым” (Там же, ед.хр.475). По писцовой книге 1623—24 гг. под шапкой “Карьев улус” и “карьевские остяки”, на р.Ирень названы Тойгулды Терегулов, Ишдевлетко Карьев, Бектеярко Карьев и Елбай Карьев. Однако они же известны как “татары” — “иренский ясачный татарин Токилдейко Терегулов” в 1619 г. (Там же, ед.хр.472); “иренский татарин Ишдевлет Карьев” и его брат Байтерьяк Карьев в 1619 г. (Там же, ед.хр.468, 470); “ясачный татарин Енбайко Карьев” в 1619 г. (Там же, ед.хр.456). Такое же положение видно и из других документов. Так, в 1606 г. известны “сылвенские и иренские остяки Акильдейко Ондреев с товарищи” (АИ. — Т.2. — С.77). Но в 1618—1619 гг. Акильдейко Ондреев называется “иренским ясачным татаринном” (Архив Санкт-Петербургского ОИИ РАН, ф.122, оп.1, ед.хр.449, 470).

⁴¹ Архив Санкт-Петербургского ОИИ РАН, ф.122, оп.1, ед.хр.463.

⁴² *Блинов Н.* Исторический ... — С.3; *Шишонко Вас.* Пермская летопись, II период. — С.470.

⁴³ *Шишонко Вас.* Пермская летопись, II период. — С.471.

⁴⁴ Там же. — С. 84.

⁴⁵ Архив Санкт-Петербургского ОИИ РАН, ф.122, оп.1, ед.хр.447.

⁴⁶ Там же, ед.хр.457.

⁴⁷ Там же, ед.хр.468, л.1.

⁴⁸ Там же, ед.хр.463. Отмечу также, что в 1611 г. упоминаются “таньбские (от речки Таньп в верховьях р.Тулвы — *Д.И.*) ... ясашные татары” (*Шишонко Вас.* Пермская летопись, I период. — С.233).

⁴⁹ Кунгурские писцовые книги ... — С.143.

⁵⁰ *Шишонко Вас.* Пермская летопись, II период. — С.141.

⁵¹ *Веселовский С.* Акты ... — Т.2. — Вып.1. — С.234.

⁵² *Шишонко Вас.* Пермская летопись, III период ... — С.336.

⁵³ Там же. — С.341.

⁵⁴ ГА Пермской обл. ф.297, оп.2, ед.хр.948. — л.164.

⁵⁵ РГАДА, ф.1209, ед.хр.226 — лл.7—353. Всего в 252 юртах числились 785 “людей”.

⁵⁶ АИ. — Т.3. — С.166.

⁵⁷ Из истории ... — С. 82; АИ. — Т.3. — С. 166. Не исключено, что определение муллинцев как “башкирцев Гайнинской волости”, закрепилось около 1653 г. (См.: Из истории ... — с.82).

⁵⁸ Кунгурские акты ... — № 58, № 66.

⁵⁹ *Шишонко Вас.* Пермская летопись, III период. — С.329.

⁶⁰ МИБ. — Ч.1. — С.74.

⁶¹ Переписные книги ... — С.51.

⁶² Кунгурские акты... — № 18, № 70.

- ⁶³ *Шишонко Вас.* Пермская летопись, III период. С.702. В документе все-таки выражение “уфимские башкирцы” скорее всего относится к населению с “Тулвы” — в грамоте за 1665 г., где говорится об этих же событиях, есть следующее определение: “Сылвенские, Иренские и Шаквинские татары и Уфимские башкирцы” (Там же. — С.705).
- ⁶⁴ Архив Санкт-Петербургского ОИИ РАН, ф.122, оп.1, ед.хр.447.
- ⁶⁵ *Исхаков Д.М.* К вопросу ... — С.118.
- ⁶⁶ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.243—244. В грамоте за 1655 г. они названы “бальхчинскими” и “кушимскими башкирами” и действительно являлись ближайшими соседями “остяков”, живших в районе верховьев р.Сылвы (См.: *Шишонко Вас.* Пермская летопись, III период. — С.336,343).
- ⁶⁷ Понятие “идел” возможно могло передаваться и через слово “вода” (су). Отсюда “Белая вода” (в русской кальке “Белая Волошка”) или “Ак Су”. О термине “Беловолжская” речь еще пойдет ниже.
- ⁶⁸ *Шишонко Вас.* Пермская летопись, III период. — С.336—347.
- ⁶⁹ *Оборин В.А.* О связях... — С.130—135.
- ⁷⁰ Летопись Сибирская... — С.9. Буинцы, упоминаемые в документе, это, очевидно, удмурты, жившие в бассейне у.Буй. (См.: *Шишонко Вас.* Пермская летопись, I период. — С.65).
- ⁷¹ *Исхаков Д.М.* К вопросу ... — С.118.
- ⁷² *Шишонко Вас.* Пермская летопись, I период. — С.65.
- ⁷³ *Трепавлов В.В.* Ногаи ... — С.11.
- ⁷⁴ *Пекарский П.П.* Когда ... — С.8.
- ⁷⁵ См.: ПДРВ. — Ч.ХI. — с.225; *Пекарский П.П.* Когда ... — с.8, 11, 20—21; *Трепавлов В.В.* Ногаи ... — с.9—11.
- ⁷⁶ Архив Санкт-Петербургского ОИИ РАН, ф.122, оп.1, ед.хр.448.
- ⁷⁷ В 1616 г. отмечаются “Уфимские башкирцы Киргинской (правильнее должно быть “Кыр-Еланской” — *Д.И.*) волости”, которые “перевезлись за Каму реку для ... боя с пермичами ...” (Архив Санкт-Петербургского ОИИ РАН, ф.122, оп.1, ед.хр.442).
- ⁷⁸ *Исхаков Д.М.* К вопросу ... — С.117.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ См.: *Преображенский А.А.* Очерки... — С.18; Пермские татары... — С.155—163; *Исхаков Д.М.* Расселение и численность пермских ... — С.5—30; *Его же.* Пермь татарлары. — С.174—175.
- ⁸¹ Традиционная культура пермских татар близка к культуре других этнографических групп казанских татар (подробнее об этом см.: Пермские татары...).
- ⁸² Говор пермских татар по ведущим особенностям наиболее близок к говорам, относящимся к среднему диалекту татарского языка. — См.: *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования (1983) ... — С.138—141; *Ее же.* К истории формирования (1996) ... — С.38.
- ⁸³ *Исхаков Д.* Пермь татарлары. — С.174.
- ⁸⁴ Из истории ... — С.80.
- ⁸⁵ ГА Пермской обл., ф.316, оп.1, в.д.хр.78 . — л.42, 67. Печатный текст см.: *Богословский П.С.* История ... — С.28—44.
- ⁸⁶ *Ахметзянов М.* Татарские шеджере. — С.85; *Исхаков Д.М.* О роли ... — С.136; *Его же.* Тарихи туганлык ... — 43 б.
- ⁸⁷ *Исхаков Д.М.* К вопросу ... — С.117.
- ⁸⁸ *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования говора (1983) ... — С.146.

- ⁸⁹ *Усманов М.* Каурый ... — 52 б.
- ⁹⁰ *Исхаков Д.* Пермь татарлары... — 173 б.
- ⁹¹ Кунгурские писцовые книги... — С. 114.
- ⁹² *Ишморат Р.* Гомер ... — 9 б.
- ⁹³ Там же. — 36 б.
- ⁹⁴ История Чингиз хана ... — С. 135.
- ⁹⁵ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.359.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим ... — С.64.
- ⁹⁸ *Калмыков И.Х.* Из истории ногайцев ...
- ⁹⁹ Разбор этого вопроса см.: *Исхаков Д.* Пермь татарлары. — 175 б.
- ¹⁰⁰ Вычегодско-Вымская летопись. — С.265.
- ¹⁰¹ *Шишонко Вас.* Пермская летопись, I период. — С. 52.
- ¹⁰² Там же. — С. 65.
- ¹⁰³ О причинах массового переселения ногайцев около 1546—1547 гг. из Приуралья на “Кубань”, см.: Башкирские шежере. — С. 33, 181.
- ¹⁰⁴ Такая ситуация описывается и в шежере башкирского племени юрматы.
- ¹⁰⁵ Архив Санкт-Петербургского ОИИ РАН, ф,122, оп.1, ед.хр.475. — л.1. Там сказано: “Се я, Карабай, Абдалов сын, верх-юрманский татарин, да Байса Акбашев сын, иренский татарин, да Турсунбайко Терегулов сын, я, Атайко Аскильдеев сын, оба верх-сылвенские остяки”. По меньшей мере двое из них — один как “татарин” (Карабак Акидалов), другой как “остяк” (Оскай Аскильдин) — фигурируют и в писцовой книге 1623—24 гг. (См.: Кунгурские писцовые ... — С.130, 135). Правда, имена их несколько искажены, но это может быть и результатом трудностей прочтения для издателя текста книги.
- ¹⁰⁶ Архив Санкт-Петербургского ОИИ РАН, ф,122, оп.1, ед.хр.455. См. также ед.хр.467.
- ¹⁰⁷ Житие преп. отца ... — С.41.
- ¹⁰⁸ Там же. — С. 45.
- ¹⁰⁹ Там же. — С.41.
- ¹¹⁰ Там же. — С. 39.
- ¹¹¹ *Осокин И.М.* К вопросу ... — С. 25.
- ¹¹² Из истории ... — С. 80.
- ¹¹³ *Руденко С.И.* Башкиры ... — С.276.
- ¹¹⁴ *Небольсин П.* Отчет ... — С.18—19.
- ¹¹⁵ *Попов Н.С.* Хозяйственное ... — Ч.III. — С.26.
- ¹¹⁶ *Дмитриев А.* Пермская старина. — Вып.4; — С.135.
- ¹¹⁷ *Шишонко Вас.* Пермская летопись, II период. — С.258.
- ¹¹⁸ *Веселовский С.Б.* Акты ... — Т.2. — Вып.1. С. 235.
- ¹¹⁹ См. также: Переписные книги ... — С.51; *Шишонко Вас.* Пермская летопись, I период. — С. 168—169; II период. — С. 255; Кунгурские писцовые ... — С.141, 150; *Халиков Н.А.* Хозяйство ...
- ¹²⁰ Историческое предание ... — С.161—162.
- ¹²¹ *Исхаков Д.М.* К вопросу ... — С.119.
- ¹²² Подробнее см.: *Исхаков Д.М.* Остяцкая ... — С. 388.
- ¹²³ *Исхаков Д.М.* Из этнической ... — С. 51; *Его же.* Пермь татарлары... — 177 б.
- ¹²⁴ *Исхаков Д.М.* Из этнической ... — С.37—38.
- ¹²⁵ *Немет Ю.* Специальные ... — С.126—136; *Его же.* Венгерские ... — С.249—

- 262; *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С. 338—340.
- ¹²⁶ *Mandoky Kongur Istvan.* The question ... — p.43—48.
- ¹²⁷ *Исхаков Д.М.* Пермь татарлары... — 177 б.
- ¹²⁸ Подробнее см.: *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.120,124—126.
- ¹²⁹ Об этом говорят следующие факты: по писцовой книге М.Кайсарова 1623—1624 гг. сылвенско-иренские “татары” и “остяки” имели владения и в бассейне р. Тулва (Кунгурские писцовые ... — С.142, 143; *Его же.* Пермская летопись. IV период. — С.8); в конце XVIII в. у башкир и татар Пермского и Осинского уездов Пермской губ. было общее предание об их происхождении (ГА Пермской обл., ф.316, оп.1, ед.хр.78. — лл.42, 67); когда Трифон Вятский срубил священное дерево “остяков”, с жалобой на него в Сылвенский городок ходил остяцкий князь Амбал, который жил, скорее всего, достаточно близко к этому городку (возможно, в “Рожинном улусе”). Но в то же время “начальный человек” муллинских “остяков” — Зевендук, считал Амбала “своим князем” (Житие ... — С.41, 45, 47; *Вишневский Б.Н.* Следы ... — С.256).
- ¹³⁰ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность пермских... — С.17; *Его же.* Пермь татарлары... — 177 б.
- ¹³¹ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.241.
- ¹³² *Шишонко Вас.* Пермская летопись, II период. — С.155; Кунгурские писцовые ... — С.187.
- ¹³³ *Дмитриев А.* Пермская старина. — Вып.8. — С.57; *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.49—59.
- ¹³⁴ Такой вывод делается на основе анализа шеджере башкир племени кара-табын, в котором группа тазлар числится среди родо-племенных образований Среднего Приуралья, у которых кара-табынцы получили земельные владения (*Назерголов М.Х.* Кара-табын ... — 84—85 б.). Мне удалось доказать, что переселение кара-табынцев из Зауралья к западу происходило в конце XV в. — см.: *Исхаков Д.* Тарихи туганлык ... — 44—45 б.).
- ¹³⁵ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.218.
- ¹³⁶ Там же. — С. 350—352.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Как предполагает П.Голден это имя могло происходить от “balqi~balqu” (символ, знак) или “baliq” (город, правитель города) — См: *Golden Peter V. Khazar studies ... — Vol.2. — p.165—167.*
- ¹³⁹ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.214.
- ¹⁴⁰ Об этом см.: Там же. — С.214—217. Об этом же говорит еще один факт: среди “самых приближенных и ичкиев” Абу-л Хайр-хана был и “Кунгурбай кушчи” (Тарих-и Абду-л Хайр-хани ... — С.148).
- ¹⁴¹ В Вычегодско-Вымской летописи под 1540 г. сказано: “пришедше на Великую Пермь с ратью татары казанские, князя великого вотчину пограбили, пожгли, а людей пермский посекали многие” (Вычегодско-Вымская летопись. — С.265). О причинах этого похода см.: ПСРЛ. — Т.13. — С.129.
- ¹⁴² ГА Пермской обл., ф.316, оп.1, ед.хр.78. — л.24; *Богословский П.С.* История ... — С.34.
- ¹⁴³ Историческое предание ... — С.161.
- ¹⁴⁴ Из истории ... — С.77.
- ¹⁴⁵ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.341.
- ¹⁴⁶ Там же. — С. 318.

- ¹⁴⁷ Там же. — С. 216—217.
- ¹⁴⁸ Там же. — С. 350, 352.
- ¹⁴⁹ Из “Булгарских повествований” ... — С.44.
- ¹⁵⁰ История Чингиз хана ... — С.151—152. По мнению А.Б.Булатова, еще в XII в., согласно Идриси, в районе впадения р.Белой в Каму имелся город Каракыя (Булатов А.Б. Восточные ... — С.324). Возможно, под местностью “Кыйа” имеется в виду город Каракыя.
- ¹⁵¹ Башкирские шежере. — С.31—32.
- ¹⁵² Казаков Е.П. Памятники ... — С.98.
- ¹⁵³ Там же. — С.83, 88; *Балер О.Н., Оборин В.А.* На заре... — С. 177, 216—217.
- ¹⁵⁴ Казаков Е.П. Памятники... — С.97—98.
- ¹⁵⁵ Р.Г.Кузеев также считает, что в Приуралье “многоязычная ситуация” продолжает сохраняться в XIV—XV вв., “постепенно исчезая... по мере продвижения и усиления этнического воздействия кыпчакской миграции” (*Кузеев Р.Г.* Народы... — С.79).
- ¹⁵⁶ Башкирские шежере. — С.173—174. Р.Г.Кузеев полагает, что в таблице присутствуют те башкирские племена, которые своим происхождением тяготеют “к тюркоязычным народам Средней Азии” (Там же. — С.220).
- ¹⁵⁷ Подробнее см.: *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.319—320; *Исхаков Д.* Тарихи туганлык... — 44—45 б.
- ¹⁵⁸ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.328—330. Однако очевидно воздействие на них кыпчаков. — См.: *Исхаков Д.М.* Из этнической истории ... С. 47.
- ¹⁵⁹ Поэтому трудно согласиться с утверждением Р.Г.Кузеева о том, что этноним иштак, “возникнув в эпоху раннего средневековья на Сырдарье, в Приаралье и прилегающих степях”, попал к “башкирам... в качестве родоплеменных этнонимов или имен предков” (*Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.205).
- ¹⁶⁰ *Исхаков Д.М.* Тарихи туганлык ... — 45 б.
- ¹⁶¹ *Нэзерголов Ш.Х.* Кара табын ... — 80 б.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.282; См. также: *Исхаков Д.* Тарихи туганлык... — 48 б., примечание 18.
- ¹⁶⁴ *Тумашева Д.Г.* Этнические ... — С.39.
- ¹⁶⁵ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.319—320. Ахметшейх бей известен по ярлыку казанского хана Сахиб-Гирея от 1523 г.
- ¹⁶⁶ Подробнее об этом см.: *Исхаков Д.* Тарихи туганлык... — 42—44 б.
- ¹⁶⁷ Вычегодско-Вымская летопись ... — С.264. Кулук султан был сыном сибирского хана Ивака (Ибрагима).
- ¹⁶⁸ Там же. — С.266; Летопись Сибирская. — С.11.
- ¹⁶⁹ См.: *Шишонко Вас.* Пермская летопись, 1 период. — С.71.
- ¹⁷⁰ Вычегодско-Вымская летопись. — С. 267.
- ¹⁷¹ *Шишонко Вас.* Пермская летопись, 1 период. — С.96.
- ¹⁷² Об этом см.: *Исхаков Д.* Идел-Урал буе ... — 78—93 бб.
- ¹⁷³ *Шишонко Вас.* Пермская летопись, 1 период. — С.98. В Сибирском летописце об этом же сказано: “безбожный вогульский мурза Бегбелий Агтаков с своим с вогульским и остяцким собранием ... 680 человек” (Летопись Сибирская... — С.15). В следующем году сообщается еще об одном походе: “...безбожный князь Пелымский ... собра вои своя, числа же их 700 человек и подозва с собою буйственных и храбрых и сильных мурз и уланов Сибир-

- ские же земли со множеством вои; он же злый по неволи взя с собою Сылвенских и Косвинских, Иренских и Инвинских и Обвинских татар, и остяков и вогулич и вотяков и башкирцев множество” (Летопись Сибирская... — С.20; *Шишонко В.С.* Пермская летопись, 1 период. — С.99). Но возможно, что это одно и то же событие, так как в Вычегодско-Вымской летописи под 1581 г. отмечается: “Того же лета пельнский князь Кихак пришедшу с тогары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повости Койгородок и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял” (Вычегодско-Вымская летопись. — С.267).
- ¹⁷⁴ *Нэзерголов М.Х.* Кара табын ... — С.84.
- ¹⁷⁵ *Тумашева Д.Г.* Этнические ... — С.40, 44.
- ¹⁷⁶ *Исхаков Д.М.* Из этнической истории ... — С.37.
- ¹⁷⁷ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность пермских... — С.18—19.
- ¹⁷⁸ Обоснование этой точки зрения см.: *Усманов А.Н.* Присоединение (1960) ... — С.51.
- ¹⁷⁹ ПСРЛ. — т.11—12. — С.119—120.
- ¹⁸⁰ ГА Пермской обл., ф.316, оп.1, ед.хр.78. — л.42.
- ¹⁸¹ Возможно, об этом же говорят и предания о приходе гайнинцев из Булгара и с Мензелинской стороны. Факт такого направления миграции заслуживает внимания, так как подтверждается и другими данными. Например, в Сылвенско-Иренском междуречье имеется озеро Азиби. Этот же топоним (названия деревень: Русский и Татарский Азиби) сохранился в Мензелинском уезде Уфимской губ. Обнаружено также сходство там гайнинцев и татаро-башкирского населения Мензелинского уезда. Когда болгаро-угорские группы появились в Пермском крае, там уже жили родственные им группы. Например, Р.Г.Кузеев записал предания о том, что гайнинцы искали своих родственников — племя танып. Про последних (а они были южными соседями гайнинцев) известно, что они своих предков считали “настоящими марийцами” (т.е. “черемисами”), которые поклонялись змеям и ходили к “марийскому царю”, жившему в Зауралье (см.: *Кузеев Р.Г.* Происхождение ... — С.347—348). Речь тут явно идет об угорской группе. Частично для болгаро-угорских групп из Восточного Закамья миграция в Пермский край могла быть возвратным движением (*Исхаков Д.М.* Пермь татарлары... — С.178—179). О болгарском влиянии на население Пермского края см. также: *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.243—344; *Кривошекова-Гантман А.С.* Откуда ... — С.54—56.
- ¹⁸² *Пекарский П.П.* Когда ... — с.8; *Трепавлов В.В.* Ногаи ... — с.10.
- ¹⁸³ ПСРЛ. — Т.11—12. — С.122.

§2. Территория и этнический состав населения закамской части Ногайской даруги в XV—XVII вв.

Вхождение в Ногайскую даругу Казанского ханства Западного Закамья, к середине XVI в. практически не имевшего оседлого населения,¹ не вызывает сомнений: не случайно этот район во второй половине XVI—XVIII вв. устойчиво считался Ногайской “дорогой” Казанского уезда.² Сложнее обстоит дело с северо-западным Приуральем, куда я включаю и Восточное Закамье (в целом, это бассейны рек Зая, Шеш-

мы, Мензели, Ика и низовьев Белой). Его административно-территориальная принадлежность в XV—XVII вв., как и этнический состав населения указанного района в это время, до сих пор остаются дискуссионными. Проблема заключается в том, что несмотря на наименование рассматриваемой зоны в документах XVII в. “Ногайской стороной”, “Ногайскими землями”, после образования в 1586 г. Уфимского уезда, она называлась Казанской “дорогой” Уфимского уезда.³

Как известно, до 1586 г. население будущего Уфимского уезда подчинялось Казани, являясь частью населения Казанского уезда. Даже после образования Уфимского уезда, местная администрация находилась в ведении казанского воеводского правления. При этом, администрация Уфимского уезда ведала башкирским, тептярским и бобьльским ясаками, управляя соответственно башкирами, тептярской и бобьльской группами населения. А казанская администрация, раздававшая земли в Восточном Закамье “из оброка” (“из ясака”), управляла оброчными и ясачными селениями. Фактически, группа населения, подконтрольная Казани, в Уфимском уезде существовала до конца XVII — начала XVIII вв.⁴ Таким образом, примерно до второй трети XVII в., а то и позже рассматриваемая зона оставалась под двойной юрисдикцией, подчиняясь как казанской администрации, так и уфимскому воеводе. Административно-территориальная принадлежность северо-западного Приуралья в период Казанского ханства остается не вполне ясной. Одни исследователи высказывают мнение о том, что вся зона, получившая после 1586 г. наименование “Казанской дороги”, входила в состав Казанского ханства.⁵ Но даже в рамках данной точки зрения относительно характера связей северо-западного Приуралья с Казанским ханством есть разночтения. В частности, Р.Г.Кузеев склонен считать, что лишь небольшая территория, ограничивающаяся средним и нижним течением Ика, долиной Мензели, низовьями р.Белой и прилегавшими районами левобережья Камы, подчинялась казанским ханам. Причем речь должна идти лишь о более или менее постоянном протекторате ханства, даже проникновение военных отрядов Казанского ханства до района Уфы, следует считать явлением эпизодическим. Основная роль в Приуралье отводится этим автором Ногайской Орде, контролировавшей, по его мнению, все Южное Приуралье вплоть до Уфы.⁶ По обсуждаемой проблеме существует и совершенно иная точка зрения. Так, в недавно изданной работе В.В.Трепавлова высказано мнение, что в составе Ногайской Орды существовал особый “удел” (“наместничество” или “провинция”), названный им “Ногайской Башкирией”. Данное административное образование, как он полагает, имело границы: на западе — по р.Ик, на северо-востоке — по озерам Иткуль (или Щелкун), Синарское, Касли, Кызыл-Таш, Увильди, Аргази, на востоке — по верхнему течению Уя.⁷ Несмотря на то, что собственно северная граница “Ногайской Башкирии” у этого автора осталась непроясненной, территория позднейшей “Казанской дороги” была им однозначно отнесена к Ногайской Орде.⁸

В предыдущем разделе своей работы я уже показал, что районы, населенные “остяками”, находились в двойной юрисдикции, подчиняясь Казанскому ханству, но при этом имея какое-то отношение и к Ногайской Орде. При учете этого факта возникает довольно сложная дилемма, которую можно было бы сформулировать так: могло ли северо-западное Приуралье входить в состав Казанского ханства оставаясь вне рамок княжеств, образовавших политическую структуру этого государства? Думаю, что нет. Наиболее вероятной является подчиненность Восточного Закамья и сопредельных районов северо-западного Приуралья, “Мангытскому юрту” ханства — Ногайской даруге. Но этот тезис нуждается в дополнительном обосновании.

Требует переосмысления и вопрос об этническом составе населения рассматриваемого ареала. У отдельных исследователей наблюдается стремление считать основное население северо-западного Приуралья башкирами. При этом, роль ногайского компонента тут предлагается рассматривать как некое последнее и незначительное слагаемое “башкирской народности на самых поздних... стадиях башкирского этногенеза”.⁹ В этом же ряду следует рассматривать и высказанные в литературе сомнения в существовании оседлого населения в Восточном Закамье в первой половине XVI в.¹⁰

Относительно этнического состава населения северо-западного Приуралья в XV—XVII вв. и этнических процессов, происходивших тут в этот период, имеется и другая точка зрения. Тот же В.В.Трепавлов выдвинул гипотезу о том, что средневековые башкиры состояли из двух групп — западной, называвшейся “истьяками” и восточной, известной как “башкиры”. Он полагает, что первые жили на северо-западной (будущая “Казанская дорога”) и, возможно, северо-восточной (будущая “Сибирская дорога”) периферии “Ногайской Башкирии”. По мнению этого исследователя, “башкиры” с “истьяками” не смешивались с “ногаями”, более того, “противостояли друг другу как уже сформировавшиеся этнические общности”.¹¹ В доказательство отсутствия в XVI—XVII вв. “широкой тенденции ... к взаимной ассимиляции” между этими группами, В.В.Трепавлов выдвинул следующий аргумент: на “башкир” и “истьяков” политоним “ногай” не распространялся, они имели “собственный общий этноним и этноинтегрирующее сознание”. В то же время и ногайцы в башкирских источниках выступают только под своим “общим именем”.¹²

Думаю, что сторонники обоих подходов упрощают этническую ситуацию на северо-западном Приуралье в XV—XVII вв. По отношению к сторонникам первой точки зрения приходится констатировать не только недооценку ими участия в формировании тюркского населения указанного района “иштыкских” групп, групп средневожского происхождения и ногайского компонента,¹³ но и существенную модернизацию этнических процессов в этом ареале, выразившуюся в том, что была явно преувеличена консолидированность башкирского этноса в XVI в.,

в т.ч. и завершенность формирования на северо-западе Приуралья башкирского этнического массива.

С В.В.Трепавловым относительно выделения группы “истяков” ~”иштяков” спорить не приходится. Собственно, такая мысль высказывалась мной уже до него, что видно и из предыдущего раздела настоящей исследовательской работы. С другими выводами В.В.Трепавлова согласиться трудно. Мне представляется весьма спорным его заключение о северо-западных границах Ногайской Орды. Также обстоит дело и с его идеей о некоем “коллективном” противостоянии “башкиро-истяцкой” (?) общности ногайскому этническому массиву.

Далее, в переосмыслении нуждаются соображения этого автора относительно причин неприятия коренным населением, особенно северо-западного Приуралья, политонима “ногай”. Наконец, следует заметить, что между указанием В.В.Трепавлова на совпадение многих названий “племенных илей” (племен) у ногайцев и башкир, и его заключением об обособленности “пришельцев”-ногайцев в Приуралье,¹⁴ содержится явное противоречие, оставшееся у него не преодоленным. Поэтому, все эти вопросы нуждаются в специальном рассмотрении.

Вначале я хочу внести ясность, насколько это возможно на основе имеющихся источников, в вопрос об административно-политической принадлежности северо-западного Приуралья. Граница между Казанским ханством и Ногайской Ордой проводится обычно по рекам Самаре, Кенели и Кенельчику.¹⁵ Долина р.Демы также указывается как район кочевания ногайцев.¹⁶ Отмечается подчиненность Ногайской Орде и местности, где позже возник г.Уфа.¹⁷ При этом получается, что северо-западное Приуралье в целом находилось вне рамок территории, подконтрольной ногайцам. Но, как уже говорилось, не все исследователи придерживаются такого мнения. Более того, в литературе можно найти и утверждения о том, что ногайцы в процессе кочевания иногда доходили до “низовьев Камы” или даже “до окрестностей Казани”.¹⁸ Действительно, некоторые основания для таких утверждений есть. Известно, например, что в августе 1490 г. улусы, подчиненные Ямгурчей мурзе, кочевали “на Белой Волошке”.¹⁹ В 1537 г. Мамай мурза и Юсуф мурза находились на летовище “близко Казани”.²⁰ В том же году и Урак мурза указывал, что “ныне по лету до Казани докочевали..., то известное наше кочевие к Казани кочевати”.²¹ Уже говорилось о сыне мурзы Ших-Мамая, который в 1535 г. “Белую Волошку перелезши ... землю Нократ воевал”.²² В 1548 г. Исмагиль мурза летовал “на Каме” в “60 верстах от Казани”.²³ В 1549 г. он сообщал: “Я на Волге, князь на Яике”.²⁴ В 1550 г. Юнус мурза и Али мурза заявили: “летовище наше близко Камы на Еликопсере”.²⁵ Известно также, что Исмагиль мурза в 1552 г. “покочевал к Казани”.²⁶ Летом 1552 г. Белек-Булат должен был кочевать “промеж Волги и Самары, на р.Яик” — от Казани “шесть дней”, а Араслан мурза получил право кочевать рядом с ним — на Кенели и Кенельчике.²⁷ Другие данные говорят о том, что летом 1552 г. Исмагиль,

Бек-Булат и Араслан, кочевали “близко Камы, под лесом”.²⁸ В 1555 г. (28 июня) до Москвы дошло известие о том, что князь Исмагиль “покочевал к Каме”.²⁹ В 1565 г. дети Магмет мурзы сообщали: “кочуем зимою по Волге, а летом ... близко Казани”.³⁰

Из этих, разрозненных сообщений можно извлечь несколько выводов. Во-первых, приход ногайцев “к Каме”, “близко Казани” происходил летом³¹ — тут находились их летние кочевья. Во-вторых, на эти земли прикочевывала только часть Ногайской Орды, остальные ногайцы оставались значительно южнее. Интерес представляет вопрос о том, какая часть Ногайской Орды кочевала вблизи южных и юго-восточных границ Казанского ханства. Хотя по источникам в основном можно установить лишь имена группы ногайской знати, чьи летние кочевья находились на севере, эти данные все же позволяют сделать некоторые наблюдения о связи рассматриваемой части Ногайской Орды с Казанским ханством.

Относительно времени закрепления ногайцев на Волге между исследователями существуют разногласия. Б.-А.Б.Кочкаев полагает, что появление ногайцев на Волге относится к середине XV в.³² В.В.Трепавлов это событие датирует концом XIV в., но признает, что еще в течение XV в. ногайцы вели борьбу за гегемонию в Восточном Дешт-и-Кыпчаке.³³ Действительно, до разгрома ими в 1481 г. Большой Орды, ногайцы, кажется, были больше заняты в распрях кочевников именно этой части Дешт-и-Кыпчака.³⁴ Однако после 1481 г. Ногайская Орда начала играть ключевую роль в Поволжье. Недаром в “Казанской истории” применительно к этому времени говорится: “И вселишася в Большой Орде нагаи и мангыты, из-за Яика пришедше, иже и доньне в тех улусах кочуют”.³⁵ Уже казанский хан Халиль, правивший в 1460-х гг. (примерно с 1464 по 1467 гг.), был женат на Нур-Султан, дочери мангытского князя Темира, являвшегося, скорее всего, беклерибеком в Большой Орде.³⁶ После смерти Халиля Нур-Султан вторично вышла замуж за Ибрагима, брата своего покойного мужа, занимавшего казанский трон до 1479 г.³⁷ Мангыты, которые могли появиться в Казани с Нур-Султан, надо думать, были связаны не с Ногайской, а с Большой Ордой. А вот по поводу тех ногайцев, которые поддержали кандидатуру Ильгама на казанский престол в 1479 г.,³⁸ возникают вопросы. Дело в том, что улусы некоторых ногайских мурз, например, Мусы и Ямгурчея, бывших детьми Ваккас-бека, сына Нураддина, находились к этому времени на Волге или вблизи нее.³⁹ Не случайно и то, что именно хан Ибрагим (Ивак) “из Ногай” в 1490 г. требовал у великого князя московского Ивана III отпущения к нему хана Ильгама⁴⁰ — это говорит о том, что за спиной хана Ильгама в 1479 г. стояли уже ногайцы из Ногайской Орды. Усиление влияния Ногайской Орды на Казанское ханство в 1480-х гг. доказывается и тем, что ушедшие после захвата Казани в 1487 г. русскими представители татарской знати (Алгазый и др.), направились именно в Ногайскую Орду. Известно, что в конце 1480—1490-х гг. Ногайская Орда вела активные действия против Казанского ханства. 1490 годом помече-

но известие о приближении к землям Казанского ханства “некоторых ногайских мурз”.⁴¹ Это были войска Мусы и Ямгурчей и их поход был далеко не первым, что видно из письма казанского хана Мухаммед-Амина крымскому хану Менгли-Гирею (1491 г.): “... Ивак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей еже лет (выделено мной — *Д.И.*) на меня войною приходят”.⁴² Появление ногайцев из Ногайской Орды на границах ханства облегчалось тем, что летовки указанных мурз приблизились к Каме. Очевидно и то, что еще не были найдены механизмы политического сосуществования Казанского ханства и Ногайской Орды. Недаром, с учетом международной ситуации и по рекомендации Москвы, казанский хан Мухаммед-Амин в 1491 г. вступил в брак с дочерью мурзы Мусы.⁴³ Но через несколько лет, по неизвестной причине, наступление ногайцев на Казань возобновилось. Весной 1496 г. (около мая месяца) дошла весть о том, что на Казань “идет ... Шибанский царь Мамоук со многуо силою”.⁴⁴ Эта “сила” могла состоять только из ногайцев — во время второго нападения хана Мамука на Казань в ноябре 1497 г., основным ядром его отрядов были ногайские подразделения.⁴⁵ Если в 1496 г. приход ногайцев под Казань примерно соответствовал времени их прикочевки к южным рубежам ханства,⁴⁶ то в 1497 г. мы имеем дело с заранее подготовленным военным рейдом, так как в ноябре обычно ногайцы, в т.ч. те их улусы, которые кочевали в Поволжье, сосредотачивались в районах зимовки — ближе к Астрахани и Яику.⁴⁷ В 1499 г. на нового хана Казани — Абдул-Латыфа, пришел с войной, скорее всего, совместно с ногайцами, брат Мамука Агалак султан в сопровождении бежавшего из Казани в начале 1498 г. беклербека Урака.⁴⁸ В 1500 г., согласно летописным сообщениям, “приходиша Нагайские татаровя Муса мурза да Ямгурчей мурза со многими людьми под Казань-город..., стояху под градом три недели”.⁴⁹ Лишь в декабре 1502 г. в Москву прибыли послы от Мусы и Ямгурчей, которые при заключении мира с Московской Русью обещали “Казанской земле лиха не чинить”.⁵⁰ Одновременно, Мухаммед-Амину, повторно посаженному на престол Казани в январе 1502 г., было позволено жениться на дочери мурзы Ямгурчей.⁵¹ Очевидно, что Муса, ставший в 1502 г. князем в Ногайской Орде,⁵² стал кочевать в основном в районе Яика, Ямгурчей оставался на Волге, поэтому брак между его дочерью и казанским ханом означал политический союз ханства с наиболее близкими территориально ногайскими улусами.

Уже в декабре 1503 г. Мухаммед-Амин отправил к мурзе Ямгурчею “своего князя” — Мустофара мангыта.⁵³ Когда этот хан в 1505 г. “изменил” Москве, то “людей торговых великого князя” он частично “секл”, а остальных “пограбив разослал в Ногаи”,⁵⁴ т.е. Мухаммед-Амин находился в хороших отношениях с Ногайской Ордой. Об этом же свидетельствует одно не датированное сообщение, содержащееся в работе Ш.Марджани. Оно, по моему мнению, относится к 1505 г. и речь там идет о том, что Мухаммед-Амин с большим войском — в 65 тыс. человек, в т.ч. с 20 тысячным отрядом из ногайцев, воевал на русских зем-

лях и имел крупное сражение с русскими войсками в районе р.Дон.⁵⁵ Как видим, в данном случае ногайцы также выступают как союзники Казани.

Упомянутая выше посылка в Казань в 1535 г. “пошлинника” ногайского князя Сеид-Ахмета (Шейдяка) явно отражает существование к этому времени сложившихся форм политического взаимоотношения Казанского ханства с Ногайской Ордой. Не исключено, что именно в результате конфронтации Казанского ханства с Ногайской Ордой в конце XV — начале XVI вв., как итог сложного компромисса, в южной части ханства оформился “Мангытский юрт”. Но восточные границы этого “юрта” не могут быть определены без анализа проблемы так называемого “казанского оброка”.

Суть “казанского оброка” (другие названия: “казанский ясак”, “медвяной оброк”, “денежный оброк”)⁵⁶ заключается в следующем: в составе Уфимского уезда часть населения, жившая на северо-западе этого уезда — на территории Казанской дороги, в XVII в., как уже отмечалось, выплачивала не только ясак, характерный только для “башкирских” волостей, но и особые платежи, известные как “казанский оброк” (ясак). У.Х.Рахматуллин, достаточно детально исследовавший происхождение “казанского оброка” (ясака), склонен полагать, что возникновение его следует связывать с передачей казанской администрацией земель Казанского уезда в Закамье под оброчное владение. Такой землеотвод, как он полагает, фиксировался в Казани и в дальнейшем данная группа населения оказалась подвластной казанской уездной администрации. Но на каком-то этапе XVII в., по его мнению, оброчное население было переписано в ясачную книгу Уфимского уезда и его земли оказались равнозначными ясачным башкирским землям, а сами они стали называться башкирами. Как показал У.Х.Рахматуллин, “казанский оброк” (ясак) выплачивали “башкиры” Байлярской, Бюлярской, Енейской, Еланской, Елдятской, Ваньшской и других волостей. Поэтому он склонен думать, что предками “башкир” ряда волостей северо-западного Приуралья наряду с собственно “башкирами” могли быть и переселенцы из Среднего Поволжья, в т.ч. и татары. По мнению этого исследователя, примерно с последней трети XVII в. “башкиры”, платившие оброк в казну Казани, постепенно стали переводить свои платежи в Уфу (процесс растянулся до начала XVIII в.).⁵⁷

Несмотря на достаточную стройность гипотезы У.Х.Рахматуллина о происхождении “казанского оброка”, она не лишена некоторых слабых моментов. Во-первых, неясно, почему оброчные земли в Восточном Закамье отводились лишь в Казани, особенно, после построения в 1586 г. г.Уфы и возникновения уфимской уездной администрации? Во-вторых, первоначальное внесение ясака в Казань было характерно и для других “башкир”, расселенных по соседству с отмеченными выше волостями — например, для гайнинцев.⁵⁸ Да и существующие документальные материалы позволяют взглянуть на проблему “казанского оброка” (ясака) иначе, чем это делает У.Х.Рахматуллин.

Как видно из одного дела, связанного с выяснением “башкирами из тарханского рода” Булярской волости своих прав на землевладение, среди их предков числились “ясашные татары Акешка Доскеев с товарищи”, которые имели “вотчину по Ику реке по обе стороны”. Они, в свою очередь, унаследовали эту вотчину от деда его “Доскеева Белякова”, который был жалован этими землями “до Казанского еще взятия бывшим в Казани Акбазы Сахиб-Гирей ханом”. При проверке в 1679 г. эта “жалованная грамота”, бывшая ярлыком хана Сахиб-Гирея и датированная 1523—24 гг., Акешкой Доскеевым с товарищами была представлена. Как они заявили, за свою вотчину они платили “ясаку в Казань и Уфу по 33 куницы, да сверх того в Казани денег по 6 рублей, 63 алтын и 2 деньги, по 9 батманов меду на год”. Указанная вотчина была “написана в Казани в прежних ясачных книгах после Казанского взятия в первых летах” (выделено мной — *Д.И.*).⁵⁹ Установлено, что на самом деле ярлык хана Сахиб-Гирея был выдан представителям племени табын, позже известным как иректинцы.⁶⁰ Уже указывалось, что появление их на северо-западе Приуралья было связано с активизацией Ногайской Орды в этом районе в конце XV — начале XVI вв. Отсюда ясно, что территории по р.Ик входили в состав Казанского ханства.

Из другой грамоты за 1681 г. выясняется, что в 1650 г. жители “Тышкы Иланской волости байлярских деревень” (по-видимому, позднейшая Байларская волость) давали “государеву ясаку 58 человек по 72 куницы — в Уфу, да по 21 батману меду..., да по 32 куницы в год в Казань”. Тут были и пришлые люди (“башкиры”, “чуваши”, “татары”), но они платили “бобыльский ясак”.⁶¹ Следовательно, разделенным оказался ясак “башкирцев”. Причем, по показанию соседей байларцев в 1651 г., земли их были “старинные, дедов и отцов”.⁶² Таким образом, эта группа, расселенная по р.Мензеля, своими землями владела не позже конца XVI в.⁶³ Еще из одного, весьма запутанного дела, вытекает, что тарханы, владевшие вотчинами по р.Кинель и относившиеся к Кыпчакской волости, в начале XVII в. имели поместья и в д.Кугарчино Ногайской даруги Казанского уезда. Они платили до 1685 г. “ясак и оброк в Казань”, но с 1685 г. им было велено платить “в Уфу, для того, что они жители Уфимского уезда и ведомы Уфе”.⁶⁴ Последний документ не раскрывает ясно, имели ли представители Кыпчакской волости ранее 1685 г. платежи в Уфу. Но показательно, тем не менее, существование у них двух типов владений — поместья, находившегося в Казанском уезде (Ногайская даруга) и вотчины, относившейся к Казанской дороге Уфимского уезда. Этот факт не единичен: о подведомственности земель, находящихся вблизи бассейна р.Кинель, Казанскому ханству, говорится и в рукописной истории с.Ст.Ермаково.⁶⁵ Согласно этой рукописи, жители села считали себя переселенцами из с.Надырова — центра “Надыровской волости” будущего Бугульминского уезда Оренбургской (Уфимской) губ. в XVIII в.⁶⁶ Они сообщали, что являются потомками Хусаин-тархана, получившего земли в районе р.Сок по ярлыкам Мухаммед-

Амина (1515 г.) и Сафа-Гирея (1527 г.). По-видимому, Хусаин-тархан был представителем ногайской знати.⁶⁷

Наконец, житель д.Тыннамас (Тайламас) Казанской дороги Уфимского уезда Кутлымухаммет Котлогошев в 1685 г. представил “грамоту”, являвшуюся ярлыком хана Ибрагима.⁶⁸ На его основании он имел “тарханство”. В конце XVIII в. население этого селения относилось к Киргизской волости Мензелинского уезда Уфимской губ. и состояло из “башкир” и “татар”.⁶⁹ Территория этой волости находилась по среднему и верхнему течению р.Ик.⁷⁰ Если учесть, что из “шеджере Киргиза” вытекает, что представители рассматриваемой волости в бассейне р.Ик жили и в XVII в.,⁷¹ получение одним из их предков ярлыка хана Ибрагима является еще одним доказательством вхождения указанной территории в состав Казанского ханства.

Исходя из изложенного выше можно сформулировать новую гипотезу о происхождении “казанского оброка” (ясака). Я уже отмечал существование “выхода”, выплачиваемого Казанским ханством в Ногайскую Орду и высказывал мнение о том, что он собирался в ханстве с конкретной территории — с Ногайской даруги. Теперь эту гипотезу предстоит несколько расширить. По-видимому, “мангытский доход”, собиравшийся с территории Ногайской даруги, делился на две части — одна его часть оставалась в Казани и контролировалась “Мангытским князем” и его кланом, а другая отправлялась в виде “годового” (выхода) в Ногайскую Орду. Мне представляется, что “казанский оброк” (ясак), подконтрольный в XVII в. казанской администрации и характерный для Казанской дороги Уфимского уезда, а также и, скорее всего, Осинской дороги этого же уезда (для гайнинцев) и населения Сылвенско-Иренского бассейна, является ни чем иным, как пережиточной формой “мангытского дохода”. Доказательством является состав “казанского оброка”, включавший меха (“куницы”), деньги и мед (исчисляемый в “батманах”). Именно такую структуру имел “выход”, шедший в Ногайскую Орду из Казанского ханства: он включал не только деньги, но и шубы (т.е. те же меха), а также мед (исчисляемый в “батманах”, иногда, видимо, после русского завоевания — в “кадах” — см. выше).

Ясачное же население было сосредоточено не только в приказанской зоне Ногайской даруги, но и в низовьях р.Белой, в бассейнах рек Ика, Мензели и прилегающих районах Камы. В связи с тем, что южные границы Казанского ханства не были строго фиксированы и воспринимались ногайцами как “прозрачные” (см. формулу: “по лету кочуючи до Казани докочевали и торговали есми ..., то известное наше кочевие к Казани кочевати”), они часто поднимались летом до р.Камы, оказываясь по соседству с местным ясачным населением, которое, возможно, само в некоторых ареалах было еще полуоседлым. В первое время после падения Казани, ясачное население по сложившейся традиции выплачивало ясак как в Казань, так и в Ногайскую Орду. Москва не могла этому противодействовать, так как кочевавшие по Волге ногайцы были

с ней в союзнических отношениях. Действительно, еще в 1565 г. Урус мурза пишет Ивану IV: “Аслытай Абыз еже год (выделено мной — *Д.И.*) ездил воевати Остяки”.⁷² Упомянутые тут “остяки” были, по всей видимости, уже знакомыми нам “иштяками”. А абызы входили в Ногайской Орде в число чиновников мелкого ранга, относившихся к карадувану — органу, который в числе прочих функций имел и полномочия по сбору налогов с подвластного населения.⁷³ Под ежегодным “воеванием” в данном случае явно имеется в виду сбор “дани” (ясака), так как даже в 1570—1580-х годах Ногайская Орда продолжала взимать с “башкир” и “остяков” Приуралья этот ясак.⁷⁴ На этом основании отдельные авторы даже делают вывод о подчиненности северо-западного Приуралья Ногайской Орде.⁷⁵ В самом деле, если следовать высказываниям ногайской знати, так оно и было. В частности, когда Москва в 1586 г. выступила за то, чтобы ногайцам “с башкирцов и с остяков дани никакие не имати”, князь Урус заявил, что “ясаки с иштаков ... имывали прежде сего” и добавил: “... и с тех остяков не токмо отец мой Исмаиль князь от Идегея князя и по се время с остяков дань мы имывали”.⁷⁶ Этот князь в том же году русскому послу И.Холопову сказал также: “ещо деи при казанском царе мы владели иштеками”.⁷⁷

Высказывания ногайской знати в том же духе приводит и В.В.Трепавлов. Протицирую одно из них: “... И от прародителей наших от тех мест с истеков ясак емлем”.⁷⁸ Однако при оценке достоверности этих утверждений следует помнить, что они относятся к тому времени, когда второй субъект отношений “владения” — Казанское ханство — уже перестал существовать. Но отношения соподчиненности, существовавшие ранее между “остяками” и “башкирами” с одной стороны, и Казанским ханством — с другой, никуда не исчезли — они были унаследованы Московским государством. Недаром московский посол И.Холопов в 1586 г. на заявление князя Уруса о том что “при казанском царе мы владели иштеками”, возразил: “... А иштаки исстари государя нашего отчина Казанского уезда, ... государь к тебе и пишет о своей вотчине (выделено мной — *Д.И.*), чтобы ... не вступался...”⁷⁹ Да и в наказе другому московскому послу — И.Страхову, поручив ему, чтобы он обосновал перед ногайцами необходимость поставить город “на Уфе на Белой Волошке”, было указано сказать, что город будет ставиться “для оберегания Казанского уезда башкирцов”, так как “беглый из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву отчину в Казанский уезд, учал кочевать и ясак с государевых людей с башкирцов (выделено мной — *Д.И.*), почал ... имати”.⁸⁰ В “Духовном завещании” Ивана IV (1572—1576 гг.) башкиры действительно названы в составе населения Казанского ханства: ... и аз царством Казанским благословляю сына ... и с Чювашею, и с Черемисою, и с Тарханы, и с Башкирдою, и с Вотяки ... что было изстари к Казанской земле потягло при прежних царях”.⁸¹ А.Курбский практически говорит то же самое, когда в числе пяти “языков”, подчиненных татарам в Казанском “царстве”, называет “башкирский” и комменти-

рует далее свое высказывание так: “пятый язык Башкирский — живут Башкурды вверх великия реки Камы, в лесах” (выделено мной — *Д.И.*).⁸² Наконец, в рукописных башкирских историях говорится о том, что башкиры первоначально два раза (в 1576 и 1586 гг.) возили ясак в Казань,⁸³ что прямо указывает на их былое вхождение в Казанское ханство.

Во всех приведенных случаях речь, скорее всего, идет именно о населении северо-западного Приуралья. Причем, сведения о подконтрольности данной зоны Казанскому ханству на этом не исчерпываются. Скажем, в 1505 г. известен “казанский князь” Кара-Килимбет, сидевший в Уфе.⁸⁴ Из родословной рода кара-табын племени табын видно, что один из их предков, по имени “Исен-хан”, живший в бассейне р.Быстрый Танып, “подчинился Чуртмак хану, который был из казанских ханов”.⁸⁵ Напомню, что последнее родословное имеет отношение к знакомым нам уже ирехтинцам. В некоторых вариантах родословной кара-табынцев приводятся и интересные факты, подтверждающие их зависимость от “казанского хана”, в частности, рассказывается о поставке ими “в Казань” луков и стрел собственного производства.⁸⁶ Под “ханами” в данном случае надо иметь в виду князей (биев) или мурз. Следовательно, можно допустить, что Чуртмак являлся тем же самым “казанским князем”, что и уж упомянутый Кара-Килимбет. Аналогично обстоит дело и в некоторых башкирских преданиях. Например, в одном из них говорится: “... Там, где ... Уфа ..., был ногайский город Туратов ... в это время нагаи и башкиры составляли как бы один народ, управляли же нагайские ханы, признававшие над собою власть царства Казанского”⁸⁷ (выделено мной — *Д.И.*). Такую же формулу (подчиненность “кипчакским” ~”нагайским” и “казанским” ханам (“царям”) применительно к “остякам” будущей Осинской дороги Уфимского уезда, я уже приводил. Известный татарский археограф С.Вахиди в 1920-х годах в д.Симяк Мензелинского кантона записал предание, что среди предков жителей этого селения были тарханы, которые на руках имели ярлыки казанских ханов. Кроме того, представители этого района, согласно одной утерянной исторической рукописи, участвовали “в выборах хана в Казани”.⁸⁸ Хотя другие татарские предания сообщают о проживании в районе будущего г.Мензелинска “ногайского хана”,⁸⁹ правильнее будет говорить о двойной подчиненности этой зоны. Подконтрольность северо-западного Приуралья Казанскому ханству видна и из “Докладной выписи” за 1709 г., подписанной преимущественно представителями башкирских волостей этой зоны: “... И как де был в Казани Шигалей царь и в Тобольском Кучюм царь, и у них под раментом служили и ясаки платили (выделено мной — *Д.И.*) из давних лет деды и отцы” (появление в документе имени Кучума связано с тем, что среди тех, кто документ подписал, были и айлинцы, в свое время зависевшие от Сибирского ханства).⁹⁰

Если принять во внимание данные русских летописей за 1469 г. о сборе войск казанским ханом Ибрагимом, когда в составе “всей зем-

ли”, подчиненной этому хану, называются “Костяцкая”, “Беловолжская” и “Бакшырская” (Башкирская) территории, то подконтрольность северо-западного Приуралья Казанскому ханству в свете представленных данных выглядит далеко не “эпизодической”

Но при признании этого факта неизбежно возникают трудности с определением этнической принадлежности населения данного ареала. Между прочим, даже из летописного сообщения за 1469 г. видно, что “башкиры” или “Башкирская” территория, оказались вне рамок “Костяцкой” и “Беловолжской” частей владений Казанского ханства. Отсюда и задача — детальнее рассмотреть вопрос об этническом составе населения приуральской зоны Ногайской даруги в XV—XVII вв.

По данным за первую половину XVIII в. к Казанской дороге Уфимского уезда уверенно можно отнести следующие волости, владельцы земель которых считались тогда башкирами: Гарейская, Калнинская, Дуванская (Дуванейская), Каршинская, Шемшадинская, Киргизская, Еланская (Иланская), Ельдяцкая (Ельдякская), Юрмийская, Енейская, Байларская, Булярская, Ирехтинская, Саралиминская.⁹¹ Кроме того, в составе этой же дороги в некоторых случаях упоминаются и такие “волости” как Кыпчакская, Аская, Сынирянская, Тамьянская, Тангаурская, Табынская (Курпечь-Табынская), Бурзянская, Шуранская, Гайнинская, Гуляская, Надыровская.⁹² Возможно, большая часть волостей последней группы первоначально не относилась к Казанской дороге. Во всяком случае, в списке за 1664 г. под шапкой “Ицкие волости”, по Казанской дороге перечислены: Тамьянская (с деревнями), Кыпчакская (с деревнями), Минская (с деревнями), Табынская (с деревнями), Бурзянская (д.Уряшево), Айская (д.Вереш), Юрмийская (или Юрминская, с деревнями), Иланская (с деревнями), Съгирейская (или Санырянская, с деревнями) волости.⁹³ Однако в другом документе за 1663 г. “Итские волости” отнесены к Ногайской дороге Уфимского уезда.⁹⁴ И в “Списке князей, тарханов и дуванов” за 1621 г., часть этих волостей перечислена в составе Ногайской дороги того же уезда. Это Минская, Курпа (правильно — “Курпечь”) — Табынская, Кончатская (т.е. Кыпчакская), Тамьянская, Ицкий (правильно: “Аский”~”Айский”) и Бурзульская (правильно — Бурзянская) волости.⁹⁵ Кроме того, в списке башкирских волостей Ф.Жилина (1730 г.), об этих же практически “волостях”, сказано: “а живут в вышеозначенных волостях на сей Казанской дороге башкирцы разных дорог (выделено мной — Д.И.) и волостей”.⁹⁶ Отсюда можно заключить, что “Икские волости”, действительно находившиеся в бассейне р.Ик, были скорее всего осколками более крупных племен, расселенных в других районах Приуралья — в основном, на территории Ногайской дороги Уфимского уезда.

При обращении к анализу волостного (фактически — племенного) состава тюркского населения Казанской дороги XVI—XVIII вв., важно учесть, что в источниках для обозначения одних и тех же родо-племенных образований по разным причинам иногда использовались неодина-

ковые названия (обычно это было связано — с тем, что подразумевались какие-то подразделения племен, в некоторых случаях ранее действительно являвшихся самостоятельными образованиями). Так, по архивным материалам XVIII в. видно, что Ирехтинская волость называлась и Табынской волостью.⁹⁷ Иректинцы, как уже сообщалось, действительно являлись частью племени табын. Название центра “Айской (Аской) волости” — д.Вереш, практически совпадает с названием д.Варяш, входившей в Ирехтинскую (Табынскую) волость.⁹⁸ В итоге, несмотря на то, что в этой волости можно видеть известное у башкир, ногайцев и сибирских татар племя ай (или аялы), ее в данном случае предпочтительнее признать частью племени табын. Подразделение “шуран” являлось на самом деле тьюбой племени катая.⁹⁹ Хотя в другой этнической среде, например, в составе кочевых узбеков, племя шуран могло выступать и как самостоятельное образование.¹⁰⁰ Гайнинцы, жившие в бассейне р.Ик, как было установлено С.Х.Долотказиной, были переселенцами из среды гайнинцев, живших на территории Осинской дороги.¹⁰¹ Сырнянская волость в конце XVIII в. состояла всего из одного селения.¹⁰² В XVII в. сырнянцы жили южнее — по речкам Самаре, Бузулуку, Сырт-Мышу, Нарату, в бассейне р.Ика — “в чужих вотчинных землях” оказавшись под давлением казахов и калмыков.¹⁰³ Как видно из архивных данных, в первой половине XVIII в. в Сырнянской волости отмечена д.Шуран.¹⁰⁴ Следовательно, эту волость также следует признать осколком племени катая. Не случайно, что по данным за 1737 г. среди катайцев Сибирской дороги числилась тьюба “Сырян”.¹⁰⁵ Далее, д.Тамьян в XVIII в. фигурировала среди селений Ирехтинской (Табынской) “волости”,¹⁰⁶ что позволяет считать эту группу, бывшую некогда осколком племени тамьян, частью иректинцев. Кыпчакская волость в конце XVIII в. примыкала к Надыровской волости (Бугульминский уезд Оренбургской губ.).¹⁰⁷ Поэтому, она должна быть отнесена к Казанской дороге. Тем более, что я уже приводил данные о вхождении представителей этой волости в начале XVIII в. в структуру Ногайской даруги Казанского уезда. Надыровская волость, находившаяся севернее Кыпчакской волости, безусловно, входила в состав Казанской дороги. Население этой волости, возможно, надо считать частью племени “тогунчы” (тогучан, тангучин) или “такчи”, входившего в Ногайскую Орду.¹⁰⁸ Думаю, что в основе названия группы тогунчы (вариант: токчи~такчи) лежит известный кыпчакский этноним токсоба (по Питеру Голдену — togs + оба).¹⁰⁹ Не случайно жители Надыровской волости считали себя потомками “племени Туйгози” (Туйгужа).¹¹⁰ В последнем можно было бы видеть отмеченное выше племя токс~токчи (тогунчи). Что касается “Минской волости” в бассейне р.Ик, то под ней надо понимать “Саралиминскую волость”. Она тут отмечается уже в 40-х годах XVII в.¹¹¹ и территориально относилась к Казанской дороге. Несмотря на то, что принадлежность этой группы к племени мин (мең) спорна,¹¹² я не исключаю полностью, что она ранее все-же была ее частью (осколком).

Таким образом, полный перечень волостей Казанской дороги Уфимского уезда XVII—XVIII вв. выглядит следующим образом: Гарейская, Калнинская, Дуванская (Дуванейская), Каршинская, Шемшадинская, Киргизская, Еланская, Ельдякская, Табынская (подразделения: Ирехтинское, Тамьянское, Аское~Айское), Катайская (подразделения: Шуранское, Сырянское), Кыпчакская, Саралиминская (Минская), Надьоровская, Байларская, Юрмийская, Енейская, Булярская. Вхождение в состав рассматриваемой дороги Бурзянской и Тангаурской волостей сомнительно. Если, конечно, они не были мелкими осколками племен бурзян и тангаур, растворившимися среди других племен бассейна р.Ик. Гайнинцы явно должны быть отнесены к числу поздних переселенцев в этом районе. “Гуляскую волость”, которая упоминается лишь в одном источнике,¹¹³ отождествить с известными по другим материалам группами, не удалось. Однако не исключено, что в данном случае мы имеем дело с испорченным написанием названия Ельдякской волости: вместо мягкого “илдәк”~”һилдәк” — твердое гилдәк~гулдәк, отсюда — “Гуляская”~”Гулякская” волость.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что перечисленным “волостям”, считавшимся в XVII—XVIII вв. “башкирскими”, в большинстве случаев соответствовали племена,¹¹⁴ многие из которых существовали и в XVI в.¹¹⁵ Однако, чтобы лучше разобраться в их реальной этнической принадлежности, следует обратиться к этнической истории этих групп. Большое значение при этом имеют исследования Р.Г.Кузеева, которым была проведена историческая стратификация башкирских родо-племенных названий, включая и интересующие нас.¹¹⁶ По его мнению, к кыпчакскому пласту относятся племена: кыпчак, канглы, гере (герей), елан, кыргыз, байулы, катай, табын, дуван (дуан), мин (мең); болгаро-мадьярский слой составляют группы юрми, еней, буляр; древнеугорский (или тюрко-угорский) — сырян, а древнесамодийский — шад; к древнебашкирскому пласту были отнесены племена тамьян, бурзян (бөрьян) и байлар. Вне оценки этого автора остались названия племен каршин и ельдяк. Он ограничился указанием на преобладание у них кыпчакских тамг.¹¹⁷ Группа тогунчи (токчи) им среди башкир не обнаружена.

Несмотря на солидную фундированность выводов Р.Г.Кузеева, считаю возможным в некоторых моментах дополнить его заключения.

В связи с тем, что в начале XVII в. байларцы выступали как составная часть племени елан,¹¹⁸ их целесообразно отнести к кыпчакским родо-племенным образованиям. Тем более, что это подразделение присутствовало у многих кочевых тюркских народов.¹¹⁹ Согласно шеджере племени шамшадин, родоначальником его был Буркат би, названный по имени кыпчакского племени буркут. Да и его сын Тарагай би считался “прибывшим из Крыма и передвигавшимся по р.Белой”.¹²⁰ Эта же личность фигурирует и в преданиях представителей племени канглы и в них также говорится о прибытии “из Причерноморья, Крыма”.¹²¹ Между тем, первоначально группа канглы составляла сильный род племени

кыпчак, лишь позднее отделившись от него.¹²² Преобладание у племен ельдяк и каршин кыпчакских тамг также нельзя считать случайным — они не только соседствовали территориально с племенем канглы, но и были в родстве с ним. Правда, племя каршин скорее всего было кыпчакизированной монгольским этническим формированием — в группе нукуз, от которой происходили 17 племен под общим названием дурлакан, имелось и подразделение курчин,¹²³ от наименования которого и можно производить этноним каршин. Далее, существование в XVIII в. среди населенных пунктов, расположенных на территории племени ельдяк, д.Киргис (Кыргыз),¹²⁴ является еще одним подтверждением кыпчакского происхождения данного племени. О кыпчакских истоках группы токчи~такчи или тогучин уже говорилось. Нахождение подразделения сынрян в составе племени катый, входившего в более ранний период в состав кыпчаков, отмечалось ранее. Хотя этот факт еще не говорит об этнических истоках сынрянцев — возможно, что они действительно были когда-то тюрко-угорской группой. Но пребывание их в структуре кыпчакского образования все же достаточно показательно.

Таким образом, на территории Казанской дороги Уфимского уезда в XVI—XVII вв. расселялись уже знакомые нам “иштяки” и группы кыпчаков (с кыпчакизированными образованиями). Полученный итог позволяет сделать следующий шаг, а именно, выяснить отношение этих групп к Ногайской Орде.

В свое время Р.Г.Кузеевым был выдвинут тезис о том, что ногайскими родо-племенными образованиями, вошедшими в состав башкир, надо признать только те группы, которые имеют определение “ногай” (ногай-юрматы, ногай-кыпчак, ногай-бурзян и т.д.). Многие другие же общие для ногайцев и башкир этнонимические параллели были объявлены им всего лишь результатом “общности мощного кыпчакского этнического компонента в формировании обоих народов”.¹²⁵ Примерно такая же посылка, правда, открыто не сформулированная, содержится и в уже рассмотренной мной работе В.В.Трепавлова. По ряду причин с предложенной этими авторами трактовкой я не могу согласиться. Мне представляется, что исторические материалы скорее свидетельствуют о том, что многие из племен, расселявшихся в XVII—XVIII вв. на северо-западе Приуралья, были ранее в этническом плане структурными частями Ногайской Орды.

В конце XV — начале XVII вв. в Ногайской Орде и в последующих ногайских этнополитических формированиях, в числе остальных были известны следующие племена: керейт, кытай, канглы, кыпчак, мин (мең), аск (яск, ас), байулу, тогунчи (токчи), тама (ябы-тама).¹²⁶ Перечисленные племена были крупными образованиями, некоторые из которых в источниках именуется “улусами” (керейты, ябы-тама, байулу).¹²⁷ Поэтому, они могли включать в свой состав и другие родо-племенные группы, отмеченные на северо-западе Приуралья в XVII—XVIII вв. Так, выше было выяснено происхождение племени каршин от пле-

мени нукуз. Между тем, в Ногайской Орде в XVI в. отмечается улус “нюкус”.¹²⁸ Если принять во внимание взаимосвязь групп байлар и елан в северо-западном Приуралье, можно высказать предположение о том, что племя елан также входило в состав Ногайской Орды. Кстати, другой вариант названия племени байулу у ногайцев — байдар.¹²⁹ Благодаря установлению родства племени шамшадин с племенем канглы, также хорошо известном в Ногайской Орде в XVI в.,¹³⁰ аналогичный вывод следовало бы распространить и на группу шамшадин. Родоначальником племени табын считался “уйшын Майкы би”.¹³¹ Племя же уйшын являлось в Ногайской Орде одним из известных и крупных образований.¹³² Вхождение в табынскую группу подразделения бадрак¹³³ усиливает вероятность нахождения ее или ее частей в рамках Ногайской Орды. Подразделение кыргыз известно среди ногайцев и кочевых узбеков.¹³⁴ В одном из шеджере говорится о проживании “башкир” племени кыргыз “на Бухарской дороге у моря Сыр”.¹³⁵ В другом шеджере кыргызов фигурирует имя “Кунграт бия”.¹³⁶ Эти факты позволяют заключить, что племена кыргыз и ельдяк находились в составе кунгратов, входивших в Ногайскую Орду.¹³⁷

Как видим, вся группа локализованных на территории восточной части Ногайской даруги племен, имеющих кыпчакское происхождение или являющихся кыпчакизированными образованиями, так или иначе оказывается среди племен, составлявших Ногайскую Орду. Вхождение их в Ногайскую Орду подтверждается и другими данными. Например, в “шеджере Гирает бия”, обнаруженном среди потомков “башкирского” племени гирей, говорится о том, что Гирает би был из рода ногайцев.¹³⁸ Второе шеджере из д.Уразаево Мензелинского уезда Уфимской губ., в которой жили также потомки племени гирей, содержит имя Буркут бия.¹³⁹ Деревни Верхний и Нижний Табын того же уезда, населенные иректинцами, среди жителей окрестных селений были известны как “ногайские”.¹⁴⁰ Согласно шеджере жителей татарских деревень Чалпы, Ураево и Карамалы того же уезда, их родоначальник был “из ногайцев”.¹⁴¹ Население этих деревень — в основе своей юрмийцы. В данном случае мы имеем следы сильного влияния ногайцев на более раннее население из “иштяков”.¹⁴² В деревнях Ташлы, Тат.Тумбарлы, Ст.Тураево (население — из племени байлар), относившихся к Мензелинскому и Белебеевскому уездам Уфимской губ., было найдено шеджере Шайх-Дербыша. Эта личность, как было установлено М.И.Ахметзяновым, имеет отношение к Ногайской Орде.¹⁴³ В д.Мастеево Мензелинского уезда (население — из племени буляр) обнаружено шеджере Туксобы,¹⁴⁴ показывающее смешение ногайско-кыпчакских групп с этническими образованиями некыпчакского происхождения. Одновременно данное шеджере раскрывает присутствие в бассейне р.Мензеля представителей племени токчи: имея в виду, что именно в д.Симяк, населенной булярцами,¹⁴⁵ было записано предание о ханских ярлыках, пребывание в XVI в. в рассматриваемом ареале групп, связанных с Ногайской Ордой, в том числе и племени токчи, можно считать вполне возможным. Тем более, что

именно в этом районе, как я уже указывал, было зафиксировано нахождение какого-то “ногайского хана” (вероятно, племенного вождя ногайского происхождения).

Но для более глубокого анализа вопроса об отношении племенных образований северо-западного Приуралья к Ногайской Орде, необходимо детальнее рассмотреть племенную структуру этого государства.

Состав племен Ногайской Орды точно не установлен. Б.-А.Б.Кочкаев для XVI в. их, как уже говорилось, указывает 18 (мангыт, найман, кунграт, китай кыпчак, кият, тангучин, колгин, алгин, чублак, канлык, киреит, байгур, тайджут, боргамсы, турхмен, аск, кенегес).¹⁴⁶ Но основные племена и группы, которые могли быть всего лишь их подразделениями, им четко не были дифференцированы друг от друга. Поэтому, трудно избавиться от впечатления, что из перечня, приводимого Б.А.-Б.Кочкаевым, не все формирования являлись племенами. В плане поиска ответа на вопрос об основных родо-племенных группах в Ногайской Орде интересны два документа. В первом из них, относящемся к 1557 г., содержится сообщение о том, что “12 князей в Орде (в Ногайской — *Д.И.*) всегда со всякого посла имывали по шубе, да по одному рядке”.¹⁴⁷ Похоже, что в данном случае подразумеваются карача-беи, являвшиеся “начальниками улусов”, составлявших Ногайскую Орду. Именно представители родо-племенной аристократии, будучи “карачечями”, выставлялись перед местом заседания совета (корныш) на пути иностранных послов и обладали правом взимать “придверную пошлину”.¹⁴⁸ Если это так, то в Ногайской Орде основных племен могло быть 12. Во втором документе, относящемся к 1608 г., речь идет о взятии в Ногайской Орде “из улусов в заклад” (в заложники — *Д.И.*) представителей 14 “родов”, 7 из которых были перечислены (“Найманского, Коуравского, Хытайского, Кипчацкого, Мынского, Бурлацкого да Турутименского родства”),¹⁴⁹ что дает основание видеть в этих 14 “родах” крупные племена — улусы. Разночтения в документах относительно числа племен могут объясняться несколькими причинами. Во-первых, к началу XVII в. отдельные племена могли распасться на самостоятельные группы — в частности, кроме “Бурлацкого родства” (племени “борлак”) в 1608 г. среди ногайцев отмечается и самостоятельное подразделение под названием “Новобурлацкого родства”.¹⁵⁰ Во-вторых, кыпчаки скорее всего состояли из нескольких подразделений, так как в Ногайской Орде по источникам XVI в., кроме собственно кыпчаков, известны еще группы “кара-кыпчак” и “сары-кыпчак”.¹⁵¹ Возможно, последние две группы воспринимались как самостоятельные племена.

Разница между числом основных племен в Ногайской Орде в XVI — в начале XVII вв. прежде всего могла бы объясняться исходя из сложности структуры кыпчакского формирования, одно доказательство чему я еще в дальнейшем приведу. Хотя нельзя забывать и о других факторах (их перечень еще не полон), повлиявших на цифры о племенах в этом государстве.

При обсуждении проблемы племенной структуры Ногайской орды заслуживает внимания и мнение М.И.Ахметзянова о том, что известная перечень кланов и клановых вождей, содержащийся в “Дафтар-и Чингиз-наме”, отражает племенной состав Ногайской Орды.¹⁵² Этот перечень выглядит так: 1) Кият бек сын Буданжара; 2) Сенгел бек сын Конгырата; 3) Уйшын Майкы бек; 4) Урдач бек (Мең садаклы Урдач бек); 5) Тамьян бек; 6) Кыпчак бек; 7) Джорматы бек; 8) Керейт бек; 9) Муйтен бек; 10) Буржан бек; 11) Буркыт бек; 12) Катай бек сын Каганжара; 13) Калдар бек сын Балына; 14) Сальжут бек; 15) Темиркутлу бек.¹⁵³ Из приведенных данных видно, что лишь часть перечисленных имен непосредственно отражает названия племен. Это кият (кият), конграт, уйшын, тамьян, кыпчак, юрматы, керейт, бурзян, буркыт, катай, сальжиут. Но даже среди них некоторые названия могут толковаться двояко. Так, согласно родословной башкир племени табын, их родоначальником являлся Майкы би, названный в шеджере рода каратабын “Уйшын Майкы бием”.¹⁵⁴ Следовательно, под “Уйшын Майкы беком” в рассматриваемом источнике может скрываться и племя табын. В то же время следует помнить, что группы уйшын и табын имели древние связи.¹⁵⁵ Теперь обратимся к остальным именам. Относительно легко расшифровывается племенная принадлежность Урдач бека. Собственно, она подсказывается уже выражением “тысяча-стрельный” (мең садаклы), ибо именно такой эпитет имел родоначальник “башкирского” племени мин (мең) Урадач-бий.¹⁵⁶ Несколько сложнее обстоит дело с Муйтан беком. С одной стороны, его имя может соответствовать названию племени муйтен, входившему в состав каракалпаков и кочевых узбеков.¹⁵⁷ Но в данном случае, скорее всего, подразумевается племя усерган(үсергән), известное у башкир. Согласно родословной башкирского племени усерган, их предок — Усерган, являлся сыном Мейтана (Муйтена). Причем, три из четырех племенных знаков (дерево — милэш, птица — торна, тамга — көйөшкән) племени усерган совпадают с теми знаками, которые приводятся для группы из “Дафтар-и Чингиз-наме”, возглавляемой Муйтен беком.¹⁵⁸ Калдар бек в “Дафтар-и Чингиз-наме” назван сыном Балына (Бәлен).¹⁵⁹ Думаю, что это тот самый Калдар бек, который фигурирует в шеджере Кара бека из клана Кыпчак (его отец — Балын бек). Поэтому, под Калдар беком в рассматриваемом документе скрывается, надо полагать, группа кыпчак, точнее — одно из ее ответвлений (у башкир их было три или четыре, в том числе и, как уже говорилось, род бушман,¹⁶⁰ а у казахов — четыре или пять¹⁶¹), так как в “Дафтар-и Чингиз-наме” племя кыпчак фигурирует отдельно. Наконец, о том, какое племя имеется в виду, когда речь идет о Тимеркутлу беке. Мне представляется, что подсказка о его племенной принадлежности содержится в кыпчакском варианте башкирского эпоса “Күсәк бей”. В частности, среди беев, подчиненных легендарному Мәсем хану, в эпосе назван и Тимеркотло, предводитель племени (ырыу) тангаур (түнгәүер).¹⁶² Эта группа имела не до конца ясное отношение к кунгра-

там: согласно П.С.Назарову, генеология племени тангаур восходит к Дингауру, который считался сыном Кунграт бия.¹⁶³

Итак, к отмеченному перечню 11 племен (кыят, конграт, уйшын или табын, тамьян, кыпчак, юрматы, бурзян, буркыт, катый, сальжит-ут) можно добавить названия еще 4 племен (мин, муйтен или усерган, кыпчак — возможно, кара — или сары — кыпчак и тангаур).

Таблица 1. Общие моменты племенных структур некоторых этнополитических и этнических общностей в XV—XVII вв.

Дафтар-и Чингиз наме	Ногайская Орда	Башкиры	Кочевые узбеки
1. Кыят	Кыят	—	Кыят
2. Конгырат	Коурат (Коврат)	—	Кунграт
3. Уйшын или Табын	Уйшун	Табын	Уйшын, Табын
4. Мин	Мин	Мин	Минг (Мин)
5. Тамьян	Тама, Ябы-тама	Тамьян	Тама
6. Кыпчак-I	Кыпчак	Кыпчак*	Кыпчак**
7. Журматы	(Юрматы)	Юрматы	Джурат
8. Гирает	Керит (Керей)	Гирей (Гэрэ)	Керит
9. (Муйтен или Усерган)	(Усерган)	Усерган	—
10. Буржан	(Бурзян)	Бурзян	—
11. Боркыт	Буркыт (Куб)	(Шамшадин)	Буркут
12. Катар	Кытай	Катар	Ктай
13. (Кыпчак-II)	Сары-кыпчак, Кара-кыпчак	*	**
14. Сальжит	Салжит	Сальют	Джалджиут
15. (Тангаур)	—	Тангаур	—

* В составе группы “кыпчак” имеются и подразделения “сарыш (сары)-кыпчак”, “кара(карий)-кыпчак”, “бушман-кыпчак”, “ак-кыпчак”

** Кроме группы “кыпчак”, известна еще группа “кари”.

Если данные о племенах, представленных в списке из “Дафтар-и Чингиз-наме”, свести в таблицу (см. таблицу 1), становится возможным сформулировать некоторые общие выводы об их вхождении в то или иное этнополитическое объединение.

1. Большинство отмеченных выше племен действительно обнаруживаются в составе Ногайской Орды. Исключение составляют племена юрматы, усерган, бурзян и тангаур, о вхождении которых в Ногайскую Орду в источниках прямых сведений нет. Но ряд данных позволяет говорить о нахождении и этих групп среди племен, образовавших Ногайскую Орду. Что касается группы тангаур, то она не была самостоятельным образованием, находясь в союзе или даже в зависимости от племени усерган. Кроме того, уже приводились сведения о том, что подразделение тангаур имело отношение и к группе кунграт.¹⁶⁴ Следовательно, это подразделение было в числе племен Ногайской Орды. Племя юрматы, как видно из родословных юрматинцев,¹⁶⁵ входило в это же государство, возможно, находясь в структуре какого-то из улусов Ногайской Орды. Племена усерган и бурзян, судя по их родословным, также подчинялись Ногайской Орде.¹⁶⁶ В одной из версий шежере племени усерган приводится следующая цепочка предков: Баба

Төкләс — Тырма — Казансы — Ишлам Кыя — Кара Кыя — Котлог Кыя... Туксоба — Мейтән бей...Усерган.¹⁶⁷ Эта информация еще раз подтверждает вхождение группы усерган в Ногайскую Орду, так как имена “предков” Усергана идентичны именам предков мангытского правителя Идегея.¹⁶⁸ Мне представляется, что в Ногайской Орде племена усерган, тангаур и бурзян были объединены в отдельную группу, возможно, с включением туда части кыпчаков и племени тамьян. В этой связи уместно будет напомнить, что перечисленные племена в составе башкир относили себя к объединению “ете ыруы” (“жиде руг”),¹⁶⁹ сложившемуся, по мнению представителей отмеченных племен, на основе “разделения” на семь частей “Нугай иле”, т.е. Ногайской Орды. Имея в виду, что группа под аналогичным названием (“жетиру”) существовала и в рамках Младшего Жуза казахов, причем как относительно позднее образование в его структуре,¹⁷⁰ можно полагать, что в лице союза ете ыру ~ жетеру мы имеем дело с осколком Ногайской Орды. Тем более, что в более позднее время в составе ногайцев существовала группа “йетисан~”едисан” (йети~еде+сан). Хотя внутренняя ее структура и не содержала подразделений усерган и бурзян (она состояла из трех “кубов”: кенегес, буркут, тулуга),¹⁷¹ само название наталкивает на мысль о былом существовании в Ногайской Орде объединения “ете ыру”, что в свою очередь говорит о вхождении бурзян и усерган в это государство.

2. Названия племен, содержащиеся в “Дафтар-и Чингиз-наме”, близки и к составу племен, известных среди кочевых узбеков. Такая общность, по-видимому, восходит к первой половине XV в., когда мангыты и другие племена, вошедшие позже в союз с ними, являлись частью государства кочевых узбеков (Шейбанидов).

3. Обнаруживается и значительная общность списка племен из рассматриваемого источника с башкирскими племенами. Однако, имеются и весьма показательные различия: у башкир отсутствуют такие крупные и известные племена, как кыят и кунграт. Кроме того, буркуты у них представлены только косвенно (через родоначальников таких племен как шамшадин, возможно и канглы, а также гәре). Несмотря на то, что следы пребывания кунгратов в Приуралье обнаруживаются,¹⁷² отсутствие кунгратов, кыятов и группы буркыт в родоплеменной номенклатуре башкир позволяет рассматривать “именник” из “Дафтар-и Чингиз-наме” скорее в контексте истории Ногайской Орды. Правда, в таком случае не вполне ясной оказывается причина отсутствия в рассмотренном списке таких ключевых племен Ногайской Орды, как найман и мангыт. Можно допустить, что найманы в “Дафтар-и Чингиз-наме” скрываются под этнонимом “кытай” (катай) — именно с последним они имели весьма тесные этнические контакты.¹⁷³ Но выпадение из рассматриваемого списка племени мангыт объяснить трудно. Хотя не исключено, что оно оказалось вне него как правящая группа Мангытского юрта, стоявшая над другими племенами.

В итоге, в Ногайской Орде могло насчитываться от 12 до 14 основных племен.¹⁷⁴ Некоторые колебания в их численности следует увязывать с вхождением отдельных групп в состав более крупных племен (это касается прежде всего кыпчаков, но не только — выше говорилось и об объединении “ете ыру”). Особое положение племени мангыт также способствовало нарушению строгого счета числа племен в Ногайской Орде. В целом, я склоняюсь к выводу, что в этом государстве, кроме правящего племени мангыт имелись 12 крупных племенных образований (улусов). В данном случае показательно следующее: если в списке племен из “Дафтар-и Чингиз-наме” объединить две группы кыпчаков, рассматривать вместе усерган (муйтен), бурзьян и тангурцев, остаются как раз двенадцать позиций. Примечательно также, что в башкирском эпосе “Күсәк бей” (кыпчакская версия) говорится о том, что легендарному “Мәсем хану” подчинялись “двенадцать беев”.¹⁷⁵ Хотя состав племен, подвластных хану и этим беям, в эпических произведениях,¹⁷⁶ расшифровывается лишь частично,* возникает впечатление, что подразумеваются те же самые 12 племен, которые образовывали Ногайскую Орду. В таком случае для XV—XVI вв. оказывается крайне затруднительным отделение друг от друга племен “башкирских” и “ногайских”. Исключение пожалуй, могут составить такие племена, как мангыт, найман, конграт, кыят, которые в Ногайскую Орду точно входили, но в составе башкир в XVII—XVIII вв. прямо не отмечены.

Может возникнуть вопрос: не противоречит ли заключение о вхождении в Мангытское княжество Казанского ханства многих племен, расселенных в северо-западном Приуралье, выводу об их связанности с Ногайской Ордой? Нет, на мой взгляд не противоречит. Прежде всего, об этом может свидетельствовать история Крымского ханства. Исследователи отмечают, что со времени разгрома Крымским ханством Большой Орды в 1502 г., в Крыму усиливается влияние клана Мангыт, за спиной которого стояли их “улусы, которые в общем держались за Перекопом, на Днепре”.¹⁷⁷ После 1556 г. последовала вторая волна прихода в пределы степных территорий Крыма ногайских улусов, признавших сюзеренитет крымского хана.¹⁷⁸ Иначе тут поселиться было невозможно — земля принадлежала Крымскому ханству.¹⁷⁹ Понятно, что в этническом отношении эти группы оставались мангытами (ногайцами), но они включались в административно-политическую систему ханства через формирование в государстве Мангытского юрта. Таким же образом и в Казанском ханстве клану Мангыт могли подчиняться улусы, территориально находившиеся в закамско-приуральской зоне этого государства. Аналогичное положение было и в Сибирском ханстве, где известен “Тай-

* В эпосе “Күсәк бей” в ряду этих групп называются 4 племени (ыру): тангаур, бурзьян, кыпчак, тамьян. В другом эпосе — “Акбуз ат”, перечисляются 7 “батыров”, подчиненных Мясем хану: Кыпчак, Катай, Төкләс, Тамьян, Юрматы, Ирәндәк, Табын. Как видно из перечня, 5 батыров носят имена, обозначающие племенные названия.

бугин юрт”, бывший, скорее всего, тем же самым “Мангытским юртом”, контролировавшемся кланом Мангыт, под началом которого находились ногайские улусы. Во-всяком случае, в послании из Москвы хану Кучуму (1597 г.), говорится о “ногайских улусах”, составлявших “Тайбугин юрт”.¹⁸⁰

На основе рассмотренных материалов я бы хотел вернуться к вопросу об этнической ситуации на северо-западе Приуралья в XVI — начале XVII вв. Для этого необходимо еще раз обратиться к дискуссии 1586 г., происходившей между князем Ногайской Орды Урусом и Москвой. Князь Урус в послании Федору Ивановичу отмечает, что из Москвы ему писали, “чтобы (ему) с башкурдов и с остяков дани никакие не имати... (Если) ... пошлю ... данщика, (для того, чтобы собрать дань) ... с башкурдов и остяков ..., тех моих данщиков велишь побити”.¹⁸¹ Тут князь Урус пересказывает послание Москвы, поэтому относительно этнических групп использует номинации, характерные для русских. Правда, уже в московском послании могли учесть ногайские представления о группах, про которые идет речь в документе. Но далее в источнике князь Урус высказывает о них свое представление: “И с тех остяков не только отец мой Исмагиль князь от Идегея князя и по се время с остяков дань мы имывали”.¹⁸² Как видим, для русских существовали “башкурды” и “остяки”, а для Уруса — только “остяки”. И в других документах за тот же год наблюдается такое же понимание этнических реалий Приуралья. В частности, в уже цитировавшемся наказе русскому посланнику И.Страхову, население будущего Уфимского уезда, тогда еще относившееся к Казанскому уезду, названо “башкирцами” (“государевы люди башкирцы”).¹⁸³ Но князь Урус о них же говорит: “сорок лет ... как Казань взята и Астрахань ... при Казанском царе мы владели иштеками”.¹⁸⁴ Другой русский посол — И.Холопов, в том же году применительно к этому ж населению использует определение “иштаки”, но исключительно приравниваясь к понятийному аппарату князя Уруса.¹⁸⁵ Ногайское представление об этой группе в дискуссии 1586 г. всплывает еще раз, когда русские посланники передают высказывания ногайской знати: “Государь де у нас отымает ясаки с иштяков, ... что де имывали прежде сего”.¹⁸⁶ В некоторых случаях в переписке с русскими ногайская знать применяет и этноним “башкирды”. Так, сын князя Ногайской Орды Исмагиля Тинбай (Динбай) мурза в 1581 г. (описываемые события происходили до 1578 г.) обращаясь к русским, говорит: “Яз кочевал за Ейком на реке Еме, имел есми из башкирды дани”.¹⁸⁷ Но его племянник — Саид-Ахмед, в послании Ивану IV, пишет: “... А брат мой Тинбай мирза, что владел иштеки — мне пожаловал”.¹⁸⁸ Еще в одном месте из “ногайских дел”, указывается: “Тинбай мирзы люди ... ходили ясаку збирати с ыстеков”.¹⁸⁹ Ясно, что в одном случае ногайцы используют более приемлемый для русских этноним “башкир”, приспособиваясь под их понимание, а в другом — этноним “иштяк”, который был ближе для них самих.

Итак, ногайцы и русские относительно ясачного населения Приуралья в XVI в. имели несовпадающие представления. Если русские больше использовали этноним “башкурды” (“башкирцы”), хотя знали и этноним “остяк”~”ыстяк” (“иштэк”), то ногайская знать эту группу предпочитала именовать “иштяками”. Но тут возникает одна трудность — из имеющихся документов невозможно извлечь однозначный вывод о том, что под этнонимом “иштяки” подразумевалось все ясачное население Приуралья. Как раз наоборот, возникает впечатление, что он применялся лишь по отношению к части ясачников. Например, В.В.Трепавлов отмечает сведения за 1578 г., из которых видно, как ясачная группа, жившая “верх Камы” или “по реке Каме”, в этническом плане “раздваивается” — в одном случае она обозначается как “остяки”, а в другом — как “башкирцы и остяки”.¹⁹⁰ Хотя, конечно, при анализе этого документа приходится учитывать его русское происхождение (из “ногайских дел”), что делает его не слишком “чистым”: не исключено, что при описании событий 1578 г. были “примешаны” собственно русские взгляды насчет тех групп, на которые ногайцы напали. Тем не менее, есть основания утверждать, что этноним “иштэк”~”остяк” в XVI — начале XVII вв. действительно обозначал только часть ясачного населения Приуралья. Многие данные на этот счет были проанализированы в предыдущем параграфе. Однако, там речь шла о группах, проживавших в Пермском Приуралье (бассейны рек Тулвы, Сылвы и Ирени) и вблизи от него. Сейчас я хочу рассмотреть один источник, который покажет, что этноним “иштэк” в XVI в. был распространен в Приуралье значительно шире. Под этим источником имеется в виду шеджере племени юрматы, написанное до 1564—65 гг.¹⁹¹ В указанной родословной есть место, где описывается уход ногайцев из бассейна р.Белой “на Кубань”. При этом сказано, что те, кто не ушел с ногайцами, “назывались иштяками” (“иштэк аталдылар”).¹⁹² Как видно из документа, эта группа, являвшаяся племенем юрматы, считала себя “иштяками” уже в 1546—47 гг. (в тексте сказано: “барча иштэк Бурнак бинең амре белән торды”).¹⁹³ В данном случае весьма важно то обстоятельство, что мы имеем дело с аутентичным источником, освещающим этническую ситуацию в западном Приуралье в середине — второй половине XVI в. с точки зрения юрматинцев. А согласно их мнению, в этой зоне кочевое население делилось на две группы — на “ногайцев” (“нугайлар”) и на “иштяков” (“иштэк”). Это во-первых. А во-вторых, последний пример еще раз подтверждает сделанное ранее заключение о том, что “иштяками” назывались те группы, которые имели тюрко-угорское происхождение (см. выше об этнических истоках племени юрматы).

В то же время в Приуралье существовала еще одна группа ясачного населения, непосредственно подчиненная Ногайской Орде. Это племена мин (мең), бурзян, кыпчак, усерган, тамьян¹⁹⁴ и связанные с ними родо-племенные объединения. Именно они, как мне представляется, были носителями этнонима “башкорт”. Их легендарные правители Мэ-

сем хан и Ураз хан, признавались по происхождению башкирами (“Нәсле икәүнең дә башкорт булган”).¹⁹⁵ Легендарный предок племени усерган — Мейтан би, сын Тук-сабы, считался “прародителем башкирского народа” (“Башкорт халкы бабасы”).¹⁹⁶ Вряд ли случайно то, что традиционно у башкир “настоящими родами” назывались 7 групп: усергане, бурзяне, кыпчаки, тамьянцы, кубелякцы и катайцы.¹⁹⁷ А эти данные, в свою очередь, очень хорошо коррелируют со сведениями русских летописей за 1469 г., в которых “Башкирская” территория выведена за рамки “Беловолжской” и “Костяцкой” ареалов.

На основе проведенного выше анализа комплекса исторических материалов по северо-западному Приуралью, я позволю себе поставить под сомнение мнение Р.Г.Кузеева об этнониме “иштәк”, включая его соображения о хронологических и географических рамках его функционирования. Как известно, этот исследователь полагает, что “...название “истяк” первоначально обозначая всего “несколько башкирских племен и родов”, в XVII—XVIII вв. охватило “сначала восточных, а затем и всех башкир”. Он высказывался в том духе, что “нет никаких данных, которые бы позволили считать термин “истяк” древним самоназванием хотя бы части башкир”.¹⁹⁸ В этих положениях, как сейчас уже ясно, содержатся по меньшей мере два неясных момента: 1) почему этноним “истяк” (иштяк) начал распространяться именно в XVII—XVIII вв., к тому же довольно своеобразным путем, “охватив” сначала восточных, а затем и всех остальных башкир; 2) если название “истяк” не является эндоэтнонимом, то как оно стало общим наименованием, которое казахи и ногайцы употребляли в прошлом по отношению к башкирам в целом? На эти вопросы Р.Г.Кузеев ответа не дал. Между тем, как я попытался показать, этноним “иштәк” (отсюда русское “остяк”), скорее всего был самоназванием самостоятельной этнической общности, расселенной в средневековье в северо-западной и северной частях Южного Приуралья (с центром в Среднем Приуралье). Ее ядро в начальный период истории Казанского ханства образовывало даже отдельную этнотерриториальную единицу — “Костяцкую” землю. Не исключено, что представители этой же общности расселялись и на территории другого административно-территориального формирования — “Беловолжской” земли, функционировавшей в ханстве до усиления Ногайской Орды.

Тюрко-угорская в своей основе общность “иштяков” продолжала до конца XV в. подпитываться миграцией из Зауралья родственных тюрко-угорских групп. “Иштяки”, имевшие тесные этно-культурные связи с населением Булгарского вилайета, весьма вероятно, составлявшие особую областную (региональную) общность в рамках булгарской этнополитической общности, во-всяком случае, развивавшиеся как ассоциированная с булгарами группа,¹⁹⁹ в XIV—XV вв. и позже испытали сильное кыпчакско-ногайское воздействие, оказавшись в рамках возникшего в Казанском ханстве Ногайского княжества (Мангытского юрта).

Консолидация субстрата (“иштякская” общность) и суперстрата (кыпчакско-ногайский этнос) была близка к завершению в XVI в. в низовьях рек Ика, Белой, но в Пермском крае закончилась несколько позже — к началу XVII в. В зависимости от конкретной этнической ситуации, в формировании которой немаловажную роль со второй половины XVI в. играло вхождение тюркского населения Приуралья в состав того или иного административного образования — в Казанский, Уфимский и Чердынский (позже Соликамский и Кунгурский) уезды, эта общность в XVI—XVII вв. начала в одном случае оформляться как “татары”, в другом — как “башкиры”. Но этническое самосознание этих двух групп длительное время сохраняло не только “иштякский”, компонент, но и осознание былой принадлежности к Булгарскому вилайету, а через него — к булгарской этнополитической общности. В частности, такое положение отчетливо видно из шеджере башкир племени айле. В этой родословной, относящейся к XVIII в. и рассказывающей о путешествии выходца из племени айле “в страну Кубань”, приводится эпизод, когда путешественнику один “древний старик”, видимо ногаец, задает вопрос: “Ты сын какой земли?” (Ни ерлек фэрэндэнсэң?). Ответ был такой: “Я булгарский иштэк” (“Болгарлык иштэкмен”). Далее последовало выяснение рода-племени.²⁰⁰ Здесь не только отчетливо видно употребление названия “иштэк” в качестве самоназвания, но и “привязанность” его к понятию “булгарский” (булгарлык), которое в данном случае, выступает как политоним, обозначая принадлежность к Булгарскому вилайету или даже к Казанскому ханству.²⁰¹

Теперь о собственно ногайских группах, оставшихся в северо-западном Приуралье. Надо полагать, что после постепенного ухода ногайцев из Волго-Уральского региона в первой трети XVII в., на территории Казанской дороги Уфимского уезда остались те группы из Ногайской Орды, которые в процессе тесного взаимодействия с оседлым населением Казанского ханства относительно рано изменили свой хозяйственный уклад и осели на землю. Во-всяком случае, как показывают данные за 1664 г., практически все “башкирские” волости северо-западного Приуралья были оседлыми.²⁰² А про ряд из них можно утверждать, что они были оседлыми уже во второй половине XVI в.²⁰³ По-видимому, до формирования в этом районе у групп с племенным делением “башкирского” самосознания, у них преобладало самосознание родо-племенного типа, но с достаточно отчетливым представлением принадлежности как к Мангытскому юрту Казанского ханства и к ногайской общности. Однако вопрос об этническом самосознании этих групп далеко не прост. Дело в том, что сознание принадлежности к ногайской общности и Ногайской Орде — это, скорее, не этническое, а этнополитическое сознание. Поэтому, понятие “ногайцы” в XVI — начале XVII вв. в ряде случаев следует маркировать как политоним (вроде термина “казанцы”). Но в источниках можно обнаружить и некоторые случаи проявления у знати Ногайской Орды собственно этнического самосознания. Так, но-

гайский мурза Урмахмет (1586 г.) сообщает: "...А нас Мангытских людей..."²⁰⁴ Правитель Ногайской Орды князь Юсуф в 1551 г., имея в виду всех воинских людей государства, пишет Ивану IV: "...от стотысячные рати Мангытские тебе лиха не будет..."²⁰⁵ Его сын — Юнус мурза свое возвращение в Ногайскую Орду в 1550 г., отмечает так: "... а сами опять в Мангити пришли."²⁰⁶ В последнем случае понятие "Мангит" больше напоминает политоним, являясь синонимом термина "Нагаи", обозначающего в русских источниках Ногайскую Орду.²⁰⁷ Понятно, что этноним "мангыт" образован от названия правящего в государстве племени. Сомнительно, однако, чтобы этот этноним принимался всеми племенами, входившими в Ногайскую Орду.²⁰⁸ Поэтому, я хочу обратить внимание на другой этноним, который также был в ходу среди ногайской знати. Например, в послании князя Ногайской Орды Исмагиля Ивану IV (1555 .), сказано: "...Астрахани без царя и без татар быти нельзе, и ты (Иван IV — *Д.И.*) Каибуллу царевича царем учинив одново отпусти. А похочешь Татар, ино Татар мы добудем. Татарове от нас буди."²⁰⁹ Похоже, что князь Исмагиль под "татарами" имеет в виду служилые группы из Ногайской Орды, так как в послании Ивана IV, предшествовавшего письму князя Исмагиля, говорилось: "...велел бы на Астрахани своему князю доброму, который бы умел юрт здержати. Да и людей бы еси своих... в Астрахани прислал, сколько пригоже, как бы ему можно юрт здержати".²¹⁰ Ясно, что в среде ногайских верхов в XVI в. этноним "татар" использовался достаточно широко. Приведу еще одно доказательство на этот счет. В послании князя Ногайской Орды Уруса Федору Ивановичу (1586 г.), правитель ногайцев высказывает порицание своему адресату, применяя при этом выражение "говорят у нас в татарех",²¹¹ т.е. он себя и свое окружение, возможно и все население Ногайской Орды или его служилую часть, определяет как "татар". Отсюда и вывод о том, что этноним "татар" мог функционировать и у тех групп, которые оказались в северо-западном Приуралье в рамках Мангытского княжества (юрта) Казанского ханства. Следовательно, превращение части этого населения в XVI—XVII вв. в "башкир", было делом нелегким. Вряд ли можно считать случайным то обстоятельство, что ряд исследователей склонны отодвинуть время формирования башкирской феодальной народности на достаточно поздний срок. В частности, по мнению Г.В.Юсупова, сложение башкирской народности "в основном стало возможным с присоединением Башкирии в XVI в. к Русскому государству".²¹² Как пишут Р.Г.Кузеев и его соавторы, "...башкирская народность сформировалась в XVI в. лишь в основном, а реальная консолидация (выделено мной — *Д.И.*) в народность феодальной эпохи...происходила в XVIII — первой половине XIX в".²¹³

Несомненно, на этническую ситуацию в северо-западном Приуралье в XVI—XVII вв. сильное влияние оказала и миграция татарского населения из Среднего Поволжья.²¹⁴ В результате продвижения татар на восток, в Приуралье, главным образом, в северо-западной его части,

“иштяки” и выходцы из Ногайской Орды сильно перемешались с переселенцами из Поволжья.²¹⁵ Несмотря на то, что в этом ареале во второй половине XVI—XVII вв. многие группы постепенно консолидировались в “башкир” — не в последнюю очередь благодаря “систематизированную” местного населения русской администрацией в две податные общности (вотчинников — “башкир” и припущеников — “тептяро-бобылей”), также в связи с уходом основной части Ногайской Орды из Волго-Уральского региона²¹⁶ — этническое взаимодействие пришлых татар с близкими к ним этнически группами местного населения, зачастую состоявшими из тех же “татар”, например, ногайского происхождения, или “иштяков”, сохранивших в своем этническом самосознании общий с казанскими татарами, “поволжский” компонент (“булгарство”), приводило к постепенной кристаллизации в XVI—XVII вв. приуральских татар как части новой этнической общности. Этнические границы собственно казанских татар на востоке при этом становились неопределенными, “растворяясь” в новых границах.

В более общем плане следует признать, что северо-западное Приуралье, возможно, с включением и северо-восточной зоны Приуралья, являлось районом совместного этногенеза волго-уральских татар и части башкир (северные, западные и северо-восточные группы), а также сибирских татар. Поэтому, необходимо отказаться от упрощенных представлений об этнической ситуации в этом обширном ареале в XVI—XVII вв.: наследием более ранних этнических процессов тут являлись общности (“иштяки”, “ногайцы”, “татары”, “башкиры”), этнические границы которых существенно отличались от тех этнокультурных границ, которые были характерны в этом же районе для XVIII—XX вв.

Примечания

¹ Мою дискуссию с Е.И.Чернышевым по этому поводу см.: *Исхаков Д.М.* Введение... — С.7.

² *Чернышев Е.И.* Селения... — С.272—273, 280—281.

³ *Рахматуллин У.Х.* Население ... — С.98—100; *Его же.* Крестьянское заселение... — С.6,22.

⁴ *Рахматуллин У.Х.* Население ... — С.8, 21, 98—101.

⁵ *Сафаргалиев М.Г.* Распад... — С.230; *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии (1960) ... — С.49—57; *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.482—483; *Его же.* Народы... — С.103, 107; *Рахматуллин У.Х.* Население... — С.98; *Мажитов Н., Султанова А.* История Башкортостана ... — С.324—329; *История Башкортостана ...* — С.131—132; *Позиция Р.Г.Кузеева* выглядит достаточно противоречивой. В частности, у него можно найти утверждение, что в конце XIV — начале XV в. “ногайские ханы стали властвовать на всей территории Волго-Яицкого междуречья, а на севере их господство распространилось на большую часть Башкирии: к западу...оно достигало нижнего течения р.Белой...” (см.: *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.484).

⁶ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.482—483, 485.

⁷ *Трепавлов В.В.* Ногаи... — С.6—8.

⁸ Там же. — С.7.

- ⁹ Кузеев Р.Г. Происхождение... — С.487; *Его же*. Народы... — С.103—107.
- ¹⁰ Рахматуллин У.Х. Население... — С.98.
- ¹¹ Трепавлов В.В. Ногаи... — С.11.
- ¹² Там же. — С.12.
- ¹³ См., например: *Исхаков Д.М.* Из этнической истории...; *Рахматуллин У.Х.* Население ... — С.101; *Его же*. Крестьянское заселение... — С.7; *Әхмәтжанов М.И.* Нугай Урдасы...; *Его же*. К этнолингвистическим процессам... — С.12.
- ¹⁴ Трепавлов В.В. Ногаи... — С.12.
- ¹⁵ Сафаргалиев М.Г. Распад... — С.230; *Кочекаев Б.* Ногайско-русские... — С.28; *Кузеев Р.Г.* Народы... — С.103.
- ¹⁶ Кузеев Р.Г. Происхождение... — С.485; *Трепавлов В.В.* Ногаи ... — С.7.
- ¹⁷ Сафаргалиев М.Г. Распад... — С.230; *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.485; *Кочекаев Б.* Ногайско-русские... — С.28; *Трепавлов В.В.* Ногаи ... — С.7,9—10,16,24.
- ¹⁸ *Кочекаев Б.* Ногайско-русские... — С.28; *Кузеев Р.Г.* Народы... — С.103.
- ¹⁹ Посольская книга ... — С.19. Правда, эта кочевка могла быть и в верховьях р.Белой, так как в августе же “Муса мырзин кочев” находился “вверх по Яику на Кызылдаре” (Там же.) А Муса и Ямгурчей мурзы в источниках постоянно упоминаются вместе.
- ²⁰ ПДРВ. — Ч.VII. — С.287.
- ²¹ Там же. — С.348.
- ²² Там же. — С.326.
- ²³ ПДРВ. — Ч.VIII. — С.85.
- ²⁴ Там же. — С.182.
- ²⁵ ПДРВ. — Ч.VIII. — С.277.
- ²⁶ Там же. — С.327.
- ²⁷ ПДРВ. — Ч.IX. — С.30.
- ²⁸ Там же. — С.34.
- ²⁹ Там же. — С.181.
- ³⁰ ПДРВ. — Ч.XI. — С.260.
- ³¹ Отдельные случаи нахождения ногайцев вблизи территории Казанского ханства объясняются как военные набеги. Так, сын Ших-Мама я появился в районе “Белой Волошки” и “земли Нократ” зимой 1535 г. Но в источнике о нем ясно сказано, что он “воевал” (ПДРВ. — Ч.VII. — С.326).
- ³² *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — С.50.
- ³³ *Трепавлов В.В.* Ногаи... — С.16.
- ³⁴ См.: *Тарих-и Абу-л-хайри хан...* — С.141; *Ибрагимов С.* “Шейбани наме” ... — С.201, 206; *Березин И.* Шейбаниада ... — С.XI, VIII, XXI; *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — С.47—55.
- ³⁵ Казанская история ... — С.49.
- ³⁶ См.: *Худяков М.* Очерки... — С.35. В 1486 г. в источнике сказано: “Муртоза и Седеахмет цари и Темир князь хотят итти на Менли-Герая...” — (Сборник РИО. — Т.41. — С.54). Место Темир князя в этом предложении соответствует формуле “в головах”. Например, в 1490 г. сообщается: “посольством приехал от Седиахмат, Ших-Ахмет цари, мангыт Азика князь (сын Темира — *Д.И.*) в головах от всех карачеев” (*Малиновский А.* Историческое... — Л.222). В данном случае, сын князя Темира — князь Азика, явно был беклерибеком.
- ³⁷ *Худяков М.* Очерки... — С.35.
- ³⁸ Там же. — С.44—45; *Атласи Һ.* Казан ханлыгы ... — 245 б.

- ³⁹ Первое посольство от ногайских мурз Мусы и Ямгурчея прибыло в Москву уже в ноябре 1489 г. (*Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские...* — С.67). По сообщению из г.Мурома, относящемуся к сентябрю—ноябрю того же года, послы из Ногайской Орды, в числе которых были и слуги Мусы и Емгурчея мурз, “Волгу возилися под Черемшаном” (Сборник РИО. — Т.41. — С.81). Нельзя считать случайным и фиксацию Ямгурчея в 1490 г. “на Белой Волошке”. А Муса обычно действовал вместе с Ямгурчеем, что говорит о близости их зон кочевания. Не следует забывать и то, что дедом их был Нураддин. Его именем позже в Ногайской Орде называлось второе после князя должностное лицо — “нурадин мурза”, который кочевал именно в Поволжье (*Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские...; Трепавлов В.В. Нурадины...* — С.43—61).
- ⁴⁰ Сборник РИО. — Т.41. — С.82.
- ⁴¹ *Малиновский А.* Историческое... — Л.60—60об.
- ⁴² Там же. — Л.223.
- ⁴³ *Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские...* — С.70; *Малиновский А.* Историческое... — Л.61 об.
- ⁴⁴ ПСРЛ. — Т.28. — С.328.
- ⁴⁵ ПСРЛ. — Т.11—12. — С.243; Т.28. — С.328.
- ⁴⁶ См., например: ПДРВ. — Ч.IX. — С.30—32.
- ⁴⁷ Там же. — С.50—105.
- ⁴⁸ ПСРЛ. — Т.11—12. — С.250. Об Ураке см.: *Исхаков Д.* Тарихи туганлык... — С.43.
- ⁴⁹ Там же. — С.253.
- ⁵⁰ *Малиновский А.* Историческое... — Л.100; ПСРЛ. — Т.11—12. — С.254; Сборник РИО. — Т.41. — С.385—386.
- ⁵¹ *Малиновский А.* Историческое... — Л.111об.
- ⁵² Там же. — Л.106.
- ⁵³ Сборник РИО. — Т.41. — С.523.
- ⁵⁴ ПСРЛ. — Т.11—12. — С.259.
- ⁵⁵ *Мәржәни Ш.* Мөстәфәдел ... — 167 б.; *Худяков М.* Очерки... — С.62.
- ⁵⁶ *Рахматуллин У.Х.* Крестьянское заселение... — С.6—7.
- ⁵⁷ Там же. — С.3—25; *Его же.* Повинности ... — С.29; *Его же.* Население... — С.100—101.
- ⁵⁸ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность пермских татар... — С.10. В преданиях этой группы отмечен и перевод ясака, видимо, позже, в г.Чердынь (*Долотказина С.Х.* Шеджере... — С.58).
- ⁵⁹ РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563. — Ч.1. — Л.441, 475—475об.
- ⁶⁰ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.319—320; *Исхаков Д.* Тарихи туганлык... — С.44—45. Но некоторые родственники получателя ярлыка Мухаммеда-Амина жили во второй половине XV в. вблизи Казани — на территории Ногайской даруги Казанского ханства (См.: *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — С.53).
- ⁶¹ ГА Оренбургской обл., ф.96, оп.2, ед.хр.43. — Л.431—436.
- ⁶² РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.2 “В”. — Л.72.
- ⁶³ *Исхаков Д.М.* Из этнической истории ... — С.37—38.
- ⁶⁴ РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.2 “В”.
- ⁶⁵ Рукопись “Из летописи с.Ст.Ермакова”.
- ⁶⁶ Население Надыровской волости в XVIIIв. состояло из татар и башкир

- (РГИА, ф.558, оп.2, ед.хр.293, 295; РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1874). Ризой Фахретдиновым высказывалось мнение о переселении жителей этой волости из сел Горной стороны (*Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — С.5). Но число поколений в шеджере Надыра и данные о пожаловании Хусаина-тархана совпадают друг с другом (см. там же). Поэтому, можно думать, что население рассматриваемой волости в бассейне р.Сок проживало уже в первой половине XVI в. (возможно, вначале несколько севернее — ближе к месту основания г.Бугульмы).
- ⁶⁷ Об этом, я полагаю, говорит то, что в рукописной истории с.Ст.Ермаково Хусаин-тархан назван сыном Асыл-хужи “из племени Туйхужа”. Последнее имя встречается также в приведенном выше отрывке из “Баита о Елабуге”.
- ⁶⁸ *Рамазанова Д.Б.* К вопросу истории заселения... — С.33. Текст этого ярлыка см.: *Госманов М., Мөхәммәдяров Ш., Степанов Р.* Яңа ярлык ... — 146—150 бб.
- ⁶⁹ РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1879.
- ⁷⁰ *Исхаков Д.М.* Из этнической истории... — С.39 (рис.1).
- ⁷¹ *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — С.53—54.
- ⁷² ПДРВ. — Ч.ХІ. — С.225; См.также: *Трепавлов В.В.* Ногаи... — С. 10—11.
- ⁷³ *Сафаргалиев М.Г.* Распад... — С.230; *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — С.28.
- ⁷⁴ *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — С.41—43; *Трепавлов В.В.* Ногаи... — С.10—11.
- ⁷⁵ *Трепавлов В.В.* Ногаи... — С.6—12, 15.
- ⁷⁶ *Пекарский П.П.* Когда... — С.8,11.
- ⁷⁷ Там же. — С.20.
- ⁷⁸ *Трепавлов В.В.* Ногаи... — С.10.
- ⁷⁹ *Пекарский П.П.* Когда... — С.11.
- ⁸⁰ Там же. — С.20.
- ⁸¹ ДДГ, 1909. — С.59.
- ⁸² Сочинения князя Курбского. — Т.1. — С.47, 206. Еще в одном месте он указывает: “...до Башкирска языка, язь по Каме реке ко Сибири протязается” (Там же. — С.220).
- ⁸³ *Соколов Н.* Опыт разбора ... — С.49.
- ⁸⁴ *Усманов А.Н.* Присоединение... — С.52.
- ⁸⁵ Башкирские шеджере. — С.164—165. Чуртмак хан, согласно родословной, жил в местности “Чокыр” или “Джирем” (Жирем). Упомянутая местность — д.Чокыр (Старый Чокыр), входила в XVIII в. в Ирехтинскую волость Бирского уезда Уфимской губ. (РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1871).
- ⁸⁶ *Нәзерголов М.Х.* Кара-табын... — 81 б.
- ⁸⁷ *Александров А.Е.* Башкиры... В башкирском “кубаире” под названием “Ек Мәргән”, также рассказывается о подчиненности “западных башкир”, живших в бассейне р.Белой, “Казанскому хану”, которому они уплачивали “дан” (дань) (Башкорт халык ижады. Эпос. 3-нсе китап). — 65—66 б.
- ⁸⁸ *Әхмәтҗанов М.* Мәдәни ... — 38 б.
- ⁸⁹ О Чаллинском городище... — С.278.
- ⁹⁰ МИБ. — Ч.1. — С.259.
- ⁹¹ Сводку опубликованных источников об этом см.: *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.49—60. Архивные данные: РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.3801 и 3802.

- ⁹² Кузеев Р.Г. Происхождение... — С.49—60.
- ⁹³ МИБ. — Ч.1. — №60.
- ⁹⁴ Там же. — №44.
- ⁹⁵ Усманов А.Н. Присоединение Башкирии (1949) ... — С.67.
- ⁹⁶ Там же. — №28.
- ⁹⁷ См.: РГАДА, ф.350, оп.2, ед.хр.3802; ф.1355, оп.1, ед.хр.1879.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Кузеев Р.Г. Происхождение... — С.57.
- ¹⁰⁰ Султанов Т.И. Кочевые племена ... — С.44.
- ¹⁰¹ Долотказина С.Х. Шежере... — С.57.
- ¹⁰² РГАДА, ф. 1355, оп.1, ед.хр.932.
- ¹⁰³ РГИА, ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.2 “В”. — Л.26об. — 30об.
- ¹⁰⁴ Там же. — Л.42об.
- ¹⁰⁵ Кузеев Р.Г. Происхождение... — С.57.
- ¹⁰⁶ РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1879, оп.2, ед.хр.3802.
- ¹⁰⁷ РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1876.
- ¹⁰⁸ Кочеев Б.-А.Б. Ногайско-русские... — С.228; Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы... — С.21; ПДРВ. — Ч.VIII. — С.105.
- ¹⁰⁹ Golden P.-B. The Polovci... — р.307. Он указывает на возможность тюркского происхождения группы тукс-тукч, но отмечает тесную ее связь с чигилями в карлукском союзе.
- ¹¹⁰ Из летописи с.Ст.Ермаково; Ахметзянов М. Татарские шеджере... — С.55.
- ¹¹¹ Исхаков Д.М. Из этнической истории... — С.38.
- ¹¹² Там же. — С.43—44.
- ¹¹³ Упоминается в материалах Юхнева (1725—26 гг.) — См.: Кузеев Р.Г. Происхождение... — С.49.
- ¹¹⁴ Подробнее об этом см.: Кузеев Р.Г. Происхождение... — С.48—86.
- ¹¹⁵ Некоторые исторические материалы на этот счет были проанализированы мной: Исхаков Д.М. Из этнической истории...
- ¹¹⁶ Кузеев Р.Г. Роль исторической ...; Его же. Историческая этнография... — С.184—197.
- ¹¹⁷ Кузеев Р.Г. Происхождение... — С.363—365.
- ¹¹⁸ Исхаков Д.М. Из этнической истории... — С.47.
- ¹¹⁹ См.: Султанов Т.И. Опыт анализа...
- ¹²⁰ Фаттахутдинова А. Башкирские ... — С.108—109. Кстати, сыновьями Тарагай бия указаны двое знатных лиц, которых звали “Олы Чокыр” и “Кече Чокыр”. Эти “имена” сохранились в виде топонима “Чокыр” — так называлось место прожигания отменного раннее Чуртмак — “хана”.
- ¹²¹ Кузеев Р.Г. Происхождение... — С.359. М.И.Ахметзянов отмечает распространенность этнонима “буркут” среди народов, чей этногенез связан с кыпчаками (Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим ... — С.64).
- ¹²² Кузеев Р.Г. Очерки ... — С.60.
- ¹²³ Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-ий ... — С.67.
- ¹²⁴ РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1871.
- ¹²⁵ Кузеев Р.Г. Историческая этнография... — С.196.
- ¹²⁶ См.: ПДРВ. — Ч.VIII. — С.39, 100, 105, 111, 147, 254; Ч.IX. — С.49, 76, 113, 167;—Ч.X — С.17—18, 23, 59, 77, 93, 128, 136—137, 159, 160, 175, 258—259; Ч.XI. — Ч.22, 103, 281, 256; Шербатов Мих. История... — Т.5. — Ч.1. — С.491—492; Акты времен ... — С.167, 178—179, 184; Калмыков И.Х.,

- Керейтов Р.Х. Сикалиев А.И.* Ногайцы... — С.21; *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — С.26—27.
- 127 ПДРВ. — Ч.Х. — С.23, 159.
- 128 Там же. — С.258—259.
- 129 *Керейтов Р.Х.* Ногайская Орда ... — С.26.
- 130 *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — С.29; *Керейтов Р.Г.* Ногайская Орда... — С.22.
- 131 *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.259.
- 132 ПДРВ. — Ч.VIII; Ч.Х. — С.160.
- 133 *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.278.
- 134 *Султанов Т.И.* Опыт ... — С.166, 170; *Исхаков Д.М.* О ранних этапах... — С.521.
- 135 *Исхаков Д.М.* О ранних этапах... — С.521.
- 136 Это шеджере относится к XVIII в. и обнаружено в д.Кугарчин-Буляк (*Фаттахутдинова А.* Башкирские шеджере... — С.107). Но шеджере в этой работе неправильно отнесено к племени елан. На самом деле д.Кугарчин-Буляк в XVIII в. входила в состав Киргизской волости (РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.929).
- 137 О племени кунгат (конгат, коурат) в Ногайской Орде см.: ПДРВ. — Ч.VIII. — С.147, 149, 254; Ч.XI. — С.22, 256. Кстати, из татарской летописи, переписанной Н.Ахмедзяном, известно, что “около г.Уфы, на р.Белой, там, где впадает р.Дема, была крепость Кунгат... На р.Белой есть гора Тура-тау. Тура — это имя кунгатского хана”. Там также говорится, что жители крепости Кунгат “переселились в Ургенч” (Из татарской летописи... — С.123).
- 138 *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим... — С.62; *Его же.* Татарские шеджере... — С.51; *Его же.* Нугай Урдасы... — С.146.
- 139 *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим... — С.62.
- 140 *Гарипова Ф.Г.* Данные топонимии ... — С.126.
- 141 *Ахметзянов М.И.* Источниковедческий... — С.185. Фрагмент этого же шеджере см.: НА ИЯЛИ АНТ, Ф.77, ед.хр.1. — Л.56.
- 142 *Исхаков Д.М.* Из этнической... — С.46; *Ахметзянов М.И.* Татарские шеджере... — С.55—56.
- 143 *Әхмәтҗанов М.* Татар шәжерәләре... — 57 б.
- 144 *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим... — С. 62.
- 145 РГАДА, ф.1355, ед.хр.1879.
- 146 *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские ... — С.26.
- 147 ПДРВ. — Ч.IX. — С.264—65.
- 148 *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские... — С.45.
- 149 Акты времен ... — С179.
- 150 Там же. — .177—18.
- 151 ПДРВ. — Ч.VIII. — С149; Ч.IX. — С.67. Они числятся и среди “родовых групп” племени кыпчак Среднего жуза казахов (*Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной ... — С.75).
- 152 *Әхмәтҗанов М.И.* Нугай Урдасы...
- 153 Там же. — С.145—145-а; История Чингиз хана ... — С.124—138. В некоторых вариантах этого источника вместо термина “бек” использовано понятие “би”.
- 154 См.: Башкирские шеджере... — С. 155—156, 163, 164—165; *Нәзәргалов М.Х.* Кара-табын... — 77б.

- ¹⁵⁵ См., например: *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной... — С.26, 97.
- ¹⁵⁶ Башкирские шежере... — С.50—70.
- ¹⁵⁷ *Султанов Т.И.* Кочевые... — С.38, 42—43; *Жданко Т.А.* Очерки ... — С.23, 51—53.
- ¹⁵⁸ Башкирские шежере... — С.88, 91.
- ¹⁵⁹ История Чингиз хана ... — С.134.
- ¹⁶⁰ *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.177—184.
- ¹⁶¹ *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной... — С.75.
- ¹⁶² Күсәк бей ... — 294 б. Отмечу также, что прослеживается некоторое сходство тамг тангаурцев и тамги, которая была характерна для группы, возглавляемой Тимер-кутлу (См.: *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.433, таблица 4).
- ¹⁶³ *Назаров П.С.* К этнографии ... — С.170.
- ¹⁶⁴ Башкирские шежере... — С.195. *Хәсәенов Г.* Үсәргән ... — 54—55 б.
- ¹⁶⁵ Башкирские шежере... — С.28—29.
- ¹⁶⁶ Там же. — С.75.
- ¹⁶⁷ *Ананьев Г.* Караногайская ... — С.4. *Небольсин П.И.* Очерки ... — С.224; *Жирмунский В.М.* Тюркский ... — С.355, 381—383; *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре ... — 49—53 б.
- ¹⁶⁸ *Хәсәенов Г.* Үсәргән ... — 58 б.
- ¹⁶⁹ Ете ырыу (1982) ... — 150 б.; Ете ырыу (1997) ... — 108 б.
- ¹⁷⁰ *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной... — С.81—100. У казахов в группе жетиру бурзяне и усергане не фигурируют. Но зато отмечена большая группа “жагалбайлы”. Между тем, “жагалбай” — в “Дафтар-и Чингиз-наме” это уран Бурзян бека. Другая группа в жетеру — род кердери, у каракалпаков имевший отношение к муйтенам (Там же. — С.84). Как я уже отмечал, название племени муйтен является синонимом этнонима усерган.
- ¹⁷¹ *Баскаков Н.А.* Ногайский...; *Калмыков И.Х.* Из истории... — С.92—93.
- ¹⁷² Кроме уже приведенных данных, см.: *Фаттахутдинова А.* Башкирские... — С.107—109.
- ¹⁷³ Подробнее см.: *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.226—228.
- ¹⁷⁴ Цифра 14 “родов”, несомненно, обладает определенной историчностью. В частности, у каракалпаков существовало деление на 2 отдела (арыс) — кунград и он — торт ыру (“четыренадцать родов”). Последнее объединение состояло из отделений китай, кыпчак, кенегес и мангыт (*Жданко Т.Ф.* Очерки... — С.23).
- ¹⁷⁵ Күсәк бей ... — 293 б.
- ¹⁷⁶ Там же. — 293—294 б.; Акбуз ат ... — С.200. Не исключено, что под “батыром с Яика” по имени “Төкләс” скрывается племя мангыт — как уже указывалось, “Баба Төкләс” считался предком Идегея. Да и “Ирәндәк” упоминается в одном из башкирских “кубаиров” как местность в связи с племенем усерган (См.: Башкорт халык иҗады. Эпос. 3-нсе китап... — 131—132б.). В другом “кубаире” эта же местность фигурирует в связи с ногайским мурзой Акмамбетом (Аксак Килимбетом). (См. там же. — 80 б.).
- ¹⁷⁷ *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — С.33—34; *Инальчик Х.* Хан... — С.83—84.
- ¹⁷⁸ *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — С.61; Fisher A. The Crimean...p.12.
- ¹⁷⁹ См. об этом пример за 1500 г.: *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — С.12.
- ¹⁸⁰ Собрание государственных ... — С.132—134; *Бахрушин С.В.* Сибирские слу-

- жилые ... — С.158. Но вопрос о “Тайбугином юрте” и его населении остается спорным. Об этой проблеме подробнее см.: *Поноженко Е.А.* Политический ... — С.36—37. *Frank A.* The Siberian ...; *Трепалов В.В.* Тайбуга ... — С.96—107; *Исхаков Д.* Идел-Урал буе... — 86—87 бб.
- 181 *Пекарский А.П.* Когда... — С.8.
- 182 Там же.
- 183 Там же. — С.20.
- 184 Там же.
- 185 Там же. — С.21.
- 186 Там же. — С.11.
- 187 *Трепалов В.В.* Ногаи... — С.9.
- 188 Там же. — С.11.
- 189 Там же.
- 190 Там же.
- 191 Дата содержится в документе — см.: Башкирские шежере. — С.29.
- 192 Там же.
- 193 Там же.
- 194 Башкирские шежере... — С.50—51, 63, 71—72, 75—77, 111—112, 121, 145.
- 195 Күсәк бей ... — 297 б.
- 196 Башкирские шежере... — С.81.
- 197 *Назаров П.С.* К этнографии... — С.170.
- 198 *Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.203—209; *Его же.* К этнической истории ... — С.243—244.
- 199 Детальнее точку зрения археологов и этнографов на судьбу этой группы, см.: *Казаков Е.П.* О происхождении ... — С.67—75. *Его же.* О некоторых ... — С.79—87; *Его же.* Памятники ... — С.9,20,83; *Хлебникова Т.А.* Керамика ... — С.224; *Федорова Н.В.* Булгарские ... — С.136; *Давлетшин Г.М.* Волжская Булгария ... — С.135; *Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Е.* Об этнических связях ... — С.8; *Исхаков Д.М.* Пермь татарлары... — 179 б.; *Его же.* Этник туганлык... — 45—47 б.
- 200 Башкирские шежере... — С.169.
- 201 Казанское ханство параллельно именовалось и “Булгарским вилайетом” (См.: *Исхаков Д.* И снова ... — С.50; *Измайлов И.* Лукавое ... — С.34—35).
- 202 МИБ. — Ч.1. — № 60.
- 203 *Исхаков Д.М.* Из этнической истории...
- 204 *Пекарский П.П.* Когда... — С.16.
- 205 ПДРВ. — Ч.IX. — С.4.
- 206 ПДРВ. — Ч.VIII. — С.274.
- 207 Это очень хорошо видно из переписки казанца Абдуллы бахшея с Иваном IV (1549 г.). Иван IV, имея в виду Ногайскую Орду, говорит о приходе казанцев “в Нагай” (ПДРВ. — Ч.VIII. — С.162). А Абдулла бахшей, об этом же событии повествует как о приходе “в Мангиты”, а затем, приспособиваясь под русское понимание, пишет о выезде “в Нагай” (Там же. — С.210).
- 208 Автор “Казанской истории” проводит не прокомментированное исследователями тонкое различие между понятиями “мангыты” и “нагай” в сообщении о “вселении” их на территорию Большой Орды. (Казанская история... — С.49).
- 209 ПДРВ. — Ч.IX. — С.209.
- 210 Там же. — С.124.

- ²¹¹ Пекарский П.П. Когда... — С.9.
- ²¹² Юсупов Г.В. Об этногенезе ... — С.61.
- ²¹³ Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М., Моисеева Н.Н. Этнические ... — С.285. Правда, Р.Г.Кузеев и Н.Н.Моисеева в другой своей работе высказывали мнение о том, что в XV—XVI вв. ”шел процесс формирования башкирской народности”, а в XVII—XVIII вв. башкирский этнос стал “народностью патриархально-феодальной эпохи” (Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н. Основные ... — С.85). Тем не менее, общая постановка проблемы этими авторами не изменилась.
- ²¹⁴ Подробнее об этом см.: Рамазанова Д.Б. Формирование ...; Ее же. К истории формирования говора пермских татар (1996); Рахматуллин У.Х. Население...; Исхаков Д.М. Введение...; Его же. Динамика ... — С.271—276. В последней работе я привел следующие цифры характеризующие переселенческий процесс XVI — начала XVII вв.: в 1631—32 гг. в Уфимском уезде на 6188 дворов башкир-плательщиков ясака, приходилось 8355 дворов тептярей и бобылей.
- ²¹⁵ См. мнение У.Х.Рахматуллина о сложении некоторых “башкирских” волостей северо-западного Приуралья на “базе общин владельцев оброчных угодий”, т.е. того населения, которое выплачивало “казанский оброк” (ясак). (Рахматуллин У.Х. Крестьянское... — С.7.)
- ²¹⁶ Этот процесс начался сразу после падения Казанского ханства и продолжался до 1630-х гг. (Новосельский А.А. Борьба...; Кочкаев Б.-А.Б. Ногайско-русские. — С.90—93).

Глава 2.

МЕЩЕРСКИЙ “ЮРТ” И ЕГО ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ ЭТНОС В XV—XVII вв.

Разногласия относительно характера этнической общности мишарей в XV—XVII вв. возникли среди исследователей не только из-за серьезных теоретических трудностей в оценке уровня консолидированности волго-уральских татар в этот период, но и благодаря крайне слабой изученности этнополитической истории данной группы как самостоятельного этносоциального организма.

В самом деле, после издания в 1863—1887 гг. капитального труда В.В.Вельяминова-Зернова “Исследование о касимовских царях и царевичах” в четырех частях, ни одной специальной работы, посвященной так называемому Касимовскому ханству, не было опубликовано. В то же время этническое развитие мишарей в XV—XVII вв., а не только касимовских татар, проходило в рамках именно этого “царства”, на что до сих пор должного внимания не обращалось.¹ Если Казанское ханство было квалифицировано отдельными исследователями как “национальное государство казанских татар”² — что соответствует действительности: казанские татары этнически окончательно оформились в этом государстве, имевшем статус ханства, то характер этнической общности, окончательно сложившейся в XVI—XVII вв. в пределах Касимовского “царства”, не может быть не связанным со статусом этого этнополитического объединения. Но по данной проблеме в литературе высказывались достаточно различные мнения.

В.В.Вельяминов-Зернов считал, что с пожалованием царевичу Касиму “Мещерского городка” внутри Русской земли было положено начало “удельному татарскому ханству”.³ Правда, само возникновение этого ханства (по его терминологии — “царства”), было делом совершенно случайным.⁴ В.А.Ключевский вообще не рассматривал пожалование Касима как государственность. Он полагал, что царевичу Касиму и его людям в середине XV в. был просто отдан “Мещерский городок на Оке с уездом”, где “среди иноверцев мещеры и мордвы верст на 200 вокруг Касимова ... была испомещена дружина Касима”.⁵ В дореволюционной татарской историографии вопрос о статусе владения Касима впервые рассмотрел Ш.Марджани. В принципе он признал государственный характер владения, полученного Касимом (это видно из определений, используемых Ш.Марджани — “ханство” — ханлык, “государство” — дэүләт). Но он же отметил неполноценность этого государства из-за ограниченности суверенитета.⁶ Х.Атласи также называет территорию с

центром в “Городце”, “маленьким татарским ханством”.⁷ В дальнейшем, М.Г.Худяков критиковал тезис В.В.Вельяминова-Зернова о случайном характере образования Касимовского “царства”, указав на то, что “выделение татарам в Мещерской земле особого удела — так называемого “Касимовского царства”, было связано с победой Улу-Мухамеда над Московским великим княжеством.⁸ По-видимому, М.Г.Худяков считал “Мещерский удел” — для обозначения Касимовского “царства” он применял и такой термин — государственным образованием.⁹ М.Г.Сафаргалиев статус данного этнополитического формирования определил как ханство, развив положение М.Г.Худякова о роли первых правителей Казани в середине XV в. в образовании в “Мещерских местах” Касимовского ханства.¹⁰ В последнее время А.А.Зимин высказал мнение о том, что данное формирование являлось не ханством, а “вассальным княжеством”, хотя и занимавшим “особое место” в системе феодальных образований Московской Руси в XV—XVI вв.¹¹

Таким образом, политический статус Касимовского “царства” остается дискуссионным. Было ли это “царство” ханством или княжеством? Может его вообще надо рассматривать как обычную административную часть Русского государства под названием “Мещера”? Когда говорят о более чем двухсотлетнем существовании данной этнополитической единицы,¹² надо ли это понимать так, что она сохранялась в течение своей истории в неизменном виде или же эволюционировала в каком-то направлении? Такова одна группа вопросов, на которые необходимо найти ответы.

Другая часть вопросов относится к проблеме выяснения типологической принадлежности той этнической общности, которая стала структурообразующей основой возникшего в середине XV в. в Мещере, “царства”. До сих пор исследователи сосредоточивались на этногенетических аспектах формирования тюркского населения Мещеры,¹³ уделяя значительно меньше внимания взаимодействию в XV—XVII вв., т.е. на этапе завершения этногенеза и начала этнической истории, различных этнических компонентов мишарской общности и связанной с ней группы касимовских татар. При этом были допущены две характерные методологические ошибки. Первая из них заключается в стремлении “протянуть” этнические общности, известные в XIII—XIV вв., иногда и раньше, вплоть до XV—XVII вв. Например, в весьма содержательной статье Б.А.Васильева, посвященной анализу проблемы буртасов, содержится утверждение, что “этногенетическая линия идет от буртасов X—XIV вв. к тюркским мещерякам и мишарям XVIII—XIX вв.”¹⁴ Однако еще в начале XX в. татарский историк Г.Н.Ахмаров привел достаточно обширный фактологический материал, свидетельствующий об участии в формировании мишарей золотоордынских групп.¹⁵ Р.Г.Мухамедова также обосновала точку зрения о значительной роли кыпчаков в этногенезе мишарей.¹⁶ Другие исследования говорят о том же.¹⁷ Вторым методологическим недостатком практически всех работ, так или иначе затра-

гивающих историю складывания тюркских групп Мещеры, является игнорирование необходимости исследования клановой организации в Касимовском ханстве. Именно изучение этносоциальной структуры этого государственного образования дает возможность переосмысления характера этнических процессов в XV—XVI вв., происходивших в Мещере в период существования татарских ханств.

Несмотря на то, что многие источники, представляющие первостепенное значение при разработке поставленных задач, были уже ранее проанализированы,¹⁸ ряд из них, в своем большинстве, опубликованных довольно давно, должной интерпретации до сих пор не получили. Между тем, в некоторых случаях речь идет о весьма важных для данного исследования, источниках. Вкратце остановимся на их общей характеристике.

К первой группе источников можно отнести те документы, в которых так или иначе говорится о территории Мещеры в конце XIV—XVI вв. Это данные летописных сообщений 1392—1393, 1536, 1541, 1551 гг.,¹⁹ договорные грамоты русских великих князей 1401—1402 гг.,²⁰ дипломатическая переписка Ивана III с казанским ханом Мухаммед-Амином 1489 г.,²¹ и крымского хана Мухаммед-Гирея с великим князем Василием Ивановичем 1517 г.,²² отдельные актовые материалы 1528, 1542, 1580 гг.,²³ воспоминания А.Курбского,²⁴ переписка Ивана IV с ногайскими мурзами от 1559 г.,²⁵ духовные завещания Ивана III (1504 г.), Ивана IV (1572—1578 гг.)²⁶ и некоторые другие источники.²⁷ Сюда же относятся и разные сведения о городских центрах в Мещере: о “Мещерском городке”,²⁸ “об “Андреевом городке”,²⁹ Темникове,³⁰ “Новом городке”,³¹ Кадоме”³² и Шацке.³³ Вторая группа источников раскрывает внутреннее административное устройство Мещеры — Мещерского “юрта”. Наиболее информативная их часть — писцовые и переписные книги первой трети XVII в., были опубликованы В.В. Вельяминовым-Зерновым и П.Н.Черменским.³⁴ С.Яхонтовым в 1891 г. была также издана переписная книга г.Касимова 1646 г., содержащая в своем составе и писцовую книгу г.Касимова 1629 г.³⁵ Осталась не изданной переписная книга 1645 г. по Шацкому уезду.³⁶ Но многие интересные сведения о постепенном выделении из состава единой Мещеры самостоятельных уездов, разбросаны в различных изданиях³⁷ и еще не привлекались при изучении административно-территориального деления Мещеры XVI — начала XVII вв. Третья группа источников освещает социальную структуру Мещерского “юрта”. В них речь идет о знати (ханы, султаны, князья,³⁸ уланы,³⁹ сеиты⁴⁰) и о “черных людях”.⁴¹ Особенности Мещеры как специфического административно-политического образования — Мещерского “юрта”, состоявшего из отдельных княжеств, прослеживаются на основе источников четвертой группы.⁴² Наконец, пятую группу источников составляют документы и материалы, имеющие отношение к этническому составу тюркского населения данного “юрта”. Среди них можно назвать документы о “татарах”,⁴³ “мещеряках” (можерянах),⁴⁴ “бурта-

сах” (посопных татарях),⁴⁵ “бесерменах”,⁴⁶ “башкирах” и “тарханах” (ногайцах).⁴⁷ В связи с тем, что выяснение этнических истоков тюркского населения Мещеры в мою непосредственную задачу не входило, при обращении к этому вопросу я, кроме уже указанных трудов, опирался и на исследования А.А. Короткова, В.И.Лебедева, И.Вашари, М.Р.Полесских и Г.Ф.Ковалева.⁴⁸

Примечания

- ¹ Так, Р.Г.Мухамедова в своем очерке, посвященном проблеме этногенеза мишарей, вопрос об их вхождении в состав Касимовского ханства вообще не затрагивает (*Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари ... — С.11—17), Ф.Л.Шарифуллина, хотя и выделяла мишарей как самостоятельную этническую группу в Касимовском ханстве, их роль в формировании данного государственного образования не рассматривала, ограничившись указанием на участие “мещеры” (можар) в этногенезе касимовских татар (*Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары... — С.5—27). В работе А.Х.Халикова также отсутствует характеристика Касимовского ханства как этнополитического образования, связанного не только с касимовскими татарами, но и мишарями (См.: *Халиков А.Х.* Татарский народ ... — С.164—181).
- ² *Мухамедьяров Ш.Ф.* Основные этапы ... — С.54; *Его же.* Рец. на кн. ... — С.144.
- ³ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.І. — С.26.
- ⁴ Там же. — С.ІV.
- ⁵ *Ключевский В.О.* Курс ... — Ч.ІІІ. — С.192.
- ⁶ *Мәржәни Ш.* Мөстәфәдел... — С.177—187.
- ⁷ *Атласи Һ.* Себер тарихи. Сәен-бикә. Казан ханлыгы... — С.229.
- ⁸ *Худяков М.* Очерки... — С. 26—29.
- ⁹ Это видно из того, что Касима он называет “удельным государем в Мещере” (Там же. — С.36).
- ¹⁰ *Сафаргалиев М.Г.* Распад ... — С.255—257.
- ¹¹ *Зимин А.А.* Россия ... — С.234—236.
- ¹² *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.І. — С.26; ч.ІV. — Вып.І. — С.1—3,53; *Мәржәни Ш.* Мөстәфәдел ... — С.186—187; *Учок Бахрие.* Женщины ... — С.110—114.
- ¹³ Обзор литературы по этому вопросу см.: *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари... — С.11—17; *Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары... — С.10—15.
- ¹⁴ *Васильев Б.А.* Проблема буртасов ... — С.205.
- ¹⁵ См.: *Ахмаров Г.* О языке ...
- ¹⁶ *Мухамедова Р.Г.* Основные ... — С.119—123; *Ее же.* Татары-мишари... — С.226.
- ¹⁷ *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.64—79; *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки ... — С.176—178; *Махмутова Л.Т.* Опыт ... — С.262.
- ¹⁸ Прежде всего имеются в виду следующие работы: *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — ч.І; ч.ІІ; ч.ІІІ; ч.ІV, вып. І; *Смирнов М.И.* О князьях ... — С.161—196; *Алексеева Т.И., Васильев Б.А.* К вопросу ... — С.3—13; *Васильев Б.А.* Проблема буртасов... с.180—209. Кроме того, см. также: *Можаровский А.Ф.* Где ... — с.17—20 (заслуживает внимания и заметка В.В.Радлова о публикации А.Ф.Можаровского — Там же. — с.18); *Христофоров П.Я.* О старинных ... — С.27—42; *Шишкин Н.И.* История ...; *Смирнов И.Н.* Мордва ...

- с.300—322; *Чекалин Б.Ф.* Саратовское ...; *Его же.* Мещера и буртасы ... — С.65—74; *Готье Ю.В.* Десятни ...; *Черменский П.* Очерки ...; *Его же.* Наступление ... — С.58—66; *Куфтин Б.А.* Татары ... — С.135—148; *Толстов С.П.* Итоги ... — с.149—161; *Сафаргалиев М.Г.* Заметка ... — С.88—96; *Черменский П.Н.* Некоторые ... — С.172—174; *Его же.* Материалы ...; *Сафаргалиев М.Г.* К истории ...; *Черменский П.Н.* Народ буртасы ... — С.83—95; *Лебедев В.И.* Легенда ...; *Исхаков Д.М.* Этнографические группы... — С.66—117.
- ¹⁹ ПСРЛ. — т.11—12. — с.148, 154; т.13, первая пол. — с.88, 105, 161, 199.
- ²⁰ ДДГ, 1950. — С.44; ДДГ, 1909. — С.36, 57.
- ²¹ Сборник РИО — т.41. — С.87.
- ²² Сборник РИО. — т.95. — С.15, 51.
- ²³ Описание делам Шацкого архива ... — С.32; *Иероним.* Рязанские ... — С.40; Материалы по истории Тамбовского ... — С.147.
- ²⁴ История князя А.Курбского ... — Т.1. — с.17.
- ²⁵ ПДРВ. — ч.Х. — с.49.
- ²⁶ ДДГ, 1909. — с.36, 57.
- ²⁷ *Готье Ю.В.* Десятни.... — с.2, 15; ААЭ. — Т.2. — С.250—252; *Шумаков С.* Материалы ... — С.12, 29
- ²⁸ Прежде всего, эти сведения содержатся в карте 1459 г. венецианского монаха Фра Маура (см.: *Tardy J.* A contribution ... — p.189—190). К этой карте важны комментарии Б.А.Рыбакова (см.: *Рыбаков Б.А.* Русские карты ... — С.18). Далее, заслуживают внимания и другие картографические материалы: карты А.Вида 1537 г., А.Джекинсона 1562 г., Г.Меркатора 1594 г., И.Маассы 1633 г. (см.: *Кордт В.* Материалы ... — Вып. 1. — № 6, 11, 17, 24; вып.2. — № 44). Кроме того, сведения о “Мещерском городке” содержатся, но не всегда в прямой форме, в летописных сообщениях за 1469, 1470, 1472 гг. (ПСРЛ. — т.11—12. — с. 118, 122, 149—150, 154; т.27. — С.135; т.28. — с.144; т.37 — с.93; т.15. — с.497). Отдельные данные об этом “городке” имеются в договорных грамотах русских князей за 1481 г. (ДДГ., 1950. — с.275) и дипломатической переписке за 1508 г. (Сборник РИО — т.95. — с.15).
- ²⁹ Наиболее ранние сведения об этом “городке” содержатся в дипломатической переписке великого князя Василия с жившими в Ногайской Орде ханом Ак-Девлетом и его сыном Ак-Куртом 1508 г. и донесениях казаков 1515—1516 гг. (Сборник РИО, т.95. — с.15, 231; *Смирнов М.И.* О князьях... — с.196). Другие данные сосредоточены в актовых материалах (вплоть до XVIII в.) и дореволюционных исследованиях (см.: Ведомость ... — с.102—103; Известия ТУАК. — вып.35. — с.85; *Соколов Ф.С.* Географический ... — С.5,74; *Голомбиевский А.* Выписка ... — С.49; *Нарцов А.Н.* Историко-археологическая ... — С.65; *Его же.* Археологическая ... — С.2—3).
- ³⁰ Первые сведения о Темникове (Старом Городище) встречаются в летописях в 1536 г. (ПСРЛ. — т.13, первая пол. — с.89, 109). Интересный материал об этом городе имеется в составе исторических преданий татар (*Иоанн.* Сказание ... — с.3—162; Записки А.Илларионовича ... — С.163—226; Летопись Саровской пустыни ...; *Нарцов А.Н.* Археологическая... — С.24). Город упоминается и в духовном завещании Ивана IV (ДДГ, 1909. — с. 57). Кроме того, акты материалы XVI—XVII вв. также содержат богатую информацию о Темникове (см.: *Холмогоровы В. и Г.* Материалы ... — с.77; *Чекалин Ф.Ф.* Два архивных ...; *Хохлаков В.* Материалы ... — С.2; Описание делам исторического ... — С.87; Исторические материалы. Документы ... — С.132—133;

- ДМ. — Т.І. Ч.ІІ. — с.353; т.3. — Ч.ІІ. — Саранск, 1953. — с.372; *Веселовский С.* Акты ... — Т.2, вып.І. — С.132; АМГ. — Т.І. — С.196—197).
- ³¹ О “новом городе” (Елатье) имеются летописные сообщения (ПСРЛ. — т.11—12. — с.154. — т.27. — с.137). Елатья упоминается также в 1538 г. в переписке с ногайскими князьями (ПДРВ. — ч.VIII. — С.64). См. также: *Соколов Ф.С.* Географический... — с.15.
- ³² Речь идет о Новом Кадоме (первое упоминание в 1539 г. — ПСРЛ. — т.13, первая пол. — с.88).
- ³³ В летописных сообщениях о дате возникновения Шацка есть разночтения (См.: ПСРЛ. — т.13. первая пол. — с.88).
- ³⁴ Это: Дозорная книга Темникова с уездом 1614 г., Писцовая книга Мещеры (Мещерского уезда) 1616—1617 гг., Писцовая книга Касимовского уезда 1628—1629 гг. и Писцовая книга города Касимова и Касимовского уезда 1627 г., описание владений царевича Сеит-Бурхана в Елатомском уезде (1627 г.). (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследования... — ч.ІІІ. — с.62—170; *Черменский П.Н.* Материалы... — с.51—56). Некоторый интерес представляет и “Книга переписная 7191 г. (1683 г.) по городу Касимову”, изданная также В.В.Вельяминовым-Зерновым (Исследование... — ч.4. — вып.І. — с.55—110).
- ³⁵ *Яхонтов Ст.* Переписная книга ... — С.5—10.
- ³⁶ Книга переписная 1753 г. из архива Шацкого уездного суда ...
- ³⁷ Приложение к описи ... — С.69, 72; Опись Рязанского ... — С.38—39; Царская грамота 1616 г. ... — с.128; Выпись 1620 г. ... — с.66; Копия с Шатской ... — С.82—130; Выпись Темниковских писцов 7131 г. ... — с.67; Опись делам ... — с.61—209; Исторические материалы ... — с.69; *Шишкин Н.И.* История... — с.55; *Иероним.* Рязанские... — с.41; Материалы по истории ... — Т.І. — с.246; Исторические материалы. Документы... — с.114—182; ДМ. — Т.І. — Ч.ІІ. — с.326, 417. Материалы для истории ... — с.162—163.
- ³⁸ О высшей знати в Мещере говорится прежде всего в летописях (ПСРЛ. — Т.9—10. — с.211; т.11—12. — С.75, 130, 148, 211) и договорных грамотах русских князей 1434, 1441—1442, 1481 гг., а также завещаниях Ивана III и Ивана IV (ДДГ, 1950. — с.86, 144, 284—285; ДДГ, 1909. — с.36, 57). Большой объем информации о князьях в Мещере содержится в дипломатических материалах (переписка Московского великого князя с Крымом и Ногайской Ордой): Сборник РИО — т.41. — с.46, 71, 98, 141, 370; Сборник РИО. — т.95. — с.224, 231; *Малиновский А.* Историческое ... Об этой группе говорится и в родословных (См.: *Смирнов М.И.* О князьях... — С.161—191; *Феокистов В.* Историческое ... — с.24—25; Хронологический указатель ... — с.360—361; *Сафаргалиев М.Г.* К истории... — с.68—69, 74—76; Летопись Саровской пустыни... — Ч.І. — л.13 об; *Әхмәтҗанов М.* Шәҗәрәләр ... — с.2—3; *Соколов А.* Материалы ... — с.283—285). Много данных о “мещерских” и “мордовских” князьях в актовых материалах XVI—XVII вв. (См.: Опись делам... — с.178; Опись делам Шацкого... — с.11, 32; Материалы по истории Тамбовского... — Т.І. — с.246, 384; Жалованная грамота ... — с.147; Список с грамоты ... — С.4; Известия ТУАК. — Т.ХІ; Материалы исторические и юридические ... — Т.І. — С.54, 135; ДМ. — Т.І. — Ч.ІІ. — С.25, 394, 415; *Яхонтов Ст.* Переписная книга ... — С.7, 9; Материалы для истории Тамбовской епархии Н.И.Орлова. — с.5) Отрывки из исторического труда Кадыр-Али бека, опубликованного И.Березиным, содержат важные сведения о клановом составе знати в Касимовском ханстве (*Березин И.* Татарс-

- кий летописец ... — С.543—554). Ценны и наблюдения В.В.Вельяминова-Зернова (См.: Исследование ... — ч.І. — с.89, 286, 416). Некоторые данные см. также: *Воронин И.Д.* Язык земли ... — С.128—129.
- ³⁹ Об уланах см.: Сборник РИО. — Т.41. — с.46, 98, 370; *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай ... — с.48; *Малиновский А.* Историческое... — л.214 об.; 247; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование — Ч.І. — С.134, 286; ч.ІІ. — с.116. Казанская история... — с.58.
- ⁴⁰ О сеитах имеются летописные известия (См.: ПСРЛ. — т.11—12. — с.228; т.13, первая пол. — с.199; т.27. — с.290; т.28. — с.158). Некоторые сведения о них есть и в дипломатической переписке с Крымом и с Ногайской Ордой (*Малиновский А.* Историческое... — л.258 об; *Щербатов Мих.* История ... — т.5. — ч.1. — С.501—502). Упоминаются сеиты и у Кадыр-Али бека, а также в переписной книге по г.Касимову 1646 г. (*Березин И.* Татарский летописец... — с.550; *Яхонтов См.* Переписная книга ... — с.5—6). Значительное внимание вопросу о сеитах в Касимовском ханстве уделил и В.В.Вельяминов-Зернов (См.: Исследование... — ч.1. — с.410, 421; ч.ІІ. — с.94, 410, 443).
- ⁴¹ ДДГ, 1909. — с.126, 139—140; Материалы по истории Тамбовского... — т.1. — с.384; *Березин И.* Татарский летописец... — с.550; ПСРЛ. — т.13, первая пол. — с.199; Копия с грамоты ... — с.31; *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай ... — С.48; Сборник РИО. — Т.41. — с.141; *Малиновский А.* Историческое ... — Л.247; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.І. — С.197, 286, 418; ч.ІІ. — с.80—81; ч.ІІІ. — С.220—237; АМГ. — Т.1. — С.196—197; *Порфирьев С.И.* Роспись ... — с.456—457; *Шишкин Н.И.* История... — с.51—52; Книга переписная 1683 г. по г.Касимову... — с.100—101.
- ⁴² Особенно ценны источники, позволяющие поставить вопрос о статусе Мещерского “юрта”. Это договорные грамоты русских князей (ДДГ, 1950. — с.126—127, 139, 275), летописные сообщения (ПСРЛ. — т.11—12. — с.205; т.13 — первая пол. — с.349, 435, 495, 507), а также дипломатические материалы, связанные прежде всего с поздне татарскими ханствами (Сборник РИО. — т.95. — с.11—15; 199, 251, 339, 377, 696; *Малиновский А.* Историческое... — л.217, 220, 222, 239об.). Заслуживают внимания и сопоставительные данные по Крымскому ханству (*Лашков Ф.Ф.* Сборник документов ... — с.118—130; *Его же.* Исторический ...; *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай ... — С.27,30; *Бахрушин С.* Основные моменты...). Аналогичные сведения по Казанскому ханству начального периода его истории см.: АИ. — Т.1. — С.497—498. При разборе проблемы княжеств в составе Мещерского “юрта”, мной анализировались следующие источники по клановой системе в этом государстве: Сборник РИО. — Т.41. — С.28, 141, 211, 305, 412, 421, 529; Сборник РИО. — Т.95. — С.50, 51, 68; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.1. — С.201; Ч.ІІ. — С.40, 367, 412—428, 434—435; ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.69, 199, 289; *Малиновский А.* Историческое ... — л. 247; Казанская история ... — С.64—65, 80; Разные бумаги ... — С.15; *Жунисбаев К.* Кадыргали ... — С.212; *Усманов М.А.* Татарские ... — С.45—47; ПДРВ. — Ч.Х. — С.49, 320; ДДГ, 1950. — С.330; ДМ. — Т.1. — Ч.ІІ. — С.304; Копия с грамоты ... — С.31; Материалы по истории Тамбовского... — Т.1. — С.245—246, 384; Копия с Шатской писцовой ... — С.130; *Николаевский М.Ф.* Историко-археологические ... — С.73.
- ⁴³ В основном, это акты XVI—XVII вв.: Розряды ... — С.292—

- 324, 351—353; *Порфирьев С.И.* Роспись ... — С.465—467; Опись дел Рязанского... — С.39; *Веселовский С.* Акты ... — Т.2. — Вып.1. — С.132; АМГ. — Т.1. — С.196—197; Дополнения ... — Т.2. — № 40; Список с писцовой и межевой ... — С.103; Переписная книга по г.Касимову... — С.5—10; *Герасимов А.* Материалы ... — С.23. Их очень много в работе В.В.Вельяминова-Зернова (См.: Исследование ... — Ч.1. С.197, 201, 286, 410, 421, 458; ч.II. — С.13, 50, 81, 86, 94; ч.III. — С.24—26, 29—32, 34—35, 221—230). Отдельные сведения встречаются и в русских летописях: ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С. 38, 199.
- ⁴⁴ Толковая Палея ... — С.69; Отводная грамота ... — С.33—56; ДМ. — Т.1. — Ч.II. — С.169; *Готье В.В.* Десятни. — С.2, 5, 24—25; Книга переписная 1645 г. из архива ...; Копия с грамоты ... — С.31; ПДРВ. — Ч.VII. — С.240, 249; Ч.VIII. — С.33—34, 50; *Щербатов М.* История... — Т.5. — Ч.1. — С.487; договор 1483 г. русских князей (ДДГ, 1909. — С.140). Имеются и ряд данных о распространении этнонима “мишари” — См.: Мещеряки ... — С.11; *Рычков П.И.* Топография ... — Ч.1. — С.72—73; Изъяснение И.К.Кириллова ... — С.495; Представление Переводчика ... — С.556; Записка Оренбургского ... — С.581; *Любавский М.К.* Образование ... — С.50, 90—91; Окружная грамота ... — С.74—80.
- ⁴⁵ О буртасах в Мещере имеется лишь небольшой круг источников конца XVI — начала XVII вв.: *Черменский П.* Буртасы... — С.277; *Чекалин Ф.Ф.* Саратовское... — С.20; *Христофоров П.Я.* О старинных... — С.33; *Смирнов И.Н.* Мордва... — С.306—307; Выпись из книги 132 — 134 гг. ... — С.376; Список отводной записи ... — С.117; Выпись Темниковских ... — С.67; Опись делам. — С.184; *Хохряков В.* Материалы... — С.6.
- ⁴⁶ Сведения о “бесерменах” встречаются в договорной грамоте русских князей 1483 г. (ДДГ, 1950. — С.127), дипломатических материалах, связанных с перепиской московского великого князя с Крымской знатью и ногайскими князьями (Сборник РИО. — Т.95. — С. 11, 209, 224, 231, 292, 374; ПДРВ. — Ч.VII. — С.240, 249; Ч.VIII. — С.33—34, 50; *Щербатов М.* История ... — Т.5. — Ч.1. — С.487; *Дубасов И.И.* Очерки ... — С.95.; *Соловьев С.М.* Сочинения ... — Кн.3. — Т.5—6. — С.586; *Смирнов М.И.* О князьях ... — С.170).
- ⁴⁷ Это данные русских летописей (ПСРЛ. — Т.13. первая пол. — С.167, 289, 295; ПСРЛ. — Т.19. — С.107), договорных грамот русских князей XV в. (ДДГ, 1909. — С.59), дипломатические материалы (Сборник РИО. — Т.41. — С.81, 385, 421; *Малиновский А.* Историческое... — Л.183; *Щербатов М.* История... — Т.5. — Ч.1. — С.488; ПДРВ. — Ч.VII. — С.316; Ч.IX. — С.113, 116, 172, 193, 281, 287; ч.X. — С.45—46, 49, 93, 110, 113, 156, 166, 177, 224, 227, 243, 255, 262, 268, 279; ч.XI. — С.52, 101, 145, 281, 225), актовые документы (Копия с грамоты ... — С.31; ДМ .. — Т.1. — Ч.II. — С.439; книга переписная по г.Касимову ... — С.455; Арзамасские поместные ... — № 442; Материалы по истории Тамбовского... — Т.1. — С.271; Опись делам Шацкого... — С.30—32; Опись делам 1732 г. ... — С.32; Ведомость Тамбовского ... — С.104—117; Книга окладная Шацкого ... — С.221). Часть сведений можно почерпнуть из публикаций (См.: *Смирнов И.Н.* Мордва... — С.313; Сочинения князя Курбского ... — Т.1. — С.60; *Хохряков В.* Материалы ... — С. 19; *Шишкин Н.И.* История... — С.62; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.II. — С.469, 489, 492, 496; *Лашков Ф.Ф.* Исторический ... — С.73; *Кузеев*

Р.Г. Происхождение... — С.364—365; *Герасимов А.А.* Мордовский “беляк” ... — С. 13, 71, 105—106).

⁴⁸ *Коротков А.А.* К вопросу ... — С.71—79; *Лебедев В.* Загадочный ...; *Полесских М.Р.* Археологические ...; *Его же.* Исследование ... — С.202—217; *Vasary I.* The Hungarians ...; *Полесских М.Р.* Древнее ... — С.67—84 (глава V); *Ковалев Г.Ф.* История ...

§1. Мещера как Мещерский “юрт”

(границы, административно-территориальная структура, статус).

Уже в “Толковой Палее”, самый ранний список которой восходит к 1350 г.,¹ понятие “Мещера” встречается в таком контексте,² который позволяет заподозрить в нем политоним. Там сказано: “... Меря, Мордва, Мещера, Мурома ...”. Так как к XIV в. не все из перечисленных групп были этническими общностями, например, “Мурома” трансформировалась в г.Муром с округой — Муромское княжество — то и в “Мещере” можно предположить аналогичное образование. Источники конца XIV — начала XV вв. усиливают это впечатление. Например, во время событий, связанных с пожалованием в 1392—1393 гг. ханом Тохтамышем великим княжением Василия Дмитриевича, сообщается: “... и придаде ему (Василию — *Д.И.*) царь Тактамыш Новгород Нижний и Городец со всем, и Мещеру, и Торусу”.³ В лице Новгорода Нижнего и Городца “со всем” мы имеем дело с Нижегородским княжеством, а “Торуса” — это Тарусское княжество.⁴ Присутствие Мещеры в этом перечне скорее всего показывает ее однопорядковость с данными административно-политическими образованиями. Более того, если у указанных выше княжеств имелись городские центры, а это так и есть, то аналогичное городское “ядро” сельской “округи” могло быть и у Мещеры. Действительно, в договорной грамоте (“докончании”), датированной 1401—1402 гг., отмечается: “... и Мещеры с волостми, и что к ней потягло”.⁵ Под “волостми” тут имеется в виду сельская округа. Правда, письменные источники впервые на городской центр Мещеры указывают лишь в 1472 г., когда говорится об “отпущении” царевича Даниара “в свой ему городок”.⁶ Этим “Городком царевича”, упомянутом и в грамоте от 1481 г.,⁷ мог быть только представленный в источниках начала XVI в. “Мещерский городок”.⁸ Он возник явно раньше. Так, на карте венецианского монаха Фра Маура 1459 г., рядом с “провинцией mordua” указана “провинция meschiera” и там же на левом берегу реки “Oxuch” (Оки) присутствует населенный пункт “Macharini” ~ “Machrmi”.⁹ Расположение последнего соответствует местонахождению “Мещерского городка”. Кроме того, по данным В.В.Вельяминова-Зернова, царевич Касим в народной памяти слыл “за строителя мечети и первого дворца в Городце”.¹⁰ А так как Касим закрепился в Мещере между 1446—1456 гг., то можно сделать вывод о существовании “Мещерского городка” не позже середины XV в. Но в Мещере и до возникновения этого городка имелись городские центры, о чем говорят некоторые данные письмен-

ных источников, прежде всего имеющих отношение к “Андрееву городку”. В первый раз он упоминается как “Андреев городок каменной”, числившийся “за Янаем царевичем... к городку” (т. е. к Мещерскому городку), в дипломатических материалах 1508 г.¹¹ В 1514 г. речь идет об отправке “...на Мещеру да на Андреев городок коней для татар Косылова (правильно — “Касимова” — *Д.И.*) городка”.¹² В 1515 г. рассматриваемое городское поселение еще раз фигурирует в послании великому князю Московскому из Азова: “... а к весне ... бий Исуп наряжается, послал к Крыму человека..., а хотят государь ити на Ондреева городища да на Бастаново”.¹³ Выражение “Ондреево городище” быть может, говорит о том, что городок был к этому времени разрушен или покинут. Этот городок в начале XVI в. имел какой-то особый статус, так как в 1508 г., когда Ак-Курт хан просил у Василия Ивановича московского для своего сына Казань или Мещерский городок, в случае их занятости он претендовал на “Андреев городок”.¹⁴ Укрепленный “Андреев городок” должен был находиться или на рубежах Мещеры, или на традиционном пути нападения кочевников, так как в сообщении 1515 г. речь идет о возможном приходе воинских людей из степи. А татарское селение Бастаново¹⁵ располагалось на известной дороге из степей, проходившей через “Шацкие ворота” (там в середине XVI в. возник г.Шацк) вглубь Мещеры. Относительно недалеко от этих “ворот” находилась дорога, ведущая к г.Кадому и проходившая через другие — “Вадовские ворота”.¹⁶ Последнее обстоятельство заслуживает внимания. Дело в том, что еще М.И.-Смирнов не исключал возможность того, что “Андреев городок” находился на Преображенском кургане недалеко от г.Кадома.¹⁷ Эта мысль не лишена основания. Во-первых, из родословной князей Мещерских известно, что сын родоначальника этих князей — Беклемиш, крестился и с собой крестил “многих людей”, и в “Андреевом городке” поставил храм Преображения.¹⁸ Во-вторых, в версте от г.Кадома, на другом — Вознесенском кургане, по преданиям, жил какой-то “хан Кадыш” и там стояла “крепость с двойными стенами”.¹⁹ Да и на месте городища Старого Кадома в начале XVII в. жили татары.²⁰ Вообще, вокруг г.Кадома имеется целое гнездо тюркской топонимики, правда, должным образом не исследованное. Поэтому, в “Андреевом городке” можно видеть, по образному выражению М.И.Смирнова, “главный город Мещерских князей”, бывший столицей Мещеры до возникновения “Мещерского городка”.²¹ Возможно, что в Мещере существовал еще один укрепленный пункт, известный как “Старое Городище”, т.е. Темников. Во-всяком случае, при переносе в 1536 г. Темникова на новое место в летописях говорится: “был старый город мал и некрепок”,²² что указывает на существование его и до 1536 г. На месте “Старого Городища” в 1570-х гг. находились владения татар.²³ Кроме того, в татарских родословных население “Старого Городища” и его окрестностей возводится к Бехану — правителю легендарного города Сараклыча и еще трех городков поблизости от него, жившему при Дмитрие Донском и его сыне Василии, т.е. во второй половине XIV

— начале XV вв.²⁴ Но судя по эпитетам “мал и некрепок”, этот городок был скорее всего не более чем укрепленным феодальным центром, расположенном на рубежах Мещеры.²⁵ В 1474 г. в летописях говорится о пожаловании царевичу Муртозе “Новгородка” на “Оце со многими волостми”.²⁶ Что это за городок? Царевич Муртоза дважды (в 1472 и 1474 гг.) отмечается вместе с царевичем Данияром,²⁷ поэтому “городок на Оке” следует искать в Мещере. Возникает вопрос, не скрывается ли под ним сам “Мещерский городок?” Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным — летописное сообщение 1472 г. ясно говорит о нахождении в “Мещерском городке” Данияра.²⁸ Да и в 1471 г. он был “отпущен” в “Мещеру”,²⁹ что означает его проживание в том же поселении. По-видимому, Данияр начал править в “Мещерском городке” еще с 1469 г.³⁰ Следовательно, под “городком на Оке” надо понимать другой центр. Скорее всего, им был город Елатъма, возникший незадолго до пожалования его Муртозе³¹ (на это указывает его название — “Новый городок”).

К началу XV в. Мещера имела внутреннюю административную структуру — это видно из фразы в договоре 1401 г. — “Мещера с волостми, и что к ней потягло”.³² “Волости” отмечаются в Мещере в 1474 г.³³ и в конце XV в.³⁴ В 1504 г. опять говорится о Мещере “с волостми с селы и с Косимовым”.³⁵ Однако, локализация и названия этих “волостей” в документах XV в. отсутствуют. Лишь в 1528 г. одна из “волостей” Мещеры расшифровывается — мы узнаем о существовании “Подлесной волости”.³⁶ В составе последней упоминаются сельцо Верхнее Пыжово и д.Козлово (1528 г.). Еще ранее сообщается о существовании татарского селения Бастаново (1515 г.),³⁷ хотя и без указания волости, куда оно входило. К 1572—1578 гг. внутренняя административная структура Мещеры усложнилась и выглядела следующим образом: “... город Мещера (“Мещерский городок” — *Д.И.*), с волостми и с селы и со всем тем, что к ней изстари потягло, и с Кошковым, и Кадом, и Темников, и Шацкий городок, со всем; и князи Мордовские со всеми же их вотчинами”.³⁸ Появление в завещании Ивана IV названий ряда городов было связано с обустройством городских поселений в Мещере в первой половине XVI в., хотя в некоторых случаях это происходило на основе старых городских поселений. В 1539 г. в летописях сообщается о повелении московского великого князя “...град сделати древян в Мещере на реке на Мокше, на месте зовомом Рунза, того ради, что в тех местах несть градов близу”.³⁹ П.Н.Черменским было высказано обоснованное мнение о том, что в летописи речь идет о городе Кадоме (новом).⁴⁰ Я присоединяюсь к этому мнению. В том же году был “преставлен град Темников на иное место, на реце на Мокше”.⁴¹ В 1553 г. в Мещере “... в Шатцких воротех на Шате реке” был построен город Шацк,⁴² с возникновением которого территория Мещеры, известная по письменным источникам начала XVII в., оформилась окончательно.

В XV в. Мещера имела устойчивые границы — об этом говорят такие встречающиеся в источниках выражения, как: “порубежье Мещерским

землям”, “земли к Мещере по давнему”, “Мещерские места”.⁴³ Из многих, к тому же достаточно разнохарактерных источников XVI в., Мещера также предстает как географически определенный ареал.⁴⁴ Тем не менее, до начала XVII в. мы располагаем лишь отрывочными сведениями о границах Мещеры.

Из документов второй половины XIV в. можно извлечь лишь один вывод: Мещера находилась в смежных районах Московского и Рязанского княжеств, где-то между “Мордвой” и “Муромой”, но в непосредственной близости от “места Татарская”.⁴⁵ Если верна моя реконструкция местонахождения “Андреева городка”, то в начале XV в. центр Мещеры находился в районе г.Кадома. Приход царевича Касима привел к возникновению нового столичного центра Мещеры — “Мещерского городка”, при сохранении старой столицы как городского поселения.

Перемещение столицы на новое место вряд ли отразилось на границах Мещеры, так как формула, описывающая ее рубежи, во второй половине XV в. не изменилась — в грамоте от 1483 г. сообщается: “а земля по давнему к Мещере, а порубежье Мещерским землям, как было при великом князе Иване Ярославиче и при князе Александре Уковиче”.⁴⁶ И в письме Ивана Васильевича (Московского) казанскому хану Мухаммед-Амину (1489 г.) с предупреждением о том, чтобы “...из Казани через Мордву и через Черемису в Муром и на Мещеру не ездил никто”, иначе как “Волгою... на Новгород Нижний”,⁴⁷ автор послания не сомневается в том, что адресат воспримет понятие “Мещеры” так же точно, как “Муром” и “Нижний Новгород”.

В XVI в. под “Мещерой” следует понимать ту территорию, которая “тянула” к отмеченным выше городам. Но следует заметить, что для XVI в. было характерно постепенное расширение первоначальной территории Мещеры. Не случайно появление в челобитной Рязанского владыки Ионы в 1542 г. формулы “большая и меньшая Мещера”.⁴⁸ Надо думать, что “меньшая Мещера” — это ближайшая округа г.Касимова (Мещерского городка), известная в 1563 г. как “Касимовский уезд”⁴⁹; под “большой Мещерой” надо понимать всю территорию “с волостями и с селы и со всем тем, что... из стари потягло, и с Кошковым, и Кадом, и Темников, и Шацкий город, со всем; и князи Мордовские со всеми же их вотчинами”.⁵⁰

Границы Мещеры начала XVII в. были детально исследованы П.Н. Черменским,⁵¹ основные выводы которого сводятся к следующему. Западную часть территории Мещеры к началу XVII в. образовывал Касимовский уезд, по писцовой книге 1628—1629 гг. состоявший из 4-х волостей (Бабенской, Перьевской, Рубецкой и Давыдовской)⁵² и Борисоглебского стана. Кроме того, по писцовой книге 1627 г. в уезде отдельно выделяются владения царевича Сеит-Бурхана (часть его владений находилась и в Елатомском уезде). К Касимовскому уезду примыкал Мещерский уезд, по писцовой книге 1616—1617 гг. состоявший из 3 станов (Подлесного, Замокшенского и Борисоглебского). Последний из них,

согласно П.Н.Черменскому, соседил с Касимовским уездом с востока. К востоку от Борисоглебского стана находилась территория Подлесного стана, а Замокшенский стан, как видно из названия, располагался за р.Мокшей, примыкая к Подлесному стану с запада. Территория третьего — Темниковского уезда, соседила с двумя последними станами, но была отделена от них большим лесным массивом (за исключением течения р.Мокши, вдоль которого Темниковский уезд соприкасался с Замокшенским станом Мещерского уезда).

Несмотря на обилие у П.Н.Черменского конкретных данных, позволяющих достаточно точно очертить рубежи Мещеры начала XVII в., некоторые ключевые аспекты административно-территориального устройства Мещеры остались незамеченными этим исследователем. В связи с тем, что они важны для реконструкции территории Мещеры XVI — начала XVII вв., обратимся к более детальной характеристике административной структуры Мещеры. Полагаю, что П.Н.Черменский не совсем правильно раскрыл смысл понятия “Мещерский уезд”. Он свел территорию этого уезда к совокупности трех станов (Подлесного, Замокшенского и Борисоглебского), что верно лишь для конкретной даты.

Термин “Мещерский уезд” появился в источниках лишь между 1553—1565 гг.⁵³ Причем он не сразу вытеснил привычное наименование “Мещера”. До 1580-х гг. имеются только три случая, когда части территории исторической Мещеры были названы “уездами”. Это Кадомский (1548 г.),⁵⁴ Касимовский и Темниковский (1563 г.) уезды.⁵⁵ Но в 1616 г. первый из них назван станом,⁵⁶ что позволяет видеть в нем структурный элемент Мещерского уезда. Да и применительно к Темниковскому уезду в 1563 г. использовано выражение “в Мещере”, что опять-таки говорит о вхождении уезда в состав более широкого административно-территориального образования. С другой стороны, когда используется понятие “Касимовский уезд”, параллельное употребление термина “Мещерский уезд” на одну и ту же дату в источниках не обнаружено. Поэтому, в источниках второй половины XVI в. понятие “Касимовский уезд” могло означать то же самое, что и “Мещерский уезд” в более раннее время. В пользу данной гипотезы можно привести два аргумента. Во-первых, в завещаниях Ивана III и Ивана IV использована такая формула, которая описывает структурированную на волости территорию с г.Касимовым (“Мещера” в 1504 г. и “город Мещера” в 1572—78 гг.) как ее центром. Во-вторых, даже в начале XVII в. некоторые станы, например, Борисоглебский, входили то в состав Касимовского, то Мещерского уездов (см. далее). Такое положение могло быть только в том случае, если территории этих уездов воспринимались как единое целое.

Однако необходимо признать, что во второй половине XVI в. на территории Мещеры начинается процесс формирования отдельных уездов. Правда, новое деление Мещеры закрепилось далеко не сразу — быстрее обособилась округа г.Темникова, находившаяся в значительном удалении от центральных районов Мещеры. Темниковский уезд начинает от-

мечаться между 1563—1586 гг.⁵⁷ Но и после этой даты известны случаи, когда части Темниковского и Мещерского уездов путались.⁵⁸ Тем не менее, к началу XVII в. Темниковский уезд уже сложился. Он состоял из Залесского, Верхмоксанского и Аксельского станов.⁵⁹ Возможно, что существовал еще один Окологородский стан.⁶⁰

Обособление уездов в центральной зоне Мещеры происходило более замедленно. Для этой части территории Мещеры были характерны постоянные переходы одних и тех же станов из состава одних уездов в другие. Так, в 1609—1610 гг. Борисоглебский стан числился в Касимовском уезде, где он находился и в 1616—1617 гг.⁶¹ Но в том же году по “Мещерским” книгам Л.Шеховского и Б.Степанова этот стан назван в числе 3-х станов Мещерского уезда (остальные два стана — это Подлесный и Замокшенский).⁶² В составе Мещерского уезда последний стан фиксируется еще в 1565 г.⁶³ (последующие упоминания в 1616—1617 гг.⁶⁴), а Подлесный стан отмечается в 1584 г.⁶⁵ Как уже указывалось, в 1616 г. округа г.Кадома была известна как “Кадомский стан” Мещерского уезда. Но в 1620 и 1625 гг. эта же территория именуется “Кадомским уездом”.⁶⁶ Вряд ли этот “уезд” был независим от Мещерского уезда. Даже в 1649 г. в “Кадомских писцовых книгах” фигурирует Замокшенский стан,⁶⁷ который в 1651 г. прямо назван в структуре Кадомского уезда.⁶⁸ Поэтому, фактически в данном случае мы имеем дело с тем же самым Мещерским уездом, только названным по очередному его центру — Кадому.

Аналогичное явление обнаруживается и при анализе состава Шацкого уезда. По “Шатской писцовой книге” 1623 г. Ф.Чеботаева, мы знаем о “Верхоценой волости”, бывшей всего лишь продолжением Подлесного стана в направлении “вверх” по р.Цне (волость находилась недалеко от г.Шацка).⁶⁹ Но в 1616—1617 гг. эта территория входила в состав Подлесного стана.⁷⁰ А в 1645 г. в “Книге переписной Шацкого уезда” уже известные нам станы — Подлесный, Замокшенский и Борисоглебский, выступают как части данного уезда.⁷¹

Уезды, постепенно сложившиеся на территории Мещеры, скорее всего формировались на основе существовавших ранее волостей или станов.⁷² Картографический анализ показывает, что г.Елатья находилась в Борисоглебском стане, Подлесный стан “оказывал” г.Шацк, а г.Кадом стоял на территории Замокшенского стана. Более сложную структуру из 4-х волостей имел Касимовский уезд. Но и у него вначале административное деление было иным, о чем еще будет сказано. Можно предположить, что и Темниковский уезд разделился на несколько станов не сразу (по крайней мере, мне неизвестны источники XVI в., в которых бы говорилось о станах в составе этого уезда).

Таким образом, имеющиеся факты не позволяют согласиться с утверждением Ю.В.Готье (а к нему во-многом присоединился П.Н. Черменский) о том, что состоявший из Борисоглебского, Подлесного и Замокшенского станов Шацкий уезд и “назывался... Мещерой на административном языке XVI—XVII вв.”⁷³ На самом деле понятие “Меще-

ры” для каждого периода требует конкретного анализа, так как Мещера являлась сложным и меняющимся во времени административно-территориальным образованием. Начавшаяся во второй половине XVI в. дифференциация этого некогда целостного этнополитического организма на ряд новых административных единиц — уездов, была связана не столько с формированием на территории Мещеры новых городов, сколько с изменением политической ситуации после завоевания Русским государством Казанского ханства и других позднесолотоордынских государств.

Ряд аспектов административного устройства Мещеры XV—XVI вв. требует предварительного рассмотрения социальной стратификации ее населения. Важнейшим элементом социальной структуры населения Мещеры являлись “Мещерские князья”, находившиеся на этой территории и до появления там татарских царевичей. Первое упоминание о “Мещерских князьях” в источниках относится к 1434 г.,⁷⁴ а повторное — к 1447 г.⁷⁵ Они были в подчинении у московского великого князя, что видно из формулы “правити”, использованной в договорных грамотах Москвы с Рязанью.⁷⁶ Однако в первой половине XV в. эти князья еще сохраняли какую-то свободу действий по отношению к своему сюзерену — в договорных грамотах за 1434 и 1447 гг. обсуждается вариант действий русских князей в том случае, если “князи Мещерские не учнут правити” московскому великому князю.⁷⁷

Приход около середины XV в. в Мещеру сына Улу-Мухаммеда — царевича Касыма, привел к усложнению социальной структуры местного общества. В летописном сообщении от 1450 г. говорится о “царевичах” (имеются в виду Касым и Якуб) и “всех князьях их”.⁷⁸ Под более поздней датой (1471 г.) появляются “князи царевичевы Даныяровы”.⁷⁹ В письме Крымского хана Менгли-Гирея московскому великому князю Ивану Васильевичу в 1480 г. речь идет о “царевичах” с “улары и князьями”.⁸⁰ В договорной грамоте 1483 г. отмечаются “царевичевы князи”, но с добавлением, что у них имелись “их казначеи и дараги”.⁸¹ Из документа становится ясно, что “царевичевы князи” существовали уже при Касыме, так как о них сказано: “царевичевы Касимовы князья Кобяк Айдаров сын, да Исак Ахматов сын”.⁸² В конце XV — первой половине XVI вв. и вплоть до начала XVII в. князья правителей Мещерского городка в документах появляются довольно часто.⁸³ В этой связи возникает вопрос: были ли эти князья известными с первой трети XV в. “Мещерскими князьями” или же это другая группа феодалов?

При поиске ответа на поставленный вопрос внимание следует обратить на несколько моментов. Прежде всего на то, какая формула применена в грамоте за 1483 г. по отношению к “Мещерским князьям”. О них устами московского великого князя говорится: “...А что наши князи Мещерские, которые живут в Мещере и у нас у великих князей, и тебе их (великому князю рязанскому — *Д.И.*) к себе не примати; а побегат от нас, и тебе их нам выдати”.⁸⁴ Таким образом, формулы грамот 1434, 1447 и 1483 гг. относительно “Мещерских князей”, совпадают. Это ско-

рее всего подтверждает преемственность данной группы знати, сложившейся еще до прихода царевича Касыма со своими людьми в Мещеру. Более чем вероятно, что под “Мещерскими князьями” значились золотоордынские феодалы. Во всяком случае, в начале рода князей Мещерских находится имя Бахмета, Усеинова сына, бывшего “князем Ширинским” и пришедшем из “Большой Орды в Мещеру”, воевавшим ее и “засевшем”.⁸⁵ Так как, согласно источникам, Ширины играли важную роль в Мещере и позже,⁸⁶ получается, что не существует принципиальной разницы между “царевичевыми князьями” (они же “городецкие князья и мурзы”) и “Мещерскими князьями” — в обоих случаях мы имеем дело с золотоордынскими феодалами. Тем не менее, “Мещерские князья” появились в Мещере несколько раньше другой группы знати, пришедшей с царевичем Касымом. Дело в том, что родословная Мещерских князей, по мнению М.Г.Сафаргалиева, была составлена лишь в XVII в. Поэтому дата прихода Ширинского князя Бахмета в Мещеру, отмеченная в родословной — 6706 г. (1198 г.), явно ошибочна, на что уже указывалось в литературе.⁸⁷ М.Г.Сафаргалиев, дискутируя с высказываниями некоторых исследователей о возможности изменения этой даты на 1298 г., пришел к выводу, что приход Бахмета в Мещеру “надо относить к более раннему периоду”. Однако свою датировку он не предложил. Мне представляется, что основная информация о дате прихода Ширинского князя Бахмета в Мещеру содержится в самой родословной и может быть определена по числу колен, которые там перечислены. В родословной отмечены: Усеин — Бахмет — Беклемиш (по крещении Михаил) — Федор — Юрий — Александр Укович. Последний из князей упоминается в грамоте за 1382 г.⁸⁸ Про князя Юрия Федоровича в родословной сказано, что он участвовал в Куликовской битве и этой подтверждается другими документами.⁸⁹ Если Александр Укович к 1382 г. был уже дееспособен, то дату его рождения надо отодвинуть к 1360-м годам. Следовательно, его отец мог родиться в 1340-е годы. Если на Федора и Беклемиша положить 50 лет (два поколения по 25 лет по общепринятым нормам в родословных), то время жизни Бахмета придется на конец XIII — начало XIV вв., т.е. фактически получаем 1298 г.

При обосновании даты прихода князей на территорию Мещеры мы не должны упускать из виду еще одну группу феодалов, известных как “Мордовские князья”. Дело в том, что в духовной грамоте великого князя Ивана Васильевича (Московского) за 1504 г. фигурируют “Князи мордовские все и з своими отчинами”.⁹⁰ Они отмечаются и в завещании Ивана IV 1572—1578 гг.⁹¹ Из текста этих документов видно, что “князи Мордовские” были связаны с Мещерой. Более того, в формуле завещаний XVI в. понятие “Мордовские князья” фактически заменяет термин “Мещерские князья” документов XV в. Кем же на самом деле были эти “Мордовские князья”?

Думается, они были теми же самыми золотоордынскими (татарскими) феодалами, о которых уже шла речь. Остановимся подробнее на

источниках, которые подтверждают этот вывод. В 1515—1516 гг. в документах упоминаются “мордовские татарове” — Темирев пасынок Альш, Карачюра, Осанов (возможно, Карачюра Осанов) Барам-шеих Бирев.⁹² Эта группа жила в окрестностях Кадома, так как именно там находились позже владения Вилгалдей мурзы Темирева (1649 г.)⁹³ и кадомских татар Карачюриных (начало XVII в.).⁹⁴ В 1552 г. кирдановской мордвой (кирдановским беляком) владел (был князем) кадомский мурза Исеней Мокшеев сын Бутаков, а после него — его брат мурза Девий (с 1559 г.). До Исенея этой же мордвой владел Сумарок князь Муратов сын Телепмшейкова.⁹⁵ В 1509 г. княжением над коньяльской мордвой был пожалован князь Акчура сын Адаша. До того “то княжение было за отцом его ... Одашом и за дядей его за князем Седиахметом”.⁹⁶ В 1539 г. князь Енгалыч Бедишев владел кадомской мордвой, у его потомков в 1565 и 1580 гг. названной “тялдемской мордвой”.⁹⁷ С 1529 г. мордвой (с 1554 г. — Ыхретинской мордвой Кучукова беляка) владели князь Кугуш, после него Тениш, далее его потомки.⁹⁸ Само княжение было связано с правом сбора ясака с определенной группы мордвы.⁹⁹ В грамоте за 1580 г. сказано: “...пожаловал Кадомского Ишея мурзу Богданова сына Бедешева в Мещере с Телдемские мордвы, что по реке Мокше за князем Янглычем Бедишевым отца его мурзинским Богдановским ясаком”.¹⁰⁰ В грамоте за 1554 г. указано: “... пожаловал ... Емаша мурзу, Исяша мурзу, Тенишевых детей Кугушева с Ыхретинской мордвы Кучукова беляка ясаком, как того тот ясак дан Шакчуре да Мешаю, а наперед того тот ясак был за казанским князем за Мамышем с сыном”.¹⁰¹

Сопоставление духовного завещания 1504 г. с текстами договорных грамот Ивана Васильевича (Московского) с Иваном Васильевичем (Рязанским) 1483 г. позволяет достаточно уверенно говорить о том, что в завещании Ивана III термин “Мордовские князья” использован вместо понятия “Мещерские князья”, характерного для более ранних документов.¹⁰² В целом этот новый термин в активный оборот вошел лишь в XVI в.

Однако “Мордовские князья” известны и по двум летописным сообщениям XIV в. В первый раз “Мордовстии князи с Мордовичи” отмечаются совместно с русскими князьями при походе, совершенном в 1339 г. по приказу хана Узбека на Смоленск.¹⁰³ Во второй раз под 1377 г. сообщается, что “...князи Мордовстии поведоша втаю рать Татарскую из Мамаевы Орды Волжския” (действие происходило в районе р. Пьяна).¹⁰⁴ Конечно, было бы опрометчиво утверждать, что “Мордовские князья”, фиксируемые в документах XVI в., были потомками тех князей, которые фигурируют в русских летописях в XIV в. Но факты, позволяющие предположить существование связи между этими двумя хронологически довольно далеко отстоящими друг от друга, группами, имеются. Такой вывод вытекает из анализа генеалогий тех татарских князей, которые правили мордвой в XVI в. Отрывок из них, опубликованный М.Г.Сафаргалиевым, в одной ветви выглядит так: князь Бехан — князь Ханубек — князь Худайберди — князь Кутай — князь Седеахмет — князь

Акчура.¹⁰⁵ Родословная, составленная лишь в начале XVIII в.,¹⁰⁶ в некоторых моментах не совсем точна.¹⁰⁷ Тем не менее, слова составителя родословной о том, что Бехан был современником Дмитрия Донского,¹⁰⁸ не лишены определенной историчности.¹⁰⁹ В таком случае “Мордовские князья”, известные в конце XIV в., могут быть татарскими феодалами. Кстати, термин “Мордовские князья” образован по той же модели, что и знакомое нам уже по Казанскому ханству понятие “Арские князья”. Данное обстоятельство усиливает вероятность того, что в XIV в. под понятием “Мордовские князья” скрывались золотоордынские феодалы тюркского происхождения. Поэтому, нельзя исключить того, что на самом деле более позднее наименование “Мещерские князья” пришло на замену понятию “Мордовские князья”, хотя и полностью не вытеснив в русскоязычных документах последнее. Правда, данная гипотеза нуждается в дополнительном обосновании, так как она не позволяет преодолеть одну принципиальную трудность. А именно: понятие “Мещерские князья” — однопорядковое с терминами “Арские” и “Мордовские” князья, поэтому оно может свидетельствовать и о самостоятельном характере этнополитического содержания этого термина.

С конца XV — начала XVI вв. в Мещере по источникам отчетливо выделяются еще две группы высшей знати. Это “улары” и “сеиты”. В первый раз улары в Мещерском “юрте” упоминаются в 1474 г.¹¹⁰ В 1480 г. они опять появляются в переписке Ивана III с Крымским ханом Менгли-Гиреем.¹¹¹ Один из них — “улар сильный Облязь”, известен по летописным сообщениям и другим источникам.¹¹² Улары в Мещере отмечаются еще в 1486, 1490, 1501, 1505, 1508 годах.¹¹³ По данным начала XVII в. недалеко от г.Касимова находилась местность “Уланова Гора”, входившая в число владений правителя “Мещерского городка” царевича Сеит-Бурхана.¹¹⁴ Улары (оглары) имелись как в Крымском,¹¹⁵ так и в Казанском ханствах.¹¹⁶ Согласно определению Халиля Инальчика, оглары, бывшие членами правящей династии — чингизидами, обычно командовали своими военными подразделениями. По крайней мере, так обстояло дело в Крымском ханстве. Да и в Мещерском “юрте” улары (оглары) обычно отмечаются в связи с военными действиями.¹¹⁷

О сеитах в Мещерском “юрте” имеются лишь отрывочные сведения. Тем не менее, на их основе можно не только говорить о существовании в этом “юрте” высшего духовного лица, обладавшего званием “сеит”, что было характерно и для других позднетатарских ханств,¹¹⁸ но и отметить одну весьма специфическую особенность данной должности в Мещере, сближающую ее с Казанским ханством. В 1600 г. при возведении на престол хана Ураз-Мухаммеда, в г.Касимове хутбу по этому случаю прочитал сеит Буляк “из Иски юрта”.¹¹⁹ Сын его и другие родственники, бывшие также сеитами, в 1629 г. жили в г.Касимове.¹²⁰ Отец Буляк сеита, Кашкей сеит, фиксируется в 1587 г.¹²¹ Во время похода на Казань в 1552 г. известен Ак сеит.¹²² Отец его также был сеитом (Шереф сеит¹²³). Очевидно, они принадлежали к одному роду — к Шакуловым.¹²⁴ В Ме-

шерском “юрте” существовал довольно странный обычай, связанный с тем, что сеиты являлись военачальниками, причем до конца XVI — начала XVII вв.¹²⁵ Имелся и особый “сеитов полк”, которым командовали сеиты.¹²⁶ Да и “фамилия” Ак сеита, который в 1552 г. стоял во главе “Городецких князей и мурз и татар”, скорее всего связана с его отношением к воинскому делу.¹²⁷ Такая же довольно необычная обязанность у сеитов существовала и в Казанском ханстве: в 1492 г., например, у казанского хана Мухаммед-Амина отмечаются двое воевод — Абаш-улан и Бураш-сеит.¹²⁸ Сеиты принадлежали к числу потомков пророка Мухаммеда и их в ханстве могло быть несколько человек, но лишь один из них являлся главой духовенства.¹²⁹ Возможно, этим и объясняется наличие у некоторых военачальников в Казанском ханстве и в Мещере титула сеит. Но возможно еще одно объяснение данного феномена: не исключено, что сеиты в Мещерском “юрте” могли быть представителями одного из четырех кланов карача-беев (более вероятно их принадлежность к Ширинам). Это в принципе не противоречит требованию их происхождения от пророка Мухаммеда, так как сеиты в Мещере могли происходить от смешанных браков двух “ветвей” — потомков пророка и клана Ширинов. Тогда участие сеитов в роли воевод в походах (в Мещерском “юрте”, а также в Казанском ханстве) можно было бы объяснить исходя из их отношения к роду “воевод-князей” (карача-беев). Но в любом случае, наличие сеитов в структуре знати объясняет Мещерский “юрт” с другими позднетатарскими ханствами.

Вторым составным социальной структуры населения Мещеры являлись “черные люди”. Эта страта явно состояла из двух групп, различающихся по социальному положению. К первой из них можно отнести “черных людей” царевича Данияра и его князей, упоминаемых в 1483 г.¹³⁰ Представители этой группы были известны и как “ясачные” в связи с тем, что с них в пользу феодальной верхушки Мещеры взимались “оброки” (ясак) и “пошлины”.¹³¹ Ясачное население существовало в Мещере уже в первой половине XV в.¹³² Как ранее отмечалось, данная группа в XVI в. находилась в зависимости от “Мордовских князей”, оставаясь в отдельных случаях в их подчинении даже в начале XVII в.¹³³ По-видимому, при описании пожалования в 1600 г. Борисом Годуновым Ураз-Мухаммеда г.Касимовым и тянувшей к нему территорией, в “Сборнике летописей” Кадыр-Али бека появляется другая группа “черных людей”. Там сказано: “...Несколько дней он (Ураз-Мухаммед — *Д.И.*) жил при Государе, пока явились туда Керманские беки, Мирзы и черный народ — двести человек”.¹³⁴ Нам представляется, что тут под “черным народом” имеются в виду не ясачники, а “казаки”. Группа “казак”, жившая в Мещере, многократно упоминается в документах XV—XVI вв.¹³⁵ Основной их функцией была военная и почтово-дипломатическая служба. Иногда их в источниках XV—XVI вв. называли и татарами.¹³⁶ Но последнее наименование в русскоязычных документах за этой группой окончательно закрепилось лишь в начале XVII в.¹³⁷ Рядовые

татары-казаки, являясь промежуточным слоем между феодалами (князья и мурзы) и ясачниками, сами не выплачивали ясак, хотя находились под юрисдикцией татарской знати, господствовавшей в Мещере.¹³⁸ Их подконтрольность описывается формулой “судить и ведать”.¹³⁹ Даже в начале XVII в., когда социально-политическое положение Мещеры уже существенно изменилось, попытка воеводы г.Касимова отобрать у хана (царя) Арслана право “судить и ведать” татар, вызвала ожесточенный отпор со стороны правителя “Мещерского городка”, настаивавшего на том, что “прежние воеводы татар не суживали и в судах с ними не сиживали”.¹⁴⁰ Аналогичное право “суда и расправы” над рядовыми татарами в пределах отдельных бейликов (княжеств), существовало и у татарских феодалов в Крымском ханстве. Важно то, что сама формула, применяемая в Крыму для описания этого права, была идентична формуле, используемой применительно к территории Мещеры в XVI — начале XVII вв. (см.: “Суд и расправа” и “судить и ведать”).¹⁴¹

Эксплуатация феодально-зависимого населения в различных формах (сбор ясака, пошлин и т.д.), управление (суд, “ведение”), организация военных контингентов,¹⁴² требовали такой административно-территориальной организации, которая явно выходила за рамки волостной системы. Поэтому вопрос о характере Мещеры как специфического административно-политического образования должен быть поставлен более углубленно.

Начну с того, что в переписке знати Крымского ханства с Москвой в начале XVI в. Мещера несколько раз именуется “юртом” (“Мещерский юрт” в 1515—1516 гг.).¹⁴³ Более того, Мещерский “юрт” сравнивается с “Намоганским юртом” (так называлось Астраханское ханство¹⁴⁴). Понятие же “юрт” было хорошо знакомо правителям Московской Руси именно в смысле государства (ханства).¹⁴⁵ В тюрко-татарской исторической традиции “юрт” также означал государство (ханство).¹⁴⁶ Иногда в позднетатарских ханствах этот же термин применялся и для обозначения княжеств, входивших в состав ханств,¹⁴⁷ на что уже обращалось внимание. Отмечу еще одно обстоятельство: в начале XVI в. среди тюркских правителей Казань и Мещерский городок воспринимались как равнозначные “места”,¹⁴⁸ что говорит о близости статусов Казанского ханства и Мещеры, Мещерского юрта. Интересно, что в некоторых русских летописях, например, в Царственной книге, по отношению к населению Мещеры один раз использовано понятие “Орда”,¹⁴⁹ близкое по смыслу к термину “юрт” и обозначающее государство. Наконец, в общий ряд с тюркскими государствами — наследниками Золотой Орды, ставит Мещеру и “выход”, получаемый ее правителями с территории русских княжеств.¹⁵⁰

Государственный статус Мещеры требует переосмысления проблемы внутреннего административного устройства этого “юрта”. В этом плане, в особом анализе нуждается упоминание в 1483 г. о “княжеских казначеях и дарагах” царевича Данияра.¹⁵¹ Если имелись “даруги” во

главе с князьями, то должно было быть и деление на княжества. С этой точки зрения интересно присутствие в грамоте от 1483 г. имен двух князей царевича Касима-Кобяка Айдарова сына и Исака Ахматова сына, оформивших “записи” о том, что “шло” Касиму и его князьям. С одной стороны, в начальный период истории как Крымского, так и Казанского ханств, там отмечаются именно по два князя. С другой стороны, имя Ахмата сохранилось в названии “Ахматовского стана” Касимовского уезда.¹⁵² Не исключено, что этот стан был одним из административно-территориальных единиц Мещеры уже в XV в.¹⁵³ Возможно, что с “Ахматовского стана” в XVI в. набирался “Сеитов полк”. Другим подразделением Касимовского уезда в XVIII в. являлся “Царицын стан”, включавший в свой состав и крупное село Подлипки, татарское название которого — “Шырын”, указывает на то, что оно принадлежало клану Ширинов.¹⁵⁴ Хотя в начале XVII в. с. Подлипки относилось к Борисоглебскому стану, в некоторых случаях в источниках того же времени говорится о “Подлипском стане”.¹⁵⁵ Поэтому можно предположить, что в лице “Подлипского стана” (позже — “Царицынского”) мы имеем дело с еще одним ранним структурным образованием Мещеры. Не отсюда ли формировался “Царев двор”? Если правильно наше предположение о существовании двух только что рассмотренных станов в “Мещерском юрте” еще в XV в., можно допустить, что они и являлись отдельными княжествами во главе с Кобяком Айдаровым сыном и Исаком Ахматовым сыном с подчиненными им “казначейми и дарагами”. Один из этих князей мог быть Ширином.

В то же время в “Мещерском юрте” имелись и другие феодальные кланы, о чем свидетельствует участие в церемонии провозглашения в 1600 г. Ураз-Мухаммеда ханом в Касимове четырех князей — аргына Джаниш-бека, кыпчака Тукай-бека, джалаира Кадыр-Али-бека и исбай мангыта Себай-бека.¹⁵⁶ Случайным в этом перечне может быть только джалаир Кадыр-Али-бек.¹⁵⁷ Мангыты же известны в числе знати Мещерского “юрта” с начала XVI в.¹⁵⁸ Но в начальный период истории Мещеры клановая система была, как я полагаю, несколько иной. Как сообщает Кадыр-Али бек, “раньше по правую руку от хана находились кипчаки и аргыны, а по левую — выходцы из племени ширин и барын”.¹⁵⁹ Сходство института карача-беев в Мещере — несомненно, в приведенном источнике речь идет о нем — с аналогичными структурами, существовавшими в Казанском и Крымском ханствах, усиливается тем, что в Мещерском “юрте” “большим князем” был представитель именно клана Ширинов.¹⁶⁰ Особое же положение Ширинов для Казанского и Крымского ханств установлено.

Рассмотренные данные подводят к необходимости пристальнее пристальнее рассмотреть к так называемым “белякам”, которых в начале XVII в. считывалось в Мещере до 15.¹⁶¹ М.Г.Сафаргалиев уже сравнил их с “бейликами” Крымского ханства.¹⁶² Там они являлись княжествами (русское “беляк” от “бейлика”¹⁶³). Правда, к XVII в. в “Мещерском юрте”

система этих “беляков” была уже нарушена и они больше напоминали вотчины князей, постепенно приобретающие черты поместных владений. Хотя некоторые черты наследования этих вотчин выдают их происхождение. В частности, в родословной князя Акчуры говорится, что в 1608 г. был пожалован Коньяловскою мордвою Ишей мурза Барашев. А далее приводится следующая информация: “... были у нас (у царя в Москве — *Д.И.*) крымские сейказы Аталык с товарищи и подали нам его Ишееву челобитную о княжении. А дед его Акчура был пожалован княжением над Коньяловскою мордвою ... После деда ... (владел) ... брат его двоюродный (выделено мной — *Д.И.*) княж Сатай Кулаев сын Акчуры”. В итоге, “по челобитью Крымского царя послов за его Ишееву ... службу ... и полон” он получил просимое “княжение”.¹⁶⁴ Именно переход к братьям “княжения” и был характерен для Крымского ханства, так как князем становился старший по возрасту в клане.¹⁶⁵

Но в начале XVI в. эти “беляки” были больше похожи на настоящие “бейлики” (княжества). Например, когда князь Еникей в 1539 г. получил право “судить и ведать ... в Темникове “татар “по старине, по тому же, как наперед сего судил и ведал отец его Тениш,”¹⁶⁶ фактически он оказался сюзереном всей территории, подчиненной г. Темникову (будущий Темниковский уезд). Эту территорию и можно считать отдельным княжеством. Очевидно, за спиной и других князей стояли их кланы, владевшие своими территориями. Хотя “расписать” известные кланы (Ширины, Барыны, Аргыны, Кыпчаки, Мангыты) по конкретным районам Мещеры пока сложно, отдельные наблюдения на этот счет можно привести. О Ширинах уже было сказано выше (см. о “Подлипском стане”). Некоторые данные показывают,¹⁶⁷ что ногайцев (мангытов) следует локализовать прежде всего (но не только) на территории Подлесного стана или в районе выделившегося из состава последнего, Верхоценского стана. Важна еще одна деталь: Касимовский уезд в начале XVII в. делился на 4 “волости” (Бабенскую, Перьевскую, Рубецкую и Давыдовскую), а на остальной части Мещеры также выделяются 4 “территории” — станы Борисоглебский, Подлесный, Замокшенский и Темниковский “уезд”. Не связано ли это четырехчленное деление Мещерского “юрта” с клановой организацией? Не исключено, что это так. Показательно и “выделение” территории с ногайским населением из состава существовавшего ранее стана. Поэтому, можно предположить, что первоначальными структурными частями Мещеры были княжества. Несомненно, при определении политического статуса Мещеры данный вывод должен быть принят во внимание.

Проанализированный материал позволяет заключить, что Мещерский “юрт” (Мещера) — это государственное образование, близкое к ханству. Поэтому, несмотря на некоторую условность, за ним следует сохранить уже закрепившееся в литературе название “Касимовское ханство”. Его спецификой являлась зависимость с начала формирования от Московского великого княжества, позже — от Русского государства.

Наиболее точным определением Мещерского “юрта” была бы его квалификация как вассального ханства. Но нельзя и преувеличивать степень зависимости этого ханства от формирующегося Русского государства. Как известно, в XV — начале XVI вв. для государств, наследников Золотой Орды, включая и русские княжества, а также сложившуюся на их основе Московскую Русь, была характерна сложная система взаимосвязей,¹⁶⁸ в которой доминирующей чертой их отношений была взаимозависимость. Именно поэтому Касимовское ханство, будучи частью “вотчины” московского великого князя,¹⁶⁹ даже в 1517 г. могло одновременно восприниматься Крымским ханом Мухаммед-Гиреем как свой “юрт”.¹⁷⁰ Да и тюркское население Мещеры, в лице прежде всего представителей крупных татарских феодальных кланов со своими людьми, до ликвидации ближайших татарских ханств и упрочения границ Русского государства, обладало правом свободного отъезда.¹⁷¹ Правда, при этом ясачное население оставалось на месте — им, по всей видимости, распоряжался верховный сюзерен в лице московского великого князя.

Постепенное сужение самостоятельности Мещерского “юрта” прослеживается на основе ряда документов. Начало этому процессу положило строительство в Мещере городов-крепостей. Так, по мнению М.Г.Сафаргалиева, в 1538 г. в результате построения нового г.Темникова, там появились воеводы, стрельцы и пушкари.¹⁷² В том же году в г.Елатье отмечается “боярский человек” А.С.Улин, видимо, осуществлявший там какие-то административные функции¹⁷³ — возможно, он был там наместником.¹⁷⁴ К 1542 г. уже существовали “тиуны, приказчики и волостели Мещерские”.¹⁷⁵ В 1548 г. известны “наместницы Кадомские и волостели”.¹⁷⁶ Если в первой четверти XVI в. “в головах Татар городецких” стоял еще явно представитель татарской знати — Магмет-Амин Карачюков сын Мигренов,¹⁷⁷ то в 1551 г. сообщается о “воеводах Мещерских”,¹⁷⁸ по крайней мере часть которых были русскими (например, в 1555 г. во главе “Городецких князей, мурз и казаков” кроме Ак сеит мурзы был и князь Ф.В.Сисеев¹⁷⁹). В 1565 г. Иван IV, обращаясь к представителям русской администрации, в своей грамоте писал: “...наместники наши Касимовские, и волостели и их тиуны”; “а воеводе и наместнику и волостелем и их тиунам, посадчикам и городовому приказчику”.¹⁸⁰ Несмотря на то, что некоторые города еще находились в руках татарской знати (г.Касимов, г. Темников¹⁸¹), по мере становления в Мещере уездной системы, на территории Мещерского “юрта” постепенно сложилась параллельная властная структура в лице представителей русской уездной администрации. К началу XVII в. это привело даже к столкновению интересов двух структур власти.¹⁸² Причем одной из причин обострения отношений татарской и русской администраций была борьба за подчинение своей юрисдикции находившихся в Мещере русских людей.¹⁸³ Последних же на территории Мещерского “юрта” становилось все больше. Из челобитной Ионы, владыки Рязанской видно, что к 1542 г. “в большой и меньшей Мещере” существовали церкви.¹⁸⁴

Ю.В.Готье показал, что в конце XVI — начале XVII вв. часть “мещерян” — дворяне, дети боярские, в их числе и “приказные люди”, были переселенцами из соседнего Владимирского уезда.¹⁸⁵ Хотя в 1551 г. Иван IV “царя Шигадея жаловал...и чего просил... в Мещере сел многих, те ему подавал”,¹⁸⁶ суверенитет хана Шах-Галия был весьма ограниченным. Так, в 1554 г. Иван IV писал Шах-Галию: “...а каковы грамоты Сююнбек царица к Юсуфу князю к матери пошлет, и ты бы брат наш, с тех грамот списки к нам прислал. А будет и тебе... от себя послати к Юсуфу князю грамоту и ты бы к нему грамоту послал ... с тое грамоты список к нам же прислал”.¹⁸⁷ О том же говорит и письмо Ивана IV к ногайским князьям от 1559 г., в котором он, как сюзерен, обещает им дать “место... на Мещере” и “устрой учинить”.¹⁸⁸ Даже такое любопытное явление, как начало присвоения Иваном IV примерно с 1570 г. правителям г.Касимова — султанам (“царевичам”) титула “царь” (хан),¹⁸⁹ показывает на самом деле не расширение прав этих “царей” в Мещерском “юрте”, а наоборот, усиление влияния Москвы в Касимовском ханстве. Поэтому, трудно согласиться с мнением В.В.Вельяминова-Зернова о том, что “отдельное ханство Касимовское” было “уничтожено навсегда” лишь после смерти последней правительницы г.Касимова — Фатимы-султанши (умерла около 1681—1683 гг.).¹⁹⁰ На самом деле ликвидация Касимовского ханства заняла весьма продолжительное время, начавшись с 1530-х гг. и завершившись в 1680-х гг. Причем, с завоеванием Казанского и Астраханского ханств Мещерский “юрт” невозможно считать ханством — этот этнополитический организм, скорее всего был ближе к удельному княжеству, к тому же быстро теряющему свою территорию и остатки суверенитета.

Тем не менее, Касимовское ханство, несмотря на все его своеобразие, следует признать одним из государственных образований волгоуральских татар, просуществовавшим параллельно с Казанским ханством практически с середины XV по середину XVI вв.

Рассмотрение социально-политических аспектов государственного устройства Мещерского “юрта” позволяет сделать следующий шаг и обратиться к характеристике той этнической общности, которая стала для этого “юрта” государствообразующей основой. Обсуждение данного вопроса дает возможность глубже раскрыть специфику Касимовского ханства как тюрко-татарского этнополитического формирования.

Примечания

¹ Алексеева Т.И., Васильев Б.А. К вопросу... — С.3.

² Толковая Палея ... — С.69.

³ ПСРЛ. — Т.11—12. — С.148, 154.

⁴ См.: Кучкин В.А. Формирование ... — Карта “Княжества северо-восточной Руси к 1389 г.”

⁵ ДДГ, 1950. — С.44. Однако, трудно согласиться с утверждением П.Н.Черменского о том, что уже в летописном сообщении 1393 г. “Мещера” названа как город (Черменский П.Н. Некоторые... — С.173). Из содержания лето-

писного сообщения такой вывод не вытекает. В то же время приходится признать, что в начале XVI в., иногда и в конце XV в., под “Мещерой” мог подразумеваться “Мещерский городок” (Касимов). — См.: ДДГ, 1909. — С.36; 57; Сборник РИО. Т.41. — С.87.

⁶ ПСРЛ. — Т.11—12. — С.150.

⁷ ДДГ, 1950. — С.275.

⁸ Так, в письме ногайского мурзы Шейдяка (1508 г.) говорится: “... Янай царевич ... в городке Мещерском” (Сб. РИО — т.95. — с.15). В шерти казанского хана Абдул-Латыфа, относящейся к тому же году, сказано: “Янай царевич в городке Мещерском” (Там же. — С.51).

⁹ *Tardy J. Contribution...* — p.189—190. На эту карту следует обратить особое внимание, так как она, по мнению Б.А. Рыбакова, была составлена по рассказам “гостей-сурожан”, ездивших в XIV—XV вв. из Судака (Сурожа) и из Таны в устье Дона и в Москву (*Рыбаков Б.А. Русские карты...* — С.18). В литературе высказывалась точка зрения о том, что город “Мещера” и “Мещерский городок (Касимов) — это два разных, хотя и расположенных друг от друга на расстоянии всего 2,5 км, города (*Черменский П.Н. Некоторые...* — С.173). В пользу своей позиции П.Н.Черменский привел два аргумента. Первый из них — летописное сообщение за 1541 г. (у П.Н.Черменского ошибочно названа дата 1540 г.). Под этой датой рассказывается о приходе войск казанского хана Сафа-Гирея под г.Муром. При этом воеводы великого князя Московского из Владимира “пошли под Муром”. Одновременно, “князь великий послал к царю в Касимовъ городок, а велел царю пойти к Мурому; и царь Шигалей пошел с своими Татары, и как пришел к Мещере, и наехал Нагайских людей в загонех, и Касимовские Татарове многих загонщиков побили и полон Руской отлучили, а иных Татар к великому князю на Москву прислал. А иные загонщики много поплениша народу христианского, и сел пожгоша ... церковей около града Мурома. И как пришла весть царю Казаньскому, что на него идет царь Шигалей и воеводы великого князя, и царь пошел от Мурома; а царь Шигалей и воеводы за ним не пошли” (ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.135). Действительно, на первый взгляд, кажется, что под “Мещерой” тут имеется в виду самостоятельный город. Однако если он был расположен всего в 2,5 км от Касимова городка, вряд ли можно действия Шах-Галия описывать словами “пошел”, “пришел к Мещере”, “поехал на Нагайских людей”, т.к. в этом случае все действия должны были происходить на расстоянии видимости. Далее, в том же летописном сообщении вначале говорится: “...приходил под Муром Казанский царь Сафа-Кирей с многими людьми Казанскими и Крымскими и с Нагайскими... стоял два дни, а людей многих пороспустил около города сел воевати”. Исходя из этого известия не лучше ли говорить о приходе ногайцев к границам Мещеры и приход Шах-Галия “к Мещере” понимать как его выход на рубежи этой территории? Следует также иметь в виду, что к Мурому можно было идти двумя маршрутами — из Владимира в Муром и из Рязани, по Мещере к этому же городу. Так, при описании движения “Городецких князей и мурз и татар” во главе с Ак-сеитом Черевсеевым в направлении Мурома и Алатыря в 1552 г., говорится о пути этого отряда “на Монсыров угол” (ПСРЛ. — т.13, первая пол. — С.199). Местность под названием “Мансыров угол” находилась северовосточнее Кадома (Книга окладная Шацкого города ... С.214, 221). Есте-

ственно, что Шах-Гали, шедший на помощь Мурому, должен был идти этим путем и выйти именно на рубежи Мещеры. Второй аргумент П.Н.Черменского связан с содержанием отписки устюжан к пермичам от 1609 г., в которой говорится: "...государевы бояре и воеводы ... с товарищи государевы города: Муром и Касимов, Мещеру, Елатьму, Кадому, Володимерская Суздаль очистили" (ААЭ. — Т.2. — №137. — С.250. У П.Н.Черменского номер документа указан неверно — см.: Черменский П.Н. Некоторые... — С.173). В отрывке речь идет об "очистке" городов и прилегающих территорий от "воров", что видно из фразы "...и Коломенская и Володимерская дорога очистилась ..., а ... воры ... пометав коши, побежали..." (ААЭ. — Т.2. — №.137. — С.252). Поэтому, в данном случае "Мещера" замещает традиционное определение всей Мещерской земли (см. духовные завещания Ивана III и Ивана IV). Кроме того, название "Касимов" могло быть просто определением к понятию Мещера (конструкция, близкая к "Мещерскому городку"). Это более чем вероятно потому, что наименования "Касимов" применительно к "Мещерскому городку" в это время еще окончательно не утвердилось, что видно при анализе надписей картографического материала XVI—XVII вв. Например, на карте Антония Вида (1537 г.) стоит надпись "Mestzora", а на картах С.Герберштейна (1546 г.) Джекинсона (1562 г.), Г.Меркатора (1594 г.) и И.Маассы (1633 г.) название города нередко дается в форме "Касим городок" (Касимов) — см.: *Кордт В.* Материалы... — Вып.1. — карта № 6, 11, 17, 24; Вып.2. № 44.

¹⁰ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.1. — С.59.

¹¹ Сборник РИО. — Т.95. — С.15.

¹² *Смирнов М.И.* О князьях... — С.196.

¹³ Сборник РИО — Т.95. — С.231; *Смирнов М.И.* О князьях... — С.194. В работе последнего автора название "Бастаново" (Бостаново) передано в форме "Бостопово", что неправильно.

¹⁴ Сборник РИО. — Т.95. — С.15.

¹⁵ Оно известно и по документу за 1624 г. (Известия ТУАК. — Вып.35. — С. 851). Да и "цненские татары", о которых говорится в источнике за 1584 г., могли быть связаны с населением д.Бастаново и соседних селений (Известия ТУАК. — Вып.40. — С.102—103).

¹⁶ См.: Окружная грамота ... — С.74; *Голомбиевский А.* Выписка ... — С.49; *Лебедев В.И.* Легенда... — С.11, 15, 18—20.

¹⁷ *Смирнов М.И.* О князьях... — С.196.

¹⁸ Там же. — С. 170.

¹⁹ *Нарцов А.Н.* Историко-археологическая ... — С.65; *Его же.* Археологическая... — С. 3—4. Он отмечает, что Кадом (Старый) существовал еще в 1426 г., так как был в этом году дан на "кормление" Протасовым.

²⁰ Например, "старокадомские татары" известны по "Выписи из Кадомских писцовых книг 1649—1652 гг." (Известия ТУАК. — Т.46. — С.5). Кроме того, недалеко от Кадома называются три "усадища пустые" — "князь Чотовское, да Махметевское, да Мещерское" (*Нарцов А.Н.* Археологическая... — С.3—4). Под последним, надо думать, имеется в виду владение князей Мещерских.

²¹ *Смирнов М.И.* О князьях... — С.171. Еще одним подтверждением существования "Андреева городка" напротив г.Кадома — на левом берегу р.Мокши, являются данные карт. Дело в том, что ряд карт XVI в. (Антония Вида

- 1537 г., С.Герберштейна — 1546 г. и Джекинсона — 1562 г.) помещают г.Касимов на правом берегу р.Оки. (См.: *Кордт В.* Материалы... — Вып.1. — № 6, 11, 17). По-видимому, в данном случае путались два городских центра Мещеры — “Мещерский городок” и “Андреев городок”.
- ²² ПСРЛ — Т.13, первая пол. — С.89, 109; *Черменский П.Н.* Некоторые... — С.174. Построение г.Темникова в 1536 г. было “для приходу казанских воинских людей” (*Чекалин Ф.Ф.* Два архивных...), что говорит о его пограничном положении.
- ²³ Материалы для статистики... — С.77.
- ²⁴ Подробнее см.: *Иоанн.* Сказание... — С.3—162; Записки ... С.163—226; *Нарцов А.Н.* Археологическая... — С.24; *Сафаргалиев М.Г.* К истории... — С.69; *Летопись Саровской пустыни.* — Ч.1.
- ²⁵ Относительно вхождения в Мещеру г.Темникова, но особенно, его уезда, в литературе высказывались сомнения (См.: *Черменский П.* Очерки... — С.277; *Его же.* Материалы... — С.44). Данный автор в двух своих работах высказал разные точки зрения — в 1911 г. он включил Темников в Мещеру, а в 1962 г. заявил о самостоятельности Темниковского уезда исходя из того, что он в начале XVII в. описывался отдельно от Мещерского уезда. Но ряд исторических материалов противоречат этому утверждению. Так, в “Десятне” по Мещере 1590 г. в составе приказных людей “из Мещеры” названы приказные “из Темникова” и “Темниковской засеки” (*Голье Ю.В.* Десятни... — С.2). В завещании Ивана IV (1572—78 гг.) в общем контексте территории Мещеры наряду с городами Кадомом, Шацком и “Мещерой” (“Мещерским городком”) присутствует и г.Темников (ДДГ, 1909. — С.57). В 1552 г. Исеней мурза Мокшеев сын Бутаков получил княжение в ведомстве г.Кадома. (*Сафаргалиев М.Г.* К истории татарского... — С.76). Но могила “Бутова”, умершего в 1564 г. и считавшегося “воеводой” (или “святым”), находилась в 40 верстах от г.Темникова (*Нарцов А.Н.* Историко-археологическая ... — С.35). В 1528 и 1536 гг. князь Тениш и его сын Еникей правили в Темникове. Другие сыновья Тениша (Кудаш и Исей) в 1534 г. имели владения в районе, подконтрольном “наместникам Мещерским” (*Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.74). Кроме того, владения мурзы Алакая Еникеева относились в 1597 г. к Темниковскому уезду, а в 1649 г. они были переписаны в “Кадомских писцовых книгах” (ДМ. — Т.1. — Ч.П. — С.353). Часть потомков князя Тениша в первой трети XVII в. жила в Касимовском уезде (*Веселовский С.* Акты... — Т.1. — Вып.1. — С.132; *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.74). В 1509 г. владения князя Акчуры находились в районе с.Пурдошки. Этот район в 1596 г. относился к Темниковскому уезду, а в 1616 г. — к Мещерскому уезду (*Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С. 74; *Опись делам исторического ...* — С.87; *Исторические материалы. Документы.* — С.133). И в 1615, 1625 гг. потомки Акчуры фигурируют в “Кадомских писцовых книгах” (ДМ. — Т.3. — Ч.П. — С.372). В “Памяти” от 1625 г. сказано: “...Мещерских городов, и Темниковским и Касимовским и Кадомским и Цненским (т.е. живущим в Шацком уезде — *Д.И.*) князьям и мурзам и татарам” (АМГ. — Т.1. — С.196—197). Наконец, имеется и одно прямое указание на вхождение Темниковского уезда в Мещеру — в 1563 г. князь Девлет-Кильдей был пожалован Иваном IV бортными урожаями и пустошью на р.Урей “в Мещере, в Темниковском уезде” (*Хохряков В.* Материалы для истории... — С.2). Однако, когда речь идет о вхождении — г.Темникова и его уезда в Меще-

- ру, нужна одна оговорка. Известно, что в результате построения между 1636—1648 гг. нового вала и засечных крепостей “на напольной стороне... за Темниковым”, территория Темниковского уезда существенно расширилась и вышла, за пределы первоначальной Мещеры (подробнее об этом см.: *Исхаков Д.М.* Введение ... — С.13). Поэтому, говоря о Темниковском уезде в составе Мещеры, надо иметь в виду ту территорию, которая описана в “Дозорной книге Темниковского уезда” 1614 г. (См.: *Черменский П.Н.* Материалы...С.54—55).
- ²⁶ ПСРЛ. — Т.27. — С.137. В Патриаршей летописи об этом городке сказано: “Новгородок на Оке” (ПСРЛ. — Т.11—12. — С.154). Появление царевича Муртазы на службе у Московского великого князя датируется 13 июня — 13 августа 1471 г. В 1472 г. он уже участвовал в обороне Московского государства (См.: ПСРЛ. — Т.11 — 12. — С.149—150; Т.27. — С.135; Т.37. — С.93). Поэтому, ко времени пожалования ему “Новгородка” на Оке он уже несколько лет находился на службе у Москвы. Как мной было установлено, отцом Муртазы был сын хана Улу-Мухаммеда Мустафа царевич, убитый в 1444 г. под Переславлем Рязанским (*Исхаков Д.М.* Казан ханлыгы... — С.42,46).
- ²⁷ ПСРЛ. — Т.37. — С.93; Т.11—12. — С.154.
- ²⁸ ПСРЛ. — Т.11—12. — С.150.
- ²⁹ ПСРЛ. — Т.28. — С.144.
- ³⁰ Царевич Касим последний раз в летописях упоминается в 1468 г. в связи с неудачной попыткой сесть на престол в Казани (ПСРЛ. — Т.11—12. — С.118). В 1469 г. русским войскам между Нижним Новгородом и Казанью встрети­лась мать хана Ибрагима, вышедшая замуж за Касима после смерти своего мужа казанского хана Махмутека. Она направлялась к своему сыну Ибрагиму в Казань с предложением мира от московского великого князя (ПСРЛ. — Т.11—12. — С.122). Мне представляется, что к этому времени султана Касима уже не было в живых. Следовательно, его сын Данияр в “Мещерском городке” начал править в 1469 г. (этот вывод был предложен еще В.В.Вельяминовым-Зерновым. — См.: Исследование... — Ч.1. — С. 58). Замечу также, что 2 сентября 1470 г. во время похода русских войск под Казань, там был и “царевича Касыма сын” (ПСРЛ. — Т.15. — Вып.1. — С.497). Речь явно идет о царевиче Данияре, получившем право участвовать в такой важной военной акции. В такого рода операциях раньше участвовали именно Касимовские царевичи.
- ³¹ Обычно про г.Елатму указывают, что дата его основания неизвестна (*Сokolov Ф.С.* Географический ... — С.15). Первое его упоминание в источниках под собственным названием относится лишь к 1538 г. (См.: ПДРВ. — Ч.VIII. — С.64).
- ³² ДДГ, 1950. — С.44.
- ³³ ПСРЛ — Т.11—12. — С.154.
- ³⁴ ДДГ, 1909. — С.36.
- ³⁵ Там же. — С.140.
- ³⁶ Опись делам Шацкого... — С.11.
- ³⁷ Сборник РИО. — Т.95. — С.231. Скорее всего д.Бастаново относилась к Замокшенскому стану.
- ³⁸ ДДГ, 1909. — С.57.
- ³⁹ Город был доделан к 27 марта 1539 г. (ПСРЛ. — Т.23, первая пол. — С.88, 105).

- ⁴⁰ *Черменский П.М.* Некоторые... — С.173—174. Как отмечалось, к этому времени “Андреев городок” уже потерял свое значение.
- ⁴¹ Там же. — С.234. По другим данным, город был построен двумя годами раньше — в 1551 г. (См. сообщение о “Шатцком городе в Мещере” — Там же. — С.177; *Соколов А.С.* Географический... — С.80; *Чекалин Ф.Ф.* Мещера... — С.65).
- ⁴² ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.89.
- ⁴³ ДДГ, 1950. — С.75, 104, 144.
- ⁴⁴ В 1517 г. крымский хан Мухаммед-Гирей в своем письме Ивану Васильевичу (московскому великому князю) три раза говорит о Мещере (в формах: “на Мещере”, “в Мещеру”, “из Мещеры”). — См.: Сборник РИО. — Т.95. — С.377—378; *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — С.48. В 1528 г. была дана жалованная грамота великого князя московского князю Тенишу сыну Кугушева на сбор ясака “в Мещере” (Опись делам Шацкого... — С.11). В Патриаршей (Никоновской) летописи в 1536 г. говорится о “Мещере”, в 1551 г. — о “Мещерских местах”. (ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.88,105,161). В челобитной Рязанского владыки Ионы за 1542 г. упоминается “Мещера” (*Иероним*. Рязанские ... — С.40). А.Курбский сообщает о прохождении в 1551 г. войск “через Рязанскую землю и потом через Мещерскую” (Сочинения князя Курбского. — Т.1. — С.17). “Украина Мещеры” фигурирует в письме Ивана IV ногайским мурзам от 1559 г. (ПДРВ. — Ч.Х. — С.49). Под 1580 г. Ишей мурза был пожалован ясаком “в Мещере” (Материалы по истории... — Т.1. — С. 147). В “Десятне” 1590 г. говорится о “Мещере” и “приказных людях из Мещеры” (*Голье Б.В.* Десятни ... — С.2,15). Наконец, “Мещера с волостми ... и со всем, что к ней потягло”, присутствует в завещаниях Ивана III (1504 г.) и Ивана IV (1572—78 гг.) (ДДГ, 1909. — С. 36, 57).
- ⁴⁵ Толковая Палея... — С.69; ДДГ, 1950. — С.29, 44.
- ⁴⁶ ДДГ, 1950. — С.285.
- ⁴⁷ Сборник РИО. — Т.41. — С.87.
- ⁴⁸ *Иероним*. Рязанские ... — С.41.
- ⁴⁹ Опись дел Рязанского... — С.38.
- ⁵⁰ ДДГ, 1909. — С.57.
- ⁵¹ *Черменский П.Н.* Материалы...
- ⁵² В одном из документов за 1621 г. вместо Перьевской волости в составе Касимовского уезда названа Гусиная волость (См.: *Шишкин Н.И.* История... — С.55).
- ⁵³ *Иероним*. Рязанские ... — С.41; Материалы по истории... — Т.1. — С.246.
- ⁵⁴ Опись делам. Приложение... — С.72.
- ⁵⁵ Опись дел Рязанского... — С.38.
- ⁵⁶ Царская грамота... — С.128.
- ⁵⁷ *Черменский П.Н.* Материалы... — С.43.
- ⁵⁸ Например, в 1586 г. д.М.Пурдышково была переписана в “Темниковских дозорных книгах” (Исторические материалы. Документы. — С.114). Но в 1626 г. находившийся по соседству Пурдышский монастырь был переписан “мещерскими писцами” в Мещерском уезде — в Замокшенском стане (Там же. — С.182).
- ⁵⁹ Залесский и Верхнемокшанский станы известны с 1613 г. (Опись делам... — С.182). Повторно они упоминаются в 1629 г. (Там же. — С.182—183). Аксельский стан называется в 1623 г. (Выпись Темниковских... — С.67) и повторно отмечается в 1629 г. (Опись делам... — С.182—183).

- ⁶⁰ Окологородский стан назван в Темниковском уезде в 1621 — 22 гг. (ДМ. — Т.1. — Ч.П. — С.417).
- ⁶¹ Опись дел Рязанского... — С.39.
- ⁶² *Черменский П.Н.* Материалы... — С.45, 53—54. Борисоглебский и Подлесный станы в составе Мещерского уезда отмечаются и в 1623 г. (Материалы для истории местного края. — С.162—163).
- ⁶³ Материалы по истории... — Т.1. — С.246.
- ⁶⁴ *Черменский П.Н.* Материалы... — С.52—53; Исторические материалы... — С.123.
- ⁶⁵ *Черменский П.Н.* Материалы... — С.43. Под названием “Подлесная волость” он известен еще с 1528 г.
- ⁶⁶ Опись делам... — С.61; Выпись 1620 г.... — С.66.
- ⁶⁷ Опись делам... — С.209.
- ⁶⁸ ДМ. — Т.1. — Ч.П. — С.326.
- ⁶⁹ См. об этой волости: Копия с Шатской писцовой книги... — С.82—130. В 1654 г. он же, видимо, назван “Ценским станом” Шацкого уезда (Исторические материалы... — С.69).
- ⁷⁰ *Черменский П.Н.* Материалы... — С.51—52.
- ⁷¹ ГПБ, ф.Ф-IV — 520. Видимо, это “Книги Шацкого уезда С.Глебова” (См.: Приложения к описи... — С.69; Материалы для истории местного края. — С.163).
- ⁷² Полагаю, что термины “волость” и “стан” имели одинаковое значение. Например, “Подлесный стан” в 1528 г. назывался “Подлесной волостью”.
- ⁷³ *Готье Б.В.* Десятни... — С.5—6.
- ⁷⁴ ДДГ, 1950. — С.86.
- ⁷⁵ Там же. — С.144.
- ⁷⁶ Там же. — С.86, 144.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ ПСРЛ. — Т.11—12. — С.75.
- ⁷⁹ Там же. — С.130.
- ⁸⁰ *Малиновский А.* Историческое... — л.216.
- ⁸¹ ДДГ, 1950. — С.284—285.
- ⁸² Там же. Еще один из князей царевича Данияра — Кара-ходжа, упоминается в том же 1483 г. (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.1. — С.89).
- ⁸³ В 1486 г. известны “уланы, князья и казаки” царя Нурдовлата (Сборник РИО. — Т.41. — С.46); в 1490 г. речь идет о Сатылгане царевиче и его “уланах и князьях” (Там же. — С.98); в 1492 г. среди людей того же царевича называется имя князя Тонкача (Там же. — С.141); в 1501 г. в сообщении Ивана III Менгли-Гирею говорится об “уланах, князьях и казаках царевых Нур-Довлетовых” (Там же. — С.370); в 1505 г. отмечаются Яней и Солтанак царевичи с “уланами, князьями и со всеми казаками” (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.1. — С.286); в 1508 г. Яней царевич в Мещерском городке и Шейх-Авлияр царевич в Сурожики имели своих “уланов, князей и казаков” (*Малиновский А.* Историческое ... — л.247); в 1553—54 гг. упоминаются “городецкие князи и мурзы” (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... Ч.1. — С.416). В начале XVII в. Кадыр-Али бек говорит о “керманских беках и мурзах” (*Березин И.* Татарский ... — С.550).
- ⁸⁴ ДДГ, 1950. — С.285.
- ⁸⁵ Подробнее см.: *Смирнов М.И.* О князьях... — С.161—196; *Феоктистов В.* Исторические... — С.24—25. *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.68—69.

- ⁸⁶ В письме Ивана IV ногайскому князю Исмагилю сообщается, что на “Царя и царевича”, живущих “изстари на Городке... идет пошлина жъ, да на большого князя на Ширинского идет пошлина жъ” (ПДРВ. — Ч.Х. — С.320). Стало быть “большим князем” в Мещерском городке были представители клана Ширинов. Мной также было установлено, что князь Тонкач, посланный в 1492 г. в составе войск царевича Салтыгана с “Татары и Русские ... отведовати Орды”, был из рода Ширинов (См.: *Соколов А.* Материалы ... — С.283—285; Материалы исторические и юридические... — Т.1. — С.54; *Воронин И.Д.* Язык ... — С.128—129., ДМ. — Т.1. — Ч.II. — С.394; Переписная книга по г.Касимову ... — С.7,9).
- ⁸⁷ Хронологический указатель... — С.360—361; *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.69.
- ⁸⁸ ДДГ, 1909. — С.36.
- ⁸⁹ *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.69.
- ⁹⁰ ДДГ, 1909. — С.36.
- ⁹¹ Там же. — С.57. Далее “князи Мордовские” упоминаются еще “на Алаторе”. Но “мурзы мордовские”, родственники “князей”, в ведомстве г.Алатыря были выходцами из Мещеры, что можно считать точно установленным. (См.: Материалы исторические и юридические...Т.1. — С.54,135; Памятники истории Нижегородского... — С.250; ДМ. — Т.1. — Ч.II. — С.23—415., *Исхаков Д.М.* Этнографические... — С.106—107; *Его же.* Введение... — С.12—13).
- ⁹² Сборник РИО. — Т.95. — С.224, 231. Карачюра Осанов известен еще в 1487 г. (См.: Сборник РИО. — Т.41. — С.71).
- ⁹³ Опись делам ... — С.178.
- ⁹⁴ Список с грамоты 1694 г. — С.4.
- ⁹⁵ *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.76.
- ⁹⁶ Там же. — С.74; Материалы для истории Тамбовского... — Т.1. — С.384.
- ⁹⁷ Жалованная грамота князю Янглычу. — С.147; Опись делам Шацкого... — С.11,32.
- ⁹⁸ Сафаргалиев М.Г. К истории ... — С.75.
- ⁹⁹ На это обращал внимание еще И.Н.Смирнов (См.: Смирнов И.Н. Мордва ... — С.320—322).
- ¹⁰⁰ Материалы для истории Тамбовского... — Т.1. — С.246.
- ¹⁰¹ Опись делам Шацкого ... — С.32.
- ¹⁰² В самом деле, в грамоте за 1483 г. вначале речь идет о “Мещерском месте”, затем говорится о “земле” и “порубежье” Мещеры и после этого упоминаются “Мещерские князья”. Аналогичная конструкция характерна и для духовной грамоты 1504 г. (См.” ДДГ, 1909. — С.36).
- ¹⁰³ ПСРЛ. — Т.10. — С.211.
- ¹⁰⁴ ПСРЛ. — Т.11—12. — С.148.
- ¹⁰⁵ *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.69.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Так, отцом князя Акчуры (сам Акчура известен в 1509 г.) был князь Адаш, а Седахмет приходился ему дядей (Там же. — С.74). Другой вариант генеалогии Акчуры показывает, что некоторые звенья из первого варианта родословной вообще выпали (*Әхмәтҗанов М.* Шәҗәрәләр... — С.2—3). Поэтому, от Акчуры до Бехана могло быть 4—5 колен, т.е. 100—150 лет.
- ¹⁰⁸ *Сафаргалиев М.Г.* К истории .... — С.69. По данным “Летописи Саровской пустыни”, Бехан был жив еще в 1389 г. (Летопись Саровской ... — Ч.1. —

- л.13 об.).
- ¹⁰⁹ Приход Бехана из района Сарова к берегам р.Мохши — “в Темниковскую сторону”, составитель генеалогии начала XVIII в. датирует временем “рати Рязанской” или 1389 г. (*Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.69; Летопись Саровской пустыни. — Ч.1. — л.13 об.). По мнению М.Г.Сафаргалиева, “рать Рязанская” должна быть датирована 1365 г. Между тем, в 1360—1380-х гг. в районе Мешеры действительно наблюдалась активизация деятельности крупных золотоордынских феодалов (См.: *Сафаргалиев М.Г.* К истории .... — С.70—71).
- ¹¹⁰ *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай... — с.48.
- ¹¹¹ В 1480 г. крымский хан Менгли-Герей писал Ивану III: “...и тебе ... Царевичей своих отпустить на Орду с Уланы и со Князьми” (*Малиновский А.* Историческое... — л.214 об.).
- ¹¹² *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... Ч.1. — С.134; Казанская история. — С.58.
- ¹¹³ Сборник РИО. — Т.41. — С.46, 98, 370; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... Ч.1. — С.286; *Малиновский А.* Историческое... — л.247.
- ¹¹⁴ Согласно писцовой книге Касимовского уезда 1627 г., в Елатомском уезде “за служилым царевичевым человеком за Икшеевым сеитом Белек-Сеитовым сыном Шакулова”, находилась “деревня Уланова Гора” (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.III. — С.116).
- ¹¹⁵ *İnalçik H.* The Khan .... — p.451.
- ¹¹⁶ *Худяков М.* Очерки... — С.203—204.
- ¹¹⁷ *Малиновский А.* Историческое... — л.214 об; Сборник РИО. — Т.41. — С.46, 98, 370.
- ¹¹⁸ Об этом институте, имевшемся практически во всех татарских государствах XV—XVI вв., подробнее см.: *Исхаков Д.М.* Сеиды ...
- ¹¹⁹ *Березин И.* Татарский ... — С.55.
- ¹²⁰ Переписная книга по г.Касимову... — М.5—6.
- ¹²¹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.П. — С.94.
- ¹²² ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.199. Возможно, именно этот сеит упоминается в 1555—56 гг. под именем “Ак сеит мурзы” или просто “сеита (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.1. — С.410, 421).
- ¹²³ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.П. — С.443.
- ¹²⁴ К сожалению, В.В.Вельяминов-Зернов, который высказал данную мысль и обещал опубликовать родословную Шакуловых, не успел это сделать (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследования ... — Ч.П. — С.410, 443). Об этой родословной см.: *Исхаков Д.М.* Сеиды ... — С.14—24.
- ¹²⁵ См.: *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.1. С.410, 421; Ч. П. — С.94, 443.
- ¹²⁶ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы... — С.82.
- ¹²⁷ Его фамилия дана в форме “Черевсеев”. Между тем известно, что его отцом являлся Шериф сеит. Поэтому, в “фамилии” Ак сеита надо видеть нечто вроде воинского звания (от тюркского “чиру” — войско; “чируче” — командующий войсками). Кстати, одно из 4 селений, входивших в “Царицынский стан” Касимовского уезда. — с.Болотце, имеет татарское название “Яубаш”, совпадающее по смыслу со значением термина “чируче” (яу — войско, баш — голова).
- ¹²⁸ ПСРЛ. — Т.11—12. — С.228; Т.27. — С.290., Т.28. — С.158.

- ¹²⁹ Худяков М. Очерки... — С.195; Исаков Д.М. Сеиды ...
- ¹³⁰ ДДГ, 1909. — С.126.
- ¹³¹ Там же. Кроме грамоты от 1483 г., об “оброках и доходах”, собиравшихся с “Мещерских волостей”, сообщается и в договорной грамоте 1496 г. (Там же. — С.140). Но в данном случае эти “оброки и доходы” шли в пользу рязанских князей с тех территорий Мещеры, которые были, видимо, им подконтрольны. Но показательно, что часть полученных таким образом средств шла в виде “ясака Царевичю” в “Мещерский городок” (Там же. — С.139).
- ¹³² Это видно из текста двух договорных грамот Ивана Васильевича (Московского) с Иваном Васильевичем (Рязанским) от 1483 г. В частности, в договоре говорится о “ясачных людях”, которые ушли от царевича Данияра и от его князей “на Резань” после смерти Ивана Федоровича Рязанского (1456 г.). Указанные ясачники давали “оброки и пошрины” царевичу, Ивану Федоровичу Рязанскому и его сыну Василию Ивановичу. (Там же. — С.126). Хотя под “царевичем” в договоре имеется в виду Данияр, из общего контекста видно, что ясачники существовали уже во время правления царевича Касима.
- ¹³³ См.: Материалы по истории Тамбовского... — Т.1. — С.384.
- ¹³⁴ Березин И. Татарский ... — С.550.
- ¹³⁵ Они отмечаются в 1474, 1486, 1501, 1505, 1508, 1532, 1562, 1572 гг. (См.: Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... — С.48; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — Ч.1. — С.197, 286, 458; Ч.II. — С.80—81., Малиновский А. Историческое... — л.247).
- ¹³⁶ Сборник РИО. — Т.41. — С.141; Копия с грамоты князю Еникею. — С.31., ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.199., АМГ. — Т.1. — С.196—197. Обычно термин “татары” в этих документах употребляется в таком контексте, который в других случаях требовал использования слова “казаки”. Фактически эти два понятия выступали в документах XV—XVI вв. как синонимы.
- ¹³⁷ Порфирьев С.И. Роспись... — С.465—467; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... — Ч.III. — С.220—231.
- ¹³⁸ В конце XVII в. известны и лично зависимые от Касимовских царей татары. Их называли “деловыми людьми” (Вельяминов-Зернов В.В. Исследования ... — Ч.IV. — Вып.1. — С.100—101). Но эта группа была небольшой и она являлась продуктом позднейшего развития.
- ¹³⁹ Эта формула использована в жалованной грамоте Ивана IV князю Еникею от 1539 г. Причем в грамоте сказано, что это право — “судить и ведать по старине” — было и у отца Еникея — князя Тениша сына Кутушева (Копия с грамоты ... — С.31).
- ¹⁴⁰ Шишкин Н.И. История... — С.51—52.
- ¹⁴¹ Как пишет Ф.Ф.Лашков, в Крыму это право описывалось так: “... владеть и управлять бейликом, как владели отцы и деды” (Лашков Ф.Ф. Исторический очерк ... — С.87).
- ¹⁴² В 1579 г. упоминаются “Царев двор” (или “Царева двора князья и мурзы и казаки”) и “Сейтов двор” (Вельяминов-Зернов В.В. Исследование...Ч.II. — С.81). В 1601, 1622 гг. “Сейтов двор” назван “Сеитовым полком” (Указ. раб. — Ч.III. — С.222, 34). Несомненно, под “дворами” имеются в виду боевые подразделения. И в 1563 г. в составе большого полка Ивана IV отмечаются: “сеит и князи и мурзы и казаки Городецкие (по-видимому — “Сеитов полк” — Д.И.) и Царев Шигалеев двор и Темниковские князи и мурзы и

- казаки”. А в “левой руке” находился “царевич Кайбула ... князи и мурзы и казаки Кадомские” (ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.349). Во время похода на Казань в 1552 г. из г.Касимова шел “сеит Городецкой со всеми Городецкими Татараы” (подробнее: “... Ак-сеит Черевсеев со всеми Городецкими князьями и мурзами и Татараы” — ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.495, 507). Одновременно, “Еникей князь Темниковской “пришел “со всеми Темниковскими Татараы и Мордвою” (Там же. С.495). Мной было высказано предположение, что деление на две воинские подразделения (“царев двор” и “Сеитов полк”) восходит к начальному периоду существования политического объединения в Мещере (См.: *Исхаков Д.М.* Этнографические группы... — С.82—83).
- ¹⁴³ Сборник РИО. — Т.95. — С.251, 296, 377.
- ¹⁴⁴ Там же. — С.251. Об определении Астраханского ханства как “Намаганского юрта”, см.: *Малиновский А.* Историческое... — Л.222.
- ¹⁴⁵ Например, в 1521 г. в ответ на притязания Крыма на Казанский престол, из Москвы дипломату было дано указание сказать, что “...изначала Казань юрт не их (Крыма — *Д.И.*), а были на Казани опришные цари” (Там же. — С.696) .
- ¹⁴⁶ *Усманов М.А.* Татарские... — С.116; Сборник РИО. — Т.41. — С.199; Малиновский А. Историческое... — л.217 об., 220, 222.
- ¹⁴⁷ Это видно из крымско-татарских материалов. Так, Ахмат-Гирей султан общается в 1516 г. в Москву о посылке людей — “от Ширинского юрта Ай-дешке мурзу, от Мангытцкого юрта Шах-Махмуд мурзу” (Сборник РИО. — Т.95. — С.339). В данном случае “Ширинский” и “Мангытский юрты” означают владения (бейлики) Ширинов и Мансуров (Мангытов) в Крымском ханстве. В грамоте Ширинского князя Агиша в Москву с извещением о своем пожаловании княжеством, он сообщает: “... а Государь (крымский хан — *Д.И.*) пожаловал, на отца нашего юрт князем мя учинил (*Малиновский А.* Историческое ... — С.239 об.). В 1531 г. упоминается Старый Крым, “где было Шуринское (Ширинское — *Д.И.*) княжение” (Там же. — Л.205 об.). Подробнее о княжествах в Крымском ханстве см.: *Лашков Ф.Ф.* Сборник документов ...; *Сыроечковский А.Е.* Мухаммед-Герай ...; *Бахрушин С.* Основные моменты... — С.47.
- ¹⁴⁸ См... Сборник РИО. — Т.95. — С. 11—15.
- ¹⁴⁹ Под 1541 г. в этом источнике говорится: “...царь Шигалей, а с ним Орда Городецкая вся” (ПСРЛ. — Т.13. — первая пол. — С. 435).
- ¹⁵⁰ В договорной грамоте двух братьев — великих князей рязанских Ивана и Федора от 1496 г., говорится о “выходе” в “Орду” и о “Царевичеве ясаке” (“Царевичев ясак Сатылганов или кто иной царевичь будет”). (ДДГ, 1950. — С.139). Причем этот “выход” собирался “по старым дефтерем, по крестному целованию” с отчины Федора в размере “трети”, отправлялся Ивану Васильевичу Рязанскому, который в свою очередь переправлял его в Москву, что становится ясно из договора от 1483 г. Согласно договорной грамоте 1483 г. великого князя Ивана (Московского) с великим князем Иваном (Рязанским), с “земли” последнего еще при Касиме царевиче “шло ... по записям” (Там же. — С.139, 127). Аналогично дело обстояло и в самом Московском великом княжестве: в духовной грамоте Андрея Васильевича (Вологодского) от 1481 г. речь идет о том, что он давал 30 тыс.руб. в Москву “за себя”, чтобы великий князь Московский “в Орды давал и в Казань

- и в Городок царевичу” (Там же. — С.275).
- ¹⁵¹ Там же. — С.126. Как видно из текста договора, они были и при Касиме.
- ¹⁵² В XVIII в. в этот стан входили ряд татарских селений Касимовского уезда, в т.ч. и с.Ахматово (*Исхаков Д.М.* Этнографические... — С.82).
- ¹⁵³ Древность деления на “Ахматов стан” подтверждается информацией, сохранившейся в народной памяти. Согласно этим данным, “Ахматов стан” находился на р.Оке на месте “Толстикова перевоза” (назван по татарской д. Толстикова, существовавшей уже в 1568 г.). Там, якобы, хан Ахмат стоял во время похода “на Рязань и Москву” (*Нарцов А.Н.* Историко-археологическая ... — С.63; *Опись дел Рязанского...* — С.32). Однако, “стояние” Ахмата в этой местности сомнительно. Зато увязывание в народной памяти “Ахматовского стана” с именем хана Ахмата позволяет говорить о его существовании уже в XV в.
- ¹⁵⁴ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — С.82.
- ¹⁵⁵ *Опись дел Рязанского...* — С.38—39.
- ¹⁵⁶ *Березин И.* Татарский ... — С.551. Относительно написания имен двух князей — аргына и мангыта, мнения исследователей разошлись. Аргынского князя М.А.Усманов называет “Чатыш бием”, а В.В.Вельяминов-Зернов — “Чеш беком” (*Усманов М.А.* Татарские ... — С.46; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.II. — С.40). Думается, что правильное написание дано И.Березиным — Джаниш (или Чаныш — отсюда Чанышевы). Имя князя-мангыта М.А.Усманов передает в форме “Тимир бек”, а В.В.Вельяминов-Зернов — “Саманай бек” (См. там же.). Последний вариант написания более точен. Это подтверждается тем, что по переписной книге 1646 г. в г.Касимове отмечен Тенибек мурза князь Семинеев сын Немичев (или Келичев) (См.: *Переписная книга по г.Касимову...* — С.8). Князь Семиной ~ Саманай и является, по-видимому, мангытом Саманай-беком. Кыпчак Тукай бек также может быть связан с конкретными историческими личностями. Еще В.В.Вельяминов-Зернов отмечал, что написание на основе арабской графики имен Тукай и Тевеккель, похоже (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.II. — С.367). Возникает вопрос, не являются ли Тевкелевы потомками этого Тукай (Тевеккель) бека? Согласно родословной Тевкелевых, у них предком был некто Уразлей, неизвестно откуда прибывший (*Разные бумаги ...* — С.15). По подсчету колен в родословной, этот Уразлей мог жить в первых десятилетиях XVII в. Но любопытно то, что уже второе колено после Уразлея имело фамилию Тевкелевых. Очевидно, Тевкелем (Тевекелем) звали отца Уразлея. Время жизни его приходится на конец XVI — начало XVII вв., т.е. совпадает с датой жизни “Тукай-бека”. Важно и то, что внук Уразлея — Мамеш, был мурзой в г.Касимове, а его отец — Давлет-Мамет, являлся “ярославским кормовым”, имея поместья и во Владимирском уезде (См. там же).
- ¹⁵⁷ Джалаир Кадыр-Али бек, скорее всего, появился в Касимове вместе с султаном Ураз-Мухаммедом (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.II. — С.434—435).
- ¹⁵⁸ В 1506 г. среди людей Еналей царевича с “Городецкими Татарами” отмечается “Канбур мурза” (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.1. — С.201). Думается, что это был тот “Камбар, Мамалаев сын”, который приходился “братаничем” (племянником) мангытскому князю Азике в Крымском ханстве и ушел в 1502 г. к великому московскому князю (Сборник РИО. — Т.41).

- С.385). В 1534 г. с Шах-Галием находился “Канбар мурзин сын”, которого звали Уразлы мурзой Канбаровым, как видно из документа за 1556 г. (Там же. — С.412). В 1558 г. он назван мангытом Уразлы князем Канбаровым (ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.289). Я присоединяюсь к мнению В.В.Вельяминова-Зернова о том, что при определении племенной принадлежности Саманай-бека его называли “исбай-мангытом” потому, что слово “исбай”, вероятно, означало какое-то конкретное ответвление мангытов (*Вельяминов-Зернов В.В. Исследование...* — Ч.II. — С.434). Дополнительно о мангытах в Мещере см.: Исхаков Д.М. Этнографические группы ... — С.98.
- ¹⁵⁹ Цитируется по: *Жунисбаев К.* Кадыргали ... — С.212.
- ¹⁶⁰ Во-первых, это видно из письма Ивана IV ногайскому князю Исмагилю от 1563 г. (ПДРВ. — Ч.Х. — С.320). Во-вторых, в 1492 г. у царевича Сатылгана в войсках был “князь Тонкач с людьми” (Сборник РИО. — Т.41. — С.141). Я уже выше показал, что Тонкач был Ширином. В то же время по истории Крымского ханства мы знаем, что карача-беи считались там “воеводами князьями” (См.: Малиновский А. Историческое ... — Л.132 об.). Поэтому, присутствие князя Тонкача в войсках царевича Сатылгана в 1492 г. не случайно. Очевидно, он и был “большим князем” в Мещере в конце XV в. По данным за 1563 г., “на Городке ... на большого князя на Ширинского” шла “пошлина” от проезжающих торговых людей (Продолжение ДРВ. — Ч.Х. — С.320). Таким же образом Ширины в Крыму получали часть торговой пошлины от проезжающих через Перекоп (*Manz Beatrice F. The clans ...* — p.286).
- ¹⁶¹ *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.71.
- ¹⁶² Там же. — С.71—72.
- ¹⁶³ Не от “буляк” (подарок, пожалование), как предполагал М.Г.Сафаргалиев (Там же. — С.70).
- ¹⁶⁴ Материалы по истории Тамбовского ... — Т.1. — С.384.
- ¹⁶⁵ См.: *Inalcik H. The Khans ...* — P.454.
- ¹⁶⁶ Копия с грамоты ... — С.31.
- ¹⁶⁷ По данным за 1623 г. в бассейне р.Цны существовал “Мамаев угол”, где была “Мамаева пустошь”, а недалеко находилось с.Конобеево (Копия с Шатской писцово́й книги ... — С.130). По преданиям, с.Конобеево возникло до основания г.Шацка, т.е. ранее середины XVI в. Недалеко от него, по легендам, жил “татарский князь Кучас” (*Николаевский М.Ф.* Историко-археологическая ... — С.73). Имя Мамаев фигурирует в родословной князей Енгольчевых в форме “князь Мама”. О нем в родословной сказано, что он “вышел из Золотой Орды” в конце XV в. (Материалы по истории Тамбовского ... — Т.1. — С.245-246). Известно, что примерно в это время жил сын князя Ногайской Орды Мусы, Мамай. Не его ли владения находились в районе р.Цны? Диалектологами установлено, что говор татарских селений бассейна р.Цны имеет близость с ногайским языком (*Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — С.72). Еще одним районом проживания мангытов могли быть окрестности г.Кадома. Еще в 1552 г. северо-восточнее этого города известен “Монсыров угол” (ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.199). В XVII в. в составе “Кадомской десятины” находились два селения — Старое Мансырово (Княжее) и Новое Мансырово. Первое из них было каким-то административным центром, т.к. относилось именно к “Мансырову углу” (Книга окладная ... — С.214). В XVIII в. тут находился “Мансыров стан”, включавший много татарских деревень. В Кадомском уезде в 60-х гг. XVII в.

- известны и князя Мансуровы (Д.М. — Т.1. — Ч.2. — С.304). У нас есть основания полагать, что Мансуровы восходят к сыну Идегея-Мансуру (Газы-Мансуру), клан которых занимал одно из ключевых позиций в Крымском ханстве (*Лашков Ф.Ф.* Исторический ...). Поэтому, мангыты в лице Мансуровых могли владеть и окрестностями Кадома (Замокшенский стан). Интересно, что владения князя Бедиша — сына отмеченного выше “князя Мама”, также находились в Замокшенском стане (Материалы по истории Тамбовского ... — Т.1. — С.245—246). Очевидно, более старыми владениями мангытов была территория последнего стана.
- ¹⁶⁸ Взаимозависимость государств, возникших после распада Золотой Орды, достаточно детально раскрыта в некоторых исследованиях (См., например: *Базилевич К.В.* Внешняя ...).
- ¹⁶⁹ В договоре великого князя московского Ивана Васильевича с великим князем литовским Александром Казимировичем от 1494 г., последний признавал, что Мещера является вотчиной Ивана Васильевича (ДДГ, 1950. — С.330).
- ¹⁷⁰ Сборник РИО. — Т.95. — С.378.
- ¹⁷¹ В 1517 г. Крымский хан Мухаммед-Гирей писал московскому великому князю Василию Ивановичу: “... из Мещеры люди шли к нам служить, а от нас в Мещеру” (Сборник РИО. — Т.95. — С.378). Действительно, для такого утверждения основания имелись (См.: Сборник РИО. — Т.41. — С.28, 211, 385, 421, 529; Сборник РИО. — Т.95. — С.31,68,50). Даже в 1559 г. Иван IV приглашая к себе на “Украину в Мещеру” пятерых ногайских мурз “со своими людьми”, писал им: “... и похотите к себе нашего жалованья, ... и выбь поехали к нам” (ПДРВ. — Ч.Х. — С.49). Как видим, форма приглашения весьма либеральная. Обмен людьми происходил также между Казанским ханством и “Мещерским юртом”. Например, в Казани в 1533 г. отмечается “Кутлублат, князь Городецкий” (ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.69). В “Казанской истории” говорится о приходе с ханом Шах-Галием в Казань его “князей и мурз”. Число этих князей и мурз, пришедших, по-видимому, со своими людьми, было немалым, т.к. в том же источнике сообщается об убийстве 5 тыс. “варвар” Шах-Галия и его уходе в Касимов с “... 300 варвар, служащих ему”. (Казанская история. — С.64—65). В 1546 г. вместе с Шах-Галием в Казань пришли 100 его князей и мурз (Там же. — С.80). В “шерти” хана Абдул-Латыфа великому князю Василию Ивановичу (1508 г.) сказано: “... от них (из Мещеры и из Сурожика от Янай и Шейх-Авлияра царевичей — *Д.И.*) мне их уланов и князей и козаков всех не приимаи, хотя которые уланы и козаки от них отстанут, пойдут в Орду, и в Казань или куда ...” (*Малиновский А.* Историческое ... — Л.247). Но в этой шерти есть одно ограничение — не принимать людей “опричь Ширинова роду, и Барынова, и Аргынова и Кипчакова” (Там же). Представителей этих кланов запрет на переход от одного сюзерена к другому, не касался. Это видно и из приглашения великого князя Ивана Васильевича (Московского) Довлек мурзе (сын Именека Ширина) от 1481 г. Там сказано: “... а придешь ко мне ... а от нас куды всхочешь пойти, и ты наше жалованье выдав пойдешь добровольно, а нам бы тебя не держати” (выделено мной — *Д.И.*). (Сборник РИО. — Т.41. — С.28).
- ¹⁷² *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.75.
- ¹⁷³ ПДРВ. — Ч.VIII. — С.64.
- ¹⁷⁴ В первый раз “наместники Елатомские” отмечаются наряду с “Муромски-

- ми” в 1542 г. (Иероним Рязанские ... — С.41).
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Приложение к описи ... — С.72.
- ¹⁷⁷ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.1. — С.214.
- ¹⁷⁸ ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.161.
- ¹⁷⁹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.1. — С.410.
- ¹⁸⁰ Там же. — С.475.
- ¹⁸¹ Городом Темниковым еще в 1560 г. управлял Еникей князь Тенишев (ПДРВ. — Ч.Х. — С.89).
- ¹⁸² *Шишкин Н.И.* История ... — С.50—52.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ *Иероним.* Рязанские ... — С.40.
- ¹⁸⁵ *Готье Ю.В.* Десятни ... — С.6—7.
- ¹⁸⁶ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.1 — С.364.
- ¹⁸⁷ ПДРВ. — Ч.IX. — С.147.
- ¹⁸⁸ ПДРВ. — Ч.Х. — С.49.
- ¹⁸⁹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.II. — С.25—26.
- ¹⁹⁰ Там же. — Ч.IV. — Вып.1. — С.1—2, 53.

§ 2. Тюркское население Мещерского “юрта” в XV—XVII вв.: этнос и этнические компоненты.

К началу XVII в. в русскоязычных документах тюркское население Мещеры именовалось в основном “татарами”.¹ Весьма часто к этому этнониму добавлялось определение по названию того уезда, в котором “татары” жили.² Существовало достаточно отчетливое осознание единства рассматриваемого населения. Например, князья, мурзы и татары Алатырского уезда в 1618 г. считали своими “братьями” князей и мурз Касимовского, Кадомского, Темниковского, Шацкого и Арзамасского уездов.³

В начале XVII в. в московских деловых актах для обозначения тюркской группы жителей Мещеры применялось еще одно сложное определение “татары Мещерских городов” (иногда эта формула сокращалась до “Мещерских татар”).⁴

На ходу был и такой термин, как “мещеряки” или “мещеряне”, весьма напоминающий этноним. Так, в 1661 г. при переселении в Закамье татар — выходцев из Мещеры, в источниках называют “мещеряками”. Но из документов явствует, что “братьями” этих “мещеряков” были “служилые неверстанные татары”,⁵ т.е. понятия “мещеряки” и “татары” в данном случае выступают как синонимы. Важно отметить, что “мещеряками” (мещерянами) в конце XVI—XVII вв. могли называть и представителей нетюркских этносов, живущих в Мещере. В одном из документов за 1664 г. сказано: “...Темниковского уезда Краснослободского присуду мордва Сускурка Килганов с товарищи, мещеряки”.⁶ Несколькими иная форма этого же термина — “мещеряны” ~ “мещеряне” ~ “мещерени” (ед. число — “мещеренин”), применялась и по отношению к русским жителям Мещеры.⁷ Но в последнем случае среди русских

“мещеряи” часто встречаются тюркские фамилии.⁸ Из-за своей многозначности, понятия ряда “мещеряки”~”мещеряне” больше напоминают политоним или этникон, образованные от названия “земли” — Мещеры. Но до рассмотрения всей тюркской этнонимии, функционировавшей в XV—XVII вв. в Мещерском “юрте”, такой вывод был бы преждевременным.

В XVII в. на территории Мещеры и прилегающих районах Алатырско-го уезда дважды упоминаются буртасы. Первый случай относится к 1682 г.: в грамоте, посланной из Москвы на имя стольника князя Ивана Сунчалеевича Кугушева, ему предписывается отдать новому воеводе г.Кадома “новокрещеным и мордве и буртасам имяные списки и ясачные книги по чему с буртас и мордвы собирают ясак”.⁹ Из этого документа еще неясно, имеют ли вышеназванные ясачные буртасы, какое-либо отношение к татарам. Но из следующего источника — выписи из писцовой книги Дм.Пушечникова 1626—28 гг., такая связь обнаруживается. В выписи говорится: “... в Олаторском уезде, в Верхосурском стану д.Нагаево, Чулпанова тоже, на речке Чучерме, что выставилась из Старого Янышева Лашинского (возможно — Алышевского — *Д.И.*) беляка, а в ней Буртасы, посопные татаровя ... да пустых дворов буртасских ... Деревня Тетяково на речке Чучерме, выставка из д.Ногаевы, а в ней посопные татаровя ...да пустых дворов буртасских ...Деревня Беремшина, а в ней посопные татаровя ...А всего в д.Ногаеве и в выставках 17 дворов буртасских, посопных татар, 7 дворов бобыльских непашенных, да 25 дворов пустых буртасских... А межа д.Ногаевы с выставками от мордовской от Поводимовской земли от мысу суходолом до речки Оксермы правая сторона буртасская деревни Ногаевы с выставками, и речкою Оксельмою на низ до Ахматовского устья, левая сторона мордовская д.Поводимовой; а правая сторона д.Нагаевы Буртас, а от Ахметовского устья идучи до сухова врага правая сторона Нагаевских Буртас, а левая сторона мордовская д.Ардатовой”.¹⁰ Из документа выясняется, что д.Нагаево (Чулпаново) существовала еще в 1614 г., когда по приправочной книге Г.Норова там числилось 42 буртасских двора.¹¹ Но уже к 1658 г. буртасов в деревне не осталось — “те буртасы, посопные татаровя ... сошли жить на иные места”.¹²

Местность, о которой идет речь в выписи, находилась в радиусе примерно полусотни верстов от г.Алатыря.¹³ Несомненно, этот район заселялся татарами из Мещеры.¹⁴ Поэтому, следы этих “буртасов — посопных татар”, нужно искать в центральной части территории Мещерского “юрта”. Там действительно обнаруживаются некоторые признаки проживания буртасов в конце XVI — начале XVII вв. В “Списке отводной выписи”, полученной в 1596 г. князем Кулунчаком Еникеевым, речь идет о “Буртасских татарах Байчуре да Бичуре Енговатовых, да Чуроке Борончееве, да Козае Мошнине”.¹⁵ Правда, из другой выписи за 1623 г. выясняется, что в предыдущем документе под “буртасскими татарами” имелись в виду скорее всего жители д.Буртас — “татары с Уракаем

мурзою Баранчевым”.¹⁶ Однако вряд ли название этой деревни случайно. Дело в том, что в последнем документе фигурирует д.Корино, расположенная по соседству с д.Буртас (они обе относились к Аксельскому стану Темниковского уезда), в ней же отмечаются “служилые татары Тайбулат Тенбахтин, Байбулат Бигонин” и “посопные татарова Янсеит Янтерьяков, Миляш Енгилишев”.¹⁷ Еще раз “посопные татары” (их имена: Алмамет Кочеев и Антуда Качеманов), жившие в д.Вечкенино и купившие землю у “татарина д.Лаколей Богдана Чекаева”, упоминаются в 1620 г.¹⁸ Эти два селения также относились к Темниковскому уезду.¹⁹ Если д.Вечкенино находилась на южных рубежах этого уезда, то селения Буртас и Корино располагались на севере — ближе к г.Темникову. Отметим также, что южнее деревень Лаколей и Вечкенино протекает р.Буртас (правый приток р.Выша). Эта река известна по меньшей мере с 1551 г.²⁰ Таким образом, “буртасы — посопные татары”, в XVI—XVII вв. на территории Мещеры жили. Но других прямых сведений об их проживании в Мещере в это время или несколько раньше, например, в XV в., не обнаружено. Следовательно, эту этнословную группу — а она, судя по параллельному определению “посопные татары” и по упоминанию среди ясачного населения, являлась именно особой социальной стратой — необходимо искать среди тюркского населения Мещеры под иным названием.

В XVI в. тюркские группы, жившие в “Мещерском юрте”, именовались по-разному. Наиболее употребительным был этноним “татары”, который в московских деловых бумагах чаще всего применялся в форме “Городецкие татары” (обычно расшифровываясь так: царь (царевичи), уланы, князья, мурзы и казаки).²¹ Иногда вместо “казаков” писалось: “и все мещерские люди”.²² Общая закономерность развития данной формулы следующая — до середины XVI в. она использовалась для обозначения всех “татар” Мещеры, а со второй половины XVI в. под “Городецкими татарами” начинают подразумеваться служилые татары г.Касимова и уезда,²³ а остальные группы получают номинацию по тем уездам, в которых они жили (см. выше). Это явно было связано с уже рассмотренным процессом “расщепления” единой территории Мещерского “юрта” на отдельные уезды. Изредка московские чиновники в XVI в. использовали и выражение “Мещерские татары”.²⁴

Крымские татары и ногайцы в XVI в. предпочитали несколько другие названия. Согласно данным начала XVI в., в Крыму жителей Мещеры называли “мещеринами” (ед. число — “мещерин”), “людьми Мещерскими” или “Мещерской бессерменьей”.²⁵ Ногайцы употребляли близкую форму: “Мещеряне”, “Мещерские люди”,²⁶ хотя в некоторых случаях они писали и о “казаках Мещерских”,²⁷ или даже о “Городецких татарах”.²⁸ Из одного сообщения за 1514—1516 гг. из Азова видно, что “азовские татары” называли тюркское население Мещеры “мордовскими татарами”, считая их “украинскими татарами”, живущими “на Мещерской Украине”.²⁹ Впрочем, термин “мордовские татары” является

всего лишь разновидностью наименования “Городецкие татары”, ибо в данном случае родовое понятие — ”татары” (см. выше также о “Мещерских” и “Мордовских князьях”).

Да и между понятиями “Городецкие татары” и “мещерины”~”мещеряне” имеется внутренняя связь, так как первый термин может расшифровываться и в форме “Мещерские татары” (Городок — это не только г.Касимов, но и “Мещерский городок”). Но знак равенства между ними все же ставить нельзя. Такой вывод можно извлечь из содержания грамоты, данной в 1539 г. князю Еникею. В грамоте говорится: “... татар из тарханов и башкирцев и можерянов, которые живут в Темникове, судить и ведать их по старине, по тому же, как наперед сего судил и ведал отец Тениш”.³⁰ Как, видно из грамоты, “татары”, находившиеся в ведомстве г.Темникова в конце XV — начале XVI вв., подразделялись на “тархан”, “башкирцев” и “можерян”. В лице “можерян” мы скорее всего имеем дело с “черными людьми” Мещеры, так как в грамоте от 1483 г. среди “черных людей, которые ясак дают царевичу”, указываются: бесерменин, ...Мордвин, ... Мачярин.³¹ По-видимому, “мачярин” (множественное число — “мачярене”~”мачяряне”~ “можеряне”) договорной грамоты 1483 г., является представителем той социально-этнической группы, которая в 1539 г. именуется “можерянами”. Судя по определению “татары” — а оно относится и к “можерянам” — они к началу XVI в. были тюрками.

Одинаковый социальный статус (вхождение в группу ясачников) позволяет поставить вопрос о возможном тождестве “буртасов — сопных татар” источников XVII в. и “татар из можерян” (мещерян) документов 1480—1530-х годов. Однако, чтобы сделать такой вывод, необходимо разобраться с этнической принадлежностью “татар из тарханов и башкирцев”, которых П.Н.Черменский, например, считал одной и той же народностью с буртасами.³² Кроме того, в договорной грамоте от 1483 г. в одном ряду с представителями двух самостоятельных групп — мордвой и можерянами (мачерянами), отмечается еще и “бесерменин”. Был ли этот “бесерменин” просто мусульманином или появление его в тексте грамоты связано с присутствием в Мещере еще одной этнической группы, фиксируемой, как уже было показано, на территории Булгарского вилайета Золотой Орды? Этот вопрос также нуждается в ответе.

Существование в Мещере “тарханов” подтверждается топонимическим материалом: по данным XVIII в. в Шацком уезде (в бассейне р.Цна) имелись селения Сюп-Тархан и Тархан (последняя была населена татарами), а в Темниковском уезде — д.Тарханы (жители — мурзы и татары).³³ В последнем уезде в 1683 г. “тарханцы” отмечены наряду с мурзами в д.Атановы как социальная группа.³⁴ В 1732 г. в д.Тарханы Темниковского уезда фиксируется князь Кудашев.³⁵ Родословная же Кудашевых восходит к Бехану,³⁶ следовательно, они были родственниками князя Тениша, известного из грамоты за 1539 г. Другие данные также говорят о

связи топонимов “Тархан” бассейна р.Цна и Темниковского уезда. Известно, что владения князя Тениша в 1529 г. находились именно в бассейне р.Цна — в Подлесной волости.³⁷ Лишь позже князь Тениш оказался в г.Темникове. Но именно в бассейне р.Цна, в т.ч. и в д.Тархан Шацкого уезда, наблюдается концентрация ногайских языковых явлений. Прояснению вопроса о “тарханах” может способствовать установление связи этой группы с “башкирами”, которые в Мещере фиксируются не только в грамоте за 1539 г. По данным конца XVII в. в Шацком уезде имела “Башкирская гора”.³⁸ Кроме того, в “Мансыровом стане” Кадомского уезда одно из селений, выселившееся во второй половине XVII в. “из приходу погосту Мансырева угла”, называлось “Башкирцы”.³⁹ Заслуживают внимания и названия двух “беляков”, отмечаемых на территории Мещеры — “Ирехтинский (Ерехтинский)” и “Керешинский” беляки.⁴⁰ В первом из них находились владения князя Акчуры, а во втором — князя Тениша.⁴¹ Названия этих мордовских “беляков” совпадают с наименованиями двух башкирских племен — иректе и каршин.⁴² Связь “тархан” и “башкир” грамоты за 1539 г. можно обосновать и на основе данных по Казанскому ханству — я уже приводил материалы середины XVI в., из которых вытекает, что термин “тарханы” в этом государстве не только был тесно связан с понятием “башкиры”, но и являлся его синонимом.

Имеющиеся материалы позволяют высказать гипотезу о том, что в “татарах” из “тарханов и башкирцев” следует видеть тюркские родоплеменные группы, подчиненные мангытской (ногайской) знати. В составе этих групп могли быть и части племен иректе, т.е. группы табын, а также каршин. О включении иректинцев в среду тюркских групп Мещеры говорит и такой факт. Из переписной книги г.Касимова 1646 г., в городе известен Уразмамет мурза Нурушев сын князя Максутова.⁴³ В то же время “Нуруш бий” фигурирует в родословной, начинающейся с “Байкы~ Майкы бия”.⁴⁴ Эта родословная, как уже указывалось, была связана с мишарями. В то же время, я отмечал, что Майкы-би считался родоначальником иректинцев (табынцев).

Появление ногайской знати с подчиненными ей группами в “Мещерском юрте” можно датировать концом XV — началом XVI вв.⁴⁵ Но и позже ногайцы продолжали различными путями проникать в Мещеру, что подтверждается целым рядом данных. Рассмотрим их. В послании ногайского князя Шейдяка Ивану III (не позднее 1505 г.) содержалось письмо Ураз-Бердия к своему сыну Есень Бердиню, который жил у Мунмыш князя в Мещере.⁴⁶ Другой ногайский князь — Исмагиль, в 1553 г. ссылается с Иваном IV по поводу “Елаира (джалаира — Д.И.) Кайбуллина княжего меншого брата Кошкайдара”, находившегося у “царя” (хана) Дервиша; Исмагиль ставит вопрос о его возвращении в Ногайскую Орду.⁴⁷ В 1556 г. Исмагиль опять обратился к Ивану IV с тем, чтобы тот отпустил к нему двух ногайских мурз — китая (кагая) Семена (Саина) мурзу и Чомаш мурзу сына Кочман мурзы.⁴⁸ Первый из них точно находился в Мещере.⁴⁹ В том же году Араслан мурза из Ногайской

Орды просил у Ивана IV, чтобы тот “пожаловал” его и прислал “Бахтеяра стару жонку, Девлет Салтаном зовут”, живущую в с.Азеево, “да в Цареве городке у Янгвата абыза Устабегешева дочь Каракызом зовут”.⁵⁰ Очевидно, что эти женщины были нагаянками, так как в другом случае речь бы шла о покупке этих женщин.⁵¹ В 1562 г. ногайский князь Исмагиль сообщает Ивану IV, что “у Бекбулата царевича (т.е. в Мещере — *Д.И.*) ныне паробок мой Каракизом зовут Хозягулов сын”. Далее он отмечает, что к Ивану IV поехал сын Кошум мурзы Салтан-Гази и просит их обоих отправить в Ногайскую Орду.⁵² Тот же Исмагиль в 1560 г. пишет Ивану IV и просит его отпустить к себе “Асанак мирзину жену”, которая находилась у царя Шах-Галия.⁵³ В 1564 г. он опять обращается к Ивану IV с тем, чтобы тот разрешил уйти в Ногайскую Орду “Худай Батешеву сыну Азию Утемишу, что у Шигалея царя”.⁵⁴ Во второй половине XVI в. известно о приходе на службу к Московскому государю многих ногайских мурз, которые по несколько раз возвращались в Ногайскую Орду и обратно шли на службу.⁵⁵ Очевидно, они в основном сосредоточивались в Мещерском “юрте” у царя Шах-Галия.⁵⁶ Известно, например, что Иван IV в 1559 г. писал пятерым ногайским мурзам, призывая их идти на службу к нему, обещая им “место на Украине на Мещере”.⁵⁷ Об оседании ногайцев в Мещере и по соседству с ее территорией, свидетельствуют предания и результаты научных исследований. Так, в народной памяти основание г.Пензы и Черкасской слободы связывалось с походом Ивана IV на Казань, который, якобы, “...на пустынном месте ... где находится Пенза, нашел пикет кубанских татар, с женами и детьми, которые в числе 30 человек были пойманы, ... крещены и поселены здесь ясаком”.⁵⁸ В конце XIX в. татары д.Митрялы Темниковского уезда Тамбовской губернии считали себя потомками трех князей — Урусова, Ильшева и Нураева.⁵⁹ Первый из них явно происходит от ногайского мурзы Уруса (жил в 1530—1590-х гг.⁶⁰). Урусовы до сих пор известны в некоторых татарских селениях бассейна р.Цна.⁶¹ В 1595 г. в Арзамасском уезде упоминается Айдес мурза Салтаганов. Его отцами был Салтаган Мустафин, основавший там д.Салтаган.⁶² В то же время, в 1559 г. среди ногайских мурз, которых Иван IV призывал к себе на службу, находился и Салтанга мурза. Судя по документам, он был внуком ногайского князя Шейдяка.⁶³

Ногайский компонент достаточно отчетливо прослеживается и у касимовских татар.⁶⁴ Мангытская знать до начала XVII в. продолжала жить в г.Касимове. Например, на кладбище этого города в 1600 г. был захоронен выехавший “в Россию” из Крыма в 1590 г. Джиханша мурза сын Сулеш бика. На другом надгробном камне прочитывалось имя Хабита мурзы Сулешева.⁶⁵ Эти Сулешевы происходили от Ябак бия “Кудалака”, который “перекочевал в Крым по указанию Ногая”.⁶⁶ Захороненный в 1610 г. на этом же кладбище Ваиль мурза сын Юсуф бика,⁶⁷ очевидно, был из рода ногайского князя Юсуфа. В 1622 г. во дворе царя Араслана в г.Касимове воеводе показался подозрительным татарин,

одетый в “ногайское платье”. Из расспросов его выяснилось, что он в городе жил во дворе мурзы Ян-Мамет Джанаева. Дядя последнего — ногайский мурза Абдул Теникеев, жил также в г.Касимове. Ян-Мамет мурза велел этому татарину, мать которого была жительницей г.Касимова, ехать со своим дядей в г.Астрахань, к “тетке царева”, которая находилась “в Астраханских юртах за мирзою”.⁶⁸ А так как многие владельцы Мещерского городка были женаты на ногайских княжнах,⁶⁹ этот факт не удивителен.

Итак, одним из компонентов тюркского населения Мещерского “юрта” конца XV—XVII вв. являлись выходцы из Ногайской Орды. В некоторых документах первой половины XVI в. они именовались “тарханами и башкирцами”, но в целом считались “татарами”.

Следующий аспект проблемы тюркского населения Мещеры связан с “бесерменами”. Из-за того, что представитель этой группы упоминается лишь в договорной грамоте 1483 г., важен общий контекст этого документа и особенности того ряда, в котором термин “бесерменин” в источнике был употреблен. В частности, в грамоте сказано: “А ясачных людей от Царевича Даныяра или кто будет на том месте иной царевичь, и от их Князей тебе, великому князю Ивану и твоим бояром и твоим людям не приимати. А которые люди вышли на Резань от Царевича и от его Князей после живота деда твоего великого князя Ивана Федоровича бесерменин, или Мордвин, или Мачярин, черные люди, которые ясак царевичю дают: и тебе ... тех людей отпустити добровольно на их места, где кто жил; а кто не захочет на свои места пойти, ино их в силу не вывести, и им Царевичю давати его оброки и пошлыны”.⁷⁰ Из перечня ясачных людей Данияра двое — “мордвин” и “мачярин”, представляли членов этнических групп. Это доказывается и написанием данных понятий с большой буквы — согласно правилам правописания, так оформлялись этнонимы. А вот термин “бесерменин”, написанный с маленькой буквы, из указанного ряда выпадает. Чтобы разобраться с наименованием “бесерменин”, рассмотрим случаи употребления его в разных формах применительно к территории Мещеры. Один случай относится к 1517 г., когда крымский хан Мухаммед-Гирей, не согласный с передачей трона в Мещерском “юрте” Шах-Галию, отправил грамоту в Москву, в которой было отмечено: “... люди в Мещере бесерменьи нет никого, ино не у кого жити... Слыхано ли, что бесерменину бесерменина ... в полон взяти, ино наши люди и бесерменью в полон поймали в Мещере, а того у нас и в писанье нет, что бесермена продали, а наши люди мещерскую бесерменью и попродали...”⁷¹ В приведенном отрывке из послания понятия “бесермена” ~ “мещерская бесерменья” обозначают вообще мусульман, а не этническую группу. Таким же образом, в грамоте Ивана IV турецкому султану Селиму от 1570 г., речь идет о том, что “... в Кадомском уезде ... многие приказные люди мусульманского закона и в тех мещерских городах, мусульманские люди ... мизгиты (мечети) и кошени (кладбища) держат”.⁷² Тут тюркское население

Мещеры прямо названо мусульманами (мусульманскими людьми). Поэтому термин “бесерменин” договорной грамоты 1483 г. скорее всего следует понимать как обозначение мусульманина. Однако в таком случае не совсем понятно его противопоставление (через союз “или”) “мачярину” (мордва были язычниками и по отношению к ним конструкция предложения правомерна). В конфессиональном отношении “татары из можерянов” в массе не могли отличаться от остальных тюркских групп “Мещерского юрта”, исповедуя ислам. Но в то же время некоторая их часть, возможно, была христианизирована одновременно с князем Беклемишем, так как в родословной Бахмета Ширина сказано, что с собой Беклемиш крестил “многих людей”.⁷³ Если люди Беклемиша не были ассимилированы к концу XV в. русскими — что вполне возможно, так как в “Десятне” 1590 г. по Мещере у многих “мещеряи” с русско-христианскими именами фамилии еще были тюркскими — то становится понятным, почему среди ясачного населения кроме “мачярина” оказался и “бесерменин”: некоторые “можеряне” не укладывались в рамки понятия “бесермены”. Тем не менее, нельзя полностью исключать и другое объяснение присутствия “бесерменина” в тексте договора — это мог быть представитель самостоятельной этнической группы, основная часть которой была локализована в районе Булгарского вилайета.⁷⁴ Имея в виду родственные связи между правящими домами Казанского ханства и Мещерского “юрта” до начала 1480-х гг., а также участие царевича Касима в походе 1468 г. на Казань, такое предположение не представляется невероятным. При принятии любой из этих двух гипотез, нет оснований видеть в “бесерменах” буртасы.

В итоге, единственной этнической группой, которую в конце XV — начале XVI вв. можно отождествить в Мещере с буртасами, оказываются “можеряне”. Такое мнение в ряде исследований уже высказывалось.⁷⁵ Но невыясненной остается причина того, почему одна и та же этническая группа называлась в русскоязычных источниках XV—XVI вв. “можерянами” (мачяренами), а с начала XVII в. — “буртасами”. Предлагались разные варианты решения данной проблемы. Ф.Ф.Чекалин полагал, что у этого “племени” самоназвание было мещера или можар, а буртасами их именовали кочевые соседи — хазары.⁷⁶ Б.А.Васильев придерживаясь в целом близкой гипотезы, несколько ее развил. Он считал, что этнонимы “буртасы” и “мещера” вплоть до XVI в. употреблялись на Руси параллельно. Но первый из этих этнонимов являлся более ранним и был восточного происхождения, а второй возник несколько позже на русской почве на основе самоназвания народности “мяшар”~ “мишар”~ “можеряне”.⁷⁷ Как видим, речь идет об эндоэтнониме (мишар — можар — мещера) и экзоэтнониме (буртасы). Иную позицию заняли П.Н.Черменский и А.И.Попов. Основная идея П.Н.Черменского заключается в том, что мещеры как особой народности, не существовало уже к началу XII в. — она была ассимилирована славянами и приняла русский язык.⁷⁸ А буртасы, как и башкиры, в Мещеру прибыли “из-за Волги” в “составе

ногайских князей и мурз”.⁷⁹ А.И.Попов лишь присоединился к этому мнению, заметив, что “довольно многочисленные там (в Мещере — *Д.И.*) географические имена Буртас, Буртасы и т.п. возникли не ранее XVI—XVII столетий” из-за того, буртасы, как “чуждые пришельцы”, выделялись из общей массы коренного населения (мордвы и мещеры).⁸⁰

Точка зрения последних двух исследователей обособована явно недостаточно. Во-первых, группа населения, под названием “мещерян”, вплоть до конца XVI в., даже при наличии русско-христианских имен, весьма часто имела тюркские фамилии. Кроме того, в источниках “мещерянами” (можерянами) называли и явно тюркскую общность (см. формулу “татары из можерян”). Во-вторых, нет ни одного источника, который бы доказывал прибытие буртасов в Мещеру с ногоайской знатью. Поэтому, на сегодня более приемлемой является гипотеза Ф.Ф.Чекалина и Б.А.Васильева о том, что этноним “мещера” имеет в основе самоназвание определенной этнической общности (“племени” — по Ф.Ф.Чекалину и “народности” — по Б.А.Васильеву).

Мой подход к решению этой проблемы имеет одну принципиальную разницу по сравнению с взглядами отмеченных выше исследователей. Думаю, что мишарскую этническую общность надо рассматривать не как прямое продолжение “можерян” (буртасов), а как результат взаимодействия нескольких этнических компонентов, среди которых “можеряне” являлись хотя и весьма важной, но далеко не единственной составной. Многокомпонентность тюркского населения Касимовского ханства достаточно хорошо прослеживается и при анализе традиционной культуры касимовских татар и мишарей — прямых наследников тюркских групп Мещерского “юрта” XV—XVI вв. На основе собранного в рамках подготовки “Историко-географического атласа татарского народа” обширного комплекса данных удалось установить, что на территории бывшего Касимовского ханства имелись три основных этнокультурных ареала (района): касимовский, северный и южный.⁸¹ Если первый из них связан с субэтносом касимовских татар, то два последних ареала отражают существование в составе мишарей двух генетических этнографических групп — северной или сергачской и южной или темниковской. Касимовские татары и мишари сложились из одних и тех же компонентов, но при разном их соотношении. Полагаю, что в формировании северной группы мишарей был выше удельный вес “можерянского” (буртасского), а южной — золотоордынско-тюркского (кыпчакско-ногоайского) компонентов. У касимовских татар налицо оба указанных составных, но именно для них, в силу их этнического оформления в зоне столичного “округа”, была характерна особая концентрация золотоордынско-тюркского (“татарского”) слагаемого. Поэтому они и образовали самостоятельную от мишарей этнокультурную общность.

После установления факта функционирования в XV—XVI вв. применительно к тюркской части населения Мещерского “юрта” двух основных наименований — “можерян” (мещерян) и “татар”, при определе-

нии уровня консолидированности тюркской этнической общности в Касимовском ханстве ключевым оказывается вопрос о том, являлось ли в XV—XVI вв. первое из этих двух названий этнонимом или оно уже стало (или становилось) этниконом, политонимом. Обращаясь к этому вопросу полезно вспомнить небольшую дискуссию, которая состоялась в начале XX в. между Г.Н.Ахмаровым и Б.А.Куфтиным. Г.Н.Ахмаров полагал, что древнее название г.Касимова — “Мещера”, “Мещерский городок”, вначале “перешло на народ в нем и в области его”, а затем казанскими татарами было “присвоено ... без различия всем татарам Поволжья, говорящим одним общим (т.е. мишарским — *Д.И.*) наречием”.⁸² Как видим, Г.Н.Ахмаров склонялся к тому, что наименование “мишәр” надо рассматривать как этникон или политоним. Но Б.А.Куфтин ему возражал, указав на то, что если бы это наименование являлось по характеру “географическим”, то оно “вряд ли могло бы получить сколько-нибудь обидный характер, как это местами замечается”.⁸³ Недавно точку зрения Г.Н.Ахмарова поддержал И.Вашари, высказав мнение, что татары-мишари свое наименование получили от названия территории — Мещеры.⁸⁴ Для разрешения этого спора и ответа на поставленный вопрос, обратимся к документам.

Уже отмечалось, что наиболее ранней формой названия “можеряне” (мещеряне) является “Мещера”. С точки зрения специфики древнерусской этнонимии это понятие может считаться этнонимом, относящемся к отдельной группе собирательных этнонимов, образуемых с помощью флексии — а (-’а).⁸⁵ По мнению некоторых лингвистов, в русской летописной традиции этнонимы использовались только с предлогом на, а предлоги из, в употреблялись с названиями территорий (топонимами).⁸⁶ С этой точки зрения, в документах XV в. по отношению к “Мещере” можно обнаружить применение как предлога на,⁸⁷ так и в.⁸⁸ В XVI в. ситуация остается такой же.⁸⁹ Отсюда вывод: если для XIV в. форму “Мещера” еще можно считать этнонимом,⁹⁰ то в XV в. она обозначала уже не только этноним, но и этникон, а то и политоним (до середины XV в. — название княжества, потом — Мещерского “юрта” — ханства).

Еще одна форма, известная с 1483 г. — это “мачяряне” (ед. число “мачярин”) или “можеряны” (1539 г.). Суффикс — яне (-ане~яны) в принципе выражал множественное числа в этнонимах. Но применение в данном случае ед. числа — “мачярин”~ “можерин”, в качестве корня предполагает уже не форму типа “Мещеры” — явно более старую — а относительно развитый тип этнонима с отчетливо выраженным оформлением категории множественного числа через суффикс — ане (-яне), т.е. “можеряне”. Но именно последний тип мог быть одновременно как этниконом, так и политонимом.⁹¹ Поэтому такое производное от корня “мещер” (мещеря~мещера), как “мещеряк” (известен в XVII в.), с суффиксом — як (— ак), употреблявшимся в эпоху Московской Руси для образования некоторых этнонимов (например, “остяк”, “вотяк”~“отяк”),⁹² также может считаться этниконом, каковым на деле оно и явля-

лось (см.: “мещеряки” из мордвы, тюрков, русских). Следовательно, и два других наименования, применявшиеся для обозначения части тюркского населения Мещерского “юрта” — “можеряне” (XV—XVI вв.) и “мещеряки” (XVII в.) не могут считаться чистыми этнонимами. Хотя следует признать, что первое из них в большей мере напоминает этноним (особенно в словосочетании “татары из можерянов”). Поэтому, несмотря на то, что в последнее время И.Вашари поставил под сомнение возможность идентификации этнонимов “можар” (možars) и “мещер” (meščers ~ mišers),⁹³ имея в виду существование, с одной стороны, такого варианта, как “мачяр” (корень от “мачярин”), а с другой фиксации в источниках таких написаний, как “Мещора” (конец XVI в.), “Мещорка” (конец XV — начало XVI вв.),⁹⁴ являющихся промежуточными, я считаю возможным видеть в форме “можеряне”~”мачяряне” результат развития более старого этнонимического образования “Мещера” (Мещора) на русской языковой почве.

Весь комплекс имеющихся источников позволяет сделать вывод о том, что формировавшаяся в XV—XVI вв. в границах Мещерского “юрта” тюркская этническая общность до рубежа XVI—XVII вв. состояла из двух этнословных страт — “черных людей” (ясачного населения) — в основном из “можерян”~”мещерян” (они же буртасы, посопные татары) и социальных верхов из “татар” (включая и казаков), т.е. кыпчакско-ногайских групп с клановым делением.⁹⁵ Первый — можерянско-буртасский слой — восходит еще к домонгольскому периоду и был явно весьма близок этнически к булгарам.⁹⁶ Его этносоциальная трансформация в золотоордынский период была идентична развитию булгар: смысл понятий “черные люди” и “посопные татары” (буртасы), применявшихся по отношению к “можерянам”, тот же, что и у термина “ясачные чуваша”. Политические процессы в двух ареалах были также сходны. Если Казанское ханство в значительной мере возникло на основе Булгарского вилайета Золотой Орды, то непосредственным предшественником Касимовского ханства был, надо полагать, Наровчатовский (Мокшинский) улус.⁹⁷

Второй этнический компонент тюркской общности, складывавшийся в Мещере — суперстрат золотоордынского происхождения, вплоть до начала XVI в. сохранял еще свою самостоятельность. Индикатором незавершенности к этому времени консолидации в Касимовском ханстве двух этнословных страт в единую этническую общность, является использование в источниках по отношению к тюркскому населению “юрта” нескольких этнонимов (кроме “татар”, таких наименований, как “можеряне”, “буртасы” и “башкиры”). Тем не менее, в XVI — начале XVII вв. для обозначения всех тюркских групп Мещеры начинает все чаще применяться как наиболее интегральное название этноним татары. Этот факт и говорит о качественно новом уровне консолидации тюркских компонентов в рамках территории Мещерского “юрта” к концу XVI — началу XVII вв. Думается, что в целом именно тогда завершилось

сложение мишарского этноса, сохранившего, правда, внутриэтнические деления. Особенно большая обособленность была характерна для небольшой группы “столичных” татар, живших в г.Касимове и его окрестностях. Эта группа до середины XVII в. продолжала пополняться выходцами из Ногайской Орды, казахских ханств и Сибири. Поэтому полной интеграции касимовских татар в состав мишарей не произошло.

Как фиксации реальных этнических процессов среди волго-уральских татар, для второй половины XVI в. появляется достаточно четкое противопоставление “татар” “Казанских” и “Городецких”.⁹⁸ В то же время, эти две этнические общности были очень близки между собой. Недаром автор “Казанской истории”, говоря о Шах-Гали хане, подчеркивал, что у него с “казанцами” “род бе...един, варварский, и язык един, и вера едина”.⁹⁹

Примечания

- ¹ См.: *Опись Рязанского...* — С.39; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.III. — С.24—26, 31—32, 34—35, 64, 222, 228; *Порфирьев С.И.* Роспись... — С.465—467; *Переписная книга по г.Касимову...* — С.5—10; *Дополнения к актам...* — Т.8. — № 40; *Веселовский С.* Акты... — Т.2. — Вып.1. — С.132.
- ² Татары арзамасские, алатырские и курмышские, сформировавшиеся лишь во второй половине XVI — начале XVII вв. за счет мигрантов из Мещеры, не всегда включались в состав собственно Мещеры (См.: *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.III. С.29—30, 32; АМГ. — Т.I. — С.196—197).
- ³ *Герасимов А.* Материалы... — С.23.
- ⁴ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.III. — С.26—30, 32—33, 221—230; *Список с писцовой и межевой ...* — С.103. Причем понятие “татары Мещерских городов” имело два значения — узкое и широкое. В первом случае оно обозначало только татар Касимовского и Кадомского уездов, а во втором включало и татарское население остальных уездов (Темниковского, Шацкого, Арзамасского, Алатырского и Курмышского).
- ⁵ ДМ. — Т.I. — Ч.II. — С.169. Термин “мещеряки” используется и в документах XVIII в., описывающих историю формирования группы татар-мишарей Приуралья и ссылающихся на документы об их переселении из правобережных уездов Волги в XVII в. (См.: Мещеряки. — С.11; *Рычков П.И.* Топография... — Ч.1. — С.72—73; *Изъяснение...* — С.493; *Представление...* — С.556; *Записка...* — С.574—575). Но в данном случае не вполне ясно, можно ли относить этносословное наименование приуральских мишарей XVIII в. к более раннему периоду.
- ⁶ *Герасимов А.* Материалы... — С.43.
- ⁷ *Готье Ю.В.* Десятни... — С.2,5,24—25; *Книга переписная из архива Шацкого;* *Дополнения и актам...* — Т.8. — № 40.
- ⁸ *Готье Ю.В.* Десятни...; *Книга переписная из архива Шацкого...* “Мещерянами” называли лишь определенную группу русского населения Мещеры. Так, в конце XVII в. в Кадомском уезде “мещерен” насчитывалось 46 дворов (с новокрещеными), в Темниковском уезде — 15 и в Шацком уезде — 14 дворов (*Дополнения к актам...* — Т.8. — № 40). Очевидно в этих “мещеренах” можно видеть русскую мещеру.
- ⁹ *Черменский П.* Очерки... — С.277; *Чекалин Ф.Ф.* Саратовское... — С.20; *Вы-*

- пись из книги ... — С.376.
- ¹⁰ *Смирнов И.Н.* Мордва... — С.306—307.
- ¹¹ *Христофоров П.Я.* О старинных рукописях... — С.33.
- ¹² *Смирнов И.Н.* Мордва... — С.309.
- ¹³ Там же. — С.310.
- ¹⁴ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — С.100—101; *Его же.* Введение... — С.12—13.
- ¹⁵ Список с отводной выписи... — С.117.
- ¹⁶ Выпись Темниковских писцов ... — С.67.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Опись делам.
- ¹⁹ *Исхаков Д.М.* Введение. — С.14.
- ²⁰ *Хохряков В.* Материалы ... — С.6.
- ²¹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.І. — С.197, 201, 286, 405, 410, 421, 458; Ч.ІІ. — С.13, 50, 81, 86, 94; Розряды 1576, 1578 гг. — С.292—324, 351—353.
- ²² *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.ІІ. — С.405.
- ²³ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.ІІ. — С.50, 81, 94. Впервые отличная от “Городецких татар” группа “Темниковских татар” (в формуле: “Еникей князь со всеми Темниковские татары и мордвою”) выделяется в 1552 г. (См.: ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.199).
- ²⁴ Там же. — С.38.
- ²⁵ Использовали и такие формулы, как: “люди в Мещере бесерменьи”, “бесерменья в Мещере” (Сборник РИО. — Т.95. — С.11, 209, 378) .
- ²⁶ ПДРВ. — Ч.VII. — С.249; Ч.VIII. — С.33—34, 50.
- ²⁷ *Шербатов М.* История... — Т.5. — Ч.І. — С.487.
- ²⁸ ПДРВ. — Ч.VII. — С.240.
- ²⁹ Сборник РИО. — Т.95. — С.224, 231, 292.
- ³⁰ Копия с грамоты ... — С.31.
- ³¹ ДДГ, 1909. — С.140.
- ³² *Черменский П.Н.* Народ буртасы... — С.90.
- ³³ Ведомость Тамбовского уезда... — С.104—117.
- ³⁴ ДМ. — Т.І. — Ч.ІІ. — С.429.
- ³⁵ Опись делам 1732 г. — С.32.
- ³⁶ Материалы по истории Тамбовского... — Т.І. — С.271; *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.69.
- ³⁷ Опись делам Шацкого... — С.30—32.
- ³⁸ *Смирнов И.Н.* Мордва... — С.313.
- ³⁹ Книга окладная Шацкого города... — С.221.
- ⁴⁰ *Герасимов А.А.* Мордовский ... — С.105; *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.71.
- ⁴¹ *Герасимов А.В.* Мордовский ... — С.105—106.
- ⁴² Об этнических корнях племени каршин достаточно красноречиво свидетельствует преобладание у них кыпчакских тамг (*Кузеев Р.Г.* Происхождение... — С.364—365).
- ⁴³ Переписная книга по г.Касимову... В первой трети XVII в. в городе жил еще сын Максуд бика Нур-Али мурза (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.ІІІ. — С.455).
- ⁴⁴ *Ахметзянов М.И.* Татарские шеджере... — С.42—43. Интересно, что по шед-

- жере “Байкы бия” сыном Нурыш бия был Рамазан (вариант Ш.Марджани). Некий “князь Ромодан” известен в 1489 г. недалеко от “кирданской мордвы” и “Саконь” (Сборник РИО. — Т.41. — С.81). Упомянутые в документе “Кирданская мордва” и “Саконь” находились в районе р.Теши, к юго-востоку от Арзамаса (*Герасимов А.А.* Мордовский ... — С.105). В таком случае “князь Ромодан” жил достаточно близко от Мещеры, если не в самой Мещере (но наиболее вероятным местом проживания этого князя является район г.Сараклыча).
- ⁴⁵ Именно тогда в Приуралье и в Среднее Поволжье проникли из Западной Сибири иректинцы. По-видимому, это событие было связано с активизацией Ногайской Орды в Поволжье начиная с 1480-х гг. В 1502 г. из Крыма пришел служить в Мещеру “братанич” (племянник) мангытского князя Азики Камбар, Мамалаев сын (Сборник РИО. — Т.41. — С.385). В том же году крымский хан Мухаммед-Гирей писал Ивану III: “Мангыт Удемов мурзин сын в Городок (т.е. в “Мещерский городок” — *Д.И.*) поехал, а нынеча сюда ехати мыслит, а Удем ... нынеча у меня живет” (Там же. — С.421). Мангытский князь Удем известен и по более поздним документам (См.: *Малиновский А.* Историческое... — Л.183).
- ⁴⁶ *Шербагов М.* История... — Т.5. — Ч.1. — С.488.
- ⁴⁷ ПДРВ. — Ч.IX. — С.113.
- ⁴⁸ Там же. — С.281, 287.
- ⁴⁹ См.: ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.289.
- ⁵⁰ ПДРВ. — Ч.IX. — С.295. Село Азеево находилось в Мещере.
- ⁵¹ Например, в 1564 г. ногайский князь Тинмухаммед пишет Ивану IV: “...да наш паробок купил был в Шигалееве Цареве городке девку” (ПДРВ. — Ч.XI. — С.52).
- ⁵² ПДРВ. — Ч.X. — С.262, 268.
- ⁵³ Там же. — С.131.
- ⁵⁴ ПДРВ. — Ч.XI. — С.181.
- ⁵⁵ См.: ПДРВ. — Ч.X. — С.45—46, 110, 113, 156, 166, 177, 224, 227, 243, 255; Ч.XI. — С.101, 145.
- ⁵⁶ Об этом свидетельствует нахождение в 1562 г. среди этих мурз князя Семен мурзы, который служил у царя Шах-Галия (ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.289).
- ⁵⁷ ПДРВ. — Ч.X. — С.49.
- ⁵⁸ *Хохряков Б.* Материалы ... — С.19.
- ⁵⁹ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — С.98.
- ⁶⁰ Урус был сыном ногайского князя Исмагиля (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.II. — С.469; ПДРВ. — Ч.VII. — С.316; Ч.XI. — С.225).
- ⁶¹ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — С.148.
- ⁶² Арзамасские ... — № 442.
- ⁶³ ПДРВ. — Ч.X. — С.99, 111. Мустафа мурза в 1561 г. находился на службе у Ивана IV (Там же. — С.156).
- ⁶⁴ *Шарифуллина Ф.* Касимовские татары. — С.71—72, 78—80.
- ⁶⁵ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.П. — С.489—492. *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк... // Известия Тав.УАК, — № 21. — С.73.
- ⁶⁶ *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк... — С.73.
- ⁶⁷ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.П. — С.496. Возможно, именно Ваиль мурза имеется в виду под “Ель мурзой”, сыном Юсуфа князя, кото-

- рый в 1564 г. находился на службе у Ивана IV (ПДРВ. — Ч.ХІ. — С.101).
- ⁶⁸ *Шишкин Н.И.* История ... — С.62.
- ⁶⁹ См.: ПДРВ. — Ч.ІХ. — С.166, 193; Ч.Х. — С.93, 279. Отсюда и сосредоточение во дворе ханов и султанов “Мешерского юрта” выходцев из Ногайской Орды. Например, в грамоте Касай мурзы из Ногайской Орды Ивану IV, мурза просит, чтобы Московский государь отпустил в Орду “женку Сююнбику, Бозум княгиню, Акмагмет уланову жену, царицына слугу Салтангула ..., нашего слугу Карадуванова сына Явгачты” (ПДРВ. — Ч.ІХ. — С.172). ДДГ, 1909. — С.127.
- ⁷⁰ ДДГ, 1909. — С.127.
- ⁷¹ Сборник РИО. — Т.95. — С.378.
- ⁷² Цитируется по: *Дубасов И.И.* Очерки ... — С.95. См. также: *Соловьев С.М.* Сочинения ... — Кн.3. — Т.5—6. — С.586.
- ⁷³ *Смирнов И.И.* О князьях ... — С.170.
- ⁷⁴ Такое предположение высказывалось мной и ранее. — См.: *Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — С.84.
- ⁷⁵ Обзор этих работ см.: *Васильев Б.А.* Проблема буртасов ...; *Черменский П.Н.* Народ буртасы ...
- ⁷⁶ *Чекалин Ф.Ф.* Мещера ... — С.70; Его же. Саратовское Поволжье ... — С.23.
- ⁷⁷ *Васильев Б.А.* Проблема буртасов ... — С.205—206, 208. Тезис о восточном происхождении этнонима “буртас” у данного автора выражен нечетко.
- ⁷⁸ *Черменский П.Н.* Материалы ... — С.47.
- ⁷⁹ Там же. — С.50.
- ⁸⁰ *Попов А.И.* Названия ... — С.118—119.
- ⁸¹ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — Глава 2. § 2, 3.
- ⁸² *Ахмаров Г.* О языке ... — с.73.
- ⁸³ *Куфтин Б.А.* Татары касимовские ... — С. 138. Другие возражения этого автора уже устарели (См. там же). Проблема неприятия наименования “мишәр” была специально проанализирована мной (См.: *Исхаков Д.М.* Историческая демография ... — С.48—50, 99—103).
- ⁸⁴ *Vasary I.* The Hungarians ... — p.40.
- ⁸⁵ *Ковалев Г.А.* История ... — С.25. Это такие этнонимы, как Меря, Мурома, Зимегола, Печера и т.д.
- ⁸⁶ Об этом пишет Г.Ф.Ковалев со ссылкой на мнение Г.А.Хабургаева (Там же. — С.27).
- ⁸⁷ См.: Сборник РИО. — Т. 41. — С.87 (1489 г.).
- ⁸⁸ См.: ДДГ, 1950. — С.162, 330, 346; ДДГ, 1909. — С.127 (документы за 1449, 1483, 1494, 1499 гг.).
- ⁸⁹ Предлог на был использован в документе за 1517 г. (Сборник РИО. — Т.95. — С.378). Но в большинстве случаев применялись предлоги в и из (Там же. — Т.95. — С.378; Опись делам Шацкого архива ... — С.32; ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.88,105; *Иероним.* Рязанские... — С.40; ПДРВ. — Ч.Х. — С.49; Жалованная грамота князю Янглычу. — С.147; *Готье И.В.* Десятни ... — С.2,25).
- ⁹⁰ Об этнонимическом характере названия “Мещера” в XIV—XV вв. говорит и топонимический материал. В 1353—1356 гг. известна “Мещерка у Коломны”; в 1389 г. она называлась “волость Коломенская Мещерка” (ДДГ, 1950. — С.17, 20, 33). Не позже 1418 г. “Мещерская волость” отмечается в Нижегородском княжестве (в конце XV — начале XVI вв. там фиксируется и

- речка Мешерка (Мешорка). В 1464 г. во Владимирском уезде существовало село Мешерка (*Любавский М.К.* Образование... — С.50; Отводная грамота на спорные земли ... — С.40). Все эти топонимы сосредоточены в районах, смежных с территорией Мешеры. Если бы название “Мешера” была только этниконом, политонимом, вряд ли оно могло бы диффузировать в такой единообразной форме (корень во всех топонимах один — “мешер” ~ “мешор”).
- ⁹¹ *Ковалев Г.Ф.* История... — С.27, 40, 66, 69.
- ⁹² Там же. — С. 67.
- ⁹³ *Vasary I.* The Hungarians ... — p.38.
- ⁹⁴ *Готье Ю.Н.* Десятни... — С.25; Отводная грамота на спорные земли... — С.40.
- ⁹⁵ Родо-племенная номенклатура татарского населения Мещерского “юрта” нуждается в дальнейшем изучении. Так, в 1504 г. крымский хан Менгли-Гирей в письме к Ивану III говорит об отправке послания правителю Мещерского “юрта” Сатылгану салтану, в котором содержалась просьба вернуть в Крым “большую жену, Коуратью Мадыкову дочь” (Сборник РИО. — Т.41. — С.544). Речь в документе идет о дочери князя Емадыка, жена и другие дети которого также находились в Мещере (Там же. — С.529). Термин “Коурать” явно определяет племенную принадлежность князя Емадыка и его детей к кунгратам. Таким образом, в Мещере имелись и представители племени кунграт (О них в Крымском ханстве см.: *Малиновский А.* Историческое... — Л.132 об., 258).
- ⁹⁶ Об этнической близости буртасов и болгар см.: *Алихова А.К.* К вопросу ... — С.48; *Полесских Р.М.* Исследование ...; *Его же.* Древнее население ... — глава 5; *Халиков А.Х.* Происхождение ... — С.74, 78; *Его же.* Татарский народ ... — С.104—105; *Белорыбкин Г.Н.* Путь ... — С.89—97.
- ⁹⁷ Многие исследователи считают одним из важных административно-политических (улусных) центров Золотой Орды г.Мухши (Наровчат) (См.: *Коротков А.А.* К вопросу ...; *Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.71; *Лебедев В.* Загадочный ... — С.8; *Егоров В.Л.* Историческая ... — С.107). Этот город возвысился в результате потери значения г.Укека (Укека) где-то около 1312 г. (*Коротков А.А.* К вопросу... — С.77). Интенсивное денежное обращение в г.Мухши продолжалось до 1360-х гг. (последняя по времени монета, найденная в Наровчатском городище, датируется 1375 г. — См.: *Мухаммадиев А.Г.* Булгаро-татарская ... — С.19; *Лебедев В.* Загадочный... — С.35). В исторической памяти мишарей былая связь их предков с этим политическим центром сохранилась в виде легенды о том, что у них некогда существовал “хан Нурчат” (*Малов Е.А.* Сведения ... — С.20). Аналогичные предания известны и среди мордвы (*Сафаргалиев М.Г.* К истории ... — С.70; *Лебедев В.* Загадочный ... — С.15; *Полесских М.Р.* Древнее население ... — С.76). В связи с тем, что среди 10 административных единиц (иклимов), на которые делилась Золотая Орда, выделялся и Крым с главным городом Солхат (Крым), со включением важного для крымских караванных путей г.Укека, мной было высказано предположение, что крымские связи с Укека перешли вначале в Мухши, а затем — в “Мещерский городок” (*Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — С.97—98).
- ⁹⁸ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование ... — Ч.1. — С.450.
- ⁹⁹ Казанская история. — С.66.

Глава 3.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНОСА ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ ТАТАР В XVI—XVII вв.

Начиная со второй половины XVI в. в составе Русского государства на основе народностей казанских татар и татар Мещерского “юрта” происходило становление единого этноса волго-уральских татар. В трансформации сложившихся в Казанском и Касимовском ханствах татарских этносов, в новую этническую общность, крупную роль сыграли не только демографические, миграционные, но и социально-политические и этнокультурные факторы. Если о первой группе факторов уже писалось,¹ то значение последних двух групп факторов в формировании этноса волго-уральских татар в литературе до сих пор не обсуждалось. Лишь, известный татарский историк Г.Губайдуллин в 1920-х гг. довольно подробно осветил проблему эволюции социально-классовой структуры татар Волго-Уральского региона во второй половине XVI — XVII вв., а также в XVIII в. При этом он отметил как большие потери, понесенные татарскими феодалами во второй половине XVI в., так и наступление на права служилых татар в XVII—XVIII вв. со стороны правящих кругов Русского государства путем использования конфессиональных различий, существовавших между русскими и татарами.² Но Г.Губайдуллин не обратил внимания на связь между динамикой социальной структуры татар Волго-Уральского региона и этническими процессами. Впрочем, влияние социально-политических и этнокультурных изменений во второй половине XVI—XVII вв. на сложение единого этноса волго-уральских татар, осталось вне поля зрения и других исследователей, изучавших развитие этой общности в донациональный период.³

Между тем, среди многообразных последствий ликвидации Казанского и Касимовского ханств, оказавших прямое воздействие на этническое развитие татар, социально-политические и этнокультурные изменения занимают едва ли не главное место. Без их тщательного анализа трудно понять процесс складывания в составе Русского государства из казанских татар и мишарей с касимовскими татарами, этноса волго-уральских татар, отличавшегося от феодальных народностей позднего ордынского периода целым рядом параметров.

При исследовании поставленных вопросов я в основном опирался на уже рассмотренный в предыдущих разделах корпус источников, правда несколько дополнив его.⁴

Примечания

- ¹ См.: *Исхаков Д.М.* Введение ...
- ² Подробнее см.: *Гобәйдуллин Газиз.* Татарларда ... — С.196—260.
- ³ *Степанов Р.Н.* Первый ... — С.129—132; *Его же.* К вопросу о тарханах ... — С.94—110; *Алишев С.Х.* Татары ... — С.12—39; *Его же.* Социальная ... — С.52—69; *Его же.* Исторические ... — С.110—124; *Гилязов И.А.* Землевладение ... — С. 69—86.
- ⁴ Прежде всего, это источники о крещении татар (См.: Из царского наказа архиепископу Гурию (1555 г.); Список с государевы грамоты о новокрещенных татарах. Об отведении для них особых пашен и истреблении мечети (1593 г.); Из “Завещания отеческого” И.П.Посошкова; Из Новгородской второй летописи; Из Софийской второй летописи // История Татарии в документах... — С. 145—150, 325 — 326; Русская историческая библиотека ... — С.166; Писцовые книги Рязанского края. — Т.1. — Вып.3. — С.1102; Писцовые книги XVI в. — Отд.1. — С. 543; Труды Воронежской УАК. — Вып. V. — С.309; Известия ТУАК. — Вып.29. — С.65—66; “Список личных имен дворян” и “Список дворянам” Пензенского наместничества //ГА Пензенской обл., ф.196, оп.1, ед.хр.109. — л.1—69; *Ермолаев И.П.* Казанский край ... — С.20—47). Привлекались и законодательные акты об эволюции социальной структуры татар (Об освобождении казанских татар от земских податей и повинностей (1685 г.) // ПСЗ. — Т.2, Собр.1. — С.701—702; О крещении в Казанской и Азовской губерниях магометан, у которых в поместьях и вотчинах находятся крестьяне православной веры (1713 г.) // ПСЗ. — Т.5. — С.66; О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства // ПСЗ. — Т.22. — С.52; Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник РИО. — Т.8. — С.101, 116, 141, 143, 183; Сборник РИО, Т.32. — С.117). Были использованы также дополнительные материалы о расселении татар: *Воробьев Н.И.* Население ... — л.1—67; Этнографические заметки ... Наконец, учтены и мнения ряда исследователей об особенностях управления Волго-Уральским регионом во второй половине XVI—XVII вв. и о ходе восстаний татар в этот период (См.: *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье ...; *Зимин А.А.* О составе ... — С.180—205; *Әмирханов Р.* Бәйсезлек ... — 15—16 бб.).

§1. Трансформация этносословной структуры татар Волго-Уральского региона в XVI—XVII вв.

Политическая система татарских ханств опиралась на существовавшие в государствообразующих этносах этносословные страты. Сами властные структуры в этих государствах, исходя из интересов феодального класса-сословия “татар” с клановым делением, поддерживали сложившуюся стратификацию общества на господ (ак-сөяк) и “чернь” (кара халык). Так как земля в ханствах являлась государственной собственностью, эксплуатируемому ясачному населению феодалы противостояли как политическое целое через различные уровни властной структуры (союргальное и тарханное жалование ханом отдельных феодалов, дающее право сбора ясака с определенной территории в первом случае и освобождающее от налогов и поборов во втором, не выходили за рамки

этого восточного типа феодализма). Хотя существовали и другие типы эксплуатации (например, лично-зависимые — “кол-чуралар”), значение их было относительно небольшим.¹

Основной удар по этносословной стратификации татарских обществ был нанесен в результате ликвидации Казанского и Касимовского ханств как самостоятельных политических образований. В результате этой акции татарские феодалы перестали быть объединенной политической силой, а ясачное население подчинилось непосредственно Русскому государству. Татарский феодальный класс прекрасно понимал значение сохранения в своих руках политической власти, поэтому его сопротивление завоевателям было достаточно продолжительным и весьма упорным.² Тем не менее, в итоге окончательного покорения татар во второй половине XVI в. и уничтожения их властных структур (в Касимовском ханстве оно происходило медленнее, путем постепенного “растворения” остатков ханского двора, сложившейся налоговой и административной системы), было положено начало длительному процессу преодоления противостояния ясачных и служилых групп. Оппозиционность двух сословий по отношению друг к другу исчезло не сразу, так как Русское государство в первое время продолжало в ряде случаев жаловать служилых татар правом сбора ясака с ясачного населения, в т.ч. и с “ясачных татар” (чувашей).³

Большое значение имела и эволюция самого феодального сословия татар. Она происходила не совсем одинаково в Казанском крае и на территории Мещерского “юрта”, что объясняется огромными потерями, понесенными казанско-татарскими феодалами накануне и в период завоевания Казанского ханства, а также во время восстаний второй половины XVI в.

Феодальный класс казанских татар сильно пострадал еще в конце 1540-х — начале 1550-х гг. Из русских летописей и других источников видно, что часть феодальных верхов Казанского ханства была уничтожена во время междоусобной “брани” двух групп знати — ориентирующихся на Москву и на Крым. Так, после возвращения изгнанного из Казани в 1546 г. хана Сафа-Гирея, спустя некоторое время в том же году или в 1547 г. он, “в Казани побил Чюру князя Нарыкова, Баубека князя, Кадыша князя, и иных многих побил (выделено мной — *Д.И.*) и стал владети Казанию с Крымскими князьями”.⁴ Данные “Казанской истории” подтверждают это сообщение.⁵ В послании ногайского князя Юсуфа Ивану IV (1549 г.) скорее всего говорится об этих же событиях, когда отмечается, что Сафа-Гирей “... лутчих людей Казанских... всех побил, сейтя в головах”.⁶ После смерти хана Сафа-Гирея (1549 г.) промосковская группировка попыталась взять реванш, но безуспешно,⁷ что говорит о сильном уроне, понесенном ею. Очередная “рознь” между “Казанцами” и “Крымцами”, т.е. двумя феодальными группировками, произошла в 1551 г., когда “Чюваша Арьская ... приходили ...с боем на Крымцев”, требуя, чтобы они “били челом” великому князю московскому.⁸ Но “Крымцы” одержали победу и “побили Чювашу”. В итоге

“многие князи и мурзы” выехали на службу в Москву.⁹ Однако положение “Крымцев” в Казани было непрочным и они вскоре после сражения 1551 г. в довольно большом числе — около 300 “уланов, князей, азеев, мурз и казаков добрых”, кроме их “людей” (последних насчитывалось до 5 тыс. чел.), бежали из Казани, но по пути на Каме были “побиты” московскими войсками. Лишь 46 человек, попавших в плен, были доставлены в Москву и там казнены.¹⁰ В том же году, после очередного овладения с помощью Москвы трон в Казани, хан Шах-Гали жестоко отомстил прокрымски настроенной части местной знати. Вслед за отправкой в Москву Сююмбеки с сыном Утямыш-Гиреем, а также оставшихся еще в Казани “крымских детей”,¹¹ он, согласно “Казанской истории”, “уби ... числом 700 великих велмож, и средних и меньших, уланове и князи и мурзы”.¹² Возможно, что число жертв было меньше, чем указывается в этом источнике. В Патриаршей (Никоновской) летописи, например, под 1552 г. помещено сообщение о том, что хан Шах-Гали во время пира в Казани “... убил Бибарса князя с братиею, Кадыша багатыря, Карамыша улана, а всех убил князей и уланов и мурз ... 70 человек”.¹³ Но не исключено, что в последнем сообщении речь идет о другом событии. Во-всяком случае, в “Казанской истории” кроме приведенного выше рассказа об убийстве 700 “вельмож”, содержится еще одно сообщение о том, что Шах-Гали “побил... 20 токмо болших велмож Казанских убил, (а) ... 20 болших велмож ухвата и умча”.¹⁴ Действительно, по Патриаршей (Никоновской) летописи и по Царственной книге известно, что хан Шах-Гали при своем вынужденном отъезде из Казани в 1552 г. в Свяжск, насильно “вывел с собою... князей казанских и мурз 84 человека”.¹⁵

Таким образом, можно говорить о потерях и немалых, понесенных военно-служилым сословием в Казанском ханстве в период обострения междоусобной борьбы во второй половине 1540-х — начале 1550-х гг.

Следующий демографический катаклизм казанско-татарское феодальное сословие испытало во время взятия Казани в 1552 г. войсками Ивана IV. По данным Патриаршей (Никоновской) летописи и Царственной книги, в Казани после решающего штурма города “побитых” было так много, что “по всему граду не бе где ступати не на мертвых; за царевым же двором, где на бегство предались ис стен градских, и по улицам костры мертвых лежаше съ стенами градными ровню; рвы же на той стороне града полны мертвых лежаше; и по Казань по реку и в реке и за рекою по всему лугу мертвии погании лежаша ...”¹⁶ За р.Казанкой убитых было действительно огромное число. В том же источнике о тех, кто пытался бежать перебравшись через реку, сказано: “...побили множество поганых, и тамо они толико множество побили: от реки от Казани и до леса и в лесе многие мертвии лежаше, и немногие утекли”.¹⁷ Хотя при взятии столицы Казанского ханства многочисленные жертвы понесло все население государства, в первую очередь, надо полагать, пострадало военнотатарское сословие, составлявшее костяк армии.

В период освободительной войны против захватчиков, происходившей в 1553—1557 гг. при активном участии феодальных верхов татар, потери служилого класса возросли еще больше. Например, при штурме русскими войсками г. Арска в 1553 г. было побито “многое множество” татар. Еще “многие люди” были убиты в ходе приведения к покорности “всей Арской стороны”.¹⁸ В 1554 г., когда русские войска штурмовали построенный татарами “городок на Меше”, “Казанских людей побивали везде”, в том числе и в окрестных селах.¹⁹ В 1555 г. в руки русских воевод, возглавлявших карательную экспедицию против восставших татар, попало большое число феодалов; “иных многих князей, мурз и казаков и сотных князей” при этом велено было “всех побить”.²⁰ Как видно из отдельных русских летописей, осенью 1555 г. были уничтожены 1560 “именных людей” — князей, мурз, сотных князей и “лутчих” казаков.²¹ В ходе другой карательной экспедиции, проводившейся в 1556 г. против “побережных людей”, был сожжен “Чалымский городок” и ... были “побиты” многие “побережные люди”.²² Тогда же войска, действовавшие в направлении г. Арска и “за Арском” — на Меше, “побили” брата Кулай мурзы Девлюк мурзу “со всеми товарищи”, а “самого жива поймали и многих его товарищев переимали”. В этот период “все Арские места” были “повоеваны” и “многие люди ... побиты”.²³

Подводя итог событиям 1553—1557 гг. (сопротивление татар было подавлено лишь весной 1557 г.), приехавший из Казани в Москву с грамотой С.Ярцев в 1557 г. докладывал Ивану IV об этих событиях: “...Казанские лучшие люди их князи и мурзы и казаки, которые лихо делали, все извелися”²⁴ (выделено мной — *Д.И.*). Это весьма примечательное замечание: хотя татары еще участвовали в восстаниях 1572—73, 1582, 1592 гг., происходивших в Казанском крае,²⁵ роль в них “лутчих людей” явно уменьшилась. Очевидно, татарское военно-служилое сословие на территории Казанского ханства на период с 1540-х гг. по вторую половину XVI в. потеряло весь свой цвет. Об этом говорят и такие данные. Во-первых, после 1552 г. катастрофически сократилась численность татар в г. Казани — по переписи 1565—1568 гг. в посаде города насчитывалось всего 40 дворов “новокрещен”, “толмачей” и “служилых татар”, да еще за р. Булаком в отдельной Татарской слободе было 150 дворов “татарских” и “чуваших”.²⁶ Это не более 1 тыс. чел.²⁷ Между тем, город до завоевания был основным центром проживания крупных татарских феодалов. Во-вторых, в течение первых пятнадцати лет после падения Казани русская колонизация в Казанском крае охватила 206 селений и 60 пустошей,²⁸ многие из которых ранее находились в руках татарских феодалов разного ранга, к этому времени убитых, уведенных в плен или бежавших. По моим подсчетам, к 1646 г. в Казанском и Свияжском уездах, т.е. в центральных районах бывшего Казанского ханства, общая численность служилых татар с их семьями едва ли превышала 7—7,5 тыс. чел., что составляло 6—7% от общей численности казанских татар.²⁹

Вне всякого сомнения, феодальное сословие казанских татар в XVI в. пострадало в значительно большей мере, чем в Мещерском “юрте”. Об этом можно судить на основании следующих цифр — в 1630-х гг. служилых татар в “мещерских” уездах насчитывалось до 24 тыс.чел. (это дает около 40% всего татарского населения Мещерского “юрта”)³⁰ — намного больше, чем в Казанском крае.

Политика христианизации, активно развернувшаяся в Поволжье со второй половины XVI в. и продолжавшаяся в XVII в., оказала заметное влияние на феодальное сословие татар. Эта политика, проводившаяся вполне сознательно и целенаправленно,³¹ привела к фактическому расчленению служилых татар на две части — на мусульман и “новокрещен”. Приведу некоторые сведения на этот счет.

Уже в 1553 г. были крещены представители высшей феодальной знати Казанского ханства — сын хана Сафа-Гирея Утямиш-Гирей и последний хан — Едигер-Мухаммед.³² Видимо, тогда же были обращения в православие и другие, попавшие в плен, знатные лица из ближайшего окружения Едигера-Мухаммеда: сохранились данные о том, что в том же году были вынуждены креститься присланные из Москвы в Новгород “казанские татары”.³³ Оставшаяся в Казанском крае группа татарских феодалов, несомненно, частично была также христианизирована. Еще в 1557 г. при строительстве городка Лаишева в нем наряду со стрельцами были поселены и “новокрещены”,³⁴ скорее всего из служилых татар. “Новокрещенские” дворы отмечаются в 1565—68 гг. и в посаде г.Казани. Они там были переписаны наряду с “толмачами” и “служилыми татарами”, что показывает их принадлежность к военно-служилому сословию. Служилые “новокрещены” между 1572—1600 гг. довольно часто упоминаются и в документах.³⁵ Более 150 служилых “новокрещен”, живших в 32 населенных пунктах Казанского уезда, фигурируют в писцовой книге Ивана Болтина 1602—1603 гг.³⁶ Среди них было немало представителей знатных татарских феодальных фамилий. Так, в 1588 г. известен Яков Асанов, бывший князем. У него был окрещен уже отец.³⁷ Из рода “Арских князей” (Кыпчаков) был Иван Кадышев (племянник Б.Яушева), владевший в начале XVII в. д.Кошар в Казанском уезде.³⁸ Гриша Уразлин³⁹ (д.Саира) может быть связан с князем Уразлыем (Мангыт). Несколько служилых татар с фамилией Исламовы (д.Саира и д.Черемыш⁴⁰), скорее всего восходят к клану Аргын (к Нарыковым). Также обстоит дело и с Чюриными (д.Кишметев и д.Средние Кебеккози).⁴¹ Очевидно, родственником ногайского (мангытского) князя Камая Смиленева (д.Урсек) был “новокрещен” Петр Смиленев, чьи владения находились рядом.⁴² Несмотря на то, что “новокрещены” (в т. ч. и из служилых татар) в Казанском крае в конце XVI в. были еще неважными христианами,⁴³ с течением времени они обособились в самостоятельную группу (во многом этому способствовало и создание, не без стараний администрации, “чистых” крещенотатарских селений).

Аналогичные процессы, но вначале несколько менее масштабные, происходили и на территории Мещерского “юрта”. Первое сообщение о крещении “татар Шигалея царя” относится еще к 1536—37 гг. — оно совпало с нахождением хана Шах-Галия в опале (новокрещены отмечаются в местах ссылки: в Новгороде, Пскове, Орешке и в Кореле — всего 171 чел.).⁴⁴ Другая волна обращения в православие татарской знати в Касимовском ханстве приходится на вторую половину XVI — начало XVII вв. Так, сын князя Янглыча Богдан крестился до 1580 г.⁴⁵ На территории Арзамасского уезда между 1586—1598 гг. известны новокрещеные служилые татары (частью, видимо, из князей и мурз) Иван Елюзин, Аккура Семенов, Бурнук Васильев. Там же, в 1603 г. известен служилый татарин, явно из новокрещен, Акмамет Иванов.⁴⁶ Сын или внук князя Акчуры, Федор Акчурин в Темниковском уезде отмечается в 1604 г.⁴⁷ В первой трети XVII в. упоминания о крещеных знатных татарах в “мещерских” уездах, учащаются. Это, например, ногайские князья Артемий Шейдяков (1625 г.) в с. Ширинга Ярославского уезда,⁴⁸ Петр (Урак) Урусов в Касимовском уезде (до 1610 г.).⁴⁹ Тогда же были крещены и потомки князя Юнуса.⁵⁰ К 1620 г. был крещен потомок князя Чаныша — Тимофей Чанышев.⁵¹ В 1629 г. сообщается о князе Иване Булушеве, новокрещеных Даниле Михайлове, Ивашке Терегулове (из мурз) и племяннике последнего, Ондрюшке Тарасьева. Видимо, у некоторых из них были крещены и отцы (все они жили в Темниковском уезде).⁵² С “мещерскими” татарами были связаны служилые новокрещены из татар: “с Коломны” — Иван Кулушев сын Кошаева; с “Резани” (из с. Бардаково) Семен Булаев, Ненаш Иванов сын Кильдеяров, Ивашко Бузаев, Богданов, Попов, Борисовы (1623—1629 гг.), а также романовский новокрещеный татарин (видимо, из ногайцев) Алабердей (Савелий) Якшигильдеев.⁵³ В 1640—1650-х гг. обращение в православие татарских феодалов в Мещере приобретает целенаправленный характер. Из челобитной романовских служилых татар (из ногайцев) за 1647 г. видно, что местный воевода “нудил” их “сильно креститься в православную христианскую веру”, хотя они хотели быть “в своей бусурманской вере”.⁵⁴ Несмотря на то, что в данном конкретном случае на жалобу романовских татар из Москвы поступило указание “сильно... татар и иных... инородцев” не крестить,⁵⁵ принуждение не прекратилось. Известно, например, что в 1655 г. была предпринята попытка наряду с мордвой обратить в православие и татар в Шацком, а также в Темниковском уездах.⁵⁶ Именно в результате активизации действий клерикальных кругов Русского государства, поддержанных на самом высоком уровне, к 1646 г. были христианизированы ряд крупных татарских феодалов: Федот Бердашев сын князя Долоткозина, Уразай мурза Васильев (из семьи князей Темиревых), Богдан князь Бигильдеев,⁵⁷ князья Баюшевы (Богдан и Андрей).⁵⁸ Примерно тогда же были крещены и некоторые из Ширинов — в 1649 г. (или 1651 г.) известен Федор Ширинский.⁵⁹ В 1654 г. отмечается Иван Матвеев сын князя Енголычева.⁶⁰ На-

конец, в 1653 г. (или несколько позже) был крещен и царевич Сеид-Бурхан (Василий), правивший в г.Касимове.⁶¹ В конце 1660-х — начале 1670-х гг. в источниках упоминаются и князья Мансыровы, имевшие православные имена.⁶² Обращение в христианство татарских феодалов в Мещере продолжалось до конца XVII в.⁶³

Христианизация части представителей татарского феодального класса привела к общему его ослаблению. Обращение в православие Чингизидов и многих членов кланов карача-беев, лишило татарских феодалов руководящего звена. На территории Мещеры, кроме того, многие знатные татары, принявшие христианство, довольно быстро (через 2—3 поколения) обрусели.⁶⁴

О целенаправленной политике господствовавших кругов Русского государства по подрыву экономической мощи служилых татар в XVII в., уже писалось.⁶⁵ К чему эта политика привела, видно из выступления депутата от мурз и татар Шацкой провинции В.Елгушева на заседании так называемой “Екатерининской комиссии” (1767—69 гг.): “... в Шацкой провинции в г.Касимове проживают многие мурзы и татары, которые в этом городе положены в подушный оклад, но они, кроме усадебных мест (выделено мной — *Д.И.*) не имеют земель для хлебопашества и для размножения скота; в торговые же промыслы тамошнее купечество их не допускает, потому что они в оное не записаны ...”⁶⁶

Но несмотря на все старания политической элиты Русского государства, сословие служилых татар к концу XVII в. сохранилось, хотя и сильно трансформированное. Оно обладало довольно четко выраженным самосознанием, носившим в значительной мере этносословный характер. В частности, это видно из грамоты служилых татар г.Казани за 1685 г. В ответ на попытки земских старост и посадских людей, добивающихся, чтобы “с торгового их промысла тягло на них положить, и с ними, посадскими людьми службы служить, и в стрелецких деньгах помогать, и дворы их переписать и положить в тягло с промыслу их”, слободские служилые татары заявили: “... изстари от Казанского взятья, прадеды и деды и отцы их служили всякие верховые и низовые полковые службы с князи и мурзы и служилые новокрещены и с татары конную службу... А денежного годового жалованья и поденных кормов им не дают, только кормятся они торговыми своими промыслы меж службами..., иные рукоделием своим, и пошлины с товаров своих платят... Изстари ... от Казанского Двора с торговых промыслов тягла и на земской двор ни каких податей с мурз и служилых татар не имывано”. В итоге отстаивания своих прав, служилые татары г.Казани получили подтверждение, что они “служилые люди, а не тяглые... и торговать им указано всякими торгами..., вместо ...денежного и хлебного жалованья”.⁶⁷ Также обстояло дела и у мишарей. Например, на заседании “Екатерининской комиссии” депутат от служилых мурз и татар Пензенской провинции Аюб Еникеев спустя сто лет после изложения приведенного выше мнения служилых казанских татар, сообщил: “...Предки наши были природные

князя, мурзы и служилые татары, а не ясашные крестьяне... Того для нас и не причитать с простыми и прочими неслужилыми татарами, потому, что мы после их... законные наследники ... свою службу ... продолжаем ..., будучи в походах, жалованье получали против казаков.⁶⁸

Этносословный характер самосознания служилых татар проявлялся в двух основных моментах. Во-первых, представители этой группы возводили своих предков к определенным татарским государствам как к источнику, давшему начало самому сословию служилых татар. Причем в исторической памяти казанских татар и мишарей прослеживаются некоторые различия. Для мишарей были характерны представления о приходе их предков “из Золотой Орды” и “из Крыма”.⁶⁹ Казанские татары точкой отсчета считали “Казанское взятие” (см. выше), тем самым отводя в своей исторической памяти особую роль Казанскому ханству. Во-вторых, служилыми татарами подчеркивалась преемственность поколений — через отцов, дедов, прадедов и “предков” шла непрерывная цепочка, все звенья которой принадлежали к сословию служилых людей разного ранга (“князя”, “мурзы”, “татары”). Конкретизированное таким образом самосознание — часто подкрепленное и различными жалованными грамотами⁷⁰ — обладало значительной устойчивостью.

Очевидно, сословное самосознание двух основ групп татар — служилых и ясачных, поддерживалось и благодаря “привязке” этих групп к конкретным административно-территориальным единицам и определенным управленческим структурам: несмотря на формирование во второй половине XVI в. как на территориях Мещерского “юрта”, так и Казанского ханства, уездной системы, бывшие ханства довольно долго воспринимались как некоторые целостные образования. Это проявлялось, например, в неопределенности уездных границ в районе проживания мишарей, вплоть до начала XVII в. объединяемых в “Мещеру”. А Казанский край еще в первых десятилетиях XVII в. именовался “Казанским царством”.⁷¹ Кроме того, начиная с 1553 г. формируется центральное управление всем Средним Поволжьем и Приуральем: в 1553 г. упоминается “дворецкий казанский”, названный в 1561 г. “дворецким казанским, нижегородским и мещерским”.⁷² В 1561 г. в Москве уже существовала “Казанская изба”, которая в 1580-х гг. ведала делами Казанского и Астраханского “царств” и “мещерскими” уездами. Называясь по-разному (“Казанский Дворец”, “Казанский и Мещерский Дворец”, наконец, “Приказ Казанского Дворца”), это ведомство просуществовало весь XVII в. и после исключения из его ведения Сибири (1637 г.), некоторых городов Астраханского “царства”, в его подчинении оказался Волго-Уральский регион.⁷³ В связи с тем, что во второй половине XVI—XVII вв. административно-территориальная принадлежность, через закрепление некоторого фиксированного “набора” этносословных групп в рамках тех или иных административных единиц, выполняла определенную этнодифференцирующую роль, нахождение татарского населения в ведении общего центрального органа в лице Приказа Казанского Двор-

ца, обеспечивало преемственное воспроизводство сословий “служилых” и “ясачных” татар. Аналогичное наблюдение Д.Б.Рамазановой было сделано применительно к населению Приуралья. Она считает, что разделение в XVII в. тюркоязычного населения Пермского края между двумя административными единицами — Кунгурским и Осинским уездами — последний из которых вошел затем в состав Уфимского уезда, привело к дифференциации единого населения на группы “башкир” и “татар”.⁷⁴ В ее основе лежат причины сословного характера (неодинаковый сословный состав населения разных уездов: ясачный — в Кунгурском и вотчинно-башкирский, тептярский, тарханский — Уфимском уездах). Хотя с Д.Б.Рамазановой можно соглашаться не во всем, роль административно-территориальной принадлежности в этническом разделении действительно единого в своей основе тюркоязычного населения Пермского края и прилегающих районов, невозможно не признать.⁷⁵ Многие факты, подтверждающие этот же вывод, были приведены мной при обсуждении вопроса об этнической ситуации в северо-западном Приуралье во второй половине XVI—XVII вв.

Однако, к концу XVII в. реальные социальные различия между служилыми и ясачными татарами были уже небольшими (за исключением тех служилых татар, которые сохранили свои поместья и вотчины). Еще существующие к этому времени отличия служилых татар от ясачных, были практически ликвидированы начиная с 1697 г. по 1724 г. В 1697 г. служилые мурзы и татары, кроме тех, кто имел крестьянские дворы и был годен к полковой службе, по указу Петра I были включены в ясачное тягло. С 1715 г. не записанных в ясак служилых татар под видом военной службы стали привлекать к различным городским работам в Санкт-Петербурге. А в 1718 г. всех служилых мурз и татар района Среднего Поволжья приписали к Адмиралтейской конторе.⁷⁶ С переводом в 1724 г. (1 ревизия) служилых татар на подушное обложение, завершилось низведение их в разряд государственных крестьян.⁷⁷

Когда некоторые русские депутаты из г.Казани на заседании “Екатерининской комиссии” в 1760-х гг. заявляли, что “служилые и ясачные татары суть те же крестьяне”,⁷⁸ это во-многом соответствовало действительности. Да и то, что в 1780-х гг. свое “благородное” происхождение смогли доказать представители всего 177 татарских фамилий (5,6 тыс.чел.) — собственно же помещиков среди них было намного меньше⁷⁹ — подтверждает этот вывод. Правда, следует отметить, что самосознание служилых татар, подпитываемое историческим прошлым и другими факторами,⁸⁰ продолжало функционировать и в XVIII в.

Усиление в XVII в. социальной однородности среди волго-уральских татар в результате постепенного “спуска” сословия служилых татар в разряд крестьянства, одним из важнейших последствий имело распространение этнонима “татары” на низовом уровне: ставшие фактически крестьянами служилые татары — так называемые “лапотные мурзы” (чабаталы морзалар) — продолжали называть себя татарами и не забы-

вали, как это видно по документам XVIII в., о своей этнословной принадлежности. В этих условиях и русская администрация, а также численно все увеличивающееся в Поволжье русское население, стремились называть всех волго-уральских татар привычным для себя наименованием “татары”. Последнее обстоятельство явно помогло закреплению среди ясачников этнонима “татары”. У казанских татар этот процесс закончился несколько позднее, чем среди татарского населения бывшего Мещерского “юрта”. Показателем его завершения в Казанском крае является замена в документах наименования “ясачные чуваша” на понятие “ясачные татары”.

Конечно, внутриэтнические деления среди волго-уральских татар к концу XVII в. еще сохранялись — казанские татары и мишари (по соседству с последними — касимовские татары) по культурно-бытовым, языковым особенностям хорошо различали друг друга, продолжая сохранять и свои групповые самоназвания. Но постепенное распространение общего этнонима стимулировало процесс этнического сближения всех групп татар Волго-Уральского региона. Тем более, что этому способствовали и этнокультурные изменения, происходившие в результате массовых миграций татар во второй половине XVI—XVII вв.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Алишев С.Х.* Исторические ... — С.37—49.
- ² Об этом свидетельствует активное участие татарских феодалов в восстаниях татар в Казанском крае во второй половине XVI в. Кроме того, известно, что в “думе”, происходившей в Крымском ханстве в 1564 г. с участием двух представителей казанско-татарской знати (“казанцев”) — Ямгурчя — Ази и Ахмета-улана, среди требований, предъявленных Ивану IV, было и возвращение независимости Казани и Астрахани (*Новосельский А.А.* Борьба... — С.20—21). Есть данные о приходе в Крым представителей казанских татар и в 1568 г. (*Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье... — С.31).
- ³ См., например: Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг.... — С.39—41, 117.
- ⁴ ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.149; Т.13, вторая пол. — С.450.
- ⁵ Казанская история. — С.78,80—83.
- ⁶ ПДРВ. — Ч.VIII. — С. 144.
- ⁷ Там же. — С.162. По данным “Казанской истории”, тогда “на Русь выехало до 10 тыс. казанцев” (Казанская история. — С.89).
- ⁸ ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.166.
- ⁹ Казанская история. — С.94.
- ¹⁰ ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.166. В числе пленных были 7 князей и 12 мурз (Казанская история. — С.94).
- ¹¹ ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.168.
- ¹² Казанская история. — С.109. Не исключено, что часть этих “вельмож”, особенно 90 “больших вельмож”, была не убита, а “изымана” и отправлена в Москву (См. там же.).
- ¹³ ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.172. Об этом же говорится и в Царственной книге (ПСРЛ. — Т.13, вторая пол. — С.472).
- ¹⁴ Казанская история. — С.81.

- ¹⁵ ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.174; — Т.13, вторая пол. — С.474.
- ¹⁶ ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.219; — Т.13, вторая пол. — С. 513.
- ¹⁷ ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.218.
- ¹⁸ Там же. — С. 211.
- ¹⁹ Там же. — С. 234.
- ²⁰ Там же. — С. 247.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. — С. 269.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. — С.282. Об уничтожении основной части казанско-татарских феодалов писал и И.П.Ермолаев (*Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье... — С.25).
- ²⁵ *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье... — С.28—37; *Әмирхан Р.* Бәйсезлек... — 15—17 б.
- ²⁶ РГАДА, ф.1209, ед.хр.643. — л.44, 117.
- ²⁷ *Исхаков Д.М.* Татарское население ... — С.75.
- ²⁸ История Татарской АССР, 1968. — С.103; См. также: *Алишев С.Х.* Исторические ... — С.90—93.
- ²⁹ Мои подсчеты основаны на следующих данных. В 1646 г. в Казанском уезде насчитывалось 614, а в Свияжском — 498 дворов служилых татар. Известно, что в Казанском уезде на 614 дворов приходилось 1812 душ мужского пола (включая и детей), т.е. в 1 дворе в среднем насчитывалось около 3 душ муж. пола. Если эту цифру принять за основу, то в двух указанных уездах в 1646 г. могло проживать до 3,3 тыс. душ муж. пола служилых татар (с детьми). Кроме того, в 1646 г. около 360 душ муж. пола (в основном, служилых категорий) татар проживало в г.Казани (См.: *Чернышев Е.И.* Татарская деревня... — С.181; Писцовая книга г.Казани 1646 г... — С.100—120. Подсчеты автора). При этом, общая численность всех служилых татар (муж. пола) в 1646 г. оказывается равной 3,7 тыс.чел. С женщинами (включая девочек) это будет около 7,4 тыс.чел. Численность всех казанских татар в середине XVII в. могла быть 113 тыс.чел. (Эта цифра является медианой между численностью казанских татар конца XVI и конца XVII вв. При этом численность казанских татар определена из расчета, что они составляли 2/3 всех волго-уральских татар). Отсюда получаем долю служилых татар в составе всех казанских татар — 6—7%.
- ³⁰ О численности служилых татар на территории бывшего Мещерского “юрта” имеются данные за 1633 г. (3,4 тыс.чел.) и за 1637 г. (2, 5 тыс.чел.). Первая цифра более точна (*Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.III. — С.221—222; *Порфирьев С.И.* Респись... — С.456—457). Надо полагать, что 3,4 тыс.-чел. служилых татар — это численность уже могущих служить (взрослых). Поэтому, численность всех служилых татар (с семьями) в “мещерских” уездах принята мной для 1630-х гг. равной 24 тыс.чел. (методику подсчета см. выше). В то же время общая численность всего татарского населения (мишари и касимовские татары) бывшего Касимовского ханства в это время была равна примерно 57 тыс.чел. Следовательно, доля служилых татар в этом районе достигала в середине XVII в. 40% от общей численности проживавших тут татар.
- ³¹ Хороший обзор проблемы дает Г.Губайдуллин (см. выше). Кроме того, см.: Из царского наказа...; Список с государевы грамоты...; Из “Завещания отеческого...”

- ³² ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.229.
- ³³ Из Новгородской второй летописи. — С.145—146.
- ³⁴ ПСРЛ. — Т.13, первая пол. — С.281.
- ³⁵ *Ермолаев И.П.* Казанский край... — С.20, 24—25, 35, 39, 43—44, 45, 46, 47.
- ³⁶ Писцовая книга Казанского уезда ... (подсчитано мной).
- ³⁷ *Ермолаев И.П.* Казанский край ... — С.35, 45.
- ³⁸ Там же. — С.47.
- ³⁹ Писцовая книга Казанского уезда ... — С.158.
- ⁴⁰ Там же. — С.72, 74—75, 157, 199.
- ⁴¹ Там же. — С. 87, 122—123.
- ⁴² Там же. — С. 116—120.
- ⁴³ См.: Список с государевы... — С.147—150.
- ⁴⁴ Из Софийской второй летописи... — С.145.
- ⁴⁵ Материалы для истории Тамбовского... — Т. 1. — С. 246.
- ⁴⁶ Арзамасские ... — № 35, 134, 169.
- ⁴⁷ Известия ТУАК. — Вып. 35. — С. 175.
- ⁴⁸ История Татарии в документах ... — С. 195.
- ⁴⁹ *Новосельский А.А.* Борьба... — С.68; Дворянские роды... — Ч.1. — С.480.
- ⁵⁰ Российская родословная книга... — Ч.II. — С.26—32.
- ⁵¹ *Курбатов А.* Шадчане... — С.66.
- ⁵² ДМ. — Т.1. — Ч.II. — С. 231.
- ⁵³ Русская историческая..., 1875. — С.166; Писцовые книги Рязанского... — Т.1. — Вып.3. — С.1102. В Коломенском уезде татары отмечаются еще в 1577—1578 гг. Судя по фамилиям — Тенишевы дети Бакшеевы, они были из тех же “мещерских” татар и, видимо, частью уже крещеными (имена Семен, Богдан говорят об этом — См.: Писцовые книги XVI в. Отд. 1. — С. 543) .
- ⁵⁴ История Татарии в документах ... — С.150.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Иероним.* Рязанские ... — С.73.
- ⁵⁷ Труды Воронежской УАК. — Вып.V. — С. 309; Известия ТУАК. — Вып.29. — С.65—66.
- ⁵⁸ Материалы исторические и юридические... — Т.1. — С.135.
- ⁵⁹ Известия ТУАК. — Вып.27. — С.61.
- ⁶⁰ Известия ТУАК. — Вып. 29. — С. 69.
- ⁶¹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование... — Ч.III. — С.207.
- ⁶² ДМ. — Т.1. — Ч.II. — С.304,349.
- ⁶³ См. там же. — С.295, 297, 317, 349—350, 353, 355, 422; *Барсуков А.* Десятни...; Известия ТУАК. — Вып.34. — С.127, 148; Известия ТУАК. — Вып.49. — Т.1. — С.13; Материалы для истории Тамбовского... — Т.1. — С.271, 384.
- ⁶⁴ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар... — С.38. Это особенно хорошо видно из списка “Личных имен дворян” и из “Списка дворянам” Пензенского наместничества конца XVIII в. (ГА Пензенской обл., ф.196, оп.1, ед.хр.109. — л.1—69).
- ⁶⁵ Последний по времени обзор этой проблемы см.: *Гилязов И.* Эволюция ... — С.13—21.
- ⁶⁶ Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник РИО. — Т.8. — С.101.
- ⁶⁷ ПСЗ. — Т.2. — С.701—702.
- ⁶⁸ Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник РИО. Т.32.

— С.117.

- ⁶⁹ Там же. См. также: Прощение мишарских депутатов... — С.574; *Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — С.95.
- ⁷⁰ Например, после появления в 1784 г. указа “О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства”, в котором говорилось, что при доказательстве своего “благородного” происхождения татарские князья и мурзы должны предъявлять “жалованные предкам их государские грамоты”, такие документы смогли собрать представители 177 фамилий (5646 чел.) (См.: Алишев С.Х. Исторические ... — С.115; ПСЗ. — Т.22. — С. 52).
- ⁷¹ *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье... — С. 57 .
- ⁷² Там же. — С. 54—55. Кстати, А.А.Зимин высказал мнение, что “управление Казанским краем сосредотачивалось в воссозданном на новой основе Нижегородском дворце”. (См.: *Зимин А.А.* О составе... — С.198).
- ⁷³ *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье... — С. 55—56.
- ⁷⁴ *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования говора пермских татар (1983). — С. 147.
- ⁷⁵ *Исхаков Д.М.* Историческая демография... — С.113.
- ⁷⁶ Об этом писали ряд авторов: *Гобәйдуллин Г.* Татарларда сыйныфлар ... — С.207—216; *Алишев С.Х.* Социальная эволюция... — С.64—66; *Гилязов И.А.* Землевладение... — С.72—74; *Алишев С.Х.* Исторические ... — С.113—115.
- ⁷⁷ *Алишев С.Х.* Исторические ... — С.115.
- ⁷⁸ Исторические сведения о Екатерининской комиссии (мнение депутата Ив.Кобелева) // Сборник РИО. — Т.8. — С.183.
- ⁷⁹ *Алишев С.Х.* Социальная эволюция... — С.65—66; *Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — С.61—65.
- ⁸⁰ В конце XVII—XVIII вв. многие служилые татары стали купцами, часть — ремесленниками. В связи с тем, что тяглому населению запрещалось заниматься торговлей, а относительно служилых татар такого запрета не существовало, более того, им разрешалось “кормиться... торговыми... промыслами... (и) рукоделием”, в XVIII в. служилые татары весьма настойчиво подчеркивали свою принадлежность к иному, чем ясачные татары, сословию (См.: ПСЗ. — Т.2. — С.701—702; ПСЗ. — Т. 5. — С.66; Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник РИО. — Т.8. — С.101, 116, 141, 143; Сборник РИО. — Т.32. — С.117).

§ 2. Этнос волго-уральских татар:

кристаллизация этнокультурных особенностей

Становление этноса волго-уральских татар происходило на основе “переформирования” этнокультурных структур прежних народностей.

Ликвидация государственности казанских татар и последовавший затем окончательный распад Мещерского “юрта”, крупные передвижения населения этих ханств во второй половине XVI—XVII вв., привели не только к появлению существенно иной, чем прежде, конфигурации расселения татар в Волго-Уральском регионе, но и нарушили внутриэтническую целостность сложившихся ранее феодальных народностей, которые фактически распались на слабо связанные между собой ло-

кальные общины. Потребовалось более полутора столетий, прежде чем определились основные этнокультурные подразделения единого этноса волго-уральских татар. В некоторых моментах процесс складывания новой этнокультурной структуры татар в Волго-Уральском регионе свое завершение получил лишь на этапе национального развития.

Проблема этнокультурной дифференциации волго-уральских татар обсуждалась мной в специальной работе, где рассматривались и методологические аспекты этой проблемы.¹ Тут отмечу лишь, что наиболее трудным при рассмотрении выделенной проблемы, оказался вопрос о методике реконструкции этнокультурной структуры донационального периода из-за того, что материалов XVI—XVII вв., которые можно было бы привлечь к решению данного вопроса, практически нет; такую работу пришлось проделать на основе данных, относящихся к национальному этапу, главным образом, ко второй половине XIX — началу XX вв. При этом, относительно более продуктивным был признан подход, связанный с выделением в составе этноса “генетических” (первичных) и “территориальных” (вторичных) этнокультурных образований.² Я исходил из того, что первичные подразделения восходят к позднезолотоордынскому периоду этноистории татар Волго-Уральского региона, а вторичные являются результатом их развития во второй половине XVI—XVIII вв.³ Опираясь на такую классификацию этнокультурных подразделений волго-уральских татар, ниже будет рассмотрено их формирование до конца XVII в.

Исследование территориального распространения элементов традиционной культуры татар на основе методики историко-этнографических атласов, позволило выявить в Волго-Уральском регионе особую — “татарскую” этнокультурную область, состоящую из трех подобластей (казанско-татарской, касимовской и мишарской) и обширного ареала (подобласти), переходного между ними. В этнокультурном отношении самостоятельным образованием оказались и кряшены, которые не имея сплошной территории, выделились в отдельные “островки” (в основном, в рамках казанско-татарской и переходной подобластей).

Казанско-татарская и мишарская подобласти являются “первичными” (генетическими) этнокультурными образованиями и их возникновение связано с народностями периода ханств. Касимовская подобласть имеет промежуточный по отношению к этим двум этнокультурным общностям характер, больше “выталкиваясь” все-таки по отношению к мишарской подобласти. Смешанность параметров культуры и придает касимовской подобласти особый статус, близкий к подобластям генетического типа. Она от двух предыдущих подобластей отличается своими малыми размерами.

Переходный (смешанный) этнокультурный ареал (подобласть), состоит из двух зон — средневолжской и приуральской. Первая из них оформилась уже к концу XVII в., а вторая переживала процесс становления и в XVIII в. Средневолжская зона отражает главным образом эт-

нокультурное взаимодействие казанских татар и мишарей. Приуральская зона характеризуется более сложной структурой: в ней наряду с культурными особенностями, которые присущи средневожской зоне, прослеживается и воздействие более раннего — местного населения Приуралья. Можно не сомневаться в том, что смешанная подобласть сложилась в результате миграции татар в XVI—XVII вв. и несколько позже. Вторичность смешанной подобласти подтверждается не только историческими материалами о заселении татарами территории, на которой этот этнокультурный ареал локализуется, но и “неустоявшимся” характером границ рассматриваемой подобласти, колеблющейся в зависимости от того, какой элемент культуры кладется в основу картирования.

Несомненно, широкий фронт межэтнических контактов казанских татар с мишарями, наряду с касимовскими татарами, возник лишь после ликвидации ханств, когда в итоге крупномасштабных передвижений татар в пределах Волго-Уральского региона во второй половине XVI—XVII вв. произошло не только сближение этнических территорий ранее самостоятельных татарских народностей, но и возникли районы их чересполосного и совместного (в общих населенных пунктах) расселения.⁴ Именно начиная со второй половины XVI в. складываются условия для широкого этнического смешения представителей двух татарских этносов как в Среднем Поволжье, так и в Приуралье. Этнотерриториальные группы, локализованные в смешанной подобласти, несмотря на возможность их отнесения по степени выраженности культурно-языковых признаков в одних случаях к казанским татарам, в других — к мишарям, при строгом подходе должны считаться структурными частями новой этнической общности — волго-уральских татар, так как по некоторым параметрам они отличаются от “материнских” (первичных) общностей,⁵ что связано с существованием у них в Приуралье специфического — местного компонента (“иштяки”, “ногайцы”, “башкиры”).

Возникновение во второй половине XVI—XVII вв. новой этнокультурной ситуации среди татар Волго-Уральского региона на основе территориальных перемещений и этнического взаимодействия выходцев из Мещерского “юрта” и Казанского “царства”, нашло отражение и в их самосознании. Заметную роль при формировании нового самоназвания сыграли особенности размещения мишарей и казанских татар. У первых, из-за постоянного привлечения многочисленной у них служилой части к службе на засечных линиях, к середине XVII в. целостность этнической территории во-многом оказалась нарушенной.

Постепенное “расщепление” мишарской этнической общности на ряд слабо связанных между собой территориальных групп привело к возникновению у них локальных самоназваний, “привязанных” к отдельным уездам: “касимовцы” (кэчимнэр), “тюменцы” (төмән, төмәннэр), “алатырцы” (алатыр, алатырлар).⁶ Несомненно, эти земляческого типа наименования подрывали общеэтническое самоназвание мишарей. Казанские татары, несмотря на определенные изменения

в расселении, сохранили достаточно обширную сплошную территорию в Волго-Камье. В силу компактности их расселения, у казанских татар такая “локализация” этнического самоназвания не наблюдалась (если не считать таких мелких групп, как нукратские татары). Правда, об изменении у части казанских татар этнического самосознания после их переселения в Приуралье в определенной мере может свидетельствовать формирование группы тептярей с особым самоназванием. Но эта группа окончательно оформилась лишь в XVIII в. Кроме того, она являлась больше этносословной единицей, аналогичной приуральским мишарям (последние также долго сохраняли свое “мишарское” самоназвание).⁷

Весьма важным представляется существование некоторых факторов, как бы скреплявших складывающуюся общность волго-уральских татар извне. Одним из таких “обручей” являлся ислам — большинство казанских татар и мишарей сохранили верность религии своих предков. Принадлежность к мусульманской умме в условиях, когда окружение было языческим и христианским (за исключением ногайцев и башкир), явно способствовала сплочению казанских татар и мишарей. Тем более, что в Среднем Поволжье русские, да и не только они, вряд ли делали различия между татарами и мусульманами (особенно это относится к крестьянской массе). На основе более поздних материалов можно предположить, что в период формирования этноса волго-уральских татар, одним из компонентов их этнического самосознания был конфессионим “мусульмане” (мөселман, мөселманнар).⁸ Значение конфессионального единства казанских татар и мишарей в их этническом сближении подтверждает и та неопределенность этнических границ волго-уральских татар в северо-западном Приуралье до ухода ногайцев (на юге и востоке ареала).

Другим общим для казанских татар и мишарей достоянием являлся старотатарский литературный язык (применительно к XVII в. именуемый иногда поволжско-татарским тюрки).⁹ Бытование единого литературного языка, который использовался и в деловой письменности,¹⁰ помогал функционированию в XVII в. общего культурного поля волго-уральских татар.¹¹

Наконец, определенным внешним “скрепом” выступали и представления многочисленного к концу XVII в. русского населения и русской администрации об этнической принадлежности татарско-мусульманского населения Волго-Уральского региона. Применительно к Среднему Поволжью можно утверждать, что русские уже в середине XVII в. перестают делать различия между казанскими татарами и населением бывшего Мещерского “юрта” — одинаково называя их “татарами”. Для подобной оценки этнической ситуации XVII в., как уже было показано, имелось и объективное основание.

Однако сам процесс складывания этноса волго-уральских татар протекал отнюдь не просто. С одной стороны, по мере образования контактной зоны и усиления там этнокультурного взаимодействия казанских

татар и мишарей, ранее самостоятельные этнические образования — казанские татары и мишари — постепенно превращались в субэтноты. Нечто подобное имело место и в районе “стыка” касимовских татар с мишарями. Но с другой стороны, у субэтнотосов еще сохранялся значительный потенциал самостоятельного развития, так как в ареалах первоначального формирования они не только обладали определенной компактностью расселения, культурно-языковым единством, во-многом общим самоназванием, но и осознавали свою этническую специфику. Более того, одним из результатов миграции второй половины XVI—XVII вв. было перемешивание возникших еще в период формирования феодальных народностей, территориальных групп, что не могло не повлиять на консолидированность в районах локализации старых этнических “ядер” казанских татар и мишарей. Поэтому, процесс одновременной выработки “татарского” самосознания, первоначально, скорее всего, происходил в локальных рамках субэтнотосов, представители которых других татар еще воспринимали как “чужих”. Данный вывод основывается на анализе сведений XVIII — начала XX вв.,¹² так как более ранние сведения на этот счет отсутствуют.

Несмотря на сохранение субэтнических делений, обособленность кряшен от общей массы татар-мусульман, неопределенность этнических границ в районах северо-западного Приуралья, к концу XVII в. единый этнос волго-уральских татар был уже реальностью. Он выделялся своими культурно-языковыми особенностями и наличием общего этнонима “татары”. Хотя этот этноним еще переплетался с конфессионимом “мусульмане” и субэтническими, локальными и др. самоназваниями, его достаточно широкое бытование не вызывает сомнений. Преодоление всякого рода земляческих самоназваний и “очищение” этнонима от остатков средневековых наслоений вообще, могло произойти только на этапе национального развития.

* * *

Этнос волго-уральских татар был феодальной народностью, социальная структура которой к концу XVII — началу XVIII вв. из-за того, что класс татарских феодалов практически слился с крестьянством, стала неполной. В этом заключалась одна из специфических особенностей данного этноса.

По сравнению с татарскими народностями периода ханств, волго-уральские татары являлись более крупной этнической общностью, занимающей большую территорию и имеющей иную этнокультурную структуру — не “вертикальную”, основанную на этносословных стратах, а “горизонтальную”, опирающуюся на субэтнические, конфессиональные, новые сословные деления, не связанные с соподчинением. Кроме того, ближе к последней четверти XVII в. часть служилых татар в Волго-Уральском регионе уже занималась торговлей,¹³ начав эволюционировать в направлении превращения в буржуазию. Эти факты как будто бы говорят о том, что волго-уральских татар необходимо рассматривать

как более развитый, чем народности предшествующего периода, этнос. Однако, отсутствие государственности и невыраженность внутризтнической социальной стратификации, не позволяют сделать такой вывод. Не подтверждается и высказанный в литературе тезис о большей консолидированности волго-уральских татар¹⁴: если ликвидация этносословных страт, характерных для народностей, сложившихся в ханствах, свидетельствует в пользу этого мнения, то возникновение в процессе миграций второй половины XVI—XVII вв. у татар Волго-уральского региона ряда новых территориальных групп, распад старых этносов на многочисленные, слабо связанные между собой из-за отсутствия политического ядра, общин, говорит об обратном. Поэтому, основные отличия волго-уральских татар от этносов-предшественников, надо видеть не в их большей развитости (“консолидированности”), а в параметрах численности и размерах этнической территории, однородности социальной структуры (при появлении во второй половине XVII в. первых признаков начала формирования слоя торговцев), “горизонтальности” этнокультурной структуры.

Примечания

¹ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы... — С.3—32.

² *Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н.* Ареальные методы ... — С.98—100.

³ *Исхаков Д.М.* Этнографические ... — С.25.

⁴ Дополнительные данные см.: Писцовые книги XVI в. Отд.1. — С.543; Этнографические заметки... — л.1; *Ахметзянов М.* Татарские шеджере... — С.44—45; Писцовая книга Казанского уезда ... — С.43; *Воробьев Н.И.* Население... — Л.65—67; *Исхаков Д.М.* Этнографические группы... — С.70.

⁵ *Исхаков Д.М.* Этнографические группы ... — рис.1.

⁶ Там же. — С.73, 75, 101, 114.

⁷ *Исхаков Д.М.* Историческая демография... — С.103—104.

⁸ Там же. — С.94—99, 101—103.

⁹ Старотатарская деловая письменность. — С.159.

¹⁰ Подробнее см. там же. Кроме того, см.: *Хисамова Ф.М.* XVIII йөздәге ...

¹¹ Созданные в XVII в. литературные и исторические произведения вошли в общетатарский культурный фонд. — См.: XVII йөз татар әдәбияты ... — 322—386 б.

¹² *Исхаков Д.М.* Историческая демография... — С.99—100.

¹³ *Гобәйдуллин Г.* Татарларда сыйныфлар... — С.206—244; ПСЗ. — Т.2, Собр.1. — С.701—702.

¹⁴ *Кузеев Р.Г.* Народы ... — С.315—321; *Его же.* Этнические процессы ... — С.30.

Заключение

За период с XV по XVII вв. в этнической эволюции волго-уральских татар можно выделить по меньшей мере три этапа: позднезолотоордынский (XV — середина XVI вв.), переходный (вторая половина XVI — первые десятилетия XVII вв.) и консолидационный (с 30-х годов по конец XVII в.). В то же время два последних этапа можно объединить, рассматривая их как единый период сложения “общетатарской” народности.

На позднезолотоордынском этапе в Казанском и Касимовском ханствах происходило становление двух близкородственных тюркских народностей — казанских татар и мишарей, завершённое в первом государстве — к середине, во втором — к концу XVI в. Сколько-нибудь существенные различия в характере этнических общностей мишарей (включая касимовских татар) и казанских татар в XV—XVI вв. не выявлены — оба этноса типологически относятся к одной группе феодальных народностей. Об этом свидетельствует такой объективный показатель, как единообразность моделей номинаций применявшихся в русскоязычных источниках по отношению к рассматриваемым общностям и созданным ими этнополитическим образованиям: “Казанская земля”, “царство Казанское”, “Казанская Орда”, “Казанские люди”, “Казанцы”, “Казанские татары”; “Мещерские земли” (Мещерские места), “Мещера с волостями”, “Мещера”, “Мещерский юрт”, “Городецкая Орда”, “Мещерские люди”, “Можеряне” (мещеряки), “Мещерские (“Городецкие”) татары”. Эта система номинаций полностью вписывается в тот круг понятий, который употреблялся в русских и западноевропейских источниках для обозначения остальных позднезолотоордынских государств и этносов.

В сложении народностей казанских татар и мишарей основную роль сыграли этнически близкие субстратные компоненты (булгары — у первых и буртасы или можары — у вторых) и общий суперстрат в лице “татар” — золотоордынско-тюркских групп, включая и ногайцев. До завоевания Казанского ханства Русским государством и последовавшего затем постепенного “расформирования” Касимовского ханства, для образовавшихся в рамках рассматриваемых ханств государствообразующих этносов была присуща сословная стратифицированность — явление, весьма распространённое в феодальных обществах. Но у волго-уральских татар эти сословные деления обладали особенностью, связанной с социально-политической структурой, унаследованной от Золотой Орды. Эта структура отражала бывшее взаимодействие оседло-земледельческого и кочевого тюркского населения, происходившего в пределах Золотой Орды. В позднезолотоордынских татарских ханствах, в

данном случае — в Казанском и Касимовском ханствах, социальная стратификация в государствообразующих этносах строилась на этносословном принципе, когда “чернь” (ясачное население) генетически восходила в целом к дозолотоордынским этническим общностям (булгарам — у казанских татар и буртасо-можарам — у мишарей), а слой феодалов состоял преимущественно из золотоордынских групп с клановым делением (“татары”). По-видимому, в Ногайской Орде наблюдалось такое же деление (с одной стороны ясачники — “иштяки” и “башкиры”, а с другой — господствующие племена, объединенные общим этнонимом “мангыт” или “ногай”, не чуждые и этнонима “татар”).

Сложные политические связи Казанского и Касимовского ханств с Ногайской Ордой, начиная с последних десятилетий XV в. наиболее ярким проявлением которых является функционирование в этих позднезолотоордынских государствах Мангытских “юртов” — княжеств, обусловили обширность этнокультурных контактов тюркского населения Ногайской Орды с формирующимися этносами казанских татар и мишарей. Одним из последствий этого взаимодействия стала неопределенность этнических границ казанско-татарского этноса на северо-западе Приуралья, где этнически родственные казанским татарам группы ногайцев и “иштяков” постепенно консолидировались в “башкир” и “татар” с весьма неясными этнодифференцирующими признаками.

Этнические процессы, происходившие в XV — середина XVI вв. в позднезолотоордынских татарских государствах Волго-Уральского региона однозначной оценке не поддаются. С одной стороны, если учесть их конечный результат — сложение в рамках ханств двух самостоятельных этносов — казанских татар и мишарей — эти процессы должны быть признаны этногенетическими. Тогда и весь позднезолотоордынский (татарский) период необходимо будет считать этапом этногенеза новых татарских народностей. Но с другой стороны, этносословная “двухплюсность” татарских общностей ханского времени явно восходит к периоду Золотой Орды — иначе вряд ли была бы возможна ситуация, когда весь верхний слой — “татары” с клановым делением — в известных позднезолотоордынских обществах, особенно, в Крымском, Казанском и Касимовском ханствах, выступал как некая целостность. Следовательно, этническую динамику татарских этнообразований XV — середины XVI вв. можно рассматривать и как результат дальнейшей трансформации сложившейся ранее этнополитической общности. В этом случае позднезолотоордынский период придется трактовать как этап в этнической истории этой последней общности. Отсюда вытекает, что обе существующие концепции формирования волго-уральских татар — “булгаристская” и “татаристская” — являются односторонними из-за своих крайностей: в первом случае обнаруживается недооценка золотоордынско-тюркской, а во втором — дозолотоордынской составляющих татар. Более предпочтителен, как я думаю, синтетический подход, вытекающий из того анализа, который проведен в настоящем исследовании. В

концептуальном плане он может быть сформулирован следующим образом: позднезолотоордынский период татарской истории этногенетическим являлся лишь в той мере, в которой, благодаря распаду более ранней золотоордынской этнополитической общности, произошло становление отдельных татарских народностей на основе консолидации локальных этнополитических формирований. В меньшей степени этот исторический отрезок может быть определен и как время продолжения этнической истории золотоордынских татар. Во-первых, формирование самостоятельных татарских народностей не привело к их взаимной изоляции — они продолжали сохранять многочисленные политические и этнокультурные связи, а также единство этнического суперстрата. Во-вторых, у этого суперстрата длительное время продолжало существовать “материнское” объединение (до 1502 г. в виде Большой Орды, а затем — Ногайской Орды), выступавшее как некое этническое “ядро” всей татарской общности. С другой стороны, в силу сословных перегородок и “черный” слой татарских народностей XV — середины XVI вв. мог продолжать сохранять в какой-то мере свою этническую специфику, обладая особой этнокультурной динамикой. Это не противоречит выводу о том, что к середине XVI в. уровень консолидации локальных татарских общностей позволяет считать их самостоятельными этносами. В то же время ясно, что золотоордынский период, когда началось взаимодействие “татарских” и “дотатарских” этнических групп, предопределил всю дальнейшую этническую эволюцию волго-уральских татар. Именно поэтому эпоху Золотой Орды следует признать ключевой для этноистории татар Волго-Уральского региона.

Со второй половины XVI в. в результате потери государственности, демографической катастрофы и начавшейся коренной ломки сложившихся социальных структур, у татарских народностей Волго-Уральского региона наступил переходный период, продолжавшийся до первой трети XVII в. В этот период были “демонтированы” важнейшие социальные структуры казанских татар и мишарей, но некоторые их элементы, например, деление на “служилых татар” и ясачников (“ясачные чуваша” — у казанских татар, “буртасы — посопные татары” — у мишарей), в Поволжье еще сохранялись. В северо-западном Приуралье продолжало бытовать деление на “иштяков”, “башкир” и “ногайцев”, иногда — “татар”. Следует признать, что потенциал внутриэтнической консолидации, связанный с преодолением этносословных черт основных социальных страт, у волго-уральских татар во второй половине XVI — начале XVII вв. еще сохранялся.

Хотя собственно третий этап этнического становления волго-уральских татар датируется с 30-х годов XVII в., фактически началом формирования новой народности — этноса волго-уральских татар, был уже переходный период. Одним из главных предпосылок изменения направления этнических процессов среди волго-уральских татар во второй половине XVI—XVII вв., являлась массовая миграция, особенно усилив-

шаяся в XVII в. В итоге переселенческого движения углубились контакты казанских татар с выходцами из бывшего Мещерского “юрта”, возникли их новые этнокультурные подразделения. Одновременно, все большее значение начал приобретать фактор русского присутствия (рост численности и влияния русских, в т.ч. и через административные каналы), выступавший по отношению к волго-уральским татарам определенным “формообразующим” началом. В итоге, к концу XVII в. завершилась консолидация народности волго-уральских татар. Она отличалась от этносов-предшественников не большей “развитостью” — для этого как раз и не было условий — а численностью, величиной этнической территории, особой этнокультурной структурой, основанной не на сословных делениях, а на “горизонтальных” (конфессиональных, территориальных-этнографических, субэтнических) связях, а также, ближе к началу XVIII в., и большей социальной однородностью. Несмотря на то, что на северо-западе Приуралья этот этнос по-прежнему не имел четких этнических границ, в других частях Волго-Уральского региона он территориально и этнически вполне определился. У волго-уральских татар сложились общие культурно-языковые особенности, закрепился единый этноним — “татары”, хотя до конца XVII в. и даже значительно позже, наряду с этим этнонимом у них сохранялись субэтнические и другие самоназвания (например, широко бытовал конфессиональный “мусульмане”). В этом волго-уральские татары сходны со многими другими феодальными этносами, для которых до национального этапа консолидации пестрота этнонимов была обычным явлением.

Список сокращений

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук.

АМГ — Акты Московского государства, изданные императорской Академией Наук.

ВНОТ — Вестник Научного общества татароведения.

ГА — Государственный архив.

ГПБ — Государственная публичная библиотека (г. Санкт-Петербург).

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей (1909; 1950 гг.).

ДМ — Документы и материалы по истории Мордовской АССР.

ДРВ — Древняя российская вивлиофика.

ЖМВД — журнал Министерства внутренних дел.

ЖМНП — журнал Министерства народного просвещения.

ИВ РАН — Институт Востоковедения Российской Академии Наук.

ИИ РАН — Институт Истории Российской Академии Наук.

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН Татарстана.

МИБ — Материалы по истории Башкирской АССР.

МОИДР — Московское общество истории и древностей российских.

МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнологических наук.

Марийский НИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР (Мордовский НИИ).

ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

ООИД — Одесское общество истории и древностей.

ОРГО — Оренбургское отделение Русского географического общества.

ПГУ — Пермский государственный университет.

ПДРВ — Продолжение древней российской вивлиофики.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РГО — Русское географическое общество.

РИО — Русское историческое общество.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

УАК — Ученая архивная комиссия (В. — Вятская; Н. — Нижегородская; О. — Оренбургская; П. — Пермская; Р. — Рязанская; С. — Саратовская; Т. — Тамбовская).

УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивные источники

1. Архив Санкт-Петербургского отделения ИВ РАН Ф.131, оп.1, ед.хр.23 и 33.
2. Архив Санкт-Петербургского отделения ИИ РАН Ф.122, оп.1, ед.хр.407, 409, 412, 414, 416, 442, 445—451, 453—458, 463—464, 467—472, 475—477, 482, 509, 512—513, 521, 834; Ф.36, оп.1, ед.хр.83 (*Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год. Печатный вариант: Записки ООИД. — Т.5. — Одесса, 1863).
3. Архив Русского географического общества.
Разряд 23, оп.1, ед.хр.54 (Этнографические заметки о татарах Нижегородской губ.).
Ф.2, оп.1, ед.хр.38 (Мещеряки).
4. ГПБ (г.Санкт-Петербург).
Ф.Ф-IV-520 (Книга переписная 7153 г. из архива Шацкого уезда).
5. Научный архив ИЯЛИ АН Татарстана.
Ф.77 (Фонд Н.И.Воробьева), ед.хр.1. (*Воробьев Н.И.* Население Мензелинского кантона ТССР. По данным экспедиции Общества изучения Татарстана 1929 г.).
Ф.77, оп.4, ед.хр.5.
Ф.18, оп.1, ед.хр.6 (*Рахим А.* Новые списки татарских летописей. 1930).
6. ГА Кировской области.
Ф.574, оп.2, ед.хр.4436 (*Первухин Н.* Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде Вятской губ. и находок, сделавшихся здесь известными. 1886 г.).
Ф.59, оп.1. ед.хр.289, т.1.
Ф.170, оп1, ед.хр.11, 32.
Ф.583, оп.4, ед.хр.344.
Ф.712, оп.13, ед.хр.66.
7. ГА Пермской области.
Ф.316, оп.1, ед.хр.78 (О начале и происхождении разных племен иноверцев. 1784 г.).
Ф.297, оп.2, ед.хр.948.
8. ГА Пензенской области
Ф.196, оп.1, ед.хр.109 (Список личных имен дворян; Список дворянам Пензенского наместничества).
Ф.132, оп.1, ед.хр.457. — ч.1. (летопись Саровской пустыни).
Ф.132, оп.1, ед.хр.1.
9. ГА Оренбургской области.
Ф.6, оп.3, ед.хр.2353 и 3784.
Ф.96, оп.2, ед.хр.43.
10. РГАДА.
Ф.350, оп.1, ед.хр.157.

Ф.350, оп.2, ед.хр.1102, 1221, 2977, 2984, 2985, 2991, 3088, 3088, 3093.
Ф.1209, ед.хр.153, 226, 643, 848, 858, 6444, 6445, 6445, 6447, 6483.
Ф.1355, оп.1, ед.хр.929, 932, 1871, 1874, 1876, 1879.

11. РГИА

Ф.1350, оп.56, ед.хр.563, ч.1 “А”; ч.2 “В”, “Д”
Ф.558, оп.2, ед.хр.293 и 295.

II. Опубликованные источники и литература на русском и тюркских языках.

1. *Айплатов Г.Н.* Расселение марийцев во второй половине XVI — начале XVIII вв. // Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским НИИ (23—25 декабря 1965 года). — Йошкар-Ола, 1967 — С.140—146.

2. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. — т.1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571—1634. — Спб., 1890.

3. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — т.1—3. — Спб., 1841.

4. Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — т.3. — М.: Наука, 1964.

5. Акты собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. — т.II. — Спб., 1836; т.III. — Спб., 1836.

6. *Александров Е.А.* Башкиры (этнографический очерк) // Оренбургский листок, 1885, № 51.

7. Акты времен правления царя Вас.Шуйского (1606—1610). — М., 1914.

8. *Алексеев В.П.* Этногенез. — М.: Высшая школа, 1986.

9. *Алексеева Т.И., Васильев Б.А.* К вопросу о генетическом родстве русской мещеры и татар-мишарей // Краткие сообщения Института этнографии им.-Миклухо-Маклая АН СССР. — Вып.31. — М., 1959. — С.3—13.

10. *Алихова А.Е.* К вопросу о буртасах // Советская этнография, 1949, № 1. — С.49—57.

11. *Алишев С.Х.* К вопросу об образовании булгаро-татарской народности / Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1985. — С.109—117.

12. *Алишев С.Х.* Татары Среднего Поволжья В Пугачевском восстании. — Казань, 1973.

13. *Алишев С.Х.* Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI—XVIII вв. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. — Казань, 1984. — С.52—69.

14. *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI — начало XIX в. — М.: Наука, 1990.

15. *Ананьев Г.* Караногайская народные историческая преданья // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Вып.27. — Тифлис, 1900. — С.1—38.

16. Арзамасские поместные акты. — М., 1915.

17. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. — М.: Наука, 1989.

18. *Ахмаров Г.* О языке и народности мишарей. — Казань, 1903.

19. *Ахметзянов М.* Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX—XX вв.). — Казань, 1991.

20. *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим процессам в бассейне р.Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. — Казань, 1985. — С.58—71.
21. *Ахметзянов М.И.* Источниковедческий и лингвистический анализ татарских шеджере (по источникам XIX—XX вв.). — Дисс... канд филологич. наук, 1981.
22. *Ахметьянов Р.Г.* К значению слова чуваш (човаш) в документах XVI—XVII вв. (рукопись).
23. Акбуз ат // Башкирский народный эпос. — М., 1977. — 162—205 бб.
24. *Алишев С.Х.* Татар халкының оешуы // *Мирас*, 1991, № 1. — 76—84 бб.
25. *Алишев С.Х.* “Татар халкының һәм милләтенең оешуы” дигән сөйләшүгә йомгак // *Мирас*, 1993, №2. — 50—55 бб.
26. *Алишев С.Х.* Алтын Урда һәм Казан ханлыгының халкы // *Мирас*, 1993, №8. — 54—64 бб.
27. Арча төбәге тарихы. — Казан, 1996.
28. *Атласи Һ.* Казан ханлыгы. Себер тарихы. Сөенбикә. — Казан, 1993.
29. *Әмири К.* Кайпан жыены // *Идел*, 1994, № 1. — 44—47 бб.
30. *Әмирханов Р.* Бәйсезлек өчен көрәш // Татарларның ватан сугышы. — Яр Чаллы, 1993.
31. *Әхмәтҗанов М.* Нугай Урдасы һәм аның татар этник тарихына мөнәсәбәтә // *Идел*, 1993, №12. — 62—69 бб.
32. *Әхмәтҗанов М.* Татар халкы оешуда урта гасыр дәвәре // *Мирас*, 1992, №9. — 58—62 бб.
33. *Әхмәтҗанов М.* Шәжәрәләр. Акчурин фамилиясе // Сөенбикә, 1992, №6. — 2—3 бб.
34. *Әхмәтҗанов М.* Мәдәни мирасыбыз сакчысы // Татарстан, 1997, №5 — 36—41 бб.
35. *Әхмәтҗанов М.* Әгерҗе районы шәжәрәләре // Совет мәктәбе, 1979, №11. — 51б.
36. *Әхмәтҗанов М.* Юрматы шәжәрәсе // *Идел*, 1993, № 1. — 48—49 бб.
37. *Әхмәтҗанов М.* Татар шәжәрәләре // Казан утлары, 1978, № 3. — 147—152 бб.
38. *Әхмәтҗанов М.* “Чыршы тарихы” кулъязмасы турында // Татарстан, 1997, № 6. — 38—41бб.
39. *Әхмәтҗанов М.* Арча ягының борынгы тарихыннан // Коммунизмга, 1975, №70 (12 июнь).
40. *Әхмәтҗанов М.* Жиде бабаңны беләсеңме? // *Ялкын*, 1994, № 1. — 3—4 бб.
41. *Әхмәтҗанов М.* Авыл исемнәре ни сөйли? // Татарстан, 1997, № 3. — 20—26 бб.
42. *Әхмәтҗанов М.* Татар халкы оешуда нугайларның катнашы // *Идел*, 1992, № 3—4 — 58—65 бб.
43. *Әхмәтҗанов М.* Нугай Урдасы һәм аның татар этник тарихына мөнәсәбәтә // Из истории Золотой Орды. — Казань, 1993. — 142—160 бб.
44. *Әхмәтҗанов М.* Казан ханнары тарихыннан // *Идел*, 1994, № 11. — 60—65 бб.
45. *Әхмәтҗанов М.* Татар шәжәрәләре (беренче китап). — Казан, 1995.
46. *Әхмәтҗанов М.* Идел—Жаек арасы // *Идел*, 1991, № 11—12. 63—65 бб.
47. *Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. — Пермь, 1958.
48. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. — М.: Изд-во МГУ, 1952.

49. *Баскаков Н.А.* Ногайский язык и его диалекты. — М.-Л., 1940.
50. *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. т. II Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. — Ч. II. История народов Сибири в XVI—XVII вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 153—175.
51. *Бахрушин С.В.* Пути в Сибирь в XVI—XVII вв. // Научные труды. — Т. 3. Избранные работы на истории Сибири XVI—XVII вв. — ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — с. 72—136.
52. *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // Научные труды. — Т. 3. — Ч. 2. История народов Сибири XVI—XVII вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 86—152.
53. *Бахрушин С.В.* Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе, 1936, №3. — С. 29—61.
54. Башкирские шежере. Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. — Уфа, 1960.
55. *Баязитова Ф.С., Бурганова Н.Б.* Новые данные о говоре причепецких татар // Исследования по лексике и грамматике татарского языка — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1986. — С. 91—108.
56. *Безсонов А.* О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам. // ЖМНП, 1881, ч. 216, №8. — С. 202—242.
57. *Белорыбкин Г.Н.* Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь (К 1000-ю русско-булгарского договора). — Казань, 1986. — С. 89—97.
58. *Березин И.* Татарский летописец. Современник Бориса Федоровича Годунова // Московитянин, 1851, №24, кн. 2. — С. 543—554.
59. *Березин И.* Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложением. — Казань, 1849.
60. *Блинов Н.* Исторический очерк заселения Осинского уезда. // Сборник Пермского земства. — № 3—4 (отдел 3) — Пермь, 1898. — С. 1—21.
61. *Богословский П.С.* История правительственного обследования в XVIII в. Пермского края в этнографическом отношении (с архивными материалами о вогулах, татарах, башкирах и мешеряках) // Известия ОАИЭ, — т. 34, Вып. 3—4. — Казань, 1929. — С. 28—44.
62. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). — М.: Наука, 1981.
63. *Булатов А.Б.* Восточные средневековые авторы о башкирах // Археология и этнография Башкирии. — т. 4. — Уфа, 1971. — С. 323—325.
64. *Бурганова Н.Б.* О формировании татарских говоров Закавказья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. — Казань, 1985 — С. 3—31.
65. *Бурганова Н.Б.* О системе народного праздника джиен у казанских татар (исследование и приложение) // Исследования по исторической диалектологии. — Казань, 1982. — С. 20—67.
66. Башкорт халык ижады. Эпос. 2 китап. — Өфө, 1973.
67. Башкорт халык ижады. Эпос. 3 китап. — Өфө, 1982.
68. Борынгы татар әдәбияты. Казан, 1963.
69. *Валидов Дж.* О диалектах казанского татарского языка // ВНОТ, 1927, № 6. — С. 50—64.
70. *Васильев Б.А.* Проблема бургасов и мордва // Труды института этнографии АН СССР. Новая серия. — Т. 13. — М., 1960. — С. 108—209.
71. *Васильев В.И., Шитова С.Н.* Башкиро-самодийские взаимосвязи (к про-

блеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала. — Уфа: БФ АН СССР, ИИЯЛ., 1982. — С.18—40.

72. Ведомость Тамбовского уезда по новому разделению // Известия ТУАК. — Вып.40. — Тамбов, 1895. — С.102—103.

73. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. — Ч. I. Спб., 1863; Ч. II. Спб., 1864; Ч. III. — Спб., 1866; Ч. IV, Вып. 1. — Спб., 1887.

74. *Вельяминов-Зернов В.В.* Источники изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями // Записки Императорского АН. — Т. IV, кн. 2. — Спб., 1864. — С. 1—48.

75. *Веселовский С.Б.* Акты писцового дела (1627—1649 гг.). Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. — Т. 2, Вып. 1. — М., 1917.

76. *Виженер де Блез.* Извлечение из сочинения: “Описание Польского королевства и порубежных с ним стран” (1573) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып. 1 (XVI ст.). — Киев, 1890. — С. 59—89.

77. *Вишневицкий Б.Н.* Следы угров на Западном Урале // Учен. зап. ПГУ. — Т. 12, Вып. 1. — Пермь, 1960. С. 255—269.

78. *Воробьев Н.И.* Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). — Казань, 1930.

79. *Воронин И.Д.* Язык земли // Воронин И.Д. Очерки и статьи. — Саранск, 1957. — С. 166—188.

80. *Востров В.В., Муканов М.Г.* Родоплеменной состав и расселение казахов. Конец XIX — начало XX вв. — Алма-Ата: Наука, 1968.

81. Временник МОИДР. — кн. 10. — М., 1851.

82. Выпись из книги 132—134 гг. // Симбирский сборник. — Т. II. — Симбирск, 1870. — С. 73—76.

83. Выпись Темниковских писцов 7137 г. // Известия ТУАК. — Вып. 36. — Тамбов, 1893. — С. 67—68.

84. Выпись 1620 г. С. И. Гарбеева // Известия ТУАК. — Вып. 39. — Тамбов, 1895. — С. 65—66.

85. Выступление В. Д. Дмитриева // Происхождение марийского народа. — Йошкар-Ола, 1967. — С. 297—298.

86. *Валиди Туган Ә.* Башкорттарзың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. — Өфө, 1994.

87. *Гарипова Ф.Г.* Некоторые источники для раскрытия ногайского (кипчакского) пласта в топонимии Татарской АССР // Исследования по источниковедению истории Татарии. — Казань., 1980. — С. 136—149.

88. *Гарипова Ф.Г.* Данные топонимии о ногайском компоненте в этногенезе казанских татар // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. — Казань, 1982. — С. 123—128.

89. *Геллнер Э.* Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991.

90. *Герберштейн С.* Записки о московских делах. — Спб., 1908.

91. *Гераклитов А.* Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников. — М., 1931.

92. *Гераклитов А.А.* Мордовский “беляк” // Известия Краеведческого ин-та изучения Южно-вожской области при Саратовском ун-те. — Т. II. — Саратов, 1927. — С. 101—113.

93. *Гилязов И.А.* Землевладение и землепользование татарских крестьян Среднего Поволжья во второй половине XVIII в. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. — Казань, 1984. — С. 69—86.

94. *Гилязов И.* Эволюция социальной структуры татарского общества и ислам (вторая пол. XVI—XVIII вв.) // Ислам в татарском мире: история и современность. (Материалы международного симпозиума, Казань, 29 апреля — 1 мая 1996). — Казань, 1997. — С.13—21.
95. *Гимади Х.* О некоторых вопросах истории Татарии // Вопросы истории, 1951, №12. — С.118—126.
96. *Галомбиевский А.* Выписка в разряде о построении новых городов и черты 1621 г. // Известия ТУАК. — Вып.33. — Тамбов, 1892. — С.49—58.
97. *Готье Ю.В.* Десятни по Владимиру и Мещере 1590—1615 гг. — М., 1910.
98. *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX—XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов (Сборник статей). — Ижевск, 1982. — С.3—42.
99. *Гобәйдуллин Г.* Татарларда сыйныфлар тарихы өчен материаллар (XVII, XVIII гасырларда һәм XIX гасырның башында) // Гөбәйдуллин Г. Тарихы сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр. — Казан, 1989. — 196—260 бб.
100. *Госманов М., Мөмәммәдьяров Ш., Степанов Р.* Яңа ярлык // Казан утлары, 1965, № 8. — 146—150 бб.
101. *Давлетшин Г.М.* Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период. X — начало XIII вв. — Казань, 1990.
102. *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. — Т.IV. — М., 1955.
103. Действия НУАК. — Т.XI. Памятники истории Нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611—1612 гг. — Нижний Новгород, б/г.
104. *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. — Историко-этнографические очерки. — Чебоксары, 1959.
105. *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. — Чебоксары, 1957. — С.96—118.
106. *Димитриев В.Д.* О значении этнонима “черемисы” в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVII вв. // Ученые зап. Чувашского НИИ. — Вып.27. — Чебоксары, 1964. — С.118—132.
107. *Димитриев В.Д.* Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI — начале XVII веков // Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). — Чебоксары, 1996. — С.48—64.
108. *Димитриев В.Д.* О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XX вв. // Ученые записки Чувашского НИИ. — Вып.47. — Чебоксары, 1969. — с.242—246.
109. *Димитриев А.А.* Исторический очерк Пермского края. — Пермь, 1896.
110. *Димитриев А.А.* Житие св. Трифона Вятского как источник сведений о Перми Великой в XVI в. // Труды ПУАК. — Вып.2. — Пермь, 1893. — С.20—41.
111. *Димитриев А.А.* Пермская старина. — Вып.2. Пермь Великая в XVII в. — Пермь, 1882; Вып.5. Покорение угорских земель и Сибири. — Пермь, 1894; Вып.8 К истории Зауральской торговли. Башкиры. — Пермь, 1900.
112. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI — середина XVII вв.). Тексты и комментарии. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990.
113. Документы по истории Коми. Вычегодско-Вымская (Мисаило-евтихивская) летопись // Историко-филологический сборник. — Вып.4. — Сыктывкар: Коми филиал АН СССР. — Сыктывкар, 1958. — С.241—270.
114. Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков. Составитель —

П.Н.Луппов. — Ижевск, 1958.

115. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. — Т.1, ч.2. — Саранск, 1950; Т.3, ч.II. — Саранск, 1953.

116. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960.

117. *Долотказина С.Х.* Шежере башкир племени гайна о присоединении к Русскому государству // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. — Уфа: БФ АН СССР, 1984. — С.56—58.

118. Дополнения к актам историческим. — Т.2. — Спб., 1862.

119. *Дубасов И.И.* Очерки истории Тамбовского края. — Вып.4. — Тамбов, 1887.

120. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение к II тому сборника “Столетие Вятской губ.”. — Вятка, 1881.

121. *Дунаев Б.И.* Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI ст. — М., 1916.

122. Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С.В.Бахрушина. — М., 1909.

123. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

124. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. — М.: Наука, 1985.

125. *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI—XVII вв. (Хронологический перечень документов). — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980.

126. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. (управление Казанским краем). — Казань: Изд-во КГУ, 1982.

127. Ете ырыу // Башкорт халык ижады. — Т.II. Риүәйәтләр. Легендалар. — Өфө: Китап, 1997. — 107 б.

128. Ете ырыу // Башкорт халык ижады. Эпос. Өсенсе китап. — Өфө, 1982. — 149—150 бб.

129. *Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX — начала XX века. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

130. Жалованная грамота князю Янгличу 1539 г. // Известия ТУАК. — Вып.41. — Тамбов, 1897. — С.147—148.

131. Житие преп. отца Трифона Вятского чудотворца. Памятник русской духовной письменности XVII в. (приложение к “Православному собеседнику”). — Казань, 1868.

132. *Жирмунский В.М.* Тюрский героический эпос. — Л.: Наука, 1974.

133. *Жунисбаев К.* Кадыргали Джалаири // Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII—XIX вв.). — Алма-Ата, 1965. — с.204—218.

134. Записки ООИД. — Т.5. — Одесса. 1863.

135. Записка Оренбургского губернского правления по вопросам управления разными группами населения Башкирии // Материалы по истории Башкирской АССР. — Т.5. — М., 1960. — С.581, № 444.

136. Записки А. Илларионовича // Известия ТУАК. — Вып.49, т.1. Материалы для истории Тамбовской епархии Н.И.Орлова. — Тамбов, 1904. — С.163—226.

137. *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // Исторические записки, 1958. — Т.68. — С.180—205.

138. *Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. — М.: Мысль, 1991.

139. Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (очерки социально-политической истории). — М.: Мысль, 1982.
140. *Ибрагимов С.* “Шейбани наме” Бенаи как источник по истории Казахстана XV в. // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. — Т.1. — Алма-Ата, 1959. — С.190—207.
141. *Иероним.* Рязанские достопамятности, собранные архимандритом И. с примечаниями Добролюбова. — Рязань, 1989.
142. Из “Булгарсих повествований” Хюсам-Эдина Булгарского // История Татарии в документах и материалах. — М., 1937. — С.42—45.
143. Из истории башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды ПУАК. — Вып. III. — Пермь, 1893. — С.77—78.
144. Из летописи с. Старое Ермаково. Рукопись из личного архива автора.
145. Из послания Ивана Васильевича к князю Курбскому // Русская историческая библиотека. — Т.31. — Спб., 1914.
146. Известия ТУАК. — Вып.27. — Тамбов, 1890; Вып.29. — Тамбов, 1890; Вып.34. — Тамбов, 1892; Вып.35. — Тамбов, 1893; Вып.40. — Тамбов, 1895; Вып.46. — Тамбов, 1902; Вып.49. — т.1. Материалы для истории Тамбовской епархии Н.И.Орлова. — Тамбов, 1904.
147. *Измайлов И.* “Казанское взятие” и имперские притязания Москвы (очерк истории становления имперской идеологии) // Мирас, 1992, № 10. — С.50—62.
148. *Измайлов И.* Мозаика из осколков истории // Татарстан, 1996, № 12. — С.68—82.
149. *Измайлов И.* Лукавое обаяние дилетантизма // Татарстан, 1997, № 12. — С.30—45.
150. *Измайлов И.Л.* Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды // Из истории Золотой Орды. — Казань, 1993. — С.17—32.
151. *Измайлов И.* Татары средневековья. Этнополитическое самосознание населения Золотой Орды // Татарстан, 1992, № 11—12.
152. *Измайлов И.* Улус Джучи: взгляд на историю средневековой империи // Татарстан, 1993, № 7. — С.39—48; № 8. — С.37—44.
153. *Износков И.А.* Список населенных мест Мамадышского уезда // Труды IV Археологического съезда в России. — Т.1. — Казань, 1884. — С.116—148.
154. Изъяснение И.К.Кириллова о территории и внутреннем разделении Уфимского уезда (1735) // Материалы по истории Башкирской АССР. — Т.3. — М.-Л., 1949. — С.493, № 549.
155. *Илюшенко С.И.* О распространении этнонима алат на территории Средней Азии // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тез. докл. 29 сессии ПИАК (РΙΑС). — Ташкент, сентябрь 1986 г. — ч.1. История, литература, искусство. — М., 1986. — С.31—32.
156. *Инальчик Х.* Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб Гирея // Панорама-Форум, 1995, № 5. — С.73—94.
157. *Иоанн.* Сказание о первом жительстве монахов в пустыне на Старом Городище, где ныне стоит Саровская пустынь // Известия ТУАК, Вып.49, т.1. Материалы для истории Тамбовской епархии Н.И.Орлова. — Тамбов, 1904. — С.3—162.
158. *Иовий Павел Новокомский.* Посольство от Василья Иоановича, великого князя Московского к Папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей России. — Т.1. — Спб., 1836. — С.11—55.
159. Ислам в татарском мире: история и современность (Материалы между-

- народного симпозиума, Казань 29 апреля — 1 мая 1996 г.). — Казань, 1997.
160. Исторические материалы // Известия ТУАК. — Вып.29. — Тамбов, 1890. — С.747—69.
161. Исторические материалы. Документы бывшего Темниковского Пурдышского монастыря // Известия ТУАК. — Вып.28. — Тамбов. — 1890. — С.109—137.
162. Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник РИО. — Т.8. — Спб., 1871.
163. Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник РИО. — Т.32. — Спб., 1881.
164. Историческое предание об образовании пермских татар // Пермские татары. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1983. — С.161—163.
165. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. — Уфа, 1997.
166. История князя А.Курбского // Сказания князя Курбского. — Т.1. — Спб., 1833.
167. История Татарии в документах и материалах. — М., 1937.
168. История Татарской АССР. — Т.1, Казань, 1951.
169. История Татарской АССР. — Т.1, Казань, 1955.
170. История Татарской АССР. — Казань, 1968.
171. История Чингиз хана и Тамерлана // Труды ОУАК. — Вып.19. — Оренбург, 1907. — С.115—157.
172. История Чувашской АССР. — Т.1. — Чебоксары, 1983.
173. *Исхаков Д.М.* Патронимия у чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1978. — С.60—67.
174. *Исхаков Д.М.* Таблица социально-этнического состава населения Карино и его окрестностей в конце XV—XVII вв. // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1978. — С.10.
175. *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркского этносов // Изучение преемственности этно-культурных явлений. — М., 1980. — С.16—38.
176. *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII—XIX вв. Этностатистическое исследование. — Дис. канд. ист. тор. наук. — М., 1981.
177. *Исхаков Д.М.* Татарское население города Казани во второй половине XVI — начале XX вв. // Новое в археологии и этнографии Татарии. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1982. — С.74—84.
178. *Исхаков Д.М.* Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. — Казань: КФ АН СССР, 1985. — С.36—65.
179. *Исхаков Д.М.* К вопросу об “остячком” компоненте пермских татар и его связи с носителями сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. — Уфа: БФ АН СССР, 1986. — С.114—121.
180. *Исхаков Д.М.* О ранних этапах этнической истории групп татар и башкир с локальным самоназванием “кыргыз” и “елан” // Тюркология-88. Тез. докл. и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции (7—8 сентября 1988 г.). — Фрунзе: Илим, 1988. — С. 520—522.
181. *Исхаков Д.М.* Взгляд на формирование нации // Советская Татария: перестройка и межнациональные отношения. — Казань, 1990. — С.65—70.
182. *Исхаков Д.М.* Остяцкая земля: локализация и население в XV—XVII вв.

// Congress septimus internationalis Finno-Ugristarum. — V.4. Sessiones sectionum dissertationes. Ethnologica et folclorica. — Debrecen, 1990. — С.386—391.

183. *Исхаков Д.М.* Расселение и численность пермских татар в XVIII — начале XX вв. // Историческая этнография татарского народа. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1990. — С.5—30.

184. *Исхаков Д.М.* Астраханские татары: этнический состав, расселение и динамика численности в XVIII — начале XX вв. // Астраханские татары. — Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. — С.5—33.

185. *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). — Казань, 1993.

186. *Исхаков Д.М.* Введение в историческую демографию волго-уральских татар. — Казань, 1993.

187. *Исхаков Д.М.* О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. — Казань, 1993. — С.134—142.

188. *Исхаков Д.М.* Динамика численность и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI — начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С.257—297.

189. *Исхаков Д.М.* О происхождении “арских князей” и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Закавказье: проблемы истории и культуры. — Казань, 1995. — С.95—98.

190. *Исхаков Д.М.* Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки. (Комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). — Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995. — С.4—18.

191. *Исхаков Д.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV — сер. XVI вв.) // Панорама-Форум, 1995, № 3. — С.95—107.

192. *Исхаков Д.* И снова об этнониме: татары или болгары? // Татарстан, 1996, № 11. — С.44—51.

193. *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. — Казань, 1997.

194. *Исхаков Д.* Ключевой этап татарской истории // Татарстан, 1997, № 3. — С.14—19.

195. *Исхаков Д.* Чора батыр — кто он? // Татарстан, 197, № 12. — С.24—29.

196. Идегэй. Татар халык дастаны. — Казан, 1988.

197. *Исхаков Д.* Нократ татарлары // Казан утлары, 1990, № 3. — 175—179 б. б.

198. *Исхаков Д.М.* Пермь татарлары // Казан утлары, 1991, № 8. — 171—178 бб.

199. *Исхаков Д.М.* Идел-Урал буе һәм Себер татарларның этник тарихларын дагы уртаклыклар (Болгар, Алтын Урда һәм Татар ханлыклары чорлары) // Мирас, 1981, № 3. — 78—93 бб.

200. *Исхаков Д.М.* Тарихи туганлык, этник берлек (Көнбатыш Себер һәм Идел-Урал буе татарлары тарихыннан) // Татарстан, 1993, № 2. — 78—93 бб.

201. *Исхаков Д.* Казан ханлыгы тархының билгесез битләре // Мирас, 1993, № 10. — 42—49 бб.

202. *Ишморат Р.* Гомер сукмаклары. Истәлекләр. — Казан, 1987.

203. *Казаков Е.П.* О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1987. — С.79—87.

204. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. — М.: Наука, 1978.

205. *Казаков Е.П.* О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. — Уфа: БФ АН СССР, 1987. — С.67—75.
206. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. — М.: Наука, 1978.
207. Казанская история. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
208. *Калмыков И.Х.* Из истории ногайцев Дагестана, Терека и Ставропольской губернии в 19 — нач. 20 в. // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкессии. — Черкесск, 1985. — С.78—110.
209. *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк. — Черкесск, 1988.
210. *Кампензе А.* Письмо к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. — т.1. — Спб., 1836.
211. *Каховский В.Ф.* Волжская Болгария и формирование чувашской народности // Древности Восточной Европы. — М., 1969. — С.74—84.
212. *Керейтов Р.Х.* Ногайская Орда и вопросы ее этнического состава // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. — Махачкала, 1993. — С.19—28.
213. *Киреев А.Н.* Этногенетические легенды и предания башкирского народа // Археология и этнография Башкирии. — Т.4. — Уфа, 1971. — С.60—63.
214. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. — ч.III. — М.: Мысль, 1988.
215. Книга Большому Чертежу. — М.-Л., 1950.
216. Книга окладная Шацкого города и Кадома и всея Шатския и Кадомския десятины дозору и окладу 184г. // Известия ТУАК. — Вып.42. — Тамбов, 1897. — С.144—272.
217. Книги сошного письма Пермские-Чердынские и Чердынского уезда письма и меры Ив.И.Яхонтова да подъячего Т.Карпова 87г. (1579 г.) с некоторыми пояснениями Вас.Шишонко. Извлечено из Пермских губернских известий 1878 и 1879 гг.
218. *Ковалев Г.Ф.* История русских этнических названий. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1982.
219. *Комиссаров Г.* Чувашия Казанского Заволжья. — Казань, 1911.
220. Копия с грамоты князю Еникею 1539 г. // Известия ТУАК. — Вып.23. — Тамбов, 1889. — С.23—25.
221. Копия с Шатской писцовой книги 7131 г. князя Ф.Чеботова о владениях в Верхоценской волости // Известия ТУАК. — Вып.37. — Тамбов, 1893. — С.82—130.
222. *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. Карты всей России и западных ея областей до конца XVIII в. — Вып.1. — Киев, 1893; Вып.2. — Киев, 1910.
223. *Коротков А.А.* К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. — № 5. — Баку, 1928. — С.71—79.
224. *Кочкаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV—XVIII вв. — Алмата: Наука, 1988.
225. *Краснов Ю.А.* Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // Советская археология, 1974, № 3. — С.112—124.
226. *Кривошекова-Гантман А.С.* Откуда эти названия. — Пермь, 1973.
227. *Кузеев Р.* Очерки исторической этнографии башкир (родо-племенные

организации башкир в XVII—XVIII вв.). — Уфа, 1957.

228. *Кузеев Р.Г.* Новые источники о присоединении Башкирии к Русскому государству // Материалы научной сессии, посвященной 400-ю присоединения Башкирии к Русскому государству. — Уфа, 1958. — С.3—23.

229. *Кузеев Р.Г.* К этнической истории башкир в конце I — начале II тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. — Т.3. — Уфа, 1968. — С.228—248.

230. *Кузеев Р.Г.* Роль исторической стратификации родоплеменных названий в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии (Доклад, представленный на IX МКАЭН). — М., 1973.

231. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. — М.: Наука, 1974.

232. *Кузеев Р.Г.* Этнические процессы и ступени консолидации тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона (эпохи феодализма и капитализма). — Уфа, 1987.

233. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. — М.: Наука, 1992.

234. *Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н.* Основные этапы этнической истории башкир в XVII — начале XX вв. // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982—1983 гг. /Тез. докл. — ч.I. — Черновцы, 1984. — С.84—85.

235. *Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Е.* Об этнических связях тюркских народов севера Евразийских степей в эпоху средневековья и новое время // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. — Омск, 1984. — С.6—13.

236. *Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н.* Ареальные методы выделения этнографических групп на территории Башкирии в XVII—XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тез.V конференции на тему: Проблемы атласной картографии. — Уфа, 28—30 января 1985 г. — Уфа: БФ АН СССР, 1985. — С.98—100.

237. *Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М., Моисеева Н.Н.* Этнические процессы в Башкирии в XVII—XIX вв. // Вопросы советской тюркологии. — Тез. докл. и сообщений IV Всесоюзной тюркологической конференции. — Ашхабад, 1985. — С.283—285.

238. *Кузеев Р.Г., Шитова С.Н.* Башкиры. Историко-этнографический очерк. — Уфа, 1963.

239. *Кузеев Р.Г., Юлдашбаев Б.Х.* 400 лет вместе с русским народом. — Уфа, 1957.

240. Кунгурские акты XVII в. (1668—1699). — Спб., 1888.

241. Кунгурские писцовые книги татар письма и меры Михайло Кайсарова 1623—1624 гг. с некоторыми современными пояснениями Вас. Шишонко // Шишонко Вас. Писцовые книги Пермской губернии Соликамского и Кунгурского уездов. — Пермь, 1872. — С.119—150.

242. *Курбатов А.* Шадчане у государева дела в первой половине XVII столетия // Известия ТУАК. — Вып.39. — Тамбов, 1895.

243. *Куртин Б.А.* Татары касимовские и татары ЦПО // Культура и быт населения Центральной промышленной области. — М., 1929. — С.135—148.

244. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X—XIV вв. — М.: Наука, 1984.

245. *Кушева Е.Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. // Исторические записки, 1950, № 34. — С.236—287.

246. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
247. *Караужа* // Татар халык иҗаты. Риваятьләр һәм легендалар. — Казан, 1987. — 160 б.
248. *Кол-Шәриф.* И күңел, бу дөньядыр. — Казан, 1997.
249. *Кърымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы.* Хрестоматия. Ташкент, 1991.
250. *Күсәк бей (кыпсак версияһы)* // Башкорт халык иҗады. Эпос. Икенсе китап. Өфө, 1973. — 293—320 бб.
251. *Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической УАК. — № 23, 1895. — с.118—130.
252. *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической УАК. — № 21, 1884. — С.59—89; № 22, 1895. — С.35—116; № 23, 1895. — С.71—129; № 24. — 1896. — С.35—138; № 25, 1896. — С.29—158; № 26, 1897. — С.24—154.
253. *Лашков Ф.Ф.* Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды IV Археологического съезда в Одессе в 1884 г. — Т.IV. — Одесса, 1889. — С.96—110.
254. *Лебедев В.* Загадочный г.Мохши. — Пенза, 1958.
255. *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. — Саратов, 1986.
256. *Летопись Троицкой церкви села Монастырского Урея Лаишевского уезда* // Известия по Казанской епархии, 1869, № 11. — С.336—347.
257. *Летопись Сибирская.* Издание по рукописи XVII в. — Спб., 1821.
258. *Литвин Мих.* О нравах татар, литовцев и москвитян // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып.1 (XVI ст.). — Киев, 1890. — С.4—58.
259. *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. — Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
260. *Мажитов Н., Султанова А.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. — Уфа, 1994.
261. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII—XIV вв. — М.: Наука, 1977.
262. *Малов Е.А.* Сведения о мишарях. — Казань, 1885.
263. *Мартынов П.* Селения Симбирского уезда (материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). — Симбирск, 1904.
264. *Материалы для истории местного края* // Труды Пензенской УАК. — кн.1. — Пенза, 1903. — С.161—178.
265. *Материалы исторические и юридические бывшего Приказа Казанского Дворца.* — Т.1. Архив князя В.И.Баюшева. — Казань, 1882.
266. *Материалы по истории Башкирской АССР.* — ч.1. — М.-Л., 1936.
267. *Материалы по истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства.* — Т.1 // Известия ТУАК. — Вып.47. — Тамбов, 1904.
268. *Материалы по истории Татарской АССР.* Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. — Л.: Изд-во АН СССР, 1932.
269. *Махмутова Л.Т.* Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. — М.: Наука, 1978.
270. *Мельников А.* Акты исторические и юридические и древния царския грамоты Казанской и других соседственных губерний. — Т.1. — Казань, 1859.
271. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

272. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. — Чебоксары, 1972.
273. *Можаровский А.Ф.* Где исать в наше время потомков тех Можар, которые в 1551 г. среди поля Арского бились с казанцами верные присяге Русского государству? // Труды четвертого археологического съезда в России. — Т.1. — Казань, 1884. — С.17—20.
274. Молькеевские кряшены. — Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1993.
275. *Мустафина Д.* Послание царя Казанского // Гасырлар авызы. Эхо веков, 1997, № 1/2. — С.26—38.
276. *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. — М.: Наука, 1983.
277. *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. — М.: Наука, 1972.
278. *Мухамедова Р.Г.* Основные этнические компоненты в составе татар-мишарей по данным этнографии // Итоговая научная сессия ИЯЛИ КФ АН СССР за 1970 г. Тез. докл. — Казань, 1971. — С.119—123.
279. *Мухамедова Р.Г.* Чепецкие татары (Краткий исторический очерк) // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1978. — С.5—17.
280. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Рец. на кн.: “Материалы по истории Татарии”. — Вып. I. — Казань: ИЯЛИ АН СССР. — 1948 // Вопросы истории, 1950, № 4. — С.143—146.
281. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности // VIII МКАЭН. — Т.2. Этнология. — Токио и Киото, 1968. — С.53—56.
282. *Мухаметшин Д.Г.* Эпиграфические памятники Казанского ханства как исторический источник // Из истории Золотой Орды. — Казань, 1993. — С.118—133.
283. *Мәрдәншин Г.* Халыкны берләштерүче бәйрәм. Кама арьягы жыеннары / / Идел, 1995, № 6. — 56—58 бб.
284. *Мәржәни Ш.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — Казан, 1989.
285. *Мөхәммәдьяр.* Нуры содур. — Казан, 1997.
286. *Назаров П.С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение, 1890, № 1. — С.164—192.
287. *Нарцов А.Н.* Историко-археологическая карта Тамбовской губернии // Известия ТУАК. — Вып.50. — Тамбов, 1905. — С.59—101.
288. *Нарцов А.Н.* Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 года // Известия ТУАК. — Вып.46. — Тамбов. — 1902. — С.54.
289. *Насыри К.* Избранные произведения. — Казань, 1977.
290. *Небольсин П.И.* Очерки Волжского Низовья // ЖМВД, ч.37, кн.5 (май), 1852. — С.205—245.
291. *Небольсин П.* Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник РГО. — ч. I, кн. I (IV). — Спб., 1852. — с.1—34.
292. *Немет Ю.* Специальные проблемы татарского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания, 1963, № 6. — С.126—136.
293. *Немет Ю.* Венгерские племенные названия у башкир // Археология и этнография Башкирии. — т.4. — Уфа, 1971. — С.249—262.
294. *Николаевский М.Ф.* Историко-археологические наброски о Шацком уезде // Известия ТУАК. — Вып.56. — Тамбов, 1915. — С.72—75.

295. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. — М., 1948.
296. *Нәзерголов М.Х.* Кара-табын ыруы шәжәрәһе // Башкирские шежере (филологические исследования и публикации). — Уфа, 1985. — 77—87 бб.
297. *Нәрік* // Батырлар жыры. — Т.5. Кырымнын кырык батыры (Мурын жыраудан жазылган муралар). — Алматы: Жазушы, 1989. — 306—336 бб.
298. О Чаллинском городище в Лаишевском уезде, близ д.Чаллы, Шумбутской волости. Сообщение члена-сотрудника, муллы д.Кугарчина М.Б.Зайтова // Известия ОАИЭ, т.3. — Казань, 1884. — С.277—280.
299. *Оборин В.А.* К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа / Из истории Урала. — Свердловск, 1960. — С.28—38.
300. *Оборин В.А.* О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // Археология и этнография Башкирии. — Т.2. — Уфа, 1964. — С.130—135.
301. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В.В.Радловым. — Ч.VII. Наречия Крымского полуострова. — Спб., 1896.
302. Окружная грамота Михаила Федоровича в Пермь // Известия ТУАК. — Вып.46. — Тамбов, 1902. — С.74—80.
303. Опись делам 1732 г. // Известия ТУАК. — Вып.37. — Тамбов, 1893. — С.32—137.
304. Опись делам // Известия ТУАК. — Вып.34. — Тамбов, 1892. — С.61—209.
305. Опись Рязанского исторического архива. Древние акты и грамоты // Труды РУАК. — Т.6, № 3. — С.37—41.
306. Опись делам исторического архива, оставленная П.И.Пискаревым // Известия ТУАК. — Вып.28. — Тамбов, 1890. — С.86—137.
307. Опись делам Шацкого архива, составленная П.И.Пискаревым. Приложение к описи. Приложение I. // Известия ТУАК. — Вып.24. — Тамбов, 1889. — С.10—48.
308. *Осокин И.М.* К вопросу о миссионерской деятельности преподобного Трифона // Труды РУАК. — Вып.6. — Пермь, 1904. — С.17—49.
309. Отводная грамота на спорные земли в Гороховском уезде (сообщил Д.Беляев) // Временник МОИДР. — кн. 18. — М., 1854. — С.33—56.
310. *Пекарский П.П.* Когда и для чего основали города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. — Т.Х, № 5. — Спб., 1872. — С.1—29.
311. Переписные книги князя Дашкова 1678 г. (с примечаниями Вас. Шишонко). — Пермь, 1879—80 гг.
312. *Перетякович Г.И.* Поволжье в XV—XVI вв. Очерки из истории края и его колонизации. — М., 1877.
313. *Перетякович Г.* Поволжье в XVII и в начале XVIII вв. (Очерки истории колонизации). — Одесса, 1882.
314. Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Публикация текста. — Казань, 1978.
315. Писцовая книга Кайсарова 1623—24 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых. Выпись с писцовых книг Андрея да Петра Семеновых детей, да Ивана да Максима Максимовых детей Строгановых вотчин их, письма и меры Мих. Кайсарова да дьяка М.Мартемьяновича, да подъячих И.Леонтьева да Ар.Бреева 131 и 132 гг. // Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. — Вып.4. — Пермь, 1892. — С.133—135.

316. Писцовые книги Рязанского края. — Т.1, Вып.3. — Рязань, 1904.
317. Писцовые книги XVI в. — Отд.1. — Спб., 1872.
318. Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси // ПСРЛ. — Т.14, первая половина. — Спб., 1910.
319. ПСЗ. — Т.2., Собр.1. — Спб., 1830.
320. ПСЗ. — Т.5. 1715—1719. — Спб., 1830.
321. ПСЗ. — Т.22, 1784—1788. — Спб., 1830.
322. *Поноженко Е.А.* Политический строй ногайцев в XV — середине XVII в. // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук, 1987, № 6. — С.33—41.
323. *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губ. — Ч.III. — Спб., 1813.
324. *Преображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII вв. — М., 1956.
325. Представление Переводчика Уфимской провинциальной канцелярии К.Уракова // МИБ. — т.3. — М.-Л., 1949. — С.556, № 577.
326. Приложение к описи дел Межевого департамента, составленной г.Дьяконовым // Известия ТУАК. — Вып.26. — Тамбов, 1890. — С.49—72.
327. Происхождение казанских татар. Материалы сессии отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с ИЯЛИ КФ АН СССР, 25—26 апреля 1946 года в г.Москве (по стенограмме). — Казань: Татгосиздат, 1948.
328. Прощение мишарских депутатов (1794 г.) // МИБ. — т.5. — М., 1960. — С.574—575, №.447.
329. *Полесских М.Р.* Исследование памятников типа Золотаревского городища // Археология и этнография Татарии. — Вып.1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С.202—217.
330. *Полесских М.Р.* Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. — Пенза, 1970.
331. *Полесских М.Р.* Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Археологические очерки. — Пенза, 1977.
332. ПСРЛ. — Т.9—10, 11—12,13. Патриаршая или Никоновская летопись. — М.: Наука, 1965.
333. ПСРЛ. — Т.15, Вып.1. Рогожский летописец. Тверской сб. — М.: Наука, 1965.
334. ПСРЛ. — Т.19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). — Спб., 1903.
335. ПСРЛ. — Т.20. Львовская летопись. — Ч.1. — Спб., 1910.
336. ПСРЛ. — Т.27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. — М.-Л.: Наука, 1962.
337. ПСРЛ. — Т.28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
338. ПСРЛ. — Т.36. Сибирские летописи. — Ч.1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987.
339. ПСРЛ. — Т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв. — Л.: Наука, 1982.
340. *Попов А.И.* Названия народов СССР. Введение в этнонимику. — Л.: Наука, Ленингр. отд. — 1973.
341. *Порфирьев С.И.* Роспись служилым людям 1637 г. // Известия ОАИЭ. — Т.28, Вып.4—5. — Казань, 1912. — С.465—467.
342. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. — М.: АН

СССР, Ин-т истории СССР, 1984.

343. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489—1549 гг. — Махачкала, 1995.

344. *Потанин Г.Н.* У вотяков Елабужского уезда // Известия ОАИЭ. — Т.3. — Казань, 1884. — С.189—259.

345. ПДРВ. — Ч.VII. — Спб., 1791; ч.VIII. — Спб., 1793; ч.IX. — Спб., 1793; ч.X. — Спб., 1795; ч.XI. — Спб., 1801.

346. *Радлов В.В.* Заметка к реферату (А.Ф.Можаровского) // Труды четвертого археологического съезда в России. — Т.1. — Казань, 1884. — С.18—20.

347. Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргис-кайсацких ордах, 1762 год. Сведения о роде Тевкелевых и о службе генерал-майора Алексея Ивановича Тевкелева (Сообщено В.Ханыковым) // Временник МОИДР, кн.13. — М., 1852. — С.15—21.

348. *Рамазанова Д.Б.* Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. — Казань, 1984.

349. *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования пермских татар // Пермские татары. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1983. — С.137—154.

350. *Рамазанова Д.Б.* Общие моменты лексики говора пермских татар с восточно-тюркскими языками // Источниковедение и история тюркских языков. — Казань, 1978. — С.107—115.

351. *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования говора пермских татар. — Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1996.

352. *Рамазанова Д.Б.* К вопросу истории заселения Закамья татарами и формирования некоторых прикамских говоров татарского языка // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. — Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1990. — С.20—35.

353. *Рамазанова Д.Б.* К вопросу об истории формирования татарских говоров северо-западной Башкирии (дополнительные материалы) // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. — Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. — С.70—79.

354. *Рахим А.* Булгаро-татарские памятники в Вятском крае // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. — Вып.4. — Казань, 1930. — С.49—57.

355. *Рахматуллин У.Х.* Крестьянское заселение Башкирии XVII—XVIII вв. / Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII — начала XX вв. — Уфа: БФ АН СССР, 1981. — С.3—26.

356. *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII—XVIII вв. — М.: Наука, 1988.

357. *Рахматуллин У.Х.* Повинности башкир в XVII — первой половине XVIII в. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII — начале XX вв. — Уфа: БФ АН СССР, 1981. — С.26—44.

358. Родословная книга // Временник МОИДР. — кн.10. — М., 1851. — С.1—286.

359. Родословная книга, издаваемая кн. П.Долгоруковым. — Ч.II. — Спб., 1855.

360. Розряды // ДРВ. — Ч.XIV. — М., 1790. — С.292—324.

361. *Руденко С.И.* Башкиры. историко-этнографические очерки. — М.-Л., 1955.

362. Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. — Спб., 1875.

363. *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV — начала XVI вв. — М.:

Наука, 1974.

364. *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730—1750). — Оренбург, 1896.
365. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губ. (Соч. П.И.Рычкова 1762 г.). — ч.1. — Оренбург. — 1887.
366. *Сафаргалиев М.Г.* Заметка о буртасах // Ученые зап. Мордовского НИИ при Совете Министров Морд. АССР. — Саранск, 1951. — С.88—96.
367. *Сафаргалиев М.Г.* К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях) // Труды НИИ ЯЛИЭ при Сов. Министров Мордовской АССР. — Вып.24. Серия историческая. — Саранск, 1963. — С.64—79.
368. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960.
369. *Сафаргалиев М.* Один из спорных вопросов истории Татарии // Вопросы истории, 1951, № 7. — С.75—80.
370. Сборник РИО. — Т.95. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — Т.3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. 1508—1521 гг. Под ред. Г.Ф.Карпова и Г.Ф.Штендмана. — Спб., 1895.
371. Сборник РИО. — Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турциею. — Т.1. С 1474 по 1505 гг. Эпоха свержения монгольского ига в России. — Спб., 1884.
372. *Скворцов М.И.* Об использовании ономастического материала старорусских документов в ИЭСЧЯ // Проблемы составления этимологического словаря определенного языка. — Чебоксары, 1986. — С.87—100.
373. *Смирнов И.Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк // Известия ОАИЭ. — Т.10, Вып.3. — Казань, 1892. — С.300—322.
374. *Смирнов М.И.* О князьях мещерских XIII—XV вв. // Труды РУАК за 1903 г. — Т.18. Вып.2. — Рязань, 1904. — С.161—196.
375. Собрание государственных грамот и договоров. — ч.2. — М., 1819.
376. *Соколов А.* Материалы исторические. Письмо князя Ивана Бокаевича Ширинского к родственнику его в Казань // Известия ОАИЭ. — Т.11, Вып., — Казань, 1893. — С.283—285.
377. *Соколов Н.* Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды ОУАК. — Вып.4, Оренбург, 1898. — С.45—65.
378. *Соколов Ф.С.* Географический словарь Тамбовской губернии в конце 18 и в начале 19 столетий // Известия ТУАК. — Вып.46. — Тамбов, 1902. — С.1—82.
379. *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. — кн.3, Т.5—6. — М.: Мысль, 1989.
380. Список отводной записи 1596 г. // Известия ТУАК. — Вып.28. — Тамбов. 1896. — С.117.
381. Список грамоты 1694 г. // Действия НУАК. — Т.2. Вып.15. — Нижний Новгород, 1895. — С.1—13.
382. Список с писцовой и межевой книги г.Свияжска и уезда письма и меры Н.В.Борисова и Д.А.Кикина 1565—1567 гг. — Казань, 1909.
383. Список с писцовых книг по г.Казани с уездом, издан Советом Казанской Духовной Академии к IV Высочайше разрешенному археологическому съезду в Казани. — Казань, 1877.
384. *Спицын А.* Вятская старина. 1. Татары в истории Вятского края. — Вятка, 1884.
385. *Спицын А.* Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь Вятской губернии на 1884 г. — Вятка, 1883. — С.145—187.
386. *Сорокин П.* Вятский край в настоящем и прошлом. Словарь местного говора. — Вятка, 1894.

387. *Сорокин П.* Арские князья в Карине // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1895 год. — Вятка, 1894. — С.45—70.
388. Сочинения князя Курбского. — Т.1. // Русская историческая библиотека. — Т.31. Спб.,1914.
389. Старотатарская деловая письменность. — Казань,1981.
390. *Степанов Р.Н.* К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. Серия право, история, филология. — Казань, 1964. — С.52—70.
391. *Степанов Р.Н.* Первый этап в политике царизма по переводу служилых татар из военного сословия в податное (Конец XVII — первая четверть XVIII в.) // Итоговая научная аспирантская конференция за 1964 г. Тез.докл. — Казань: Изд-во КГУ, 1964. — С.129—132.
392. *Степанов Р.Н.* К вопросу о тарханах и некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. Вторая научная конференция молодых ученых г.Казани, 27—28 марта 1964 г. — Казань: Изд-во КГУ, 1966. — С.94—110.
393. Столетие Вятской губернии. — Т.2. — Вятка, 1881.
394. Столетие Вятской губернии. 1780—1880. Сборник материалов к истории Вятского края. — Вятка, 1880.
395. *Струминский В.Я.* Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца, с предисловием и примечаниями. // Труды ПУАК. — Вып.9. — Пермь,1905. — С.55—75.
396. *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). — М.:Наука, 1982.
397. *Султанов Т.И.* Опыт анализа традиционных списков 92 “племен илатьи” // Средняя Азия в древности и средневековье. (история и культура) — М.,1977. — С.165—176.
398. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы. // Учен. зап. Московского ун-та. — Вып.61. История. — Т.2,1940. — С.3—71.
399. *Саттаров Г.Ф.* Татарстан АССРның антропонимнары (Татарстан авылларының исемнәре). — Казан, 1973.
400. Сэхип Гэрэй хан ярлыгы // Борынгы татар әдәбияты. — Казан,1963. — 354—355 бб.
401. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. — М.: Наука, 1967.
402. Тарих-и Абду-л Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. — Алмата,1969.
403. *Теллоухов А.Ф.* Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки УОЛЕ. — т.39. — Свердловск, 1924. — С.81—112.
404. *Телляшина Т.И.* Язык бесермян. — М.: Наука, 1970.
405. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — т.II. Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г.Тизенгаузен и обработанные А.А.Ромасковичем и С.П.Волиным. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
406. Толковая Палея 1477 г. Воспроизведение синодальной рукописи №210. — Вып.1. — М.,1892.
407. *Толстов С.П.* Итоги и перспективы этнографического изучения национальных групп Нижегородской губернии // Культура и быт населения Центральной промышленной области. — М.,1929. — С.149—161.
408. *Томилев Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в

конце XVI — первой четверти XIX вв. — Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1981.

409. *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV—XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. (Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана, №2). — Уфа, 1997.

410. *Трепавлов В.В.* Нуредины Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. — Махачкала, 1993. — С.43—61.

411. *Трепавлов В.В.* Тайбуга. “На Мангытском юрте третий государь” // Татарика, №1 (зима), 1997/98. — С.96—107.

412. Труды Воронежской УАК. — Вып. V. — Воронеж, 1914.

413. Труды Вятской УАК. — Вып. 3. — Вятка, 1905.

414. *Тумашева Д.Г.* Этнические связи западносибирских татар (по материалам топонимии и антропонимии) // Советская тюркология, 1987. №2. — С.38—51.

415. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. — т.1. — Казан, 1977.

416. Татар халык ыжаты. Риваятьләр һәм легендалар. — Казан, 1987.

417. Тегис, Көгис // Батырлар жыры. — Т.5. Кырымнын кырык батыры. (Мурын жураудан жазылган муралар). — Алматы: Жазушы, 1989. — С.259—270.

418. *Уразман Р.* Татар халкының йолалары һәм бәйрәмнәре. — Казан, 1992.

419. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме /Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П.Юдина. Комментарии и указатели М.Х.Абусеитовой. — Алма-Ата: Гылым, 1992.

420. *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии к Московскому государству. — Уфа, 1949.

421. *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. — Уфа, 1960.

422. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. — Казань: Изд-во КГУ, 1979.

423. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. — Изд-во Казанского ун-та, 1972.

424. *Учок Бахрие.* Женщины-правительницы в мусульманских государствах. — М., 1982.

425. XVII йөз татар әдәбияты // Татар әдәбияты тарихы. — т.1. Урта гасыр дәвәре. — Казан, 1984. — 332—386 бб.

426. *Усманов М.* Каурый каләм эзеннән. Археограф язмалары. — Казан, 1984.

427. *Фасеев Ф.С.* Основные этапы и компоненты формирования этноязыковой общности татарской нации // Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50-ю СССР /Тез. докл. — Казань, 1972. — С.57—62.

428. *Фаттахутдинова А.* Башкирские шежере. (Краткое археографическое описание) // Башкирские шежере (Филологические исследования и публикации). — Уфа: БФ АН СССР, 1985. — С.88—128.

429. *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. — М.: Наука, 1984.

430. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. — Казань, 1975.

431. *Фахрутдинов Р.Г.* К вопросу о болгаро-башкирских взаимоотношениях // Археология и этнография Башкирии. — т.4. — Уфа, 1971. — С.98—102.

432. *Фахрутдинов Р.* Золотая Орда и татары. Что в душе у народа. — Набережные Челны, 1993.

433. *Фахрутдинов Р.* Проблема формирования татарской народности в современной исторической науке // Ислам и этническая мобилизация: нацио-

- нальные движения в тюркском мире. — Москва, 1998. — С.89—105.
434. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973.
435. *Федорова Н.В.* Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1990. — С.131—142.
436. *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угрофиннов Поволжья и Перми. — ч.1. Чувашско-марийские связи. — Чебоксары, 1965.
437. *Феокистов В.* Историческое описание Тамбовской губернии // Известия ТУАК. — Вып.55. — Тамбов, 1913. — С.1—52.
438. *Фәхретдинов Р.* Алтын Урда һәм татарлар. — Чаллы, 1993.
439. *Фәхретдинов Р.* Татары угьлы татармын. — Чаллы, 1993.
440. *Фәхретдинов Р.* Татар татармы, татар түгелме? // Мирас, 1992, № 12, 53—58 бб.
441. *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. — Казань, 1989.
442. *Халиков А.Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья // Археология и этнография Татарии. — Вып.1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С.7—36.
443. *Халиков А.Х.* Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Башкирии. — т.4. — Уфа, 1971. — С.30—37.
444. *Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. — Казань: Изд-во “Фэн”, 1994.
445. *Халиков А.Х.* Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар // Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1971. — С.113—116.
446. *Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань, 1978.
447. *Халиков Н.А.* Хозяйство (середина XIX — начало XX вв.) // Пермские татары. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1983. — С.19—42.
448. Хафиз-и Таньши ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи Шахи. — ч.1. — М.: Наука, 1983.
449. *Хисамова Ф.М.* XVIII йөздәге татарча эш кәгазләренә тел үзгәрткәнләре. — Казан, 1981.
450. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. — М.: Наука, 1984.
451. *Худяков М.* Казань в XV—XVI столетиях // Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. — Л.: Изд-во АН СССР, 1932. — С.7—25.
452. *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1990.
453. *Хусайнов Г.Б.* Шеджере как историко-литературный памятник // Башкирские шежере (Филологические исследования и публикации). — Уфа, 1985. — С.3—22.
454. *Холмогоровы В.и Г.* Материалы для истории, статистики и археологии г.Темникова и его уезда 17—18 столетий (Темниковская десятина) — Тамбов, 1890.
455. *Хохряков В.* Материалы для истории г.Пензы // Труды Пензенской УАК. — кн.1. — Пенза, 1903. — С.1—64.
456. *Христофоров П.Я.* О старинных рукописях в Симбирской Карамзинской библиотеке // Труды четвертого археологического съезда в России. — т.II. — Казань, 1891. — С.27—42.
457. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Евро-

- пейской России, составленный под руководством П.Кеппена. — Спб., 1861.
458. *Халиков А.Х.* Татар халкының килеп чыгышы. — Казан, 1974.
459. *Хөсәенов Г.* Үсәргән ырыуы шәжәрәһе // Башкирские шежере (Филологические исследования и публикации). — Уфа: БФ АН СССР, 1985. — 54—60 бб.
460. Царская грамота 1616 г. // Известия ТУАК. — Вып.42. — Тамбов, 1897. — С.128—130.
461. *Чекалин Ф.Ф.* Два архивных документа к истории сторожевых укреплений в пределах Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости, 1890, №73.
462. *Чекалин Б.Ф.* Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам // Труды восьмого археологического съезда в Москве. — т. III. — М., 1897. — С.65—74.
463. *Чекалин Ф.Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. — Саратов, 1892.
464. *Черменский П.Н.* Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Известия ТУАК. — Вып.54. — Тамбов, 1911.
465. *Черменский П.Н.* Наступление на мордву // Тамбовское общество изучения природы и культуры местного края. — №3. — Тамбов, 1928. — С.58—66.
466. *Черменский П.Н.* Некоторые спорные вопросы исторической географии Рязанщины // История СССР, 1959, №2. — С.172—174.
467. *Черменский П.Н.* Материалы по исторической географии Мещеры // Археграфический ежегодник за 1960 год. — М., 1962. — С.43—57.
468. *Черменский П.Н.* Народ буртасы по известиям восточных писателей и данным топонимики // Историческая география России. — Сб.83. Вопросы географии. — М., 1970. — С.83—95.
469. *Чернышев Е.И.* Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — Рига, 1963. — С.170—183.
470. *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Археология и этнография Татарии. — Вып. I. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С.272—292.
471. *Чехович К.* Деревня Зиянчурино Орского уезда Оренбургской губ. // Известия ОРГО. — Вып.7. — Оренбург, 1985. — С.1—42.
472. *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. — Л.: Наука, 1986.
473. Чура батыр. Татар халык дастаны // Идел, 1993, № 6. — 10—22 бб.
474. Чура батыр хикәйте // Татар халык ижаты. Дастаннар. — Казан, 1984. — 108—119 бб.
475. *Шарипова Э.Я.* Башкирские шежере из Рукописного фонда ИИЯЛ БФ АН СССР // Письменные памятники Башкирии (Историко-филологические исследования). — Уфа, 1982. — С.139—141.
476. *Шарифуллина Ф.* Касимовские татары. — Казань, 1994.
477. *Шерефи Х.* Зафер наме-и Вилайет-и Казан // Гасырлар авызы. Эхо веков, 1995, май. — с.83—92.
478. *Шишкин Н.И.* История г.Касимова с древнейших времен. — Рязань, 1891.
479. *Шишонко Вас.* Пермская летопись. I период (1263—1613 гг.). — Пермь, 1881; II период (1613—1645 гг.). — Пермь, 1882; III период (1645—1676 гг.). — Пермь, 1884; IV период (1676—1682 гг.). — Пермь, 1884.
480. *Штейнфельд Н.П.* Малмыжские татары, их быт и современное положение // Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1894 г. — Вятка, 1893. — С.228—320.
481. *Шумаков С.* Материалы для истории Рязанского края. — Вып. I. Обзор рязанских актов 1356—1757 гг. — Рязань, 1898.

482. Шора батыр // Ногай халик йырлары. — М.: Наука, 1969. — 67—81 бб.
483. Шора // Батырлар жыры. — Т.5. Кыргызнын кырык батыры (Мурын жураудан жазылган муралар). — Алматы: Жазушы, 1989. — 337 бб.
484. *Щербатов М.* История Российской от древнейших времен. — т.5, ч.1. Выписка из древних грамот. Дела ногайские. — Спб., 1786.
485. Этнографические материалы, собранные и переведенные А.А.Диваевым // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. — Т.IV. — Ташкент, 1895. — С.1—88.
486. *Юсупов Г.В.* Об этногенезе башкир // Конференция по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. — Тез. докл. — М., 1956. — С.60—61.
487. *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М.-Л.: Изд-во в АН СССР, 1960.
488. *Юсупов Г.В.* Болгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Археология и этнография Татарии. — Вып.1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С.217—231.
489. *Юсупов Ф.Ю.* Фонетические особенности говора татар Свердловской области // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1982. — С.43—50.
490. *Яхонтов Ст.* Переписная книга по г.Касимову за 1646 г. (7154 г) // Труды РУАК. — Т.6, № 1. — Рязань, 1891. — С.5—10.
491. *Яхин А.Г., Бакиров М.Х.* Фольклор жанрларын система итеп тикшеру тәҗрибәсе (Мәзәкләр, бәетләр). — Казан, 1979.

II. Литература на английском языке.

496. *Bregel Iuri.* Tribal tradition and dynastic history // Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Society. — vol.16, 1982. — p.p.357—398.
497. *Frank A.* The Siberian Chronicles and the Taybughid Biys of Sibir'. Papers on Inner Asia. — N 27. — Bloomington, Indiana: Indiana university research institute for Inner Asian studies, 1994.
498. *Fisher A.* The Crimean Tatars. — Hoove ins. press. St.university, Stanford, California, 1978.
499. *Golden Peter B.* Khazar studies. An historica-philological inquiry into the origins of the Khazars. — v.2. — Budapest, 1980 (Biblioteca orientalis Hungarica. XXV—2).
500. *Golden Peter B.* The polovci Dikii // Harvard Ukranian studies. — vol.III—IV, part 1. 1979—1980. — p.p.296—306 (перевод на рус. яз.: *Голден Питер Б.* Половцы дикие // Tatarica, 1997/98, N 1 (зима). — С.13—25).
501. *Golden Peter B.* Cumanica II: The olberli (olperli): The Fortunes and misfortunes of inner Asian clan // Archivum Eurasiae medii aevi. — vol.6, 1986. — p.p.5—30.
502. *Inalchik H.* The Khan and tribal aristocracy: The Crimean Khanat under Sahib Girai // Harvard Ukranian Studies. — vol.2—4, part 1, 1979—1980. — p.p.445—466.
503. *Ishboldin B.* Essays on Tatar history. — New Delhi: New book society of India, 1963.
504. *Manz Beatrice F.* The clans of Crimean Khanat. 1466—1532 // Harvard Ukranian Studies. — vol.2, 3, 1987. — p.p.282—309.
505. *Mandoky Kongur Istvan.* The question of identifying the Hungarian tribal name jeno the bashkir ethnonim yanay // Acta Orientalia Scientiarum Hung. — t.XLII,

1988. — p.p.43—48.

506. *Paksoy H.B.* Chora Batir: A Tatar Admonition to Future Generations // Studies in Comparative Communism, 1986, vol.19, N 3—4. — p.p.252—265.

507. *Pelenski J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438—1560-s). — The Hague. Paris: Mouton, 1974.

508. *Schamiloglu U.* The qarachi beys of the Later Golden Horde: Notes on the organization of the Mongol world empire // Archivum Eurasiae mediaevae. — 1984. — p.p.283—291.

509. *Schamiloglu U.* The Umdet ul — ahbar and the turkic narrative sources for the Golden Horde // Central Asian monuments. Ed. by Hasan B. Paksoy. — Istanbul, 1992. — p.p.81—93 (off print).

510. *Schamiloglu U.* Tribal politics and social organization in the Golden Horde. — Columbia university, 1986 (Ph. D., History).

511. *Schamiloglu U.* The Golden Horde: economy, society and civilization in Western Eurasia. 13-th—14-th centuries (1994).

512. *Tardy J.* A contribution to the Cartography of the Central and Lower Volga Region // Chuvash studies. Ed. by Andras Rona-Tas. — Budapest: Akademiai Kiado, 1982.

513. *Vasary I.* The Golden Horde term daruga and its survival in Russia // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae. — T.XXX (2), 1976. — p.p.187—197.

514. *Vasary I.* The origin the institution of basmaq // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae. — T.XXXII (2), 1978. — p.p.201—206.

515. *Vasary I.* The Hungarians or Možars and Mečšers/Mišers of the Middle Volga region. — Lisse: The Peter de Ridder press. — 1976.

Содержание

Введение	3
Раздел I. ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ КАЗАНСКИХ ТАТАР В XV—XVII вв.	11
Глава 1. Административно-политическое устройство Казанского ханства в XV—XVI вв.	14
§ 1. Ногайская даруга.	16
§ 2. Арская даруга.	31
§ 3. Галицкая даруга.	42
§ 4. Алатская даруга.	56
§ 5. Зюрейская даруга.	58
Глава 2. Этносословная структура татар в Казанском ханстве и в Казанском крае до середины XVII в.	61
§ 1. Татары как ядро феодального сословия в ханстве.	61
§ 2. “Черный люд” казанских татар (проблема “ясачных чувашей”).	80
§ 3. Этнос казанских татар: миф или реальность?	102
Раздел II. ОТ КАЗАНСКИХ К ВОЛГО-УРАЛЬСКИМ ТАТАРАМ: В ПОИСКАХ СЛАГАЕМЫХ ЭВОЛЮЦИИ ЭТНОСА В XV—XVII вв.	111
Глава 1. Роль приуральского населения при формировании этноса волго-уральских татар.	113
§ 1. “Остяцкая земля”: локализация и этническая принадлежность населения в XV—XVII вв.	114
§ 2. Территория и этнический состав населения закамской части Ногайской даруги в XV—XVII вв.	140
Глава 2. Мещерский “юрт” и его государствообразующий этнос в XV—XVII вв.	175
§ 1. Мещера как Мещерский “юрт” (границы, административно-территориальная структура, статус).	183
§ 2. Тюркское население Мещерского “юрта” в XV—XVII вв.: этнос и этнические компоненты.	212
Глава 3. Социально-политические и этнокультурные факторы становления этноса волго-уральских татар в XVI—XVII вв.	228
§ 1. Трансформация этносословной структуры татар Волго-Уральского региона в XVI—XVII вв.	229
§ 2. Этнос волго-уральских татар: кристаллизация этнокультурных особенностей.	241
Заключение	247
Список сокращений	251
Список использованных источников и литературы	252
Содержание	276

ИСХАКОВ Дамир Мавляевич

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТАТАР К ТАТАРАМ НОВОГО ВРЕМЕНИ
(этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV—XVII вв.)

Оригинал-макет, дизайн обложки *Д.Р.Сахабутдиновой*